

Наперегонки с Эхом

12+

Петр Лидский

Петр Владимирович Лидский

Наперегонки с Эхом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42240917

SelfPub; 2019

Аннотация

Два мальчика, ученики-волшебники, ввязываются в расследование загадочного убийства, однако одна загадка влечет за собой другую. Огромная опасность нависла над их родным городом, над всем миром. Волею судьбы герои попадают в компанию археологов-кадавров, которые раскапывают останки пещерного города в поисках древней мудрости. С их помощью друзья вступают в поединок с нахрапистым мировым злом. Удастся ли им победить и какой ценой? Литературный редактор: Лев Эйделькинд.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ	15
ГЛАВА ВТОРАЯ	46
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	92
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	143
ГЛАВА ПЯТАЯ	180
ГЛАВА ШЕСТАЯ	220
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	274
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	308
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	336
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	387
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	415
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	444
ЭПИЛОГ	482

ПРОЛОГ

Пантократор был прекрасен. Циклопическая фигура сидела, скрестив ноги и положив руки на колени ладонями вверх. От пальцев в разные стороны сверкающими нитями расходились тысячи астральных каналов, связывающих Строителей с их творением, а через него и друг с другом. Работа еще не была закончена: контур головы и высокий лоб уже угадывались в переплетении толстых тяжелой астрала, но глаза были закрыты.

Разум спал глубоким сном не родившегося ребенка, изредка отвечая всплесками на отголоски мыслей Строителей, когда те по какой-либо причине испытывали сильные чувства или слишком громко общались через соединявшие их каналы. Опыт и знания уже были собраны в нижней части исполинского туловища будущего божества. Новый опыт каждого Строителя немедленно поступал в этот архив через астральный канал. Великий сбор опыта и знаний продолжался уже сто шестьдесят восемь лет – столько времени ушло на создание мощной грудной клетки, шеи, головы. Каждому, кто хотел получить какие-нибудь сведения, следовало проникнуть частью своего сознания в архив, чтобы разыскать необходимое. Поиск нужного знания занимал много времени, поэтому частенько Строители обращались напрямую друг к другу, передавали вопрос по цепочке, обсуждали, шумели.

Вот уже которое десятилетие работа шла полным ходом, но только теперь с каждым днем становилась все отчетливее невероятная, не укладывающаяся в голове мысль: нынешнее поколение Строителей посмотрит в открытые глаза божества. Все сложности позади, расчеты сделаны, чертежи готовы и ждут своего воплощения в астрале. Конечно, любая магия такого рода требует огромного напряжения, энергии, времени, однако теперь нужно только читать чертежи и воплощать задуманное. Каждый день работа проще вчерашней, мозаика почти собрана, все меньше и меньше кусочков остается поставить на место. Раньше Строители проводили часок-другой вне транса, желая подкрепить силы и размять затекшие мышцы, однако теперь они считали это пустой тратой времени, ибо Пантократор заменил для них и прошлое, и настоящее, и будущее.

Даже снежные шапки на вершинах гор, которыми изобилывала их страна, больше не казались им такими величественными, как прежде. То, что было священным для их предков, теперь стало слежавшимися кучами воды, намерзшей на огромных каменных глыбах, бессмысленно торчащих из земли. Богом теперь был Разум. Им оставалось всего несколько лет, чтобы закончить начатое. Божество уже начало разбираться в их воспоминаниях; оно упорядочивало, сопоставляло и обобщало знания многих поколений. Полость груди Пантократора начала заполняться разреженной сетью новых связей, соединяющих воедино разрозненные осколки

знания. Строители гадали: сможет ли божественный Разум воскресить умерших, чьи воспоминания до сего дня сохраняются в основании колосса? Как быстро выйдет он за пределы доступного им знания и достигнет таких глубин премудрости, которые они и представить себе не могли?

Болид заметили быстро. Новая звездочка зажглась в созвездии Монаха, становясь все ярче с каждой ночью. Строители умели наблюдать за небесными светилами, и им не составило труда понять, что одна из огромных металлических глыб, бороздящих Необъятную Пустоту возле далекого красного кружочка Хапсати, теперь сорвалась со своей орбиты и несется прямо на них. Снова и снова проверяли они расчеты, которые не оставляли места для сомнений: столкновения не избежать. Горы помогут смягчить удар, они всегда помогали им, но эта глыба так велика и мчится так быстро...

Строительство Пантократора остановили – все силы были брошены на уничтожение болида. Драгоценные часы были потрачены на создание орудия, из которого предстояло произвести один-единственный выстрел. Вся энергия страны накапливалась в резервуарах, Пантократору же доставалось ровно столько, сколько требовалось для поддержания его жизни. Уже тогда появились первые основания для подозрений: что-то не сходилось в балансе энергии, как будто ее было несколько больше, чем раньше. Однако разница была не столь существенна, и этому не придали значения – все до одного были заняты созданием и наведением орудия. Бо-

жество проявляло беспокойство: ему еще ни разу не приходилось голодать. Хотя оно и не было способно испытывать страх, ему все же было свойственно давать оценку фактам и событиям. Теперь Пантократор исполнился отрицания, оно расплзлось по астральным каналам и отвлекало Строителей, занятых спасением своей страны. Они пытались игнорировать его как бесконечный плач младенца, что-то уже понимающего, но еще не способного ничего объяснить. Чтобы лучше сосредоточиться на создании орудия, многие Строители оборвали астральные каналы.

Болид тем временем приблизился настолько, что стал размером с Луну. Медлить было нельзя. Шлюзы резервуаров открылись, энергия хлынула мощным потоком в приемный желоб. Астральные помехи нарастали с каждой секундой. Трое Строителей, наиболее сведущих в астрономии, навели орудие. Все, кроме тех, кто должен был совершить выстрел, вышли из транса. Покинув свои ниши, смотрели они, как в утреннем небе растет блестящий, словно черная жемчужина, диск болида. Земля под ногами мелко задрожала. С горы, той, что стояла напротив их городка, с громopodobным шумом покатались камни. Ударяясь о склон, они летели на дно ущелья и раскалывались, поднимая тучи пыли. Грохот усиливался. Медленно, едва заметно, пополз ледник.

Орудие существовало лишь в Астрале, поэтому прятаться не имело никакого смысла. Земля вдруг перестала дрожать, только растревоженная лавина продолжала ворочать

камни по склону. Болид раскололся на четыре неравные части. Словно рисуя след совы на снегу, разлетались они теперь по глубокому синему небу. И с появлением этой совиной лапки страх покинул сердца Строителей. Все разом опустили они глаза и посмотрели друг на друга. Десятилетия, проведенные в пучине Астрала, отучили их говорить. Промолчали они и теперь – все было понятно без слов. Неторопливо возвращались они к своим нишам, укрывались одеялами, скрещивали ноги и, раскачиваясь, уходили обратно в свой волшебный сон под убаюкивающий перебор далекой лавины.

Последний из Строителей был уже в глубоком трансе, когда земля чуть заметно дрогнула от далекого удара: совиный коготь все же царапнул степь где-то на севере, за грядями хребтов и провалами ущелий. Солнце в тот день сделалось красным от пыли и оставалось таким всю зиму, всю весну и почти все лето.

Впрочем, Строителям не суждено было этого увидеть. В Астрале все еще бушевала небывалая буря. Пантократор метался в панике, они чувствовали биение его сознания. Сгустки энергии, высвобождаясь из оборванных каналов, разрывались разрушительными всполохами, порой достигавшими самой поверхности Астрала, того удивительного участка, где он переходит в реальность. Эта зона так давно была закрыта для любого вмешательства, что Строители даже растерялись.

Тем временем страшная находка ждала их – те трое, кто приводил орудие в действие, были мертвы: неведомая сила выжгла их астральные тела. Десятки каналов потянулись к недостроенной фигуре божества, их концы привычно коснулись пальцев его открытых ладоней. Затем еще два десятка, еще и еще. Поток безумия и страха захлестнул головы Строителей. Но и это еще не все: в правой части груди Пантократора дрожал, увеличиваясь с каждой минутой, какой-то плотный клубок каналов, поначалу совсем крохотный, но пожирающий фантастически много энергии. Сгусток вдруг перестал расти, застыл, и тогда колоссальной силы разряд прошел по рукам фигуры, через пальцы и нити. Свет Разума померк для Строителей навсегда. Их тела так и остались лежать в своих нишах, укрытые одеялами, в поселении, на обдуваемом холодными ветрами склоне, затерянном где-то в сердце пустынной горной страны. Избежавших смерти было двадцать семь. Десять человек не успели коснуться Пантократора, еще семнадцать оборвали связи, вовремя заподозрив неладное. В ужасе метались они, стремясь избежать гибели от всполохов энергии. Внутри фигуры тоже были заметны вспышки – казалось, что там воцарился хаос. Основание фигуры озарялось изнутри, сначала редкими огнями, потом их становилось все больше, и наконец они слились в сплошное марево. Знания и память Строителей, копившиеся на протяжении жизни многих поколений, сторают за считанные мгновения.

Справившись с первым приступом страха, немногие выжившие собрались на безопасном расстоянии от загадочного источника бушующей стихии. Астральные каналы с дрожью потянулись друг к другу, образуя крохотную неровную сферу – все, что осталось от великого народа. В центре сферы расположился самый опытный из выживших – навигатор До-Ру-Шо.

– Как сумели мы создать такого демона?! – вопрошал он.

– Ему страшно, – возразил один из Строителей, – голод и страх разложили его.

– Он еще недостаточно разумен, чтобы отличать добро от зла, – заметила юная Пу-Ци-Хи.

– Смотрите, один канал не разрушен, – сказал кто-то.

И точно, одна сверкающая нить все еще пульсировала среди разрывов энергии. Был еще один выживший. Станным казалось то, что канал соединялся не с пальцем Пантократора, а вел прямо к груди, вращая в нее прямо там, где виднелся странный сгусток. Пантократор, очевидно, не пытался выжечь этого Строителя. Медленно начали они подбираться к тому месту, где должен был находиться загадочным образом уцелевший человек.

– Смотрите, – снова тихо сказал кто-то.

Голова Пантократора раскрыла рот в беззвучном крике. Не раскрывая глаз, она отделилась от шеи и, вращаясь, медленно поплыла в сторону. Работа стольких лет рушилась теперь как ледник под лучами весеннего солнца.

– Безумец убил себя, – начал кто-то, но вдруг всполох энергии ударил в покинувшую тело голову. Только теперь они поняли, что в недрах фигуры все это время шла борьба. Пантократор проиграл, но не сдался. Еще один всполох ударил в голову. Они бросились к тому, последнему, выжившему. Двадцать семь каналов вонзились в его астральную оболочку и принялись рвать ее на части.

Застать противника врасплох им не удалось – оболочка была пуста, и им пришлось быстро оторваться от нее: разряд, прошедший по астральному каналу из груди обезглавленной фигуры Пантократора, грозил испепелить их вместе с бывшим астральным телом злодея. Однако теперь они знали его имя. Это был Ау Фе Са, ничем не примечательный Строитель.

Занимался он распределением астральной энергии, проводил каналы, создавал резервуары, клапаны и шлюзы. Работа важная, но простая: за последние полвека это ремесло почти не изменилось. Еще Ау-Фе-Са был одним из последних, кто общался с варварами. Поскольку материальные тела Строителей тоже требовали кое-какой подпитки, раз в неделю несколько человек, наспех нагрузив мулов *зачарованными* инструментами, безделушками и всякой всячиной, отправлялись в долину, откуда варвары привозили им свои лепешки, орехи, сушеные финики и круги соленого сыра.

Строители были могущественны и могли бы забирать силой то немногое, что им было нужно, однако считали, что на

это уйдет слишком много времени и сил. Поэтому каждую неделю в городок заходил караван мулов и низкорослых двугорбых верблюдов, груженных провизией и самыми обычными, *незачарованными*, изделиями низинных ремесленников, которые ровно через неделю предстояло обратить в сокровища. Заскорузлые, угрюмые погонщики торопливо разгружали своих животных, с опаской поглядывая на возлежащие в нишах неподвижные тела: им они казались мертвыми.

– Это он направил на нас болид, – сказал До-Ру-Шо. – Он мог тайно запастись достаточно энергии для этого.

– Но зачем?! – спросил кто-то. Этот вопрос остался без ответа.

– Сейчас он разделается с Пантократором, а потом убьет нас, как убил остальных, – с тревогой произнес молодой То-Ба-Ял.

– Нам придется уйти, – заключил навигатор.

– Куда? – спросил То-Ба-Ял.

– В глубины мироздания, в пучину Астрала. Туда он не сможет последовать за нами, потому что не знает дорогу. Из живущих, теперь ее знаю лишь я.

– Он обладает всеми знаниями Строителей, – возразила Пу-Ци-Хи.

– Ты видела разряды в основании фигуры? Когда Пантократор понял, что не в силах победить, он уничтожил архив наших знаний, чтобы они не попали в руки злодея.

– Значит, мы навсегда покинем наши земные тела? – спро-

сил То-Ба-Ял.

– Да, мы должны выбирать между смертью и уходом в глубины.

– Смотрите! – вдруг воскликнул кто-то. Сперва никто не понял, куда он показывает. Приглядевшись же, сквозь толщу астрального пространства они увидели на огромной прекрасной шее, некогда принадлежавшей так и не рожденному божеству, какой-то пупырышек, размером с крупную бородавку. Им пришлось прибегнуть к некоторым ухищрениям, чтобы разглядеть в этом наросте голову Ау Фе Са, выполненную не без портретного сходства. Лицо его выражало высокомерное презрение, а на затылке красовалась причудливая шапка, наподобие тех, которые носят вожаки варварских стай.

– Он хочет править варварами! – прокатилось среди Строителей. Их народ давно уже изжил в себе примитивное стремление к власти, и то, что открылось им относительно замысла Ау-Фе-Са, произвело на них такое же впечатление, какое могла произвести встреча с человеком, имеющим от рождения хвост или лицо, покрытое волосами. Этот человек вынашивал свой безумный план, вероятно, всю свою жизнь, оберегал его, как самка паука охраняет свой кокон. Ради уродливого и глупого стремления к владычеству, он уничтожил свой собственный народ и его мечту о божественном Разуме. Мысли эти ледяными искрами проносились в умах двадцати семи. Но теперь они знали, что нужно делать. Раз-

рушив свою сеть, они закружились в безумном танце вокруг сверкающей молниями фигуры. Кому-то удалось перебить заслонку энергетического шлюза, и судорожные проблески молний заиграли в районе правого предплечья.

Ау-Фе-Са пытался жечь врагов всполохами своего огня – одним, другим, третьим. Он обладал колоссальной мощностью, но не был привычен к огромной астральной оболочке, а потому действовал слишком медленно. Отвлечшись на тех, кто носился в опасной близости от резервуаров с энергией, он не заметил, что астральная воронка затягивает в глубину обломки головы Пантократора. Когда же он понял это, было поздно – двадцать семь выживших Строителей уже устремились туда, где они смогут воссоздать разрушенное – восстановить честь и славу своего народа. Им не суждено вернуться к своим физическим оболочкам: их тела останутся замерзшими мумиями в заброшенном горном городке. Им не придется снова видеть горные вершины и слышать грохот обвалов. Но пока жива мечта, они остаются Строителями. Они уходят, но лишь для того, чтобы вернуться и одержать верх. Не ясно, как и не ясно, когда, но победа будет за ними – в этом не может быть сомнений. На их стороне знание и правда, а правда всегда побеждает. Но на это потребуется время. А как же бедные варвары? Ну что же, им придется потерпеть. Строители помогут и варварам. Позже.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Со скрипом отвалив разохшуюся дверь, Авик окинул быстрым взглядом все свое нехитрое хозяйство. Затем, набрав полную грудь весеннего воздуха, он запрыгал босыми ногами по обжигающе холодной мартовской росе. Дорожка, ведущая к сараям, была слишком слякотна, поэтому приходилось пробираться вдоль кустов шиповника, избегая разбросанных под ними засохших веточек. Земля, еще хранившая зимний холод, щипала пятки так, что добежав до курятника, он совершенно проснулся. Под стоящим на деревянных колодах сарайчиком масляно поблескивала большая темная лужа. Чтобы не замараться пометом, Авик натянул на замерзшие ступни грязные плетеные туфли. Он резко откинул створку и просунул голову внутрь, чем вызвал шквал возмущенного кудахтанья проснувшихся насекомых. Узнав хозяина, птицы успокоились и гурьбой направились к кормушке. Убедившись в том, что проса вдоволь, он приоткрыл запертую на крючок дверцу в маленький огороженный палисадник. В ту же секунду, нервно откидывая назад головы на тонких шеях, две птицы выбежали наружу, вероятно, опасаясь того, что другие смогут опередить их. Авик выплеснул курам содержимое грубой глиняной поилки, затем вычислил опытным глазом белеющее в соломе свежеснесенное яйцо и отправился за водой к колодцу. Прыгая по двору с ведерком,

он неожиданно обнаружил, что дверь на сеновал не заперта на задвижку. Взявшись одной рукой за деревянную щеколду, он собрался было запереть ее, но зачем-то заглянул внутрь и замер.

Из копны сена на него глядели две худощавые ступни, торчащие из размотавшихся онучей. Пока Авик удивленно вглядывался в эту картину, одна ступня успела задумчиво почесать другую довольно длинным и не очень чистым ногтем. Тем временем глаза его привыкли к полутьме, и тогда в глубине амбара обнаружилась наполовину засыпанная сеном белобрысая голова, а кроме того, стало очевидным наличие как минимум одной вальяжно откинутой руки. Поставив поилку, Авик поднял с земли покрытый росой прутик, и стряхнул холодные капли на ничего не подозревающие пятки. Незванные гости немедленно скрылись в сене, и как бы подтверждая свою связь с ними, рука вползла куда-то в недра копны, а голова обиженно забормотала и нехотя разлепила один глаз.

– А-а, вот и ты. Доброе утро! – произнесла голова, открыв второй глаз. Затем из-под сена вновь появились пятки и две длинные руки, которые, впрочем, более не претендовали на независимость, оказавшись частями тела долговязого юноши, который, легко выпрямившись, слез с копны и теперь переминался с ноги на ногу, отряхивая застрявшие в волосах соломинки.

– Ух ты, Хура! Что ты тут делаешь? – обрадовался Авик.

– По делам из города прислали – ответил гость, затягивая длиннополую робу изящным шелковым поясом.

– Что же это за дела у тебя на моем сеновале? – удивился Авик. Хура нетерпеливо махнул рукой.

– Глубокой ночью уже добрался, решил тебя не будить. Думал, вдруг это вообще не твой дом окажется, а если я хозяев разбуджу, то они только разозлятся и ночевать меня не пустят. Совсем темно было, – простодушно объяснил Хура, потягиваясь. – Прости, что не предупредил, но у тебя ведь даже *живого окна* нет.

– Не обзавелся пока, – признал Авик, – но ты зря волновался, тут, на хуторах, народ не злой. Поднимемся в дом, позавтракаем? У меня как раз окорок завалялся.

Через несколько минут приятели уже уплетали за обе щеки яичницу со свиной, помогая себе кусками ржаного хлеба.

– Чем ты сейчас занимаешься? – спросил Хура.

– Да вот, дом бабушкин поправил, крышу переложил, хлев чиню – скотину хочу завести. Так что за дела у тебя в нашей глуши? – вспомнил про свой вопрос Авик.

– У твоих соседей несчастье, помер кто-то. Следопытам зачем-то понадобился маг для осмотра тела. Это только вчера случилось, так что это пока все, что я могу сказать. Хочешь, пойдем со мной, там наверняка твоя помощь понадобится. Если не мне, то... ну, сам понимаешь. Ну и поговорим по дороге, я тебе последние новости расскажу.

– Я схожу с тобой, пожалуй. Сейчас, только кур сначала запру, а то хорей в округе последнее время развелось. Вернувшись со двора, Авик скинул крестьянскую сорочку, облачился в длиннополую робу мага, перепоясался и натянул сапоги.

Солнце слепило глаза сквозь кроны деревьев, когда путники, весело болтая, миновали лесную опушку, пересекли торговый тракт и подошли к резным воротам большого хутора. Два молоденьких деревенских стражника изнывали от скуки возле коновязи. Окосевший после зимней спячки суслик глазел на них с безопасного расстояния, взобравшись на кочку, покрытую желтой сухой травой. Чтобы хоть как-то развлечь себя, стражники вяло метали в него ягоды прошлогодней рябины. Зверек отвечал им свистом, отбегал, но затем возвращался обратно на свой наблюдательный пункт. Три казенные лошадки лениво паслись чуть поодаль.

– Вы для осмотра прибыли? – поинтересовался один из стражников, робея при виде магов, – грамоты у вас при себе?

Хура торжественно открыл заплечный мешок и протянул стражнику грамоту.

– Ааа... вот?.. – спросил тот, указывая глазами на Авика.

– Его Мудрейшество предпочитает действовать инкогнито, – таинственным полупшепотом ответил Хура. Авик чуть заметно кивнул головой и значительно прикрыл глаза. Стражник, конечно, узнал Авика (да и как было не узнать) и прекрасно понимал, что никаким городским магом Авик не

является. Однако, получив столь интригующий ответ и испытывая смущение перед городским гостем и его грамотой, он изобразил что-то вроде поклона с пируэтом, чуть не стукнув при этом ножами о коновязь. Затем все трое проследовали внутрь ворот.

Оставив застенчивого стражника на крыльце, друзья, с усилием сдерживая смех, вошли в дом. Впрочем, стоило им переступить порог, как веселье само улетучилось. Это было безмолвное жилище, замершее и тихое, словно напуганный кролик, затаившийся на краю луговины. Усопший лежал на лавке в просторной горнице. Из-под покрывавшей его простыни виднелись только ноги в изорванных в клочья кожаных сапогах. На той же лавке, сгорбившись, сидела женщина в крестьянской одежде. Из-под пестрого платка выбивались растрепанные седые волосы. У занавешенного окна, повернувшись лицом к комнате, стоял невысокого роста человек. Даже встав на цыпочки, он доставал бы лишь до плеча долговязого Хуры. В то же время он был коренаст и упитан. Когда он сделал два шага навстречу вошедшим, Авик обнаружил на его лице, черную с проседью стриженую бородку, скрывающую скошенный назад подбородок, и два крупных, косящих в разные стороны, темных и очень подвижных глаза.

– Очень рад, очень рад. Наконец-то! – поприветствовал он магов приглушенным голосом. – Ну что же, приступим? Сперва я должен ознакомить вас с обстоятельствами. Итак,

в общем, покойный, – с этими словами он покосился на вдову, в середине зимы отправился на заработки. Несколько месяцев от него не было никаких сведений, а теперь вот... – тут он энергично кивнул в сторону мертвеца. – На теле присутствуют явные следы применения магии, вероятнее всего, неизвестной и перманентной, а это, как вы знаете, строжайше запрещено во всех владениях княжества. Последнее такое преступление было совершено еще до изгнания племени Черных Куниц.

Сыщик перевел дух. Его глаза горели восторгом охотничьей собаки, нашедшей медвежью кучу.

– Предлагаю начать осмотр. – Он встал у изголовья и протянул было руку, чтобы отвернуть простыню, но тут же отдернул ее. – Я прошу прощения, – сказал он, немного помявшись, – не хочу показаться невежливым по отношению к ученым людям, однако почему вас двое? Наставник, с которым я вчера имел честь беседовать, обещал прислать только одного послушника. Могу я видеть ваши грамоты?

Еще через секунду он беседовал с Хурой, деловито придвинувшись и поглядывая на Авика то одним, то другим косым глазом.

И где же его грамота? Ах, он сосед. Но почему он одет в робу с шелковым поясом? Ах, он изучает магию? Ах, он изучал ее раньше... Сыщик сделал паузу. Его глаза остановились, и теперь, казалось, смотрели куда-то в углы комнаты по обеим сторонам от покрасневшего Авика.

– Это я позвал Авика, он будет мне помогать, – сказал Хура неуверенно.

– Здравствуй, Авик, хорошо, что ты пришел, – медленно произнесла женщина, поднимая глаза, – может быть, тебя и твоего друга надо накормить?

– Спасибо, тетюшка Диса, мы недавно позавтракали, – ответил Авик. – Мне очень жаль, – он кивнул головой в сторону тела.

Сыщик слушал их, недовольно поджав губы. В его косых глазах не убавилось подозрительности. Он как будто разрывался между намерением провести немедленный осмотр тела и желанием подвергнуть дальнейшему допросу уже и так вспотевшего юношу.

– В таком случае я попрошу вас подождать снаружи, – произнес он, но тут же передумал. – А впрочем, нет, напротив, я настаиваю, чтобы вы присутствовали при осмотре, раз это поможет господину послушнику, – и, вперив в Авика свой левый глаз, он попытался изобразить улыбку, обнажив желтые неровные зубы.

– Итак, приступим, – продолжал сыщик, снимая простыню с тела.

Авик и Хура отшатнулись назад. Трупные пятна уже проступили на лице и руках покойника, на месте рта чернел огромный сгусток спекшейся крови. Обнаженный торс местами обгорел и даже обуглился. Выждав минутку, чтобы побелевшие от страха юноши пришли в себя, сыщик сперва об-

ратил их внимание на волосы на лице и руках покойника.

– По словам родных, при жизни они никогда не были так густы.

Сами волоски стали необычно волнисты и неравномерно окрашены. На каждом волоске – по три белых полоски, которые перемежаются с черными. Затем перешли к зубам, которые почему-то приобрели коническую форму. Фаланги пальцев покойного были укорочены, а ногти почернели и заострились.

– Посмотрите на эти ладони. При жизни он, конечно, не был белоручкой, но таких мозолей нет, наверное, даже у галерных гребцов. Надеюсь, вы согласитесь, что оснований подозревать применение перманентной магии более чем достаточно, – произнес следопыт с трагической торжественностью.

Женщина всхлипнула. Сыщик на время прекратил разглагольствовать и снова поджал губы, изображая уголками рта скорбь и неловкость.

– Нам нужно открыть и изучить его Астральную Карту, – мягко сказал он ей, исподтишка разглядывая Авику. Женщина кивнула головой. – Вы должны сообщить этим ученым людям Тайное Имя вашего мужа. Помочь или навредить ему уже ничто не в состоянии, но мы сможем установить причину его смерти а, может быть, и найти виновных. – Произнося слово «виновных» он угрожающе нахмурил брови.

– Да, да, я все понимаю, – ответила женщина бесцветным

голосом, – его звали Сутур Беклейарац.

Сыщик деловито повернулся к Хуре. Тот уже достал из заплечного мешка дощечку из слоновой кости и мешочек с рунами. Встав на одно колено и расположив дощечку на скамье, мальчик принялся раскладывать на ней руны. Закончив, он провел над картой руками. Потом он закрыл глаза и затих. Минута прошла в ожидании, за ней – вторая. Ничего не произошло.

– Карта не открывается, – наконец сказал он. – Сутур Беклейарац, Сутур Беклейарац, Сутур... – принялся бормотать Хура, перепроверя снова и снова костяные квадратик. – Руны составлены правильно, значит что-то не так с Именем.

– Сорок лет, – ответила женщина, прикрыв глаза, – сорок долгих лет! Я не могу ошибаться.

Сыщик открыл рот, но не найдя что сказать, тут же закрыл его и помрачнел.

– Возможно, что разложение зашло уже слишком далеко и Астральная Карта частично разрушена, – засомневался Хура. – Мы можем изучить внешний край его карты при помощи *сутр Минаса и Себя*. Перманентное заклинание наверняка расположено где-то на внешнем крае карты, и если нам повезет, его еще удастся установить.

Он вытащил небольшой фолиант, раскрыл его на нужной главе и кивком головы подозвал приятеля:

– Как сутры читать, помнишь?

Авик с сомнением покачал головой.

– Да ничего сложного нет, – быстро сказал Хура, тыча пальцем в страницу – вот раздел для двух магов, ты будешь читать правый столбец, я – левый. Давай, начинай с первой.

Авик прочитал сутру, а Хура тут же ловко перевернул деревянный прямоугольник с врезанным в него набором песочных часов разного размера. Они сосредоточенно следили за тем, как падал песок. Как только астральное эхо колыхнулось где-то между затылком и позвоночником, Авик положил часы на бок, так что песок перестал сыпаться.

– Вот видишь, ты везучий, – объявил Хура, – тринадцать сет. Комбинация Рош-Сул на внешнем крае есть. Одинарное было эхо?

Авик кивнул. Хура достал чистый лист пергамента, разлиновал таблицу и поставил точку в нужной клетке.

– Проходим двойные комбинации рун, а потом для тех, что найдем, проверяем тройные, ясно? – скомандовал Хура. Авик снова кивнул, и они принялись читать сутры. В горнице повисла напряженная тишина, прерываемая лишь сосредоточенным сопением Хуры и шуршанием песочных часов. Авик тоже сел на колени и бесшумно читал сутры, слушал астральное эхо, чертил на куске пергамента руны, снова читал, слушал, чертил, чертил и чертил.

Авик думал об Астральных Картах. Карта напоминает срез луковицы. В центре ее располагается Тайное Имя человека, а к нему примыкают те перманентные чары или, ес-

ли хотите, Рунические Имена, которые чародеи наложили на него в детстве. Обычно они связаны с ростом и здоровьем. Потом на карте обычно располагаются чары, накладываемые в юношестве – они дают молодому человеку силу, ум, красоту. За ними следуют чары зрелости, помогающие стать умелым охотником или искусным ремесленником. На Астральных Картах крестьян можно было найти Рунические Имена, дающие способность понимать потребности растений, предсказывать погоду, или наделяющие навыками лечения скотины. В старости многие люди получают руны, улучшающее их зрение и самочувствие.

– В своей недавней речи Его Высокомогущество грандмаг Рамис Ацетус сравнил Астральную карту с годичными кольцами дерева, – в такт его мыслям зазвучал приглушенный голос сыщика. – Чем дольше живет человек, тем больше колец приобретает его Астральная Карта. – Сыщик выдержал эффектную паузу и продолжил, – Сколько все-таки мудрости в этих словах! Я был удостоен чести присутствовать при этом блистательном выступлении...

«Он болтает оттого, что ему стало скучно, или он решил что-то выведать у несчастной Дисы? – раздраженно думал Авик, не отрываясь от чтения очередной сутры и не поворачивая головы. – Приехал из города и думает, что он светоч. Не такие уж мы дикие на наших хуторах, чтобы нам пыль в глаза пускать». – Он попытался вновь сосредоточиться на черчении.

– Сейчас молодые люди исследуют внешний край с помощью временных заклинаний – донесся до него серьезный шепот, – Одно за другим они накладывают заклинания на короткий срок и смотрят, как скоро они отвалятся, если быстро – значит, такой комбинации рун на карте нет, если же, напротив, заклинание останется надолго...

– Не «они отвалятся», а «возвратится астральное эхо», – не выдержал Авик и повернулся к говорящему. Он хотел уже высказать приезжему следопыту все свои соображения по поводу мудрости и древесных колец, но застыл с открытым ртом: между сыщиком и вдовой на лавке сидела худенькая темноволосая девушка. Ее здоровый румянец на щеках и белая кожа лица контрастировали с темными кругами вокруг глаз и печальной складкой больших губ. Видимо, девушка проскользнула в горницу, пока Авик был погружен в черчение. «Надо же, Мавка стала такой красавицей!», – подумал он. Не выдержав взгляда Мавки, он смущенно перевел взгляд на сыщика. Брови разговорчивого следопыта на пару секунд встретились у переносицы, чтобы, немного побыв рядом друг с другом, вновь расползлись по местам.

– Простите моего невежества, сударь, – подобострастно забубнил сыщик, кося по сторонам и шлепая губами, – я всего лишь хотел рассказать этой юной особе, как продвигается расследование смерти ее бедного батюшки.

Авик вернулся к черчению. Сыщик продолжил что-то бубнить, но юноша больше не слушал его. Солнце уже по-

что садилось, когда чертеж был кое-как закончен. Они с Хурой сравнили получившиеся карты и свели все знаки воедино. Сыщик привел деревенского мага – сгорбленного тугого на ухо старика, и они втроем взялись за проверку заклинаний. Старик не отличался твердой памятью и не помнил собственной работы, поэтому недоверчивый Хура лазал по своим фолиантам почти за каждым незнакомым Руническим Именем. Только глубокой ночью, при свете зажженных магами холодных огней, работа была завершена. Друзья валились с ног от усталости и разочарования. Их усилия оказались напрасными. Все Имена на внешнем крае были обычными деревенскими чарами. Конечно, старик не помнил точного их расположения на карте несчастного Атрака, однако ни одно Имя не насторожило ни его, ни Хуру. В конце концов, зевая и потягиваясь, старый колдун вышел в сени, и через минуту оттуда донесся его свистящий храп. Сыщик нервно бегал из угла в угол, теребя бородку и вращая глазами. Обессилевшие маги перешли в избу и сели напротив печи. Темноволосая Мавка принесла им краюху хлеба, головку сыра и две кринки чуть теплого молока.

– Может, это укус оборотня? – предположил Авик, сонно пережевывая свою порцию и провожая взглядом Мавку.

– Укусы оборотней – тоже перманентная... – Хура уже не мог раскрыть слипающиеся глаза. – Мы бы не пропустили... – Через минуту он уже равномерно сопел, сидя на лавке. Авик перетащил его на полати, устроился рядом и тоже

успул, укравшись овечьими шкурами.

Ему снилась та солнечная осень, когда он с котомкой за плечами покинул родной хутор. В котомке лежала новенькая роба, которую он выменял у проезжего торговца, и шелковый пояс – перешитое бабушкино приданое. Бодро разгребая ногами сухие желтые листья, он двигался к тракту. Почти каждую минуту он оборачивался и махал бабушке рукой, чтобы она шла уже скорее в дом. Однако бабушка все стояла перед калиткой, глядя ему вслед, и от этого взгляда у него вставал ком в горле и хотелось плакать. Так он и ушел тогда – а когда вернулся, бабушки уже не было.

По деревенской привычке проснулся Авик на рассвете. Хура беспокойно ерзал всю ночь, но под утро утомился и чуть слышно бормотал что-то во сне. Сыщик по-солдатски похрапывал на лавке, – он спал, не сняв сапог и нахлобучив тяжелую меховую шапку, так, что из-под нее виднелись только его мясистый нос и борода.

Авик тихонько выскользнул из-под овчины, спрыгнул на пол и, прихватив свои сапоги, на цыпочках вышел наружу в рассветную полумглу. На крыльчке Мавка, ее мать и старичок-колдун завтракали перловой кашей из дымящего горшка. Отодвинув в сторону внушительных размеров крынку с медом, престарелый маг жестом пригласил Авика присоединиться к их трапезе.

– Ну што-ш ты не ужинал-то вчера? И как-ш это ш нашего Атрака-то так покалечили? – прошамкал он, выждав пока

Авик прожует одну-другую ложку каши. Тот в ответ лишь беспомощно пожал плечами.

– Ээх..., – потянул старик, – в старые-то времена, пока Куницы по лесам рыскали, тут бы весь цвет городской собрался, и стар и млад, вся Школа бы билась над этой чертовщиной, что на этом хуторе происходит, а сейчас – пришлали двух учеников желторотых, и вот на тебе...

Мавка ойкнула. Старик гневно замахал на нее руками. Чуть не подавившись горячей кашей, Авик быстро проглотил свою порцию и сбежал к колодцу, подальше от ворчливого старика. Скинув робу, он облился ледяной водицей, растер дубеющие лицо и плечи, протер глаза, подергал себя за уши. Посвежевший и повеселевший, он потопал обратно в дом будить Хуру, но только завернув за угол, нос к носу столкнулся с Мавкой. Ее просторное платье и волосы отсвечивали золотым ободком в лучах утреннего солнца. От этого она казалась еще тоньше и прозрачнее чем вчера, когда Авик увидел ее в первый раз.

– Послушай, Авик, – начала она задумчиво, – то, что случилось с папой, очень странно. Он пропал еще несколько месяцев назад, и мы почти уже смирились с утратой, но встретить его в лесу... в таком виде! Он умер совсем недавно – а что было с ним до этого? – У нее на глазах навернулись слезы, – Я хочу... мне очень важно знать, что с ним произошло на самом деле. Ты уверен, что вы сделали все, что могли?

– Я думаю, да... Но мы всего лишь ученики, – неуверенно

сказал Авик, – а когда за дело возьмется настоящий опытный волшебник, он обязательно поймет, что к чему.

Мавка повернула голову. На опустевшее крыльцо выкатился помятый и заспанный сыщик. От его вчерашнего возбуждения уже почти ничего не осталось. Потягиваясь, он продолжал говорить, обращаясь кому-то в доме: «Видите ли, применение перманентной магии – это, по сути, преступление против власти государя, почти что военная измена, тогда как умерщвление простолюдина, не будем преувеличивать, – это всего лишь банальное убийство. Само собой, оно должно расследоваться, но все же не силами городского следопыта. – Тут он сделал значительную паузу. – Так что этим займутся местные стражники: я распоряжусь, чтобы подобрали кого потолковее».

За ним в дверях показался такой же заспанный и помятый Хура. Подойдя ближе, он виноватым голосом обратился к Авику: «Этот человек хочет, чтобы вы в город с нами ехали, она как свидетель, а ты как ассистент... в общем – как мой ассистент». Авик для виду составил кислую физиономию, но не слишком усердствовал: ему почему-то вдруг захотелось поехать в город вместе с Хурой и Мавкой.

Через час они уже тряслись в тесной повозке, запряженной четверкой княжеских лошадей. На полу, зажатый длинными ногами Хуры, возвышался узел с «уликами», – так обозначил его содержимое сыщик. Сославшись на дела, он ускакал вперед на своей холеной кобыле, такой же коренастой и

упитанной, как и он сам. Один стражник сидел на козлах, другой – ехал на тощей кляче позади повозки.

Мавка, ни разу не покидавшая окрестностей своего родного хутора, нервно теребила непослушный кудрявый локон.

– А это, правда, могут быть Черные Куницы? – спросила вдруг она.

Авик напряг все свое соображение, чтобы дать ответ, достойный робы ученика волшебника, однако Хура опередил его.

– Черные Куницы – мохнатые лесные чудовища, – сообщил он, делая страшные глаза, – они живут на деревьях и ставят в лесу капканы, чтобы ловить в них людей. Они очень не любят, когда кто-то охотится в их владениях. А еще они воруют непослушных детей, забредающих слишком далеко в лес.

Мавка нахмурилась: такого рода сведения могла бы сообщить любая деревенская старуха. Девушка отвернулась и стала смотреть на плывущие мимо стволы деревьев. Хура предпринял несколько попыток возобновить разговор, но быстро сдался. Большую часть пути они проделали в молчании, прерываемом цоканьем возницы.

Когда пришло время привала, стражник управлявший повозкой, свернул с тракта на проселок и выехал на некошенный луг. Кони рысцой вбежали в желтый сухостой, доходивший им почти до самой груди. Когда трава зашуршала по днищу и навязла в колесах, повозка остановилась. Земля здесь была

кочковатой, и если приглядеться, между снопами пожухлых метелок виднелись чуть заметные, словно полосы зарастающих шрамов, просветы. Редкие кусты чертополоха, высотой почти в человеческий рост, величественно возносили свои почерневшие за зиму колючие шарики над светлым, чуть колышущимся на ветру, злаковым морем.

Стражники разнуздывали коней, а юноши соскочили на землю и вытоптали небольшую площадку. То и дело здесь попадались кочки и найти ровное место стоило большого труда. Мавка расстелила вместо скатерти свой платок и разложила на нем их скромный полдник, состоявший из репы, хлеба и яиц. Авик сбегал к ручью и принес несколько кружек воды.

Стражники неподалеку уже жевали свои харчи, присматривая за пасущимися лошадьми. Ребята принялись за еду, когда вдруг Мавка вскрикнула и вскочила: с того места, куда она в задумчивости выкрошила мякиш своей краюхи, бросился наутек какой-то темный комочек. Хура, издав воинственный вопль, устремился в погоню. В два прыжка он достиг края вытоптанной ими полянки и накрыл обеими ладонями зверька.

– Таинственный похититель крошек пойман, – провозгласил он голосом городского глашатая, – вообще-то, это обычная полевка, она еще и брыкается, – добавил он уже нормальным тоном. Держа свою пленницу зажатой в ладонях, он поднес ее к мавкиному лицу и немного растворил пальцы,

так что в щель между ними немедленно высунулись длинная мордочка и деловитая лапка.

– Я не боюсь мышей. – С улыбкой сказала Мавка. – Какая она симпатичная! Давай дадим ей хлебных крошек.

Хура был готов играть во все игры. Он посадил мышь в свой сапог, насыпал туда крошек и принялся строить шуточные планы о том, как он научит ее делать цирковые трюки и будет показывать за деньги в уличном балагане.

– Слушай, Хура, а почему у твоей мыши рожки? – спросил Авик, заглядывая в сапог. Он предполагал, что это очередной розыгрыш. Но Хура очень удивился.

– Какие еще рожки? – Мышь тут же была извлечена за хвост из сапога и подвергнута тщательному осмотру. Сомнений быть не могло – между ушами виднелись два маленьких роговых бугорка.

– Это ведь твоя работа? – переспросил Авик и объяснил Мавке, что установить мыши рога – это обычное упражнение, одно из первых в классе наложения чар и перманентной магии. Кишаус – Истинное Имя, обозначающее «рог», устанавливается на Астральную Карту мыши, и тогда у нее появляются такие бугорки.

– Странно, – говорил Хура, становясь все серьезнее. – Я этого не делал. – Он закинул мышь обратно в сапог и достал мешочек с рунами. Через минуту Карта полевки была раскрыта.

– Кишауса там уже нет, карта совершенно пуста, – озада-

ченно сказал он. – Как будто кто-то заколдовал эту мышь, а потом снял свои чары. Выросшие рожки остаются на какое-то время, а потом пропадают... – А как он узнал Тайное Имя этой полевки? – вполголоса спросила Мавка.

– У полевок одно имя на всех, Гушикаш, – ответил ей Авик. Услышав свое Имя, мышь занервничала и попыталась выскочить из сапога. – Это люди придумали давать друг другу различающиеся имена, которые защищают наши карты от вмешательства враждебных колдунов, так же, как замок защищает дом от воров. А у бедных мышек и других животных нет такой защиты. За исключением, конечно, боевых коней или, скажем, любимых собак, которых хозяева тоже хотят защитить от магии. Не зная их Имени почти невозможно раскрыть Карту. Поэтому-то Тайные Имена и следует держать в таком секрете, чтобы...

– Мы должны взять эту мышь с собой, – перебил его Хура.

– Ты поедешь в одном сапоге? – усмехнулся Авик.

– В кружку посажу, – без улыбки ответил тот.

Почти на закате, повозка вкатилась в ворота столичного города Хорива. Мавка во все глаза разглядывала могучие крепостные стены, глубокие рвы, черные от дегтя частоколы, резные терема ремесленников и роскошные каменные дворцы вельмож. На освещенных холодными огнями улицах уже заканчивалась торговля. То здесь, то там мелькали меховые шапки северян, тюрбаны и пестрые халаты жителей юга, покачивались в седлах степняки с лунообразными ли-

цами и жидкими бородками. Один из степняков, издали завидев мальчишеские лица, перестал убирать товар и, достав из ножен прекрасный меч с рукояткой, украшенной головой тигрогрифа, сделал с ним несколько выпадов. Голубоватый клинок, легкий, как язык пламени, со свистом рассекал сумеречный воздух. Стражник, правивший повозкой, остановился было, чтобы поглазеть на чудесный меч, выкованный, наверняка, в Долине Железных Мельниц, однако торговец уже успел рассмотреть одежду и упряжь путников и понять, что это не те покупатели, ради которых стоило так стараться. Сложив губы обиженной гармошкой, он уже торопился убрать драгоценное оружие обратно в ножны.

Навстречу им мчались роскошные экипажи, сопровождаемые всадниками в богатых доспехах, скрипели крестьянские телеги, запряженные волами или мулами, блестели ажурными спицами двухколесные самоходки.

Выросший из временной крепости кочевников, построенной и брошенной во время одной из их бесконечных междоусобиц, город Хорив был заселен пришельцами с запада, и мало по малу начал богатеть, собирая пошлину с проезжающих через него торговцев. Город стоял на пересечении торговых путей, здесь по волнам могучего Реебора проходила главная речная дорога, ведущая в Южное море, откуда открывался путь к воротам Вечного Города, блистательной столице Империи. Удаленное и от восточных степей, и от могучих государств юга, Хоривское княжество, по существу,

никогда не знало иноземного владычества. Князьям удавалось либо откупиться от захватчиков, либо в союзе с соседними, такими же небольшими княжествами, отбивать набег врагов. Гордостью города, безо всякого сомнения, была Школа Магии. Основанная четыре с лишним века назад, она несколько уступала своей славой подобным школам блистательных столиц, но зато имела свой собственный источник магической энергии. Обнаруженный в заброшенных подземельях, неиссякающий Резервуар позволил школе стать гордостью города, а самому Хориву – центром магии всей бескрайней Лесной Страны...

Наконец повозка заехала на территорию казенного постолого двора. Имелась там и внушительных размеров конюшня. Чтобы размять онемевшие ноги, Авик с Хурой стали помогать стражникам распрягать взмысленных коней. Отведя лошадей в стойло, они столкнулись с сыщиком, который вел с конюхом занимательную беседу о глазных болезнях. Теперь брюшко следопыта скрадывалось парадным камзолом с вышивкой, а на голове красовалась заливчатски заломленная набок меховая шапка. Завидев мальчиков, он всплеснул руками и захопотал:

– Как же вы узел без присмотра оставили? Воров-то в городе сколько!

Хура тут же выскочил на улицу, бросив поводья так энергично, что Авик едва поймал их. Через несколько мгновений он вернулся с узелком через плечо, широкой улыбкой

на физиономии и Мавкой.

– Сквозь пыль дорог и конский прыг к вам прибыл сей мешок улик, – торжествующе срифмовал он, бросая сыщнику свою ношу. Тот недовольно пожевал губами и поплелся наружу. Передав последнего коня конюху, все еще довольный своим поэтическим экспромтом, Хура, наклонился к Авику:

– Мне какая-то веточка за шиворот упала, я ее почувствовал, когда мешок тащил. Что-то никак не выпадает она, не поможешь достать?

Авик засунул руку ему за шиворот и стал шарить взад и вперед.

– Чего-то она шевелится, – вздрогнул он, отдергивая руку. Хура и сам почувствовал неладное. Стягивая с себя одежду и путаясь в рукавах, он так истошно вопил и извивался, что даже печальная Мавка засмеялась. Наконец, потрусив на вытянутых руках свою робу, Хура стряхнул на земляной пол конюшни здоровенную сороконожку. Та нервно помахала усиками, приходя в себя после встряски, и уползла под копну соломы. Хура погрозил ей вслед кулаком и принялся натягивать свою робу.

– Терпеть не могу насекомых, – с негодованием сказал он.

– Конский прыг, – вдруг поддразнил его Авик. Хура показал кулак и ему.

Несмотря на поздний час и усталость, путники должны были предстать перед советом. По словам следопыта, рас-

следование дела о незаконной магии было чрезвычайно важно и не терпело отлагательств. Действительно, дело, очевидно, было редкое и сложное: Авик заметил, что даже выдавшие виды стражники украдкой провожали их любопытными взглядами.

Авик был рад снова побывать под знакомыми сводами Школы Магии. Проходя под каменными арками, проводя рукой по почерневшим от времени расписным деревянным панелям, покрывавшим стены коридоров, он мысленно возвращался во времена своего недолгого ученичества. До начала совета оставалось еще немного времени, и Авик, отстав от своих спутников, свернул в боковой коридор и заглянул в учебный класс. К его удивлению в полутемном классе все еще шли занятия. На кафедре, в свете холодных огней оживленно жестикулировал наставник Одшу. В сумерках первых рядов зевали усталые послушники. Наставник был, во-первых, подслеповат, а во-вторых, слишком увлекался своими речами, поэтому был решительно не способен уследить за тем, что происходит в классе на расстоянии вытянутой руки от него. Авик понял, что соскучился по старику, и с улыбкой опустил на лавку.

– Магия служит людям и княжеству. – говорил Одшу. – Вы можете представить себе крестьян и ремесленников, вынужденных годами осваивать навыки своей профессии без помощи чародеев? А воинов, сражающихся лишь при помощи стрел, копий и мечей? Сколько тяжелой работы, изнуря-

тельных тренировок и утомительного обучения мы бы видели сейчас вокруг, если бы великий маг Шогест Брандото не разгадал тайну Астральных Карт и не поставил все народы от сумеречного Севера до блистательного Юга на путь развития и процветания! Теперь от нас, чародеев, зависит будущее городов и деревень, столиц и крепостей. Когда вы окончите свое обучение, вы будете открывать новые, еще неизведанные Истинные Имена и изучать их свойства. Каждый предмет, каждая травинка и каждое животное имеет неисчислимое количество измерений и граней, и не менее многогранны их Имена. Каждое из них, установленное на Астральную Карту человека, животного или неодушевленного предмета, даст множество эффектов, причем часть из них проявится далеко не сразу, а лишь с течением времени. Накладывая новые чары, мы должны выбирать Имя, которое даст полезное свойство, но не даст вредного. Я заклинаю вас быть осторожными, ведь поспешность и небрежение могут привести к непоправимым последствиям! Много лун назад было принято помещать на Карту новорожденного младенца Слово «Бранирош» – Истинное Имя морского моллюска с необычайно прочной раковиной. Такие дети очень быстро росли, имели крепкие кости и зубы. Однако впоследствии оказалось, что к зрелости у них развивалась слепота, а иногда и слабоумие. Но как было знать это заранее? – наставник развел руками. – Ведь маги проверяли все Имена сначала на животных, а потом на самих себе, но кто мог предположить,

что злой рок нанесет удар по прошествии столь долгого срока? Теперь вы понимаете, какими осмотрительными и аккуратными мы должны быть в нынешние времена...

Кто-то положил Авику руку на плечо и с силой стиснул его.

– Ты чего, прячешься? – зло зашипел ему в ухо Хура. – Я тебя обыскался. Совет уже начался, пошли быстро.

Он вытащил Авика из класса и помчался по слабо освещенному коридору, едва избегая столкновения со стенами. Авик не отставал от него, потирая ноющее плечо. Запыхавшиеся, они влетели в такой же полутемный центральный зал Школы.

За длинным столом расположились две дюжины магов, вельмож и следопытов. Маги поприветствовали вошедших мальчиков, подняв открытые ладони с согнутыми безымянными пальцами, как это принято у волшебников. В центре собрания, откинувшись на высоком стуле, облаченный в просторную белую робу, восседал высокий, стройный старик с окладистой седой бородой, орлиным носом и благородными чертами лица. Узнав Его Высокогогущество, Авик пожегился: он и не предполагал, что дело может быть настолько серьезно. Слушание уже началось, слово держал уже знакомый Авику косоглазый следопыт.

Несмотря на малочисленность собрания, он стоял в центре выложенной на каменном полу восьмиконечной звезды. Благодаря особой архитектуре сводов, голос человека нахо-

дющегося в этой точке, многократно усиливался, отражаясь от стен и достигая самых дальних углов помещения. Следопыт волновался в присутствии высокопоставленных гостей, говорил заискивающим тоном, сбивался и был непомерно многословен. Скорбные лица слушателей говорили о том, что жалобный голосок, усиленный до громкости медвежьего рева успел им порядком наскучить. Трое магов на краю стола клевали длинными носами, каждый в собственном ритме, вместе напоминая механизм причудливой музыкальной шкатулки. Один пузатый вельможа откровенно похрапывал, свесив голову на грудь. Придворные следопыты сидели, вперив в подчиненного докладчика неподвижные рыбы глаза. Их песцовые шапки лежали на столе перед ними.

Косоглазый следопыт как раз заканчивал пассаж об исторических прецедентах применения незаконной магии на территории княжества и намеревался углубиться в описание быта крестьян, когда Рамис Ацетус наконец не выдержал и прервал его энергичным кивком головы.

– Я думаю, мы должны перейти к нашему делу, – сказал он, холодно улыбнувшись. – Итак, найдено тело с описанными вами... эээ... необычными повреждениями?

– Так точно, Ваше Высокомогущество.

– Кто его обнаружил?

– Девушка, дочь покойного.

Мавка вышла из сумерек бокового ряда на освещенный пятак.

– Дитя мое, – мягко обратился к ней грандмаг и прищурился, – Расскажи-ка нам по порядку, что с тобой произошло.

Из сбивчивого рассказа девушки следовало, что она нашла тело пропавшего отца в лесу во время сбора хвороста. Тело было еще теплым, но она едва узнала его из-за истощения, ожогов и странных густых волос.

– Когда ваш отец покинул дом? – хриплым баском спросил ее дородный рыжеволосый следопыт. – Не припоминаете ли вы каких-нибудь необычных событий в тот день или до этого?

– Папа каждую зиму ездил на заработки, – Мавка опустила голову, – он хотел накопить мне на приданое.

– Да-да, так поступают многие крестьяне, но не было ли чего-нибудь странного именно в этот раз? – повторил свой вопрос следопыт. Девушка задумалась.

– Нет, я даже не знаю, где папа подрабатывал в этот раз...

– Ну, это-то уж мы выясним... – поспешил вставить косоглазый сыщик.

– Теперь я бы хотел, – повысив голос, прервал его Рамис Ацетус, очевидно, опасавшийся нового витка косноязычного многословия, – послушать о результатах исследования Астральной Карты, эээ... пострадавшего крестьянина.

В центр звезды вышел Хура, почти что силой волоча за собой упирающегося Авика. Увидев их вдвоем, грандмаг нахмурился.

– Хура, кто это с тобой? – спросил он строго.

– Это Авик, мы с ним учились вместе в начальных классах. Он помогал мне с исследованием Астральной Карты пострадавшего методом Минаса и Себя. Мы выяснили полный состав Имен на внешнем кра...

– Уж не тот ли это Авик, которому я строго-настрого запретил появляться в стенах Школы? – остановил его волшебник. Повисло неловкое молчание.

– Да, это я, – просто сказал Авик, – но я пришел не как послушник, а как свидетель по делу об убийстве.

– Помнишь ли ты, за что ты был наказан?

– Помню, Ваше Высокомогущество.

– Хорошо, – сказал старый маг хмуро, – но после того, как разбирательство будет закончено, ты должен будешь навсегда покинуть эти стены. Я уже говорил это много раз и повторяю снова: изучение магии требует, прежде всего, прилежности и послушания. Дерзость и магия несовместимы. Запомните это и вы, послушник Хура. – добавил он с нажимом, а затем, повернувшись обратно к Авику, спросил со снисходительной полуулыбкой, – ну теперь-то ты согласен со мной?

– Нет, Ваше Высокомогущество.

Грандмаг поджал губы и побледнел. Его руки под расшитым балахоном сделали резкое движение, как будто бы сжались в кулаки. Хура застыл с открытым ртом. Напряженная тишина разбудила толстого вельможу. Вздохнув, как небольшой морж, выползающий на льдину, он приоткрыл свои ма-

ленькие глазки. Косоглазый сыщик тоже оживился и принялся ощупывать присутствующих своими косыми глазами.

– Рассказывайте, Хура, – сдавленным голосом приказал грандмаг.

Хура быстро пришел в себя и бойко отчитался о проведенном исследовании и его разочаровывающих результатах и тоже был прерван грандмагом в тот момент, когда перешел от изложения фактов к собственным размышлениям. Казалось, Его Высокомогущество хочет держать в своих руках каждое произносимое здесь слово. Тогда Хура извлек свою рогатую мышь и предъявил собранию.

– На этом животном имеются явные следы применения магии, причем легко узнаваемой и часто используемой при обучении, – сказал он. – Мы нашли эту мышь вдали от человеческого жилья, рядом с трактом, по которому должен был проходить погибший. На мой взгляд, это указывает на существование чародеев, изучающих магию вне стен Школы Магов Хорива, и весьма возможно, в преступных целях.

«Когда это он научился так ловко работать языком?» – подивился про себя Авик.

Кружка с мышью заскользила по рядам, пузатый вельможа бросил в нее несколько тыквенных семечек, один из придворных следопытов безуспешно пытался пощупать крохотные рожки указательным пальцем, за что и был немедленно укушен. Один лишь Рамис Ацетус не разделял общего оживления и задумчиво смотрел на Хуру. – Мне это очень инте-

ресно, – сказал он с расстановкой, – но чтобы делать такие далеко идущие выводы, надо бы иметь более значительные доказательства, чем эээ... фокус, который может проделать любой послушник. Разумеется, мы не будем закрывать глаза на подозрительные и тревожные обстоятельства, но пока достаточных оснований связывать эээ... гибель человека и зачарованную мышь, я не вижу.

– Ваше Высокомогущество, – раздался вдруг вкрадчивый голос косоглазого. – А не кажется ли вам тревожным обстоятельством то, что эта мышь была обнаружена в подозрительной близости от жилища вот этого Авика, бывшего, как теперь выяснилось, послушника, который, кстати, без официальной грамоты явился на осмотр тела? И ведь еще не известно, не повлиял ли он как-нибудь на результаты исследования Астральной Карты убитого. А учитывая, прямо скажем, непростой характер подозреваемого, Ваше Высокомогущество...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мавка вскрикнула. Хура схватился за голову. «Ну я и влип, – подумал Авик, чувствуя, что волосы у него на голове шевелятся, а по спине ползет добрая сотня сороконожек, – а каков проныра этот косоглазый». – Он посмотрел на ничего не выражающее лицо Рамиса Ацетуса.

– Авик, – обратился к нему грандмаг, – это твоя работа? Мышь и погибший?

– Нет, Ваше Высокомогущество, я этого не делал, – заплетаящимся языком ответил Авик.

– Поскольку дело приобретает... эээ... такой оборот, я попрошу тебя подождать за дверью, и не вздумай подслушивать, это тебе не игрушки...

– Распорядитесь приставить к нему стражника, а лучше двоих, – засуетился следопыт.

– Авик, ты ведь не сбежишь, правда? Тебе же некуда убежать, – снова спросил его грандмаг.

– Нет, Ваше Высокомогущество, – ответил он.

– Вот и ладно, давай быстро, час уже поздний.

Авик, еле держась на ногах, пошел к выходу из зала. Держась за стену коридора, он добрался до дубовой лавки и мешком рухнул на нее. Откинув голову назад, он внезапно услышал голос Одшу. Видимо занятие только что закончилось, и учитель в окружении учеников выходил из класса, по

своему обыкновению, не прекращая чтения лекции.

– Развитие народов – величайший дар небес, и он возможен только благодаря магии. И хотя путь чародея тернист, мы должны идти этим путем во имя будущего процветания...

Какими далекими показались сейчас Авику эти напыщенные фразы! А ведь еще час назад у него от них дух захватывало. Однако теперь его судьба зависит от прихоти людей, сидящих в зале, и в особенности от разгневанного и непредсказуемого грандмага. Перед его глазами живо вставали зловонные казематы, каменные стены караульных комнат, допросы, хищные глаза следопытов и брезгливые взгляды магов. Там, по ту сторону беды, в глубине коридора, кто-то из учеников задал Одшу вопрос, однако эхо донесло до Авика лишь невнятное бормотание.

– Да, во времена расцвета Вечного Города это было действительно так, но сейчас это считается варварством по всей ойкумене от Хорива до... – звонкий голос Одшу сначала превратился в отдаленный шум, а потом и вовсе стих, оставив Авика наедине с его безрадостными мыслями. Снова и снова прокручивал он в голове события последних трех дней. Он вышел из замкнутого круга своих мыслей лишь тогда, когда обнаружил, что Хура радостно трясет его за плечо.

– Все в порядке, – затараторил он, – старикан все еще жутко зол на тебя, но он, нужно отдать ему должное, справедлив, и не стал верить напраслине. Он ведь понимает, что ты

не мог этого сделать. Да и не знаешь ты такой магии, чтобы изуродовать человека и не оставить следов на его Карте. Однако сам ты, конечно, – хорош гусь! Зачем было спорить по пустякам? У него же на тебя старая обида. Сказал бы, мол, признаю, виноват, – да и дело с концом... Ха! А ты здорово струсил, как я погляжу, – личико у тебя бледненькое.

– Вовсе не справедлив этот ваш грандмаг. Обычный злобный старикашка, – встряла в разговор подошедшая Мавка, – сначала он злился на тебя и готов был в острог бросить, а потом, когда этот бес косой принялся ему перечить, он рассердился на него так сильно, что только назло ему стал тебя выгораживать. Ему, да и им всем, совершенно безразлично, кто заколдовал папу. А Хура у этого гадкого старика похоже в любимчиках ходит и поэтому его так нахваливает!

– Тише ты, глупая, услышат, – зашикал на нее Хура.

Из зала, потягиваясь и разминая затекшие ноги, выходили члены совета. Молча шли придворные следопыты, зевая проколыхался пузатый сановник, семенили маги в длинных робах. Между ними величественно проплыл, глядя перед собой гордыми очами Рамис Ацетус.

– Как ты можешь называть злобным старикашкой такого выдающегося человека? – продолжил шепотом ругаться Хура, глядя на прямую как жердь спину удаляющегося грандмага. – Да ты знаешь, сколько он сделал для искусства Великой Игры, или Магии Откровения?

– А что же будет дальше с расследованием? – шепотом же

прервал его Авик.

– Расследование прекращено.

– А как же смерть Атрака?

– Скорее всего, он попал в магический капкан Черных Куниц, оставшийся в лесах со старых времен.

– А мышь?

– Ну, это мог сделать кто угодно. Просто ради забавы.

Почесав в затылке, Авик поднялся с лавки, и они пошли к выходу.

– Его Высокомогущество, говорят, опять поссорился с Его Святейшеством, поэтому сейчас ему крайне некстати пришелся бы скандал с использованием запрещенной магии. Это может ударить по позициям Школы при дворе и вообще по всем магам княжества. Все духовные лица сейчас заняты праздником Равноденствия, поэтому их не было на совете. А если бы пришли – неприятностей нам было бы не избежать. Может быть, поэтому, он все делает в такой страшной спешке, – вполголоса продолжал Хура. – А уж если под подозрение попадает ученик школы, хотя бы и бывший, то тут уж вообще огромный скандал.

Они вышли на улицу и двинулись к постоялому двору. Было уже за полночь, и облака то и дело набегали на узкий серп старой луны.

– Конечно, грандмаг капризен, как и многие одаренные люди, – как бы вступился за бывшего учителя Авик, – но у него есть свои строгие правила, выполнения которых он

требует от людей, и в первую очередь от себя самого.

– А я не согласна, – сказала Мавка, вздернув носик и поджав губы, – мне кажется, он просто не умеет держать себя в руках и не терпит, когда ему перечат. А ты, Хура, кстати, очень ловко косоглазого подставил: «Не хотите ли вы сказать, что Его Высокомогущество ошибается?»

Хура в ответ только хихикнул в темноте.

Несколько минут они в молчании шли по деревянным мостовым спящего города.

– И как же мы теперь будем искать тех, кто заколдовал папу? – спросила Мавка.

Хура чуть не поперхнулся от неожиданности.

– Ты что, разве не слышала? Расследование прекращено, всем наставникам и послушникам Школы запрещено этим заниматься. Слово грандмага – закон.

Мавка снова утихла. Авику показалось, что она шмыгает носом в темноте.

Шла третья неделя марта, в Хориве она называлась неделей Пробуждения Бога и считалась праздничной. Каждую полночь в одном из семи соборов города проводился обряд Поющего Камня. В последний день праздника, в полночь накануне весеннего равноденствия, пение всех храмов звенело над ночным городом оглушительным ансамблем, грозным и торжественным. Хура предложил сходить туда, где проводилось сегодняшнее священнодействие. Мавка неожиданно легко согласилась, и Авику, несмотря на усталость и пере-

житое волнение, пришлось идти вместе с ними – дорогу к постоянному двору в темноте он все равно бы не нашел.

Идти, к счастью, было недалеко. Площадь перед святилищем была заполнена народом. Обряд был в разгаре. Священнослужитель уже прочел проповедь, задал сакральные вопросы Звезде и Реке, воскурил фимиам и приступил к завершающей части таинства – молитве над осколком Поющего Камня. Протискиваясь сквозь толпу благочестивых горожан, Авик чувствовал, как сначала едва заметно, затем – все больше и больше набирая силу, вибрирует мощеная булыжниками мостовая – это камни отвечали молитве, вторили произнесенному над священным осколком, лежащим в золоченом ковчеге в Запретной комнате храма.

Высшая точка молебна застала их, когда они добрались до высоких дверей святилища – мостовая и каменная кладка самого здания издавали низкий, глубокий и чистый рев, пронзающий насквозь, согревающий тело, заставляющий дрожать что-то в кончиках пальцев и шевелящий волосы у самых их корней. Все вокруг, казалось, даже деревья и бродячие псы, застыли в оцепенении, пытаясь уловить едва заметные переливы, словно прибойной волной вымывающие из сердца все дурное, что накопилось в нем за год. Вместе с этими волнами приходили в душу мир и успокоение. Молитва резко оборвалась на своей самой высокой точке – так с высоты обрыва разгоряченное тело ныряльщика входит в прохладную темную глубину. Площадь на несколько мгно-

вений погрузилась в неестественную, почти осязаемую, густую тишину.

Зависнув в пространстве между выдыхающими пар людьми, безмолвие отступало и развеивалось клочьями, как туман – здесь от покашливания, там от трения металлической подковки сапога о булыжник. Горожане оживали, замелькали любопытные взгляды, послышался шепот, приглушенные смешки. Служба заканчивалась, и люди уже начали расходиться. Из дверей собора повалил народ. В разномастном потоке мелькали аквамариновые облачения священников, вышедших наружу, чтобы зажечь ритуальные холодные огни вокруг собора. Белые шары огня сверкали в ажурных светильниках, выполненных в форме Поющего Камня – куба, поставленного на вершину. Контраст черного металла и белого пламени заставлял снова вспомнить недавний молитвенный рев, мгновенно ставший тишиной. Теперь не звуки, а лучи света вызывали чувство внутреннего тепла, и от этого мурашки бежали по спине.

Окрыленные пением Камней, мальчики вприпрыжку понеслись на боковую улицу. Мавка едва поспевала за ними. Возле самого угла они поравнялись с кучкой людей в черных робах. Простые крестьянские лица выражали покровительственное одобрение, словно весь обряд совершался с их благословения и никак иначе.

– Это у нас новая секта завелась, – шепнул Хура Авику, оттягивая его за рукав на середину улицы, – проповедуют от-

каз от магии, баламутят народ. По физиономиям узнаю этих ослов.

– Проводить вас на постоянный двор? – весело спросил он уже в полный голос.

– Проводить, – согласилась Мавка. – Но только не подумай, что я забыла, кто виноват в том, что папина гибель так и осталась тайной. – Хура только всплеснул руками.

– Ну, ты и упрямая девчонка, – огрызнулся он. – Да я здесь вообще ни при чем.

– А откуда взялись Поющие Камни? – чуть погодя спросила Мавка.

– Их принесли из старых заброшенных подземелий, – ответил Хура.

– Из Мароджара, – уточнил Авик.

– Да, и когда их оттуда поднимали, – Хура сделал страшные глаза, – произошло что-то настолько ужасное, что теперь никто в подземелья спуститься не осмеливается.

– И что же произошло? – спросила Мавка, не понимая, шутит Хура или нет.

– Это держат в строгом секрете, – таинственно ответил он.

– Некоторые каменотесы, говорят, так и не вернулись, – добавил Авик.

Мавка недоверчиво хмыкнула, но промолчала.

– Некоторые, правда, считают, что эти слухи распускают специально, чтобы народ не шастал к Резервуару, – уточнил Хура. – Очень может быть.

Они проходили мимо городской стены, когда откуда-то из темноты, им под ноги свалилось что-то, напоминающее мешок с брюквой. Путники попытались обойти его, но мешок вдруг подскочил и злобно заблестел в лунном свете так хорошо им знакомыми косыми глазами. От горе-следопыта несло спиртным, а в горле клокотало что-то похожее на рыдания. Камзол был изодран, а нос разбит. «Когда это он умудрился так надраться», – успел подумать Авик.

– Не видать мне теперь песцовой шапки, – раздался хриплый вопль, – а все из-за тебя, вонючий фигляр. – Когда он попытался ткнуть указательным пальцем в направлении Хуры, стало заметно, что в руке он все еще сжимает узел с уже бесполезными «уликами». Под тяжестью ноши его рука опустилась, описав неровную дугу.

Осознав помеху, следопыт с силой запустил узелок в сторону Авика, краем рта бросив ему неразборчиво: «Пдждика». Он по-бычьи склонил голову и стал надвигаться на своего долговязого обидчика. Узел, больно ударивший Авика в грудь, распался, и пожитки несчастного Атрака рассыпались по земле. Мавка вскрикнула – в руке следопыта зловеще сверкнул короткий широкий нож. Чистый блеск лезвия казался таким нелепым и неожиданным в сочетании с бессвязной речью, перекошенным ртом и грязью на одежде пьяного, что Авик застыл, как загипнотизированный. Однако Хура не растерялся. Быстро подняв горсть песка, он пробормотал над ней свое заклинание и бросил в лицо сыщику. Ко-

соглазую голову окутала магическая мгла, не пропускающая ни света, ни звука. Следопыт сделал несколько неуверенных шагов и застыл, не в состоянии сориентироваться во внезапно окружившей его темноте и безмолвии. Через несколько мгновений он потерял равновесие и снова рухнул в подмерзшую грязь. Нож отлетел в сторону.

Поняв, что враг обезврежен, Авик бросился подбирать упавшую кровавую сорочку Атрака, разодранные крестьянские сапоги и грубые холщевые штаны с прожженными дырами. Простой бронзовый браслет он, надел себе на левое запястье, чтобы не потерять, а широким кожаным поясом погибшего подпоясался поверх своего, шелкового. Сыщик тем временем перестал барахтаться в грязи и притих. Хура потыкал его под упитанную спину носком сапога и, не дождавшись никакой реакции, снял свои чары. Следопыт спал пьяным сном, из его прокушенной губы и разбитого носа на землю капала кровь, смешанная со слюной. Хура устало вздохнул.

– Давай хоть дотащим его до ближайшего порога, – сказал он Авику, – на дереве не замерзнет. Хоть и подлец, а живая душа.

Вдвоем они взвалили пьяного на плечи и с трудом понесли к ближайшему строению. Привалив казавшуюся безжизненной тушу к чьему-то крыльцу, мальчики отошли на несколько шагов.

– Его Выскмгушество – великий человек, – неслоь им

вслед сонное бормотание, – а спогии чстит дгтем. И вняет дгтем... Вняет дгтем. Такой члвек – дгтем...

Отряхнувшись, они продолжили свой путь по ночным улицам. Дойдя до дверей постоянного двора, Хура повернул домой – он жил внутри городских стен в квартале ремесленников-кожевенников, вместе с отцом, матерью и тремя сестрами. Авик и Мавка поднялись в комнатку, отведенную им под ночлег. Измученные событиями прошедшего дня, они рухнули на соломенные тюфяки и немедленно уснули как убитые.

Авик проснулся под утро от странного всхлипывания. Приподнявшись на локтях, он оглядел комнату, залитую предрассветной дымкой. Мавка плакала во сне. Он подо двинул свой тюфяк поближе и принялся нежно гладить девушку по волосам, шепча ей на ухо слова утешения. Всхлипывания стали затихать, а когда они в конце концов прекратились, Авик уже снова спал глубоким спокойным сном.

Следующий день начался душным солнечным зайчиком, игравшим на его закрытых глазах. Комната находилась под самой крышей, а одной из стен служила труба огромной печи, на которой, по-видимому, готовили завтрак для постояльцев и проезжающих стражников. Было невероятно жарко. Не раскрывая глаз, Авик сполз со своего тюфяка на деревянный пол – из широких щелей на него повеяло прохладой нижнего помещения. Ворочаясь, он подставлял струям воз-

духа то один, то другой бок, пока в конце концов не стукнулась головой обо что-то твердое. Вскрикнув, он открыл глаза. Из полуоткрытого узла на него безразлично поглядывала железная набойка сапога Атрака. Мавка уже проснулась и расчесывала волосы, сидя на тюфяках спиной к нему. Авик потянулся и быстро вскочил на ноги.

– Пойдем скорей отсюда, здесь испечься можно, – сказал он, разминая затекшую шею.

Вдвоем они спустились по скрипучей крутой лесенке в трапезную. Половину ее занимала колоссальных размеров печь с железной крышкой, на которой разогревались, кипели, скворчали горшки, горшочки, сковородки, сковородочки, плоски всех размеров и форм. Вокруг них носились кашевары в перепачканных углем передниках. Печь была такой большой, что повара ходили по настилу из лиственничных досок, положенных прямо на печь. Иначе до части горшков было просто не добраться. Каменный пол вокруг был завален обугленными головешками и кучами золы. Деревянная стойка отделяла другую, сравнительно чистую половину помещения, где завтракали постояльцы и гости заведения. Двое стражников бодро наворачивали кашу, положив секиры на колени. В углу перешептывалась группа торговцев с Юго-Восточных Предгорий. Еще несколько едоков сидели на лавках парами или поодиночке. Три потрепанных типа неприятной наружности, несмотря на ранний час бывшие заметно навеселе, вразлад исполняли:

Ой, чикалик, мой чикалик!

Чой!

Ворочай, чикалик,

Век мой золотой.

Как свидетелям преступления друзьям полагалась порция каши, стакан молока и кусок хлеба за счет княжеской казны. Они сели в углу комнаты на низкий сундук и принялись за еду. Авик быстро опустошил свой горшок и отправился за добавкой. Пока улыбчивый повар накладывал ему дымящуюся кашу, стражники успели закончить трапезу и уйти, а на лавку напротив Мавки пересел какой-то невзрачный человечек. Протискиваясь обратно к своему месту на сундуке с горшком горячей каши в руках, Авик случайно задел его сутулую спину. Тот издал недовольный возглас и повернулся к нему.

– Простите, не хотел, – извинился Авик.

– Не хотел, да сделал, – ответил незнакомец, на мгновение вперив в него два глубоко сидящих мутных глаза.

– Кстати, несопливые гвбзнички, – неожиданно добавил он, – закусилось отканючить?

Авик машинально потрогал свой нос рукой, он был сухим. У незнакомца была отталкивающая привычка быстро шарить глазами из стороны в сторону, слегка подворачивая голову так, что направление его взгляда было совершенно невозможно проследить.

– Ты думаешь, щегол, что сам законопатишь без лишнего сухостоя? Ты же знаешь, во что это может переплеваться...

– Я не очень понимаю, при чем тут гвозди и какой сухой Вам не нужен, – удивился Авик.

– Не подщегловывайся тут мне, – незнакомец уже начал проявлять нетерпение, в глубине его глаз заплясали злобные огоньки, а небритый подбородок задергался, – канючь гвоздички – и кабак.

Авик поставил горшок на стол и, ничего не понимая, стоял и разглядывал странного собеседника.

– И кончай уже ставнями хлопать, – уже менее решительно добавил незнакомец.

В этот момент дверь трапезной отворилась, и в ней показался вымытый и выспавшийся Хура в сопровождении двух стражников в дорожном облачении.

– Привет-привет! Лошадки уже готовы, можете хоть сейчас отправляться домой, – радостно сказал он.

– Привет, Хура, – отозвался Авик, – а ты не знаешь, что за гвозди нужны этому госпо... – он перевел взгляд на то место, где только что сидел странный незнакомец – а того и след простыл. Авик в нерешительности только пожал плечами.

Но ему не пришлось долго разгадывать загадку о ставнях и сухостое, поскольку Мавка в этот момент набросилась на Хуру:

– Да как ты смеешь являться сюда с такой довольной рожей, когда папа лежит мертвый, а те, кто его заколдовал, раз-

гуливают на свободе? – кричала она. – А из-за тебя и Авик чуть не попал под раздачу, и расследование прекратилось!

Хура от неожиданности отступил на два шага назад.

– Ну а что прикажешь делать? – сказал он, разведя руками. – Да, я тогда позвал Авика помогать мне с сутрами, но я же не желал ничего плохого. А вчера, во время совета, я должен был спасти его от ложного обвинения, и отчасти из-за этого прекратили расследование. И что мне теперь – отправиться к нашему косоглазому другу? Он, наверное, уже проспался – и с ножом наперевес на меня не бросится, но в зубы точно даст. – Хура сдержал улыбку. – Или обратимся к Его Высокомогуществу и объясним ему, как сильно он был неправ, когда остановил расследование?!

Поняв, что дело проиграно Мавка зарыдала громким пронзительным девичьим ревом, таким, от которого закладывает уши и лопаются горшки. Авик и Хура бросились ее утешать на глазах удивленных кашеваров.

– Ну вот что, – сказал Хура, когда Мавка немного успокоилась, – есть одна идея. Скорее всего, конечно же, ничего не выйдет, но мы можем попробовать, чтобы ты так больше не ревела. В Хориве живет всего один крупный маг, который не является наставником в Школе и поэтому не подчиняется распоряжениям Его Высокомогущества. Его Мудрейшество Оноди Нотия когда-то был наставником и имел учеников. Он стоял у самых истоков открытия Великой Игры и даже считался одним из крупнейших медиумов – даже

более великим, чем сам Рамис Ацетус. Однако, находясь в зените славы, он разогнал свой класс и удалился на покой... Обратится к нему? Он большой чудак, и, может быть, захочет нам помочь из чистого любопытства. Попробовать стоит, хотя шансов мало.

В мавкиных зареванных глазах промелькнуло выражение отчаянной мольбы. Авику было отчего-то страшно неловко перед бедной девушкой. Они условились, что в жилище чародея пойдут только мальчики, а Мавка будет ждать их возвращения на постоялом дворе. Они могли бы поехать на казенной повозке, но решили, что не стоит раскрывать своих намерений стражникам, поэтому Хура приказал им распрячь лошадей и ожидать дальнейших распоряжений возле таверны. Они с Авиком отправились вниз по улицам пешком.

Жилище Нотии находилось где-то на подоле, Хура точно не знал, где, поэтому им пришлось изрядно поплутать. За время пути Хура пересказал Авику все сплетни о престарелом волшебнике за два последних года. По его словам, Нотия трудился не покладая рук. Каждый месяц он отправлял по крайней мере одного почтового голубя со свежим манускриптом для библиотеки Вечного Города. Когда наставники Школы решили узнать, о чем же написано в этих манускриптах, они с удивлением обнаружили, что речь в них идет о новых Истинных Именах... насекомых. Никаких попыток исследования свойств этих Имен Нотия не предпринимал.

Он, казалось, целыми днями был погружен в Великую Игру ради Имени какого-нибудь нового жука или стрекозы. Надо отдать ему должное, Истинные Имена бабочек и мушек он щелкал как орешки, но какой от этого прок, если их нельзя использовать для того, чтобы накладывать чары? В Школе полувсерьез утверждали, что старик больше не способен обходиться без глубокой медитации, в которую он погружается во время Игры. Двое молодых наставников, скорее из любопытства, нежели сочувствия, однажды предложили Нотии свою помощь. Маг осведомился, чем же эти двое могут быть ему полезны, и когда услышал в ответ, что те в числе прочего готовы избавить его «от нежелательных зависимостей», бесцеремонно выставил их за порог.

Наконец в конце слепого проулка они набрали на высокий забор, составленный из плотно подогнанных друг к другу некрашенных досок, серых от времени. У входа красовался позеленевший бронзовый щит с вытисненным на нем именем и гербом мага: в разделенном пополам вертикальном овале – в верхней части была изображена рука, сжимающая горящий факел, а в нижней – две водомерки. «Символы просвещения и соперничества», – отметил про себя Авик.

Отворив калитку, мальчики вступили в запущенный сад. Бревна внушительного и просторного дома почернели от старости. Выкрошившиеся торцы стволов тонули в одичавших кустах шиповника и смородины. Один угол сруба был явно ниже другого. Крышу давно не перекладывали, то

здесь, то там пестрели разномастные заплатки. В углу двора темнело бесформенное нагромождение истлевших гнилушек, и только стоящее рядом ведро наводило на мысль, что это, вероятно, остатки колодца. На фоне этого запустения резко выделялась роскошная самоходка, прислоненная к внутренней стороне забора. Ее каркас и педали не были украшены вычурной гравировкой, которой так любили щеголять городские франты, но каждая деталь была подогнана и заговорена настолько искусно, что мальчики несколько минут простояли, разинув рты и боясь даже представить себе стоимость такой прекрасной вещи.

Массивная дверь дома неожиданно оказалась хорошо смазана и не издала ни единого звука, когда Хура потянул ее на себя. Пройдя сквозь просторные сени, пахнувшие эфиром, книжной пылью и амброй, друзья оказались на пороге внушительных размеров горницы. Повсюду вдоль стен до потолка возвышались шкафы, набитые свитками и книгами. Часть книг лежала прямо на полу вперемешку с ретортами, колбами и склянками. В углу мерно поскрипывали перьями два изящных самописца. Комната была едва освещена, и в пыльных закоулках между грудями вещей клубилась таинственная темнота. За широким столом, склонившись над книгой, восседал хозяин дома, худощавый старик с впавшими щеками. Мальчики застыли в дверях. Даже Хура оробел от этой картины. Первым придя в себя, он заковылял было на ватных ногах в сторону стола, но оступился и задел сапогом дере-

вянный ящик с мензурками, которые угрожающе забрякали.

– Эй, ты, поосторожней там с моими морилками, – прорезал тишину мягкий старческий голос. Заложив фолиант пером диковинной окраски, старец живо выскочил из-за стола и направился к двери, лавируя между грудками предметов. Не ожидавший от него такой прыти Хура окончательно сконфузился и забормотал какие-то нелепые извинения.

– Смотрите под ноги в следующий раз, – нетерпеливо оборвал этот поток хозяин, разглядывая содержимое пострадавшего ящика. – Выкладывайте лучше, зачем пожаловали.

Сбиваясь и перескакивая с одного на другое, Хура принялся излагать события последних дней.

– Молодой человек, у меня маловато времени, чтобы выслушивать базарные истории, – раздраженно прервал его рассказ старик, все еще разглядывая свои склянки. – Поиски пропавших родственников, вызов духов, привороты-отвороты – это все совершенно не по моей части.

– Конечно, Ваше Мудрейшество, но ведь произошло преступление, как будто бы с использованием запрещенной магии...

– Как будто бы, – передразнил его волшебник, – а почему бы Вам не обратиться к тем, кого такого рода вещи интересуют больше, чем меня? Я не охотничья псина, чтобы гоняться по лесам за разбойниками.

– Его Высокомогущество прекратил расследование...

– И к какому же выводу он пришел?

– Капкан Черных Куниц, – отрапортовал Хура.

– Очень интересно, – маг впервые оторвал свой взгляд от содержимого злополучного ящика и посмотрел на Хуру, – а кто еще присутствовал на совете?

Хура перечислил имена всех наставников, а из вельмож и следопытов он знал только двоих человек. Волшебник задумчиво почесал бороду, потом повернулся и прошествовал к своему столу. Авик и Хура посеменили за ним следом. Нотия сел за стол, раскрыл книгу на заложенной странице, и взгляд его снова коснулся оробевших мальчиков.

– Молодые люди, я, кажется, дал ответ на ваш вопрос?

– Да, вы сказали, что находите наш случай очень интересным, – вставил Авик. Маг неожиданно рассмеялся, обнажив крупные желтые зубы.

– Позвольте мне дать Вам один совет: не следует без оглядки бросаться на всё, что на первый взгляд кажется интересным. У меня не так много сил и еще меньше времени. Я должен сосредоточиться на одной или нескольких действительно важных вещах.

– Да, но... – Авик обвел глазами рабочий стол мага, на котором в беспорядке громоздились пластинки с наколотыми на булавки жуками, расправленными при помощи обрывков пергамента стрекозами, и недорисованная гравюра с изображением жужелицы. Хура испугано зашикал на него.

– Кажется, ты находишься в одном шаге от того, чтобы нанести мне смертельное оскорбление, – мягко заметил Нотия,

заметив направление его взгляда, – так что идите-ка лучше своей дорогой и дайте мне закончить чтение.

– Вчера у меня из-за шиворота выпала вот такая сороконожка, – выпалил вдруг Хура, разведя руки в стороны, как рыбак, рассказывающий о своем улове. Нотия вздернул брови:

– Куда выпала?

– Куда? На пол. Это было на конюшне постоянного двора. Я уверен – это очень важная находка, – азартно схватился Хура за свой неожиданный козырь.

– И какого она была цвета, разрешите поинтересоваться?

– Черная, с сиреневым отливом, – вставил Авик.

– А как выглядела ее голова?

– В форме неправильного диска, с двумя красными точками по краям и белой полоской посередине.

– Гм... – Нотия на мгновение задумался, – и как же эта особь попала к тебе за шиворот? – обратился он к Хуре.

– Я ночевал на сеновале у него дома, – Хура ткнул рукой в Авика, – наверняка этих сороконожек там как муравьев в муравейнике. Это, кстати, совсем недалеко от места убийст...

– У тебя на сеновале и вправду живут такие сороконожки? – перебив Хуру, спросил Нотия у Авика.

– Ни разу не видел, – не задумываясь, ответил тот. Маг громко расхохотался.

Поняв, что хитрый план сорван, Хура сделал гневный

жест в сторону Авика и выскочил из комнаты. Авик попятился к двери за ним. Вслед им несся смех вперемешку со старческим кашлем.

Хура не помня себя от ярости, не разбирая дороги, мчался прочь. Авик едва поспевал за ним. Они выбежали через заднюю калитку и теперь плутали по чужим дворам и закоулкам.

– Ты всё испортил, как всегда, – ругался Хура. – Сначала нагрубил Рамису Ацетусу прямо на совете, теперь меня выставил на посмешище перед этим чудаком! Ты когда-нибудь думаешь, прежде чем говорить? Не усвоил еще, что тебе вообще лучше держать язык за зубами?! Сам теперь с Мавкой своей объясняйся.

– Он сам задавал мне вопросы, – оправдывался Авик, – что мне было отвечать? Соврать про твоих дурацких сороконожек?

– Слушай, ты вообще выкручиваться не умеешь, что ли?

– Выкручиваться умею, а врать не люблю. И врунов, кстати, тоже.

– Да ну тебя...

Вконец разобидевшись друг на друга, мальчики возвращались обратно к таверне. Когда двускатная крыша постоянного двора показалась из-за угла улицы, до них донесся густой мерный топот множества копыт и нервное ржание. Подойдя ближе, они обнаружили, что вся проезжая часть вокруг конюшни уставлена лошадьми. Удивленные, они про-

тискивались мимо кричащих и ругающихся стражников, которые привязывали фыркающих коней к временным коновязям, наскоро собранным из оглоблей и тележных колес. Почти обойдя этот внезапно появившийся лошадиный базар, они чуть не налетели на понурого чернобородого стражника, ведшего под уздцы такую же понурую вороную кобылу. Стражник схватил Авика за плечо железной лапой.

– Два мальчика-послушника найдены, – провозгласил он торжественно. И тихо добавил, – Вас приказано немедленно препроводить на конюшню.

Авик с Хурой озадаченно переглянулись. Еще громче ругаясь, стражники принялись освобождать от лошадей проход к дверям конюшни. Сделав несколько шагов по коридору из потных человеческих спин и лоснящихся конских боков, мальчики обнаружили, что под козырьком рядом со входом, прислоненная к стене, стоит чудесная самоходка Ноти. Два стражника отталкивали от нее лошадей тупыми концами пик, чтобы те ненароком не затоптали драгоценный механизм.

Мальчики снова переглянулись. Внутри конюшни было необычайно светло – под потолком горело три здоровенных холодных огня. Все дверцы опустевших стойл были распахнуты настежь, а земляной пол, прежде почти невидимый под слоем навоза и сена, стал неожиданно чистым. Приглядевшись, мальчики увидели, что весь конюшенный сор, аккуратно разобранный по соломинке, висит в воздухе под по-

толком.

– Вот это телекинез!, – тихонько прошептал Авик. Его Мудрейшество Оноди Нотия собственной персоной вышагивал по проходам, деловито заглядывая в глубокие щели у основания вбитых в землю квадратных столбов. Края его рубы были заправлены в сапожки, в одной руке он держал сачок для ловли бабочек, в другой – маленький, но яркий холодный огонь. На почтительном расстоянии от него следовали распорядитель постоянного двора и капитан стражников. На их лицах выражения растерянности и подобострастия то и дело сменяли друг друга.

– А, вот и вы подошли, – поприветствовал мальчиков Нотия, нагибаясь около очередного столба. – Наша беглянка, к сожалению, куда-то запропастилась.

Хура изгибом спины и поворотом головы изобразил желание немедленно броситься на поиски сороконожки, и если понадобится, даже загнать ее обратно к себе за шиворот.

– Как же быстро вы убежали! – Продолжил Нотия, распрямляясь. Он потушил холодный огонь в своей руке и отдал сачок капитану стражников. – Мне пришлось в голову, что я, быть может, помогу вам в вашем деле. Сам я не большой специалист по препарации бездыханных тел, но я знаю кое-кого, кто может быть вам полезен.

– Ваше Мудрейшество, я вспомнил еще одно место, где сороконожка могла залезть мне под робу, – невпопад сказал Хура, – на полянке рядом с трактом, где мы делали привал.

Мы могли бы осмотреть ее.

– В этом нет нужды, – Нотия нетерпеливо махнул рукой, – у вас есть, где остановиться в Хориве? Господин распорядитель, не сочтите за труд сохранить за молодым человеком его комнату на постоялом дворе. Плату я пришлю с нарочным, с ним же прибудет и записка, где и когда вы, молодые люди, сможете встретиться с моим человеком. На этом я, пожалуй, откланяюсь.

Прошептав несколько заклинаний, он заставил солому опуститься вниз и расположиться вдоль стен прохода. Комья конского навоза, тоже парившие где-то под крышей и невидимые за яркими светильниками, пролетели к дальнему концу конюшни и с сочным звуком попадали на пол. Мальчиков накрыла волна теплого лошадиного запаха. Наконец, жестом руки Нотия потушил холодные огни, и помещение окутала знакомая полутьма.

– Можете возвращать лошадей в стойла, – бросил он капитану, забирая обратно свой сачок. Через минуту сквозь лошадиное ржание и ругань стражников до них донеслось шуршание удаляющейся самоходки.

– Ну и дела, – только и произнес Авик.

Наконец мальчики вернулись на постоялый двор. Мавка уже жаждалась, и потому встречала их насупленными бровями. Хура, конечно, постарался изобразить результаты похода к Нотии в выгодном свете, но даже Мавка поняла, что сам он не слишком полагается на слово старого мага: все круп-

ные чародеи Хорива, кроме него самого, служат наставниками в Школе – и не пойдут против воли совета и Рамиса Ацетуса. А кого еще может рекомендовать Нотия? Разве что какого-нибудь деревенского колдуна...

– Но вы же попробуете? – тихо спросила девушка, опустив глаза. Конечно, мальчики не могли ей отказать.

Расстроенная Мавка отправилась домой в сопровождении осовевших от долгого безделья стражников, а Авик с Хурой остались ждать вестей от Нотии. Поднявшись в комнатушку, они улеглись на тюфяки. Хура достал из своего заплечного мешка письменные принадлежности и принялся зубрить уроки, а Авику предложил пару книг на выбор, чтобы тот тоже мог как-то убить время. Авик взял томик «Истории магии», открыл его на случайной странице и углубился в чтение.

«... Особенно быстро магические искусства развивались в VII веке от основания Вечного Города. После череды успешных завоеваний императора Орифетиана IV, в распоряжении имперских чародеев оказалось значительное количество пленников из покоренных им народов. Изучение действия Истинных Имен, выставленных на Астральных Картах этих чужеземцев позволило совершить настоящий прорыв, сравнимый по масштабам разве что с открытиями Шогеста Брандото, совершенными за сто с лишним лет до того. Были обнаружены полезные свойства таких хорошо знакомых каждому чародею Имен, как Тиарканум, Игофринус, Рендвуну,

и многих других. В это время были заложены основы того магического ремесла, которым мы по праву гордимся. Хотя этот период рассматривается многими авторами как золотой век в истории магии, нельзя не отметить, что он обошелся весьма дорогой ценой. Сотни зачарованных пленников погибли, а тысячи получили неустранимые пороки и уродства. Вечный Город заполнили искалеченные и озлобленные нищие, порой пугавшие своим видом путешественников и горожан. Хотя эти несчастные принадлежали к разным племенам и народам, они быстро осознали свою общность и образовали “Хаврот Нод”. С одного из наречий варваров Срединного Моря это имя переводится как “Братство Отверженных”. Благодаря сплоченности несчастных отщепенцев, а также необычайным качествам, которые они обрели наряду со своими уродствами, “Братство Нод” быстро вытеснило прочие воровские и нищенские гильдии. Летопись сохранила рассказ об одном из предводителей братства, исполнине по имени Эр-Мергор. Наложённые на него чары наделили его колоссальным ростом, невероятной силой и нечеловеческим, извортливым умом. Вместе с тем кожа его покрылась твердой, как кремень, коростой, не позволявшей гнуться бедренным суставам и пояснице. Несчастный гигант не был способен сидеть или лежать, поэтому спал, подобно лошади, – стоя, вытянувшись во весь рост и прислонившись к стене.

В 679 году, после смерти Орифетиана IV, его наслед-

ник, молодой Рибраниан I попытался было известить братство, к тому времени изрядно беспокоившее обитателей Вечного Города разбоем и грабежами. Однако благородное начинание закончилось для молодого императора весьма злополучно. “Братство Нод” под предводительством Эр-Мергора подняло восстание. Мятежникам в ходе молниеносного и коварного нападения удалось разбить императорскую гвардию и захватить дворец. Придворные, не пожелавшие служить бунтовщикам, были немедленно казнены. В числе прочих умерщвлен был и злейший враг братства, престарелый грандмаг Ион Тревиан. Впрочем, расправившись с главным своим мучителем и его основными помощниками, мятежники проявили неожиданную мягкость к остальным магам, сочтя, что их поголовное истребление привело бы к исчезновению накопленных чародеями знаний, а значит, сделало бы перенесенные членами братства мучения напрасными. Эр-Мергор лишь приказал отрубить всем волшебникам Вечного Города безымянные пальцы на правых руках, чтобы они тоже получили свою толику страданий и навсегда сохранили память о совершенных ими злодеяниях. Император Рибраниан укрылся в катакомбах, где от расстройства чувств ослеп на оба глаза. В конце концов, он был схвачен мятежниками, и те, кто еще вчера были отверженными, провозгласили себя правителями Империи, повелевающими от его имени. Их незаконному правлению положил конец имперский полководец Арсан Аскертийский. Прослышав о происходя-

щем в столице, он прервал свой поход в южные страны, погрузил войско на корабли и отправился к столице. Под покровом ночи он высадился под самыми стенами Вечного Города. Застигнув бунтовщиков врасплох, он взял укрепления штурмом и занял большую часть города. Внезапность атаки и неприязнь горожан к мятежникам сослужили Арсану хорошую службу. Большая часть повстанцев была перебита, но уцелевшие укрылись во дворце, взяв в заложники императора и его малолетнего наследника. Арсан понимал, чем может грозить Империи пресечение правящей династии, и вынужден был вступить в переговоры. В результате торга, длившегося дольше, чем взятие самого города, братство получило в вольное владение пустынные земли на западных окраинах Империи, а Арсан – слепого и полубезумного императора. Освободив Вечный Город от власти братства и став фактическим правителем государства, он решил обезопасить страну от повторения столь дорого стоивших ей ошибок и ввел строгий запрет на наложение чар на Астральную Карту любого человека, будь то раба или правителя, без его на то согласия. Он также повелел собрать все книги и свитки, содержащие сведения об Истинных Именах, калечащих своих носителей, и замуровать их в подвалах библиотеки. В годы владычества Арсана был составлен и первый толковый указатель, содержащий перечень всех известных на тот момент Имен. Тогда же были введены первые запреты для кадавров из варварских племен. Ведь в предшествующую эпоху без-

образные звероподобные дикари нередко встречались в городах Золотой Перевязи, а их поселения множились на просторах Империи. Прошло почти столетие, прежде чем кадавры были полностью искоренены в наших пределах.

“Братство Нод” осело на западной границе и дало начало племени нод, одному из самых беспокойных и воинственных во всей Империи. Потомки несчастных пленников не унаследовали ни пороков, ни способностей членов братства, но сохранили их свободолюбие и лютую ненависть к своим работодателям. Последним дошедшим до нас свидетельством об этом периоде бурного развития магии было занесенное в летопись сообщение северных торговцев, проходивших в 724 году через земли племени Нод, и повстречавших там весьма пожилых калек, чье уродство, казалось, было причинено запрещенной магией...»

Стук в дверь заставил Авика оторвать глаза от книги. На пороге стоял прислужник с запиской в руке.

– Прибегал мальчишка, просил передать вам это, – сказал он, почтительно вручая Авику записку.

«На второй день от дня сего, на восходе. Харчевня “Синий Осетр” у начала Северного Тракта» – значилось на истрепанном обрывке пергамента. Похоже, старый чародей не шутил.

На следующее утро Хура пошел в Школу на свои занятия, а Авик отправился слоняться по городу. Ночью подморозило, но в прохладном влажном воздухе стоял запах вес-

ны. Поднявшись на крепостную стену, он оглядел окрестности. Могучий Реебор недавно вскрылся, и грохочущие, на-ползающие одна на другую, льдины медленно ползли на юг, в сторону моря. Насмотревшись на ледоход, Авик направился прямо по стене к Белым Воротам, перекидываясь шутками со скучающими на посту караульными. У ворот, как обычно, толпились люди. Стражники осматривали телеги, мытари, как коршуны, кружили вокруг повозок торговцев, повсюду слышалась брань, ржали лошади, ревели ослы. Отломив сосульку от зубца крепостной стены, Авик попытался сделать из нее приближающее стекло. Произнесенное заклинание заставило льдинку принять форму линзы и сделаться прозрачной как слеза. Стекло неплохо приближало, но почему-то переворачивало всё вверх тормашками и растягивало в стороны. Несколько минут Авик разглядывал суесящихся внизу людей. Сквозь стекло они были похожи на толстых летучих мышей, перетаптывающихся вниз головой на ветвях дерева или на потолке пещеры. Насмеявшись, он принялся высматривать харчевню «Синий Осетр» – Северный Тракт начинался здесь, за воротами.

А вот и она, чуть в глубине – не слишком заметное строение с вывеской в виде большой синей рыбины. Довольный собой, Авик выкинул ледышку и спустился на улицу. Остаток дня он провел, копаясь в книжных развалах и беседа со знакомыми книготорговцами.

Восход условленного дня еще только начинал алеть на горизонте, а мальчики уже стояли на пороге «Синего Осетра». Небольшая зала была почти пуста. За большим столом завтракала крестьянская семья: старик, старуха и две их тощие прыщавые дочери. В углу угощался дымящимся мясным супом степняк-торговец в сдвинутой на затылок кожаной шапочке. У окна, спиной к мальчикам, сидел дородный человек в черной робе. Бычья шея и массивные уши энергично двигались, выдавая активную работу челюстей. Хура подошел к нему и почтительно поклонился. Незнакомец ответил глубоким поклоном головы, не прекращая при этом жевать.

– Вы ли тот человек, с которым мы должны встретиться этим утром? – учтиво спросил его Хура. Дородный мужчина повернул голову и сглотнул.

– Да, о сын мой, – произнес он торжественно, – провидение привело тебя в правильное место и в правильный час.

– Вы можете нам помочь?

– О да, мой долг помогать страждущим, сбившимся с пути, утратившим надежду и желающим обрести истину.

Авик и Хура переглянулись.

– Мы как раз хотим узнать истину, – неуверенно сказал Авик.

– Я вижу, вы – дерзновенный юноша, – обратился к нему здоровяк. – Давайте же совершим наш утренний молебен, чтобы удача преследовала нас весь оставшийся день.

Он отложил ложку, повернулся лицом по направлению к

восходящему солнцу и принялся читать благословение. Его роба разгладились, когда он встал, и друзья обнаружили, что ее объемные складки скрывали вовсе не шелковый пояс, какие носят маги, а сплетенный из посеребренных цепочек, какой имели право носить лишь священники. Мальчики удивленно смотрели на своего нового знакомца, боясь помешать ему закончить молитву. Авик из вежливости даже подтягивал в некоторых местах.

Им так и не удалось возобновить разговор, так как входная дверь внезапно распахнулась настежь, и в харчевню ввалились два здоровенных парня малосимпатичной наружности. Чуть позади них семенила невысокая, с ног до головы закутанная в плащ фигурка. Громилы напрямик направились к мальчишкам и скрутили им руки.

– Ну что, щеглы, думали срезаться? А ведь крутил вам оглобли щурый, крутил, а всё не всклад, – с укором произнес закутанный в плащ. По голосу и бегающим глазкам, поблескивающим поверх плаща, Авик узнал своего странного собеседника с постоянного двора.

Дородный священник возмутился было кощунственным вторжением, так бесцеремонно прервавшим его молитву, но получив косой удар в ухо, свалился под стол и затих. Громила в неуверенности застыл, сжимая и разжимая кулак, которым он только что нанес удар святому отцу. Глаза его под нахмуренными бровями выражали напряженную работу мысли. Наконец, решение проблемы было найдено, и он совер-

шил двойной взмах открытой ладонью от плеча к поясу, какой обычно совершают набожные люди, после того как коснутся святыни. В это время старик-крестьянин, сжав кулаки, вскочил из-за стола, однако быстро оценив свои перспективы в потасовке, как бы случайно замешкался, переведя полный надежды взгляд на жену и дочерей. Те дружно зашикали на него, и мужик с облегчением опустился обратно на место, всем своим видом давая понять, какой тяжелой гирей семейный долг висит на его шее. Хура попытался прочитать простенькое боевое заклинание, которому его учили в школе, но полуперчатки и наручи незнакомцев были хорошо заговорены и защищали от магии.

– Гвоздички... – с апломбом начала фигурка, вытягивая руку с длинными когтистыми пальцами, однако и ей не суждено было довести свою мысль до конца. События разворачивались стремительно. Сначала вокруг головы державшего Авика громалы возник неправильной формы ореол из щупальцев, в комбинации с вытаращенными глазами и разинутым ртом бандита, наводящим на мысли о змееволосом чудовище из детской сказки. Продолжалось невиданное зрелище лишь краткий миг: щупальца оказались брызгами супа, и осколки разбитого о голову горшка с грохотом посыпались на пол. Ошпаренный детина взревел и развернулся всем корпусом в тот угол, откуда прилетел горшок, однако тут ему в лоб точнехонько угодила массивная ножка деревянной скамейки. Охнув, он повалился на пол, увлекая за собой Ави-

ка. Его товарищ отбросил Хуру в сторону и с ревом бросился на подмогу. Деловито поправляя шапочку, из своего угла ему навстречу уже спешил степняк. Узкий в плечах и на две головы ниже своего противника, он был вертким как ящерица, а его конечности вдобавок не были скованы громоздкими доспехами. Схватив громилу под рукава между локтями и запястьями, он легко уворачивался от ударов и, с настойчивостью метронома, наносил пятками пинки по колену противника. Удары не были сильными, но попадали точно в одно и то же место. Потеряв терпение и воя от боли, бандит безуспешно пытался сокрушить смельчака ударами своей бритой головы. Блестящий череп со свистом рассекал воздух, но не достигал цели. Когда амбал замхнулся головой в третий или четвертый раз, степняк, подобравшись снизу как пружина, ударил своим лбом прямо в челюсть громилы. Удар, сложенный из встречных движений обоих борцов, получился такой силы, что кожа на шапочке степняка лопнула, обнажая вшитую в нее железную пластину, с торчащим надо лбом маленьким злобным шипиком. Громила схватился руками за раздробленную челюсть и, пуская кровавые пузыри, медленно опустился на пол.

Степняк, покачиваясь, словно пьяный, сделал несколько широких шагов и вдруг бросился к двери. Однако замотанная в плащ фигурка оказалась проворнее. Оставив обрывок плаща в кулаке своего преследователя, предводитель неудачливых налетчиков был таков. После того как хлопнула дверь,

в харчевне воцарилась полная тишина. Даже бандит с разбитой челюстью прекратил стонать, поскольку, должно быть, потерял сознание. Потасовка произошла настолько стремительно, что Авик даже не успел стряхнуть с себя обжигающие капли горячего супа, которые попали на него из разбитого горшка.

Время вновь обрело свой нормальный, размеренный ход. Священник, ворча, выползал из-под стола. Крестьянин удовлетворенно побряхтывал: драка удалась на славу, а ему даже бока не намяли. Худенький степняк опустился на лавку и принялся чистить обильно залитую кровью шапочку. Кое-как залепив дырку и нахлобучив на место свой головной убор, он поднял глаза на мальчиков.

– Дун, – произнес он, оскалив в улыбке черные корешки зубов.

– Это ваше имя? – спросил Авик.

– Та-та, так зовут моя, – сказал их новый знакомец с мягким акцентом кочевника.

Мальчики тоже представились.

– Наша идти должна, а то эта, «оглобля крутить», – он потряс в руке обрывком плаща, – обратно приходите, еще больше негодяй приводить. А вы – со мной идти, – добавил он.

Мальчикам ничего не оставалось, как последовать за ним. Они вышли на свежий воздух, степняк звонко причмокнул, и к ним подкатилась маленькая кибитка, запряженная чет-

веркой косматых низкорослых лошадок.

– Ну, ехать смотреть сразу вашу покойника? – прищурившись спросил Дун.

– Так это вас прислал Его Мудрейшество Оноди Нотия? – обрадовался Хура.

– Ну... Не прислала, попросила, – поправил его Дун.

Не без труда все трое втиснулись в кибитку. Кучер, тоже степняк, щелкнул кнутом, и они понеслись. Дун уселся спиной к лошадям и время от времени озабоченно поглядывал на дорогу. Мальчики поняли, что он опасается погони.

– Кто была этот негодяя? – спросил он хмуро.

Авик рассказал о странной встрече на постоялом дворе. Дун призадумался.

– Гвоздик ему нужна... – повторил он задумчиво.

– Вы понимаете, что он говорил? – удивился Авик.

– Ваш язык вообще очень непонятная, много угадать надо, – отвечал ему Дун. – А негодяя – им всегда деньги нужна, или еще что-то отнимать.

Он перевел пронзительный взгляд своих раскосых глаз на Авика, и у того душа ушла в пятки, ««Глаз Нимбрана», – в смятении подумал он. – Он ищет потаенную магию, заговоренные вещи, скрытые заклятия. Только опытные маги владеют этим искусством».

– Вот эта, быть может, гвоздик, – палец кочевника уперся в рукав Авика, и тот быстро схватил себя за запястье. Ах вот оно что! На руке браслет Атрака, надетый им после нападе-

ния косоглазого следопыта – он так и оставался у него на руке. Немедленно сняв вещицу, Авик внимательно осмотрел ее. И точно, есть какое-то странное хорошо спрятанное заклятие, не разобрать, да и заметить не просто. Вот тебе и еще одна загадка.

– А Вы, вероятно, известный чародей? – спросил степняка Хура, не умевший долго сидеть молча.

– Ну, какая я чародея? Я гулять-путешествовать, – ответил ему Дун.

– Торговый человек?

– Торговая тоже, но больше просьба выполнять, совет давать, – туманно охарактеризовал свой род занятий степняк.

– А какие советы даете? – не отставал от него Хура.

– Бесплодная, пустая разговор, давай лучше интересный поговорим, – ответил степняк.

– Ну, давайте, а о чем?

– О смерть, конечно.

Хура нервно сглотнул. Дун это заметил и усмехнулся.

– Молода еще о смерть думать? Поговорим тогда про горшок. У горшка Настоящее Имя есть? Есть. «Гаргот» – обожженный глина. А когда я горшок об лоб негодяя разбила, он стала «Лиобран-Гаргот» – разбитый обожженный глина. А вот теперь возьмем косточка, – он порылся под сидением кибитки и извлек оттуда мумифицированную человеческую руку. – Как она будет на Истинный Язык? «Марцу» – рука. А когда она частью человека была, где ее Имя было? Ведь я те-

бе на руку чар наложить не могу. А ведь этот человек еще и свое собственное, Тайное Имя имела. – Постепенно Дун так увлекся рассуждением, что даже его акцент куда-то улетучился, а речь стала грамотной – А когда он умер, откуда это «Марцу» взялось? И куда Истинное Имя человека делось, со всеми своими чарами-заклинаниями, наложенными за всю его жизнь? – И ведь не сразу же это произошло, человек – не горшок, и дух его покидает не сразу, и Имя меняется постепенно. Одно состояние сменяет другое по мере разложения тела. Ну и вот вам вопрос: старое Имя человека отступает, как пересыхающее море, обнажая новые Имена членов тела, как подводные скалы, до поры скрытые на глубине? Но тогда где это морское дно сейчас, можно ли до него добраться? Или же напротив, убивая человека или разбивая горшок, мы убиваем Имя, и вызываем новые Имена откуда-то из небытия? Но откуда Вселенная знает, какое Имя должно возникнуть в том или ином случае?

Мальчики удивленно молчали, глядя на качающуюся из стороны в сторону высохшую кисть со скрюченными пальцами. Коверкающий слова кочевник, вдруг как будто переродился, как только речь зашла о магии. Потертая кожаная курточка и пыльные шаровары совершенно не вязались с речами, больше подобающими наставнику в шелковой робе.

– В Школе вас этому, небось, не учили? – снисходительно продолжил Дун. – Парадокс смерти – лишь частный случай общей проблемы смены состояния. В конечном счете,

это ключ и к разгадке взаимной связи мира Имен и мира вещей, то есть нашего мира. Что было в начале и что явилось потом? Идея или материя? Быть может Имена – мир истинный, а мы – лишь рябь на воде, которую создают невидимые нам рыбы, когда подплывают к поверхности? А может, Имена – отражение происходящего в нашем мире, – и когда не будет нас, не станет и Имен? – он сделал паузу. – Интересная разговор, правда?

– Вы занимаетесь изучением этого вопроса? – после недолгого молчания вежливо осведомился Хура.

– В конце концов, смерть каждая занимается, и ты тоже. Будешь чуть-чуть старая, тоже понимать, – поддразнил его степняк. – Но я начал заранее и уже кое-чему научился, – осклабился он. – Ты, вероятно, знаешь эти простые вещи, вроде сутр Минаса и Себя, когда маг шаг за шагом исследует внешний край, подобно тому как мореплаватель обводит корабль вокруг нового континента. Ты, наверное, слышал и об искусстве Великой Игры, когда медиумы, как охотники за жемчугом, погружаются в транс, для того чтобы обогнать Задающего Вопросы и узнать Истинное, Тайное Имя, им доселе не известное. Я не мастер ни ходить под парусами, ни закапываться в морское дно, – продолжал Дун, сверкая глазами, – зато я научился хорошо плавать под водой.

Тут лошади вынесли их на неровный участок дороги, и из-за тряски разговор сам собой прекратился.

– Вы некромант и изучаете разложение тела и Астральной

Карты? – уточнил Авик, когда замерзшие лужи и колдобины остались позади.

– Ну, я же говорила, я не чародея, я путешествовать, гулять, смотреть, многое интересоваться, – степняк снова отвечал уклончиво.

– А Вы можете определить, какие чары наложены на этот браслет?

Дун повертел браслет в руках.

– Сложно. Моя не знает. Не антимагия, не защитный амулет, не боевые чары, со смерть точно не связана, – задумчиво произнес он.

Степные лошадки так весело бежали по оледеневшей за две морозные ночи дорожной грязи, что кибитка подкатила к хутору, когда холодное весеннее солнце еще висело над горизонтом. Мавка, услышавшая стук копыт и звон лошадиной сбруи, выскочила на крыльцо. Следом показалась и тетушка Диса – только сейчас Авик заметил, как она постарела. Видимо несколько дней, проведенных в одиночестве, окончательно подкосили ее. На полном лице застыла задумчивая и как будто виноватая улыбка, а некогда живые темные глаза смотрели куда-то вдаль и поверху, как будто пытаясь заметить что-то под скатами крыши или в древесных кронах.

Дун учтиво представился, соединив в знак приветствия руки, которые как бы пожали одна другую и покачал плечами, как это делают все степняки. Мавка с удивлением разглядывала необычного гостя. Тот деликатно показал глазами

на заходящее солнце и приподнял правую бровь.

– Вы хотите скорее начать? – тихо спросил Авик. Дун молча кивнул.

Атрак еще не был похоронен. С горящей лучиной в руке, Дун спустился по крутым ступенькам в глубокий влажный погреб. Там, между бочками с солониной и мешками, набитыми прошлогодней сморщенной репой, обложенный ледышками, ожидал своего часа покойник. Взвалив тело на плечо, Дун аккуратно вытащил его наружу. Под навесом уже стояли два внушительных размеров рундука, принесенные из кибитки извозчиком. Мавка расстелила на посыпанной опилками земле конскую попону, а поверх нее – льняную простыню. Пока степняк вытаскивал из ящичков свитки, руны и склянки, мальчишки обмыли осклизлый труп колодезной водой и положили на подстилку. При вечернем освещении он выглядел еще менее похожим на человека, чем тогда, в горнице. Однако обезображенное лицо и окоченевшие конечности умершего, казалось, нисколько не удивили деловитого кочевника. Он принялся старательно, вершок за вершком осматривать тело. Не выдержав этого зрелища, тетушка Диса ушла в дом, Мавка вскоре последовала за ней. Тем временем Дун достал письменные принадлежности и принялся быстро записывать что-то в небольшой потрепанный фолиант, поминутно оглядываясь на труп. Авик незаметно заглянул ему через плечо. К его удивлению, вместо степняцких квадратиков или растянутых каракулей южан, его гла-

зам предстали аккуратные ряды классических букв, которые вполне могли бы быть писаны рукою хорошего имперского писаря. При свете последних лучей заходящего солнца степняк закончил наконец писать, разжег небольшую жаровню, набросал туда каких-то зловонных корешков и застыл в неподвижности над бездыханным телом, прислонившись спиной к опоре навеса. Мальчики, ожидавшие увидеть в руках своего странного знакомца руны или, на худой конец, колбы и реторты, в разочаровании переглянулись: наблюдать за медиумом, погружающимся в транс, было совершенно не интересно.

Попереминавшись с ноги на ногу и проводив весенние облака, освещенные багровыми лучами заката, друзья отправились в избу. Там, возле догорающей печи, их дождался простой крестьянский ужин. Хозяйка дома неторопливо перебирала усталыми руками льняную пряжу. Мавка уже забралась на полати, и оттуда свешивались только ее волосы и одна нога в грубом чулке. Покончив с едой, Авик пошерудил в печи кочергой и, откопав подходящий уголек, зажег от него лучину. Он снял браслет, и поднес его задумчивой тетушке Дисе. Та неторопливо повертела его в руках и вернула Авику.

– Не помню я у мужа такой вещи. Впрочем, память у меня плоха совсем стала, Авик. Мы как во сне живем с тех самых пор, как Мавка сама не своя из лесу прибежала – вся бледная, волосы растрепанные, ревет страшным ревом. Знаешь,

что мне тогда послышалось сперва? «Его заставили». Потом я только поняла, что это значит – «заколдовали», – она снова опустила к своей пряже глаза, полные слез.

Авик повернулся и собрался было задуть лучину, но невольно взгляд его упал на полати. Оттуда на него смотрело бледное и испуганное лицо Мавки. Авик передумал тушить лучину и протянул ей браслет. Свесившись вниз, она взяла его дрожащей рукой осторожно, словно она трогала змею, и почти сразу вернула, чуть ли не бросила Авику.

– Папин? – тихо спросил Авик.

– Нет, не папин, – еле слышно ответила она.

– А чей тогда?

– Я не знаю, Авик, убери от меня эту штуку, мне страшно, – она забилась в дальний угол и смотрела оттуда своими большими испуганными глазами.

Авик пожал плечами и, не решившись надеть браслет, засунул его за голенище сапога и погасил лучину. В этот раз они с Хурой ночевали в горнице, и Авику досталась та самая широкая лавка, на которой несколько дней назад лежал покойник. Хура отвернулся к стене и мгновенно захрапел, а Авик долго не мог уснуть, ворочаясь с боку на бок. Незаметно нахлынувший на него сон, стремительно слетел с него перед рассветом. Сердце холодной рукой сжимала тревога. В ускользающих обрывках ночных видений блеск ножей сменялся шуршанием сороконожек. Авик рывком сел на лавке, крутанул головой, чтобы стряхнуть морок и принялся натя-

гивать сапоги, «Раз я все равно не сплю, проведу-ка я Дуна» – подумал он.

Ветер, разгуливавший по двору, не давал потухнуть углям в жаровне. Благодаря их тусклому неровному свету Авик увидел, что бездыханное тело покрыто простыней, а Дун повесил гамак между двумя опорами навеса и спокойно спит, завернувшись в овчину. Авик поднял его фолиант и открыл на последней исписанной странице. Здесь была старательно вычерчена Астральная Карта – Дун сделал свою работу. Авик подбросил в жаровню пару щепочек и быстро пробежался по внешнему краю Карты. Они с Хурой потратили так много времени на его проверку, что он помнил расположение всех рун. Все сходилось, они не ошибались, а Дун, кажется, не нашел ничего нового. В этот момент кто-то мягко взял его за запястье и вынул фолиант из рук.

– Что, молода башка, не спится? – насмешливо спросил его знакомый голос откуда-то из темноты. Авик вздрогнул от неожиданности.

– Поспишь тут, – ответил он. – Жаль, что Вы понапрасну тащились в такую даль, – сказал он, указывая на фолиант. Дун придвинулся поближе к жаровне.

– А ты с утра шибко быстрый, ты карту-то смотрела? Что такая руна значит? – он ткнул пальцем в карту и выжидающе посмотрел на Авика.

– Мерроеф-готонг, – прочитал Авик и нахмурил брови. – Натянутый конский волос, струна лютни? – Дун тихо рас-

смеялся и с осязательной силой ткнул его кулаком под ребра.

– Э, нет, это полярный лев, зверюга очень выносливая и сильная чутьем. Руна редкая и наверняка запрещенная. Весь остальной Карта под Внешним Краем очень странная. Слова кое-какие впервые видела и в книжка не находила.

Авик затрясся мелкой дрожью, однако Дун, казалось, несколько не был удивлен своим открытием. Зевая, он засунул фолиант за пазуху и полез обратно в гамак досыпать до рассвета. Авик на негнущихся ногах отправился в дом. Когда он завернул за угол, на конюшне зафыркала лошадь. Он повернул голову на звук и остолбенел. С крыши хлева сквозь мрак прямо на него смотрели два немигающих, светящихся зеленым огнем глаза. Авик крепко зажмурился и снова открыл глаза. Наваждение улетучилось, темнота сгустилась. Но он так и остался стоять, вжавшись в бревенчатую стену. Не прошло и часа, как рассвет узкой багровой каймой показался из-за дальнего перелеска.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На восходе заспанный возница загнал кибитку во двор хутора. В ее задней стенке, за драпировкой обнаружилось миниатюрное живое окно. Усевшись на крыльце и потягивая горячее молоко с медом, мальчики смотрели, как Дун слой за слоем накладывает на него защитные чары, не позволяющие посторонним ушам узнать о содержании предстоящего разговора. Когда все было готово, окно зажглось оранжевым огнем и в нем, как сквозь толщу воды, проступила знакомая комната, заваленная книгами и прочим хламом. Оноди Нотия вполоборота сидел за своим столом в одной лишь ночной сорочке и грел босые ступни над небольшой жаровней, стоявшей у него в ногах.

– Ну, рассказывайте, – сказал он вместо приветствия, и стиснул в кулаке конец своей нечесаной бороды.

– Две дурная новость, – отрапортовал Дун, – крестьянин была заколдована, внешний край сохранен, чтоб следы путать, все остальное внутри – новая, много непонятная. Центральная часть Карты, включая Истинное Имя крестьянин, разрушил непонятная сила. Поэтому мальчик Карта не открывать. Само тело посмотреть – похоже, что сначала заколдовать, а потом убивать. Возможно – чтобы концы обрубить и запрещенная магия скрывать.

– Клянусь Летающими Островами, это не-ве-ро-ят-но! –

протянул старый волшебник, – Наша магия пока не знает способа уничтожать Карту только изнутри. Как добраться до вишневой косточки не повредив кожуру? Хм... Если твои наблюдения верны, мы имеем дело с чем-то совершенно не известным. Кто-то или что-то совсем рядом с нами располагает силой, которую мы совершенно не понимаем.

– Мы должны немедленно сообщить об этом Его Высокомогуществу, – встрял Хура.

– Неужели? – усмехнулся Нотия, – насколько я знаю Рамиса, он не слишком обрадуется тому, что вы пошли против его воли и самочинно продолжили расследование... Необъяснимые случаи такого рода происходили и раньше, хотя нечасто... Я полагаю, грандмаг возобновит это дело только в том случае, если будет убежден, что ему самому, Школе или княжеству грозит неминуемая опасность. Зачем ему лишний раз рисковать своими позициями при дворе? Он не тот, кто пойдет на это из-за смерти одного крестьянина.

– Что же тогда делать? – спросил Авик.

– Во-первых, похоронить этого несчастного. Во-вторых, нам следует собрать побольше сведений о происходящем. Когда я услышал заключение совета о капкане Черных Куниц, я не поверил своим ушам. Я еще помню времена, когда магические капканы не были редкостью в наших лесах. Большинство из них Куницы расставляли, чтобы насыпать морок, и тогда жертва бесконечно блуждала в чаще леса, или иногда с помощью капкана человека лишали сил и доводили

до истощения, но я ни разу не слышал об ожогах и уж тем более о перманентной магии. Племя Черных Куниц одно из древнейших в наших краях, но они слишком постоянны в своих привычках. Их капканы не менялись, по меньшей мере, со времен основания Хорива. Более ранний период просто не отражен в летописи... Однако в данном случае нельзя исключать, что Рамис прав. Хотя магия Куниц стара, и подчас больше напоминает деревенские обряды, в ней есть много вещей, которые мы никогда до конца не понимали. Столкнувшись с необъяснимым, я тоже прежде всего думаю об их возвращении. Барджигин-оол Дунже, не окажете ли Вы нам еще одну услугу? Нам бы очень пригодись сведения о движении северных племен...

– Не могу отказать, учитель, – тихо ответил степняк.

«Так вот оно что, это его ученик», – подумал Авик, а Хура так и подпрыгнул на месте.

– Но как Вы знать моя положение, не можно сделать это в Хорив.

– Мы все осознаем, что вы подвергаете себя риску, и очень ценим вашу самоотверженность – так же тихо произнес Но-тия.

– Я должна отъехать до Черная Десница. Это мала-маленько три дни.

– Я буду Вам крайне признателен, Дунже, – повторил старый волшебник, Дун лишь молча кивнул головой.

– А вас, молодые люди, я жду в Хориве с записями масте-

ра Дунже. Кстати, Авик, я побеседовал с наставником Одшу об истории твоего ученичества, – продолжил волшебник, скрывая улыбку, – как ты, наверное, знаешь, я давно не беру учеников. Однако мне нужен плотник, садовник и библиотекарь. Я никогда не держал прислуги, но сейчас у меня совершенно нет сил заботиться о доме и саде. Питанием и кровом ты будешь обеспечен. Жалованье я платить не буду, но вместо этого обучу тебя магии. Если захочешь, конечно.

Хура ткнул Авика локтем в бок:

– Соглашайся, увалень, – прошептал он. Тот, робея, начал бормотать слова благодарности.

– Ну, вот и хорошо, – хлопнул в ладоши старый волшебник, – да, и еще, когда будете проезжать мимо этой вашей полянки, наловите мне полевок. Дунже, напишете молодым людям *заклинание призыва*?

– Конечно, учитель.

– Тогда до встречи, – старый маг потрянул седой шевелюрой, и живое окно погасло.

Дун на своем наречии отдал распоряжение вознице, и тот принялся собирать гамак и сундуки. Сам маг тем временем вырвал два листка из своего фолианта, на один из них он быстро перекопировал Карту Атрака, а на другом своим аккуратным почерком набросал несколько Имен – *заклинание призыва*.

– Я бы в Хорив не спешить, – сказал он отдавая Хуре листки, – Там ваша знакомый-плащ гвоздичка сильно хотеть, а

та лысая негодяя теперь совсем злой ходить, шишка монетка прикладывать – Хихикая он подсчитал что-то на пальцах, – два дни на три... будет пятница и торжище большое. А вы – одеваться в крестьянский одежда и тихонько в Хорив пробираться. В Хорив вы у Оноди Нотия укрываться, пока мы не решим с этим маленький проблем.

Выпив по крынке кефира, степняки укатили по своим делам. Мальчики же, взяв лопаты, оправились на опушку леса и принялись ковырять еще не оттаявшую, полную корневищ землю. Только к полудню неглубокая могила была готова. Авик срубил две молодые осинки и соорудил из их стволов какое-то подобие носилок. Обливаясь потом, мальчики понесли замотанный холстиной и перехваченный бечевою труп к опушке. Проститься с усопшим пришло всего несколько соседей, да еще старичок – деревенский колдун. Мавка стояла у изголовья могилы, упрямо сдвинув брови. Ни она, ни ее мать не проронили ни слова и не пролили ни слезинки, а просто смотрели, как комья глины постепенно съедают обернутый в холстину кокон.

После недолгих и немногословных поминок гости разошлись, и в доме воцарилась гнетущая тишина, лишь из-под пола раздавалось печальное треньканье сверчков. Мальчики тоже неловко откланялись и отправились на авиков хутор – кормить кур, оголодавших за три дня и как будто даже слегка облезших от тоски. После Хура вернулся к своим урокам, а Авик принялся заколачивать ставни, прятать утварь по сун-

дукам – скоро ему предстояло оставить этот дом надолго, если не навсегда.

Один кирпич у основания печи отодвигался, и Авик, просунув руку в образовавшееся отверстие, достал несколько серебряных монет и бабушкину камею с мраморным профилем прекрасной южанки на иссиня-черном фоне. Простая оправа была поцарапана в нескольких местах, а кусок черного оникса отломан, но это лишь подчеркивало утонченное изящество вещицы. Налюбовавшись, он засунул свои скромные сокровища в поясную сумку и принялся заговаривать стены: иначе жучки превратят дом в труху за три-четыре зимы... Сборы сделали дом чужим и неудобным, поэтому вечером, когда друзья ели свой холодный ужин, разговор у них не складывался.

– Слушай, – сказал наконец Авик, извлекая злосчастный браслет из голенища, – а что мы будем делать с этой штукой? Вдруг эти трактирные действительно за ней охотятся? Может, они связаны с убийством?

– Мне кажется, в твоём сапоге ей отлично живется, – ответил Хура. – Дун сказал, что со смертью она не связана, значит это вряд ли важная улика. Но проверить надо.

Авик поскреб бронзу пальцем.

– Ни клейма, ни гравировки. Одна надежда – что удастся расшифровать заклятие.

Хура в ответ только утвердительно погудел набитыми щеками.

На следующий день Авик отправился проститься с Мавкой. Хотя возвращение в Хорив и возобновление ученической жизни было его заветной мечтой, ему страшно не хотелось снова покидать хутор. Он все спрашивал себя, почему за эти четыре дня Мавка, которую он знал чуть не с рождения, стала так много значить для него.

Не застав девушку дома, он отправился на опушку, к свежей могиле. Она сидела неподалеку на сухом стволе упавшей березы и задумчиво сосала соломинку.

– Здравствуй, Авик, – поздоровалась она, – знаешь, мне до последнего момента казалось, будто что-то должно случиться, и папа окажется живым. Так странно...

Авик не нашелся, что ответить, и пару минут они молчали.

– Знаешь, а я в Хорив опять уезжаю. Надолго, – наконец выдал он несколько слов. Мавка грустно покивала головой. Он сел на стволе рядом с ней и достал из поясного мешка камю. – Вот, это тебе... на память... – Мавка медленно взяла брошь в руку и поднесла к лицу.

– Очень красивая, – сказала она, – но ты же будешь приезжать?

– Ну да...

– А мне нечего тебе подарить. Хотя нет, постой, вот возьми, – она сняла с пальца простое деревянное колечко. Авику оно налезло только на мизинец. Испещренная темными прожилками древесина пахла можжевельником. Снова повисла

неловкая пауза.

– Слушай, а когда вы хоронили папу, вы сняли с него веревку? – спросила вдруг Мавка.

– Нет, – ответил Авик.

– А почему же она здесь лежит, – Мавка указала рукой на грязный клубок, спутанной черной змеей затаившийся у вывороченных корней дерева.

– Ах да, наверное, сняли... а я забыл – произнес Авик, в панике вспоминая заклинание геопии. Сделав вид, что закашлялся, он отошел в сторону и, встав за стволом, молниеносно пробормотал несколько Имен. Как сквозь толщу мутной воды, он увидел корни, норы лесных зверьков, рыхлую глину свежей могилы. Тело было на месте. Облегченно вздохнув, он вернулся к задумчивой Мавке.

«Что со мной? То глаза в темноте мерещатся, то про веревку забываю?» – думал он.

– Прости, Авик, что я такая невеселая сегодня, – сказала девушка, – я буду по тебе очень скучать...

Он нежно погладил Мавку по ее длинным распущенным волосам. Она не отстранилась и лишь печально покачала головой. Так они молча сидели бок о бок на стволе березы, слушая весеннее щебетание птиц и чуть слышный шум не проснувшихся еще от зимнего сна деревьев. Авик чувствовал какую-то странную воздушную легкость в груди, в районе солнечного сплетения.

На следующий день мальчики поднялись затемно, рассовали свои робы и сапоги по котомкам, а сами нарядились в авиковы крестьянские обноски. Долговязый Хура, почти на голову выше своего приятеля, намотал онучи почти до колен, чтобы голые голени не выглядывали из-под слишком коротких ему штанов. Авик запер дверь и зачаровал щеколду простым, но надежным заклинанием. Зайдя в курятник, он выловил и попарно связал сонно квохчущих куриц. Так, с котомками за плечами, курами и глиняным кувшином для полевков, друзья вышли на Северный Тракт.

Было очень свежо и по-весеннему ветрено. Вскоре из-за поворота показалась крестьянская телега, запряженная парой немолодых коренастых коней и груженная какими-то мешками. Правил лошаадьми потрепанный сутулый мужичок с виноватыми глазами. Мальчики знаками попросили его остановиться. Авик со своим крестьянским говором принялся торговать подвоз до Хорива в обмен на курицу. Крестьянин оказался не жадным, и через несколько минут мальчики уже тряслись по ухабам вместе с мешками, между которых обнаружилась спящая жена возницы и его дочь-подросток. Хура сперва тоже завалился спать, а Авик смотрел на проплывающие мимо кроны и загадывал, скоро ли ему вновь придется ехать этой дорогой в обратном направлении.

Груженная телега катилась медленно, крестьянин был разговорчив, и к полудню, когда ветерок стих, а весеннее солнышко начало слегка припекать, друзья очень подробно

представляли себе как содержимое мешков, так и точное его происхождение. Не желая выслушивать полное жизнеописание коней, везущих телегу, Хура соскочил на землю и быстрым шагом пошел по обочине.

– Скажи, а почему у тебя одежда крестьянская, а говоришь ты по-городскому? – спросил его крестьянин, видимо, не хотевший терять слушателя.

– Так я и живу рядом с городом, ездил вот ему помогать по хозяйству, – почти не соврал Хура.

– Не ближний свет-то, – отозвался крестьянин. – Мне бы кто так помог. Три сына у меня, да со скотиной работы столько, что на пасеку вообще рук не остается. Сосед раньше помогал, пока с ним беда не случилась. А тех, кто подальше-то живет, тех пойди еще уговори. Так что в следующий раз, – он подмигнул Хуре, – милости просим.

– А что с вашим соседом случилось? – осведомился Авик.

– Да ничего. Был-был – и нету, пропал, да и канул в Лету.

– То есть как это?

– Как-как. Той осенью уехал тоже в город, на ярмарку, один. Уехать-то уехал, а приехать забыл.

– И не нашли его?

– Не, не нашли, да не шибко-то и искали, он вдовый был и бездетный. Лошадей видели потом на конском базаре.

– Может, он в торговые люди подался?

– Угу, задал корове корм на три дня и в торговые люди подался. Не... Если только золото где нашли рассыпное... А

они все его мыть сбежали, – крестьянин завистливо пожевал губами.

– *Они все?*

– Да просто поветрие какое-то... Человека три, а то и четыре. Нет, не вместе – каждый сам по себе уезжал, и ни слуху потом, ни духу. Вон, меня жена моя, – он недовольно мотнул головой в сторону полусидящей на телеге женщины, – теперь на ярмарку одного и не пускает.

Мальчики испуганно переглянулись.

– И давно это началось? – спросил Хура.

– Да никак, с осени, – потянул крестьянин. Тут настроение у него испортилось, и желание вести разговоры пропало.

Когда большая часть дня была позади, небо затянуло облаками и начал накрапывать холодный мартовский дождик. Дорогу изрядно развезло, и лошади пошли совсем медленно, то и дело опуская широкие головы и выпуская из ноздрей клубы пара. Теперь уже все четыре пассажира спешились и шли по обочине вслед за телегой. Так что когда путники достигли того самого луга, на котором друзья отдыхали шесть дней назад, никто не возражал против привала. Лошадей укрыли от дождя в густом ельнике, который начался приблизительно в ста шагах от проселка. Телегу накрыли просмоленной мешковиной, несмотря на негодование все еще связанных кур. Жена крестьянина серпом выкосила под подводой жесткий травяной сухостой, а мальчики разложили поверх поверженных стеблей свеженадранный еловый

лапник. Девочка раскатала четыре потертые коровьи шкуры. Крестьянин окопал телегу неглубокой водоотводной канавкой. Когда дождь вошел в полную силу, путники уже сидели или полулежали под полком, глядя, как холодные капли сбивают с высоких колес дорожную грязь.

Так они прождали больше часа, однако дождь все не утихал. Тогда прямо под дождем из нескольких валунов соорудили простой очаг и разожгли чадящий, кашляющий от влажной бересты костер. Крестьянка зарезала петушка и принялась его потрошить, а Авик побежал в лесок, поискать подходящей глины. Отойдя на достаточное расстояние от стоянки, он немедленно прочитал заклинание, сделавшее его рубаху и порты непромокаемыми под дождем. Капли, блестя при соприкосновении с одеждой, скатывались по грубой льняной ткани и падали в коричневую лесную подстилку.

Судя по уклону, тут должен был быть овраг с небольшой речушкой. И точно – в ложбине, вздувшийся от дождя и талой воды, прямо через заросли дягиля бежал мутный журчащий поток. Авик пошел вниз по течению и шагов через триста нашел то, что искал – отвесный, скользкий обрыв на подмытой ручьем излучине. Свесившись с его края, он принялся раскапывать грязную красноватую землю своей мозолистой пятерней. Слепив ком размером с собственную голову, он обвалял его в опавшей листве и зашагал обратно вверх по утопанной тропинке. Лишь когда она растворилась в сухих еловых иголках, а запах костра защекотал ему ноздри,

Авик подумал: «А откуда тут эта тропа? И куда она вообще ведет? Места-то тут не населенные».

Оставив глиняный ком под корнями вывороченной ели, он бросился обратно. Миновав обрыв, тропинка шла вдоль ручья, пока вдруг не оборвалась на подтопленной прибрежной полянке. Авик осмотрелся. Тропа продолжалась уже на другом берегу: то ли мостки снесло течением, то ли в нормальную погоду через ручеек можно было просто перешагнуть. Чертыхнувшись, он разулся и перешел вброд ледяной поток, утопая по щиколотку в чмокающей грязи, казавшейся теплой по сравнению с талой водой, проносившейся над ней. Быстро вытерев ноги от налипшего ила и обувшись, он побежал дальше. Шагов через двести он увидел просвет между деревьями и убавил шаг.

Тропа вела к высокой полуразрушенной огаде какой-то усадьбы. Авик подошел поближе и заглянул в щель между досками. Его взгляд уперся в черную грудку обгорелого дерева, а в нос ударил тяжелый запах свежего пепелища. Найдя дырку в заборе, он проник во двор. Внушительных размеров изба, занимавшая большую часть двора, сгорела практически полностью. Крыша рухнула, стены по большей части обвалились и лишь кое-где возвышались над землей, достигая, самое большое, плеча мальчика. Дождь прибивал пепел к земле, превращая его в густую серо-черную кашу. Авик прошел через то, что было когда-то дверным проемом и, переступая через упавшие балки, стал пробираться к почер-

невшей громаде печи. Несмотря на дождь, пепелище все еще сохраняло свой смертоносный жар и жгло даже через влажные чуни. В печи все еще стоял здоровенный глиняный горшок, весь растрескавшийся из-за пожара. Авик осторожно коснулся края сосуда и попытался было вытащить его наружу, но тот приплавился к полу горнила – и от приложенного усилия рассыпался на куски. Внутри обнаружили обугленные остатки пищи. Авик в задумчивости отступил на шаг, все еще держа в руках почерневший черепок. Вдруг под ногами раздался треск обгорелых досок, и через мгновение он летел вниз в душную темноту, увлекая за собой обуглившиеся головешки. Очнулся он, лежа на куче пепла. Нос и рот были забиты, а за шиворот ему сквозь дыру в потолке струилась зола вперемешку с дождем. Света, проникавшего вниз через дыру, было достаточно, чтобы понять, что он провалился в неглубокий хозяйственный погреб. Прочистив глаза, уши и нос, он зажег холодный огонь и в ужасе отпрянул, стукнувшись головой о почерневший потолок, – прямо на него, раскрыв рот в беззвучном крике, смотрело обезображенное лицо человека. Спекшаяся кожа побурела и покрылась пузырями, волосы выгорели, а глаза почернели от жара. Руки трупа были заведены ему за спину. Сквозь смрад пожарища, Авик почувствовал отталкивающий запах горелой плоти. Не помня себя от ужаса, он как белка вскарабкался по стенке погреба и, подтянувшись на руках, выскочил наружу. Выбравшись из пожарища, он остановился под дождем,

чтобы перевести дыхание. Он обнаружил теперь, что падая в погреб, ушиб локоть и разбил губу. Где-то тревожно закричала птица. Авик повернул голову, – сквозь шум дождя с той стороны усадебного участка до него донеслось чуть слышное ворчание и тяжелые шаги. Неожиданно, высоченная ель, растущая в перелеске, в десяти шагах от забора злополучной усадьбы, заходила ходуном, разбрасывая вокруг себя капли воды и роняя продолговатые шишки. Это было уже слишком. Авик выскочил обратно сквозь дырку в заборе и бросился наутек, вспоминая попутно защитные заклинания, которым он так как следует и не научился.

Брод он преодолел бегом, не разуваясь, оставив одну чую в чавкающей грязи и чуть не поскользнувшись. Изо всех сил он мчался вверх по тропинке, боясь обернуться. Ему казалось, будто совсем рядом звучат шаги неведомого преследователя и слышится его хриплое дыхание. Заклинание, наложенное на одежду, распалось, когда он упал в погреб, поэтому на полянку к своим попутчикам он выскочил насквозь вымокший, перепачканный в золе и глине, и вдобавок босой на одну ногу.

– Что это с тобой? Ты где пропадал столько времени? Мы уж и глину накопили, – изумленно глядя на него, спросил его Хура.

– Ехать нам пора, – ответил Авик, – место плохое тут.

Начинало смеркаться, телега была обложена лапником уже со всех сторон, – крестьяне готовились заночевать пря-

мо на этом лугу. Рядом с очагом лежали черепки от разбитой глиняной оболочки с впекшимися в нее перьями приготовленного петушка. Возница, смотревший на Авика из-под телеги округлившимися от удивления глазами, обсасывал сочное крылышко. Хура отломил кусок грудинки, вытащил из костра печеную луковицу и протянул Авику.

– Что стряслось? – спросил он.

Авик отвел его в сторону и рассказал о своей находке и бегстве. К концу рассказа он уже стучал зубами от холода. Хура сделался мрачным, как грозовая туча.

– Так, ты пойдешь, поешь и обогрейся. Я пока наловлю полевков, и едем, – сказал он.

Пока Авик, обжигаясь, заглатывал свой кусок грудинки, Хура отошел на другой конец луга, достал листок Дуна, прочитал заклинание и бросил кусок пергамента в кувшин. Несколько минут ничего не происходило. Потом Авик увидел еле заметное шевеление среди прибитых дождем стеблей, словно серый ручеек потянулся к лежащему на боку сосуду. И вдруг бурая волна поднялась и захлестнула кувшин, а вокруг его горла образовалась куча-мала из копошащихся зверьков. Хура ловко привел свою ловушку в вертикальное положение, вытряхнул половину мышей и заткнул горло деревянной пробкой с высверленными отверстиями для воздуха. Полевки, оставшиеся снаружи, еще какое-то время пытались запрыгнуть в кувшин или вскарабкаться по его отвесной стенке, однако вскоре прекратили это занятие и разбре-

лись по своим делам – видимо их сородичи внутри ловушки изгрызли пергамент, и заклинание перестало действовать. Хура поднял кувшин обеими руками и понес его обратно к телеге. Крестьяне, сидевшие под ней, так ничего и не заметили, однако на потрепанного Авика, сушившего у костра свои порты и рубашку, все еще смотрели с некоторым удивлением.

Дождь превратился в безобидную туманную морось, однако и солнце уже почти совсем закатилось. Хура попытался убедить пригревшегося у костра усталого крестьянина, что нужно сниматься со стоянки, однако тот был совершенно не в настроении продолжать путь в темноте. Пожары и погорельцев он повидал на своем веку вдоволь, а от Черных Куниц ночью все равно не удерешь. Мальчикам ничего не оставалось, кроме как нести ночное дежурство. Первым очередь бодрствовать выпала Авику. Он присел на край телеги.

Вышедший из-за облаков молодой месяц освещал убегающий вдаль проселок и чернеющую на краю луга полосу ельника. Авик принялся поправлять лапник, сходил проведать лошадей, досыпал им фуража. Зачерпнув пригоршню овса, он вернулся к телеге и, приоткрыв кувшин с полевками, тоже закинул туда зерна. Кувшин заходил ходуном от мышинной беготни так, что Авику пришлось взяться за ручки, чтобы не дать ему упасть. Из любопытства он открыл кувшин пошире и зажег внутри него крохотный холодный огонь, немедленно приковавший внимание десятков крохотных черных глазок.

Авик принялся рассматривать суетливо жующие усатые мордочки. Почти у всех зверьков на голове виднелись едва заметные бугорки. Они были намного меньше тех, которые он обнаружил неделю назад – видимо, за это время заклинания успели ослабнуть. И все же, кому понадобилось повторять одно и то же простенькое упражнение несколько сот раз и зачаровывать всех полевок на этом лугу? Кто-то готовит целую армию магов? Но это же невозможно сделать незаметно. Он в задумчивости потушил огонь и заткнул кувшин. Небо окончательно очистилось. Чтобы не заснуть, Авик стал играть сам с собой в «угадай созвездие». Помнил он их плохо, поэтому игра не клеилась. Когда Росомаха зашла наконец за кроны деревьев, он залез под телегу и растолкал Хуру. Тот был уже и не рад идее ночного караула, но поделаться ничего не мог. Когда он, потягиваясь и шепотом кляня свою судьбу, полз к выходу по лапнику, со стороны ельника раздалось тревожное лошадиное фыркание. Хура быстро выскочил в ночь, но лошади снова затихли. Сквозь налетевшую дремоту Авик слышал, как его приятель ходит вокруг телеги, переминается с ноги на ногу, громко хрустит онемевшими пальцами. После тяжелого дня сон навалился на него сразу, темный и глухой, как заброшенный колодец.

Разбудил его резкий и высокий крик, несущийся со стороны ельника. Лошади испуганно заржали и застучали копытами. Было слышно, как скрипят и лопаются ремешки лошади-

ной сбруи, которыми они были привязаны к коновязи. Крик неожиданно сменился утихающими клокочущими подвываниями. Авик выбрался наружу и подскочил ко вглядывающемуся в темноту Хуре. Месяц был снова скрыт облаками. Кто-то тяжелый, сопя, понесся по лугу. У Авика душа ушла в пятки.

– Ты что, не слышишь, конь сорвался с привязи, – крикнул ему Хура, бросаясь наперерез невидимому в темноте животному. Из-под телеги стрелой выскочил разбуженный возчик и во все лопатки помчался за ним, спотыкаясь на скользкой траве. До Авика донеслась приглушенная ругань вперемешку с увещеваниями. Судя по топоту, конь закружил вокруг телеги, потом замедлил бег и пошел шагом. Наконец из темноты показалась конская голова. На узде буквально висели Хура и возчик. Последний одной рукой гладил бедное животное по чувствительному месту посреди лба, между распахнутыми от ужаса глазами.

– Что это был за вой? – спросил Авик.

– Две сойки лягушку не поделили, – неуверенно предположил крестьянин, утирая пот со лба. Он потрепал дрожащего коня по холке и протянул руку к темному горизонту, – светает уж, давайте-ка в путь-дорогу...

Мальчики с облегчением принялись собирать свои пожитки и запрягать беспокойных коней. Было еще темно, когда они выехали на тракт. Лошадей даже не пришлось подгонять, они сами припустили по темной дороге так, что мокрая

от дождя грязь летела из-под колес во все стороны. «Скорей бы эта ночь закончилась», – думал Авик, теребя мавкино колечко. Хура вдруг схватил его за рукав и показал головой в сторону. Там, в залитой туманом низине, между молоденькими елочками виднелось что-то напоминающее человеческую фигуру, наполовину скрытую в клубах тумана. Когда лощина скрылась за поворотом, он повернулся к Авику:

– Ты видел? Он стоял на четвереньках, а увидев нас встал, как будто зверь на задние лапы.

– Оборотень? Кадавр?

– Или Черная Куница.

– Черные Куницы низкорослые и вроде бы как сутулые, – вдруг тихо вставил крестьянин, – а этот был высокий и прямой. – Он взмахнул вожжами, и лошади понесли еще быстрее.

– А вы встречали Черных Куниц? – удивился Авик.

– Давно дело было. В детстве, – быстро отозвался тот и еще раз подстегнул лошадей.

Вскоре восток заалел, и наконец, на горизонте показался узкий, обжигающий взгляд, краешек дневного светила. Туман начал рассеиваться, а страхи уходить. Навстречу попалась крестьянская подвода с седым как лунь стариком на козлах. Мальчики и дочь крестьянина встретили его восторженными криками, старик посмотрел на них удивленно, но ответил вежливым приветствием. К полудню, когда по сторонам дороги замаячили верстовые столбы, счастливая обы-

денность всего вокруг вернулась в свои привычные берега. Утомленный Хура дремал, наполовину засыпанный мешками, а Авик, отгоняя сон, пытался восстановить и запомнить все события прошедшего дня. Мысли путались и наползали одна на другую. С высокой ели вместе с каплями дождя сыпались полевки, а вместо коня по полю топал кто-то огромный, мохнатый, с зелеными светящимися глазами. Он сам не заметил, как провалился в сон.

Проснулся он от того, что кто-то больно толкнул его в бок. Телега уже не двигалась. Прямо над ним нависало грузное лицо городского стражника с маленькими красными глазками под тяжелым шлемом. Тупым концом пики от щупал лежащие на телеге мешки.

– Просыпайся, холоп, – от стражника повеяло винным перегаром, – нечего спать, когда благородный господин с тобой разговаривает. – Понаползли в город сегодня, не проехать по улицам, – обратился он к крестьянину заплетающимся языком.

– Так ярмарка же, сударь, – возразил тот.

– Так и что, что ярмарка, у нас распоряжение. В княжеских интересах. Высочайшее повеление. А то негоже благородным господам и между телегами-то. Вот если пару куриц уступишь для государственной важности, то, стало быть, и можно будет сделать исключение. Или, вот, если твоя дочур-

ка меня поцелует – я ведь жених хоть куда, – брэнча доспехами, он подкрутил один ус. Девчонка заревела, а крестьянин принялся хмуру разворачивать коней.

– Может, лучше я тебя поцелую? – раздался вдруг голос Хуры. Стражник слегка оторопел от такого неожиданного предложения, и от того, что это было сказано чистым городским говором. Насупив пьяные брови, он несколько мгновений пристально рассматривал Хуру. Крестьянские обмотки, торчащие из-под коротких портов, быстро развеяли его сомнения, и он, сделав шаг вперед, начал заносить пику для того, чтобы ударить мальчика тупым ее концом. Авик, сразу соскочивший с телеги, со страхом глядел то на наливающееся кровью лицо стражника, то на черное от ярости лицо друга, бешено шепчущего руны. Он попытался было перехватить пику, но вскрикнув, отдернул руку: металл был раскален докрасна. Через мгновение жар через кольчужную перчатку дошел и до руки стражника. Взревев, он выпустил оружие и принялся срывать раскалившуюся рукавицу. Когда тугие завязки, не поддававшиеся трясущимся от хмеля и ярости пальцам, были перекушены, он вдруг охнул, и забыв про перчатку, принялся отчаянно высвобождать ногу от медленно краснеющего бронированного щитка поножей. В воздухе запахло палеными волосами и немойтой плотью. Авик перевел взгляд на Хуру. Тот, нахмурившись, продолжал шептать.

Не справившись с доспехами и воя от боли, несчастный пьяница с разбегу сиганул в мелкую канавку, когда-то бив-

шую частью оборонительного рва, а теперь заполненную грязной талой водой напололам с помоями. Щиток с шипением ушел под воду, но судя по крикам трезвеющего на глазах блюстителя закона, жечь не переставал. На вопли барахтающегося в грязи тут же собралась толпа зевак из числа торговцев, нищих и просто прохожих. Расталкивая их, на помощь своему товарищу уже спешили другие стражники. Пока двое, проклиная нестерпимую вонь, вызволяли все еще орущего караульного, остальные обступили телегу выставив вперед острые концы своих пик. Крестьяне в телеге окоченели от ужаса. Хура сделал шаг навстречу блестящим на солнце металлическим наконечникам и поднял открытую ладонь с загнутым вниз безымянным пальцем. Авик последовал его примеру. Стражники, увидев приветствие волшебников, отступили на один шаг.

– Я бы хотел видеть начальника караула, – величественно заявил Хура, строго сдвинув брови, – почему пьяный на посту?

– Они обедать-с изволят... – заблеял в ответ тот, кто, видимо, был старшим в группе, – но оно-с извинительно-с: Вы, Ваше Мудрейшество, так необычно одеты, что...

Пики заметно задрожали. Крестьяне смотрели на своих попутчиков огромными глазами.

– Не вашего ума дело, как мы одеты, – оборвал его Хура. – А начальника караула, когда они изволят-с закончить-с свою трапезу, пришлите в Школу Волшебников для доклада.

И чтобы не терять времени, можете заготовить пару охапок хороших ивовых прутьев.

Опустив пики и пряча злобные глаза, стражники расступились, а мальчики, взобравшись обратно на телегу, въехали в город. Всю дорогу до ярмарочной площади крестьянин с тревогой косился на своих пассажиров.

– Уж и задали вы мне страху, благородные господа, – наконец произнес он. – Как бы эти судари на обратной дороге на мне не отыгрались.

– Выезжай через другие ворота, – скупно отрезал Хура. – И сегодня им будет не до тебя.

На площади они распрощались с крестьянами. Авик быстро распродал оставшихся куриц и, звеня медными монетами, друзья отправились в харчевню перекусить. Завернув за угол, они неожиданно для себя оказались небольшой толпе, окружавшей непримечательного вида толстенького человечка в черной робе без пояса, стоявшего, отставив ногу, на перевернутой бочке. Близко сдвинутые свиные глазки строго смотрели из-за оплывших щек, а борода в три волосинки возмущенно дрожала.

– Кругом всеповсеместная измена и околупреступное недопочитание, – восклицал он визгливым голосом. – Доколе мы будем запускать магов вовлекаться в священнодействие Божественного провожения? Что они возомнили о себе, эти книжнозлостные возмутители? Людики из земли родящиеся и в землю возвратящиеся. Так было предначертано испо-

кон веку, и так будет до закругления времен. Кто смеет оборонишься против того, чему суждено совершишься? Вот ты можешь восстать супротив молнии грозовой? – он обратился к одному из слушателей, средних лет мужчине в костюме ремесленника. Тот, польщенный вниманием, энергично закивал и замотал головой одновременно. – А супротив весеннего ледохода? – продолжал оратор. – То-то и оно, что можешь, да только живым да здоровым тебе не быти. А разве судьбина человеческая светлее неба грозового да спокойней ледохода? – слушатели одобрительно загудели. – Нет, не светлее и не спокойней. Так кто, окромя богов, достоин заправлять наше предначертание? Неужели эти высокоумцы, которые в щелку что-то подглядели, у небесных освещателей через плечо подсмотрели да от спеси возгордились? Грех это страшный, высокоумие. Все мы во грехе ходим, всем нам покаяться надобно.

– Ученый человек, а мои пальцы – тоже грех? – спросил один из слушателей, поднимая руку. Все пальцы кроме мизинца были заменены магическими протезами.

– Грех, сын мой, страшный грех, – резко отвечал толстяк.

– Да как же я без них плотничать-то буду? – расстроился прохожий.

– Тебе разве боги не дали пальцев? – переспросил проповедник.

– Боги-то дали, да только оторвало мне пальцы мялкой.

– А мялка та заговоренная была? – быстроотреагировал

толстяк.

– Да как же, ясное дело, что заговоренная...

– Вот, – торжествующе вскричал толстяк, указывая пальцем ввысь – грех никогда не проникает сам по себе. Спервоначально он пришел через нечестивую мялку, ведь она ж, небось, и не освящена была в установленном святым законом порядке? – прохожий хмуро кивнул, и этим так раззадорил толстяка, что тот начал подпрыгивать на своей бочке. – Боги дали этому человеку знак, чтоб он одумался, покаяться и отзынул от высокоумных нечестивцев. Но нет! Не таков лихолютый род человеческий...

Вдруг Авик заметил, что Хура тихонько подбирается к бочке. Подойдя к ней, он рухнул на колени и, воздев руки к небу, возопил:

– О горе мне, великому грешнику! Хочу покаяться во грехе! Ведь я долгие годы изучал высокоумие в Школе Магии под руководством этого старого высокоумца Рамиса Ацетуса.

Толстяк, принявшийся неистово подпрыгивать с началом хуриной исповеди, несколько притих, как только услышал имя грандмага. Хура понял, что заехал немного не туда, и поспешил сменить тему. Совершая земные поклоны и ритмично раскачиваясь из стороны сторону, он произносил нараспев:

– Не сотворял я молитв, страдал ослеплением ума, не чтил святых святынь, был своенравен, самоугодлив и самочинен,

не приходил за благословением, не жертвовал, был ретив, предавался вкусоедению и сладкопитию, громкопению и веселоплясанию. Но спала теперь пелена, морок развеялся! Спасибо тебе о, мудрейший из мудрых – жизнь моя по-другому пойдет, другим путем, сообразно воле богов, а не каких-то книжновредных выскочек.

Когда Хура дошел до веселоплясания, прыжки толстяка стали уже слишком заметно попадать в такт словам исповеди, и казалось, что он с трудом сдерживается, чтобы не начать выкидывать коленца. Тут Хура как бы случайно подтолкнул бочку, и проповедник потерял равновесие и со всего маху шлепнулся на мостовую, широко расставив ноги. Полы робы задрались, и взору публики предстали две упитанные лодыжки в облегающих бархатных панталонах и щегольских замшевых сапожках. Хура молниеносно подскочил к низверженному оратору, сдернул с него сапожки и, запрыгнув на бочку, поднял их высоко над головой.

– Последняя мода: пурпурные самоплясы с нефритовыми пряжками, – звонко провозгласил он. – Покупайте сапоги, стачал сапожных дел мастер Фрадволь, заговорил заклинатель Гарбор-старший, оба промышляют в Хориве, в Торговом квартале, направо от кожевенных рядов, – зачитал он выбитые на каблуке слова, а от себя добавил, – Святые отцы плохого не посоветуют.

В толпе радостно загоготали. Особенно удивлялся беспальный плотник, он ударял себя руками по бедрам и, мотая го-

ловой, сквозь смех повторял:

– Ой, да как же это так! Как же так!

Хура бросил сапоги почерневшему от злости толстяку, все еще не пришедшему в себя после падения и позорного разоблачения.

– Шел бы ты, добрый человек, прямо на свои потанцуйки. Черт тебя дернул по дороге искру веры высекать. А вы чего уши развесили? – он повернулся к толпе, – Это же даже не священник, у него и пояса-то нет, просто дурак в черной робе!

Прохожие загомонили и начали расходиться. Хура с Авиком отошли в сторону и быстро растворились в толпе. Здесь, среди снующих поваров и перебравших по случаю удачной торговли простолюдинов, все события прошедших дней казались причудливым сновидением. Лишь рогатые полевки, скребущиеся в кувшине, напоминали о том, что все это было явью.

– Я понял, что на нем самоплясы, как только он начал подпрыгивать, – говорил Хура, уплетая копченое свиное ухо, – когда в городе ярмарка, по вечерам на площади обычно устраивают танцы, вот он и принарядился.

– Борзо ты сегодня начал, сначала со стражником, теперь с этим типом, – сказал Авик.

– Терпеть это все не могу, – притворно поморщился польщенный Хура.

Через час, подобревшие и повеселевшие от вкусной пи-

щи и жизнерадостной суеты, мальчики пошли на подол, нанести визит Нотии. Они снова поплутали в безлюдных проулках, но в конце концов вышли к нужному тупику. Здесь, привалившись к коновязи, стоял какой-то странный человек и энергично махал им руками. Незнакомец имел густую шевелюру и широкий задранный кверху нос. Поравнявшись с ним, мальчики поняли, что он нем. Человек отчаянно жестикулировал, хлопал Хуру по груди и показывал то на дом Нотии, то на что-то на узкой тропинке между глухими оградками имений, как бы уговаривая пойти туда вместе с ним. Глаза его умоляюще смотрели то на одного, то на другого. В нерешительности мальчики сделали несколько шагов по узкой тропе. Вдруг незнакомец издал пронзительный свист, и тут же с обеих сторон, выламывая доски изгородей, высунулись по две пары мускулистых мозолистых ручищ в защитных браслетах и скрутили мальчиков. Последним, что запомнил Авик, был звон разбитого кувшина и радостный писк вырвавшихся на свободу полевок.

Очнулся он от того, что кто-то плеснул ему в лицо ледяной водой. Затылок саднило, мысли путались, в голове стояло мутное месиво. Сначала он не мог определить стоит он, сидит или лежит. Слезающимися глазами он попытался осмотреться, но сразу же зажмурился от головной боли. Как со дна колодца, он слышал доносящиеся до него голоса, однако не мог разобрать ни слова. Его лицо снова обо-

згла ледяная струя воды. Когда он наконец пришел в себя, то обнаружил, что лежит на куче какого-то вонючего тряпья, а взволнованный Хура трясет его за плечо. Авик сел. Вокруг стояла полутьма, свет едва проникал через маленькое забранное решеткой слюдяное оконце под потолком комнаты. Он попытался зажечь холодный огонь, но при первых словах заклинания, его запястья скрутило от невыносимой боли. Он пощупал свои руки: на них были надеты два неснимаемых браслета.

– Кандалы Наррох-Ша не дадут колдовать, – тоскливо сказал Хура, показывая ему свои руки. – И комната, по-видимому, имеет магическую изоляцию, так что нас будет очень сложно тут найти. Мы влипли. Как твоя голова? Тебя оглушили чем-то похожим на деревянный молоток с длинной ручкой.

– Как долго я был без сознания? – спросил Авик, ощупывая голову. На затылке красовалась огромная шишка.

– Не знаю, я очнулся за несколько минут до тебя.

Авик с трудом поднялся и начал вдоль стены обходить помещение, держась рукой за каменную кладку. Вдруг в другом конце комнаты открылась небольшая дверка, и внутрь помещения вплыл холодный огонь. Мальчики зажмурились от яркого света.

– Ну что, щеглы, просморкались? – раздался хриплый голосок.

Когда глаза привыкли к освещению, Авик увидел своего

знакомца из трактира. На этот раз на нем не было плаща. Полными ненависти глазами он смотрел на мальчиков. Рядом с ним стоял еще один человек в широких льняных штанах и туфлях с загнутыми кверху носками. Лицо было скрыто изящной полумаской, а на голове красовался огромных размеров тюрбан, какие носят торговцы из Вечного Города. В одной руке он держал горящую ароматическую палочку, а другой – прижимал к носу шелковый носовой платок. На поясе у него висела изогнутая сабля с нефритовым эфесом. За их спинами маячили два детины огромного роста с квадратными подбородками и пустыми глазами.

При свете огня Авик посмотрел на Хуру. Его лоб был рассечен, а на бровях висели сгустки запекшейся крови. Незнакомец в тюрбане оторвал от лица платок.

– Сожалею, что нам пришлось несколько бесцеремонно завлечь вас под сей гостеприимный кров, – изрек он. – Я надеюсь, что наше сотрудничество будет плодотворным и мы найдем подход друг к другу в...

– Будете нереститься, откуда гв оздички, или ждать, пока вам не пустят жеребца? – завопил вдруг сутулый, бешено шаря глазами.

Мальчики только удивленно молчали в ответ. Тип в тюрбане в раздражении повернулся к своему спутнику:

– Скатывай свою погремушку, Щурый, ты разве не чешешь, они же – щеглы, не волокут ни одной твоей телеги, только ставнями хлопают.

– Это воровское аргю, – еле слышно прошептал Хура.

– Щеглы-то, щеглы, а у Копченого пол жвала отцурюпили, – тем временем визгливо парировал Щурий.

– Он сам общеглился по самую макушку, – отрезал Тюрбан. – А ты своим гузлом не лезь на мой частокол. Ты этих щеглов на смолу подсадил, но оципывать – мне... Извините моего друга, – он повернулся к мальчикам, – он немного расстроен теми тяжелыми травмами, которые вы нанесли его товарищам. Смею вас уверить, что им движет, прежде всего, горькое разочарование вашим отказом от сотрудничества с нами. Поверьте, в том случае если вы будете вести себя благоразумно, вы будете вспоминать эти угрозы не иначе, как издержки его горячего темперамента.

– Чем же мы можем вам помочь? – спросил Хура.

– Для начала, мы хотели бы узнать, откуда у вас взялась эта вещица, – Тюрбан извлек из-за пояса браслет Атрака.

– Выпала из узелка, – выпалил Хура.

– Сняли с убитого, – одновременно с ним сообщил Авик.

– О, да у нас, кажется, есть целых две версии, – вкрадчиво произнес Тюрбан. – Эй, Жила, выведи-ка длинного за дверь, и держи его там, пока я не позову.

Щурий злорадно захихикал. Один из громил выволок из комнаты Хуру.

– Итак, как нетрудно догадаться, меня сильнее заинтриговала версия с трупом, – сказал Тюрбан, поворачиваясь к Авику. – Не терпится узнать все детали этой истории.

Авик принялся рассказывать все произошедшее с ними, стараясь обойти стороной существование заколдованных полевков и страшное открытие Дунже. Тюрбан слушал со снисходительной улыбкой, изредка прерывая повествование вопросами. Затем настала очередь Хуры. Авика вывели в тесный, обложенный камнем коридорчик, в котором едва могли бы разминуться два нетолстых человека. Один конец коридора был словно бы заткнут бесформенной массой утрамбованного сырого грунта. Где-то в другом конце светлое пятно выдавало потолочный люк, к которому, очевидно, вела невидимая в темноте приставная лестница. «Наверное, эта темница выкопана под полом ничем не примечательного городского дома, – с тоской подумал Авик, – а окошко выходит в широкий колодец или в компостную яму». Минуты тянулись медленно, на душе было тягостно. Наконец дверь снова отворилась и Авика втолкнули обратно в узилище. Он почувствовал зловонный запах мочи, пота и разложения, к которому, видимо, успел привыкнуть, пока был без сознания. Тюрбан в задумчивости чесал подбородок.

– Это было очень интересно. В вашем рассказе не хватает чудесной пещеры с сокровищами, открывающейся лишь тому, кто знает волшебное слово, которое вы, разумеется, готовы мне сообщить в обмен на свободу, – наконец изрек он.

– Пустить жеребца! – радостно закричал Щурый.

– Однако, хотя в двух версиях немало различий, основные линии повествования довольно точно повторяют друг дру-

га, – не обращая на него внимания, задумчиво продолжил Тюрбан. – Пожалуй, я все же прикажу проверить вашу сказку, прежде чем переходить к плану вашего нового друга Щурого.

Он прошествовал к выходу, не забыв несколькими быстрыми словами погасить холодный огонь. Щурый недовольно засеменил за ним следом. Комната вновь погрузилась в темноту, а мальчики вернулись на кучу тряпья.

– Теперь мы знаем, что в Хориве вне стен Школы есть, по меньшей мере, еще один маг, – устало сказал Авик.

– Не похоже, что это те, кого мы ищем, – возразил Хура. – Судя по вопросам, они знают еще меньше нашего. Если только не пытаются выведать, что именно нам известно, а что – нет. Но тогда и хорошо, что мы мало знаем – живее будем. Эх... – он сделал паузу. – Кажется, я зря проучил того пьяного грубияна: этим я выдал нас. Въехали бы мы через другие ворота – и черт бы с ним!

Хура подошел к двери и попытался раскачать ее. Снаружи раздался ленивый окрик невидимого часового. Тогда он попытался расшатать окошко камеры. Повиснув на крохотном подоконнике, он испытывал на прочность то решетку, то слюдяную пластину. Увы, и та, и другая были сработаны на совесть. Поняв бесплодность этих попыток, он принялся обходить комнату, простукивая стены костяшками пальцев, и разбил их в кровь. Каждый выступающий из кладки камень он бережно обхватывал ладонями и, сосредоточенно сопя,

пытался расшатать. Авик поначалу следил за его усилиями, задумчиво почесывая голень. Вдруг что-то брызнуло у него из-под пальцев и ударилось о подбородок. Он провел рукой по ноге, и во все стороны с еле слышным стрекотом полетели маленькие тельца.

– Ой, да здесь блохи! – заорал он, вскакивая. Хура только деловито хмыкнул в ответ.

Авик быстро отряхнулся и принялся сам ощупывать стены, двигаясь в противоположном направлении. Комната была довольно большой, поэтому когда они встретились, прошло несколько часов, и света снаружи стало заметно меньше. В темницу через приоткрывшуюся дверь втокнули ведро с прошлогодними морожеными яблоками и большую кружку с водой. Яблоки были насквозь гнилые и рассыпались в руках, но выбирать не приходилось.

Нужником служила огромная бадья под деревянной крышкой, вкопанная в пол в дальнем углу комнаты. На отдых они устроились в углу, подальше от блошиной лежанки. Кое-как расположившись на ледяном земляном полу, они попытались заснуть, но только ворочались с боку на бок, стуча зубами. В конце концов, Хура не выдержал, перешел в другой конец комнаты и погрузился в недра смрадного тряпья. Авик недолго думая, последовал его примеру. Через несколько минут изможденные пленники крепко спали, не обращая внимания на насекомых.

Проснувшись, Авик немедленно вскочил и отряхнулся. В

животе урчало, следы укусов по всему телу опухли и чесались. Он разбудил Хуру. Так начался тоскливый день, темный, унылый и сырой. Часы тянулись медленным вязким потоком. Хура продолжал без особой надежды исследовать стены и пол темницы, а Авик принялся ловить блох. В полутемной комнате было совсем не просто поймать блоху, и не менее сложно – раздавить плоское насекомое между пальцами. Приходилось сначала отрывать ноги, а потом разрывать тельце на две части.

– Что-то наши похитители не торопятся, – наконец сказал Авик, чтобы нарушить гнетущую тишину.

– Они, наверняка, отправили всадников на хутора, чтобы все разнюхать, и теперь ждут их возвращения, – предположил Хура.

– Ой! А ведь там Мавка!, – вскочил со своего места Авик. Эта мысль до сих пор не приходила ему в голову. В ужасе, он несколько раз пробежал взад и вперед по комнате, а затем принялся помогать другу прощупывать пол. Вдвоем они выкопали и, кряхтя он натуги, переставили на другое место бадью с нечистотами. Под ней не обнаружилось ничего, кроме пары мокриц. Холодной рукой к горлу тянулось отчаяние.

– Похоже, без колдовства нам отсюда не выбраться, – наконец сказал Авик.

– А как же кандалы?

– Попробую перетерпеть, – он попытался стянуть один из браслетов, тот сидел очень плотно и слезать, конечно, никак

не желал.

– Ты не знаешь заклинания для такого случая? – спросил Авик. Хура в ответ только покачал головой.

Авик начал быстро произносить простенькое деревенское симпатическое заклинание, помогающее извлекать застрявшие пробки из кувшинов и бутылок. На первых же рунах его скрутило от боли, и как будто бешеной штормовой волной выбило все мысли из головы и слова изо рта. Однако он не сдавался и раз за разом повторял свои руны сначала. Он чувствовал страшную боль, словно бы кто-то пилил ему запястья тупой пилой – и не мог продолжить чтение дальше первого Имени. Обессилевший, он рухнул на пол. Хура перетащил его на лежанку. Глаза слезились, в ушах звенело. Сквозь эту пелену он вдруг услышал свой собственный голос, неторопливо читающий руны. Руки совсем онемели и он их не чувствовал. Когда заклинание закончилось, он потянул браслет на левой руке, тот соскочил, содрав кожу на костяшке большого пальца, и тихо упал на земляной пол. Мальчики молча уставились на метал, мерцающий в темноте подобно глазу гадюки.

– Больше не укусишь, – сказал ему Авик и лишился чувств.

Когда он очнулся, было совсем темно. Пальцы его не слушались и ничего не чувствовали. Он был даже рад темноте, скрывающей от его глаз почерневшую, как ему казалось, плоть. Хура тряс его за плечи.

– Проснулась, – раздался в темноте знакомый мягкий голос.

– Ох, Дун, тебя тоже поймали, – расстроился Авик.

– Тише ты, вставай, – прошептал Хура.

Ничего не понимающий Авик поднялся на трясущиеся ноги, сделал несколько шагов пока не ударился плечом о стену. Тут он обнаружил, что из проема открытой двери внутрь падает тусклый свет. Дун тихонько свистнул, и две приземистые коренастые фигурки втащили в комнату какую-то громоздкую ношу.

Дун направился к двери, и мальчики последовали за ним. Когда он вышел на свет, стало видно, что он одет в черную замшевую сорочку и черные же порты. На его ногах были башмаки из мягкой кожи, делающие шаги практически бесшумными. Он вытащил из земляной стенки коптящую лучину и, подняв ее над головой, вернулся в комнату. Нижнюю половину своего лица он закрыл черной маской, оставив лишь небольшую полоску вокруг раскосых глаз, поптичьих смотревших из-под неизменной кожаной шапочки. Он бросил взгляд на мальчиков и, схватив Хуру за запястье, нащупал кандалы на нем. Воткнув лучину между досками двери, он шепотом бросил несколько рубленых слов на своем языке. Тут же из темноты показались четыре жилистые руки, обхватившие мальчиков и зажавшие им рты.

– Выдыхай глубоко, – сказал он Хуре и скороговоркой прочитал заклинание. На последнем слове он с силой дернул

браслеты на обеих руках мальчика. Хура изогнулся дугой от боли, бешено вытаращил глаза и даже умудрился лягнуть ногой державшего его человека. Дун, как бы извиняясь, развел руками с открытыми кандалами, быстро засунул их за пояс и перешел к Авику. Не найдя браслета на одной руке, он с интересом посмотрел ему в глаза и повторил свое заклинание. После своих вчерашних упражнений Авик только глубоко вздохнул, когда браслет слетал с его руки.

– Теперь очень тихая и спокойная, идем наружу, нога только разденьте, – прошептал Дун, вновь беря в руку лучину. Он снова отдал пару команд по-степняцки, и державшие мальчиков руки ослабили хватку.

Сняв чуни и размотав онучи, они вышли в тесный коридор. За ними последовали две низкорослые фигурки, как и Дун укутанные с ног до головы в мягкую черную кожу. На каменной кладке подрагивал черным блеском свежий кровавой след. Сзади лязгнула задвигаемая щеколда. «Часового заперли в темнице», – равнодушно подумал Авик. Стараясь не шуметь, они поднялись по лесенке и, через открытый люк выбрались в просторную темную залу. Деревянные балки высокого потолка освещал слабо мерцающий свет. Дун жестами указал на лестницу, ведущую на галерею. Ставя ноги вплотную к перилам, чтобы вдруг не скрипнула половица, они поднялись наверх – первыми шли степняки, за ними – мальчики.

Свет исходил из дверного проема, завешенного веревоч-

ками с нанизанными на них кусками подкрашенного сушеного тростника. Двое степняков во мгновение ока бесшумно срезали все веревочки своими кривыми ножами и также бесшумно сложили их на полу галереи. Ни одна тростинка даже не хрустнула. Дун, крадучись, вошел в тускло освещенную залу. На полу и стенах лежали дорогие, скрадывающие звуки ковры, с потолка свисали две великолепно украшенные люстры с длинными незажженными свечами. В середине комнаты на полу были разложены роскошные тюфяки, вдоль стен, между шелковыми драпировками, стояли резные столики, уставленные безделушками. В глубине, вполоборота ко входу, за низким столиком сидел, скрестив ноги, их недавний знакомец в своем тюрбане. Рядом с ним на позолоченной цепочке висел небольшой холодный огонь в оправе, выполненной в виде старинной лампадки. На столике стопками высились манускрипты. Маг задумчиво шевелил губами. Степняки, прижимаясь к противоположной от него стене, в два бесшумных прыжка преодолели половину комнаты, когда вдруг ее огласил хриплый крик: «Ксенос! Киндинос!», а разноцветное чучело, неподвижно сидевшее на резной золоченой подставке, в панике захлопало красными крыльями. Подскочив, степняк со всего маху врезал попугаю кулаком, и покалеченная птица забилась на полу. Однако было поздно: человек в тюрбане уже поднимался из-за стола, выхватывая из-за пояса кинжал.

– Боюсь, вы весьма неудачно выбрали жертву ограбле-

ния, – произнес он спокойно, затем прошептал заклятие – и двое степняков с хрипом упали на землю, держась за свои шеи.

«Удушение Сультта», – подумал Авик. Между тем, Дун легко парировал предназначавшееся ему заклинание. Тюрбан издал удивленный возглас. Дун атаковал, Тюрбан парировал, Авик понял, что они разыгрывают классический гамбит из первой главы учебника боевой магии. Почти все магические дуэли начинались с этой хорошо известной, традиционной и сравнительно безопасной серии ходов, во время которой противники изучали оборону друг друга, собирались с мыслями и готовились к настоящей схватке.

Авик внимательно следил за обменом чарами: «Болевая пелена Гаар-Джудора», – «Блок Брандори», «Черное головокружение» – «Вспышка Сокола», сейчас должно последовать «Верхнее Разрушение Атгиса», «Переход Игото»... Но тут произошло что-то странное, и Тюрбан удивленно уставился на свои руки. Этого мгновения Дуну хватило, чтобы подскочить к нему и со всей силы ударить кулаком по физиономии. Тюрбан взвыл от боли и схватился руками за ушибленную скулу, а степняк молниеносно захлопнул пару браслетов на его запястьях. Превозмогая боль, Тюрбан потянулся к оброненному кинжалу, но Дун ловким движением ноги откинул кинжал к самому входу. Добавив третий браслет и треснув противника по другой скуле, он повернулся к своим товарищам, уже синевшим от удущья, и поспешно принялся разве-

ивать наложенные на них чары.

Хура вскрикнул: все еще держась за разбитое лицо, волшебник откинул одну из драпировок и через скрывавшееся за ней окно попытался выскочить в темноту. Он уже перекинул одну ногу через подоконник, когда раздался резкий свист, за ним тяжелый удар и бедняга повис, болтая в воздухе руками, как наполовину задушенная курица. На расстоянии одного пальца от его уха из тюрбана торчала короткая толстая стрела, почти насквозь пробившая оконную притолоку и, словно бабочку, пригвоздившая к ней неудачливого беглеца. Снаружи донесся мертвенный, неторопливый скрип натягиваемой арбалетной тетивы.

– Дикари, – выпалил несчастный колдун и, обмякнув, повис на своем тюрбане, удивительно плотно обмотанном вокруг его головы.

– Щенок, – лениво отвечал ему Дун, методично перерезая стрелу кинжалом, пока его товарищи, все еще потирая синие шеи, стягивали руки и ноги побежденного волшебника узкими кожаными ремнями.

Мальчики наконец решились подойти поближе. Пленник оказался совсем молодым человеком, на вид, всего на два или три года старше Авика. Однако полные ненависти голубые глаза смотрели по-мужски, а выдающийся вперед подбородок делал обветренное лицо совсем зрелым.

За окном стояла глубокая ночь. Дун закрыл ставни и задернул драпировку. Затем он зажег яркий холодный огонь и

принялся осматривать комнату. Брезгливо покрутив в руках пару декоративных слонов выточенных из слоновой же кости, бросив взгляд на ясписных рыбок, он перешел к столу с манускриптами и принялся шуршать свитками. Тюрбан неотрывно следил за ним. Хура ткнул Авика в бок:

– Смотри, вон та картина на стене – вовсе не картина, а живое окно, показывающее, что в эту минуту происходит в другом месте, – прошептал он, – сейчас там тоже ночь, но судя по вон тем укреплениям – это где-то в Вечном Городе. Последняя мода. Уйму денег стоит.

Дун тем временем внимательно разглядывал что-то на столе.

– Что жа ты, Карту-то украла? Изучала? – помахал он у пленника перед носом копией Карты Атрака. В ответ тот мог лишь промычать что-то злобное, поскольку степняки кляпом заткнули ему рот. Прихватив злосчастный браслет, лежавший тут же, и котомки мальчиков, валявшиеся в углу, Дун снова отдал гортанную команду. Степняки кинжалами распотрошили один из тюфяков, выкинули из него перья и головой вперед затолкали пленника в этот импровизированный мешок. Один из них взвалил извивающуюся добычу себе на плечо, и они осторожно направились к выходу. Вслед им неслась хриплая брань раненного попугая.

Спустившись по галерее и выйдя из зала, они оказались в просторных сенях. Дун подал всем знак молчать. Сам же он побормотал заклинание и зажег тусклый холодный огонь,

который осветил четыре связанных человеческих тела, лежащих и полусидящих вдоль боковой стены. Рты их были за-
ткнуты кляпами, а глаза – завязаны. В одном из них мальчи-
ки сразу признали поджарую фигурку Щурого. С огромным
кровоподтеком на все лицо, он хрипло дышал и, извиваясь
всем телом, кашлял сквозь кляп. Дун тихонько сказал что-то
шедшему налегке степняку, и тот остался в сенях. Осталь-
ные беззвучно вышли в ночь. За углом стояли взнузданные
степняцкие лошадки, такие же молчаливые, как и их хозяе-
ва. Кочевники вскочили в седла, посадили мальчиков поза-
ди, Дун взвалил мешок с пленником поперек седла. Вскоре
их догнал оставшийся в сенях степняк и еще двое всадников,
вооруженные тяжелыми арбалетами, и все они понеслись по
спящим улицам Хорива.

Из-за плотной спины степняка Авик удивленно смотрел
на мелькающие в темноте дома. Дикая скачка по ночным
улицам столицы казалась совершенно невероятной. Здесь, в
нескольких шагах от несущихся лошадей, мирно смотрели
свои предрассветные сны обычные горожане. Казалась, что
вот-вот, из-за ближайшего угла, покажутся степные просторы
с шелестящим на ветру сухостоем и бледными солонча-
ками. Но нет, их встречали обычные улицы, спящие дома,
жиденький дым печных труб. Дом, где мальчиков держали
в заточении, находился за пределами крепостной стены, по-
этому чтобы выбраться из города, им не пришлось выезжать
из ворот.

Вскоре придорожные хутора начали сменяться перелесками. Когда они пересекали узкую речушку, Дун звонко выкрикнул команду, и всадники один за другим соскочили с моста в ледяную воду. «Путаем следы», – подумал Авик, подтягивая повыше замерзшие ступни и прижимая их к теплему конскому боку. Прodelав изрядный путь по колению в воде, лошади выбрались на небольшую, скрытую от посторонних глаз полянку под раскидистыми липами. Степняки быстро спешили и разнуздали фыркающих и отряхивающихся лошадей. Дун первым делом воткнул небольшие колышки по краям полянки и натянул между ними серебрястую бечеву. Мальчики, следили за ним, слегка покачиваясь после быстрой скачки и разминая затекшие ноги.

– Маскируется от магии поиска, – прошептал Хура.

Рассвет еще не занимался. Двое степняков притазили из леса сухих бревен и разожгли костерок. Дун тем временем распорол кинжалом ткань мешка и вытащил оттуда пленника. Бедняга, по-видимому, нахлебался воды когда они прыгали в реку, и теперь задыхался. Дун вытащил у него изо рта кляп, перерезал стягивающие руки ремни и присел на корточки, терпеливо ожидая, пока тот не прокашляется и не поправит расползшийся тюрбан.

– Как ты смог нас найти? – спросил степняка Авик.

– Плащ обрывка помнишь? Гвоздичики. – весело ответил степняк. – У моя кусочек была. А где перышко, там и птичка.

– Поиск целого по фрагменту, – понимающе закивал Ху-

ра. – Симпатическая магия.

– Я приказал ему избавиться от плаща, – прохрипел вдруг Тюрбан.

– Избавиться тоже разная может. Сжечь хорошо, а базар ходить продавать – плохо, – хихикнул Дун. – Жадная у тебя негодяя служит, – и, посерьезнев, добавил, – а разговор длинная будет.

– Что ты сделал с моими руками? – хмуро спросил Тюрбан. Мальчики посмотрели на его руки: ногти были черными как сажа. Дун пожал плечами.

– В наша страна считается очень красивая – черная ноготь, – ответил он, – для женщинам. Очень маленький чары, безвредный, но такой маленькая, что защита не поставить. Хороший с толку сбивать тех, кто не понимает, какой красивая черная ноготь.

Тюрбан глухо выругался.

– Как зовут твоя? – спросил Дун.

– Мое имя – Рихбрехен Ремири Модригар Уофи, – напыщенно произнес тот.

Один из всадников, в котором мальчики узнали знакомого им возницу, принес откуда-то стопку циновок, и Дун не без удовольствия на них развалился, вытянув свои короткие ноги.

– И кому же твоя служить, с такая хорошая имя? – усмехнулся он.

– Я бы не хотел называть здесь имен... – чопорно начал

пленник.

Тогда Дун выхватил из-за пояса свой кривой кинжал, подбросил его в воздух и, приподняв бедра, поймал пальцами левой ноги в мягком башмаке, ловко перекинул правой ногой, и движением опытного жонглера швырнул в сторону плененного волшебника. Кинжал со свистом пролетел в опасной близости от носа бедолаги и по самую рукоятку ушел в гнилой пенек шагах в пяти от него. Пленник отшатнулся и совсем по-детски закрыл лицо связанными руками.

– Негодяя, в плащ завернутая, тоже не сразу захотела всю рассказать, объяснять, показать – недобро сказал Дун. Возница сбегал к пеньку, разыскал кинжал и с поклоном вернул владельцу. В глазах Тюрбана блестели одновременно ненависть и зависть.

– Я служу Жижке-Костолому, – нехотя выговорил он имя воровского короля.

Дун удовлетворенно крикнул. Держа одной рукой кинжал, он извлек из-за пояса браслет и молча предъявил его пленнику. Поняв, что отпираться бесполезно, тот неохотно начал свой рассказ:

– Видите ли, некоторое время назад нам... эээ... поступило очень деликатное и очень интересное предложение. Речь шла о поиске, и о весьма и весьма солидном вознаграждении. Его размеры, насколько мне известно, наводили на мысли о пропавших наследниках престола или, скажем, эээ... нежелательных бастардах высокородных особ. Мы получили пол-

сотни таких браслетов и достойный задаток. На это дело были брошены лучшие силы, мы прочесали Хорив и все окрестности вплоть до границ кочевой степи на юге, и до Черной Десницы – на севере. Иногда браслеты подавали слабые знаки, но это скорее зависело от времени, чем от места...

– То есть это – поисковый фонарь, – уточнил Хура, указывая на браслет. Тюрбан не удостоил его ответом, а лишь недовольно повел головой.

– А после нескольких месяцев безрезультатных поисков, нас вежливо попросили вернуть браслеты. Задаток покрывал наши издержки, но и не более того. Конечно, мы чувствовали себя обманутыми. Я допускаю, что те знаки, которые видели наши люди – лишь прикрытие, обман, а истинные знаки считывал кто-то другой, кто благодаря нашим усилиям нашел искомое и оставил нас без заслуженного вознаграждения...

– А что вы собственно искали? – спросил Авик. – Это мужчина, женщина, ребенок? Неживой предмет?

– Поэтому когда мы увидели, что у вас есть такой же браслет, у нас были все основания подозревать в вас наших недобросовестных конкурентов, – снова проигнорировал вопрос Тюрбан.

Дун прочистил горло, поднял одну бровь и чуть заметно пошевелил кинжалом. Лезвие хищно блеснуло в свете костра.

– При заключении сделки мы не получили никакой ин-

формации о том, что, собственно, должны найти, – поспешно сглотнув, затараторил пленник. – В подавляющем большинстве случаев речь идет о поиске людей, поэтому и в этот раз мы не особенно уточняли. После я пытался разобраться поисковые чары, но они слишком сложны для меня... Я прошел обучение магическим наукам не где-нибудь, а в самом Вечном Городе, – произнес Тюрбан со значением, но сразу сник от следующей мысли. – Сейчас Костолом просто вне себя. А что будет после вашего побега, мне даже страшно представить... Вам удалось разобрать чары? Та Карта, которую я нашел в котомке, я полагаю, имеет к этому отношение?

– Паршиво же ты учился, – воскликнул Хура, – если не можешь отличить чары поискового фонаря от Астральной Карты че... – обличительная речь оборвалась на полуслове, поскольку Дун, извернувшись, ударил его пяткой прямо в солнечное сплетение, и он вверх тормашками полетел в кусты. Тюрбан торжествующе улыбнулся.

– Теперь послушай ты меня, Рихбрехен Ремири Модригар Уофи, – сказал Дун на чистейшем хоривском, и улыбка тут же слетела с лица пленника, – я вижу, что ты был честен с нами, и я отплачу тебе тем же. Мы не знаем, что и для кого вы искали. Мы тоже ищем и тоже не вполне понимаем – что. Не ради вознаграждения, а скорее из любопытства. Возможно, мы с вами ищем одно и то же, возможно, нет. Мы посылаем наш поклон Жижке. У нашего народа есть такая поговорка: волк уступает дорогу буйволу, буйвол – степному сло-

ну, но все трое пятаются как новорожденные телята, если их дорогу пересекает маленькая белогорлая змейка. И мы советуем Жижке быть осмотрительным, иначе... – он издал гор-
танный крик, и сейчас же из темноты вынырнули три кривые сабли и принялись плясать вокруг втянутой в плечи головы пленника. Через несколько мгновений после окончания бешеного танца металла, он осмелился открыть один глаз, и тут же протянул руку к своему головному убору. От первого же прикосновения тот рассыпался, и шелковые лоскутки, каждый не больше ладони, как осенние листья упали на траву. Авик ойкнул. Обижено отряхивающийся Хура застыл с открытым ртом. Их глазам открылась лысая голова с вытатуированной черно-красной двухрукавной спиралью, расходящейся от затылка. С темени свисала всего одна, заплетенная в косичку прядь. В Вечном Городе так метили невольников.

– А ты опытная, – после долгой паузы нарушил молчание Дун. В его взгляде промелькнуло что-то похожее на симпатию к плененному колдуну. Перекатившись через колено, он легко поднялся на ноги, обошел лысую голову, намотал косичку на руку и отрезал ее своим кинжалом. – Если я захотеть тебя еще вопросы спрашивать, с этим я тебя легко разыскать, – он помахал косичкой перед носом чуть не плачущего от досады чародея, и засунул ее себе за пояс. Один из степняков кинул несчастному свой кожаный головной убор, который тот немедленно натянул на обезображенную голову. На горизонте алела узкой полоской заря. Кочевники отвязы-

вали лошадей. Через час они уже сидели на крыльце дома Нотии и пили обжигающий сбитень.

– Почему ты вернулся раньше срока, Дун? – спросил Авик.

– Я получил то, что хотел. По дороге к Черной Деснице я услышал в лесу плач младенца, а когда свернул на заросшую просеку, то увидел *бледное вервие*, натянутое через нее. – Усталый и слегка захмелевший, степняк еле шевелил губами, – Куницы здесь.

– Рамис как всегда угадал, – задумчиво потянул Нотия. – Но как? Я просмотрел летопись – ничего похожего там нет. Никаких ожогов, никаких превращений. Раньше Куницы не слишком злоупотребляли магией. Неужто и полевки – их работа?

Дун только устало пожал плечами. Его жиденькие ресницы золотились в лучах утреннего солнца, раскосые глаза слипались, голова то и дело падала на грудь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Чтобы помочь Авику привести хозяйство Нотии в порядок, заботливый Хура пригласил своих сестер, таких же, как и он сам, долговязых, бойких и белобрысых. Несколько дней в саду раздавались их веселые окрики и песни. Мальчики при помощи колдовства подняли угол сруба и подложили под него большой прямоугольный камень. Выкрашивающиеся торцы как следует высушили и просмолили, а крышу решили не перекладывать – ограничились еще парой заплаток. Девушки проредили кусты шиповника, кое-как подрезали плодовые деревья, подновили резные наличники и ставни. Авик, поправил и подсмолил покосившийся в нескольких местах забор. Запустение отступило, один лишь колодец, к которому Нотия почему-то категорически запретил прикасаться, зиял напоминанием о прежнем, незавидном положении дел.

– Ну, Авик, работа сделана, – заявил Хура, довольно потирая руки, – теперь вернешься к учебе. Ты умный – быстро все нагонишь.

Однако Нотия, казалось, совсем не горел желанием давать какие-либо уроки. Вместо этого он выдал Авику толстенный справочник по симпатической магии «для самостоятельного изучения», а сам вернулся к своим странным занятиям. Фолиант был настолько мудроно написан, что осилить его

без ежеминутного обращения к «Толковому словарю магических терминов» было едва ли возможно. Авик с трудом преодолевал по две или три страницы в день, и с наступлением сумерек, валясь с ног, отправлялся спать в свою каморку, разбитый и расстроенный.

Однажды на рассвете он проснулся от того, что кто-то тронул его за руку. Над ним стоял степняк-возница и молчаливо указывал на дверь. Авик поднялся, и они в тишине проследовали в кабинет Нотии. Весь хлам был отодвинут к стене, а в середине комнаты были поставлены две лавки, покрытые стегаными одеялами. На них возлежал старый волшебник. Глаза его были закрыты, а руки прижимали к груди странный предмет с двумя рукоятками. За столом восседал сосредоточенный Дун, который то заглядывал в разложенные перед ним рукописи, то с кем-то тихо переговаривался через живое окно. Когда Авик подошел поближе, он увидел, что на столе среди россыпи рун лежит браслет Атрака.

– Заряди самописец и найди в «Толковом указателе» вот эти слова, – поприветствовал его Дун. Он вручил Авику кусок пергамента со списком и снова повернулся к живому окну. Авик проследил за его взглядом и отпрянул от неожиданности: с той стороны окна, рассеянно перебирая свитки, со степняком беседовал Нотия. В отличие от Нотии, лежащего без движения в комнате, тот Нотия обладал очень белой кожей, был одет в белоснежную робу, под его ногтями не было грязи, иссиня-черная борода аккуратнo завивалась кружоч-

ками, и волосы, также черные, были перехвачены золотой тесемкой, а не торчали в разные стороны. Если бы не неестественная белизна кожи, он выглядел бы лет на двадцать моложе своего возраста. За его спиной с выражением глубокой тоски на лицах, теребя края своих роб, маячили два малолетних и низкорослых послушника. По их смуглым лицам и горбатым носам, Авик понял, что это уроженцы Империи.

– Да, это эленхомени фантазма, – Дун похлопал Авика по плечу, – чтобы разобраться с этой чертовой штуковиной, – он указал на браслет, – учителю понадобилось отправиться в библиотеку Вечного Города.

Авик уже заметил, что копия Нотии в живом окне движется как-то уж слишком плавно, как будто под водой. Каждый крупный маг имел эленхомени фантазма – искусно выполненную копию своего тела, хранящуюся в Ясписном Зале главной библиотеки Великого Города. При помощи мощных заклинаний, волшебник мог переместить свое сознание в эту копию, бродить по бесконечным залам библиотеки, перебирать свитки или беседовать с другими магами, пока его настоящее тело лежало без сознания где-то за сотни или даже тысячи верст от столицы Империи.

– Это же требует огромной энергии, – воскликнул Авик, – я думал у нас в Хориве только у Его Высокомогущества есть такая!

– Доброе утро, Авик, – прервала его через окно копия Нотии, – мы полночи работаем над этой загадкой, помоги Дуноу

с Указателем.

Авик снова перевел взгляд на браслет, вспомнил вдруг Мавку, изуродованного Атрака и бросился помогать. Браслет был очень хитро заколдован, и мало того, переименован. Истинного Имени браслета маги, тем самым, не знали, пока им удалось расшифровать лишь внешний край. Применить мудреные методы Дуна по непонятной причине не удавалось. Видимо, на браслет было наложено какое-то защитное заклинание, над которым они и бились. Волшебники злились, Авик и два горбоносых послушника носились туда-сюда с фолиантами и свитками. Наконец Нотия нашел в изгрызенном мышами манускрипте редкий вариант заклинания, и оно по непонятной причине сработало. Дун и Нотия начали было спорить, почему именно и как это вписывается в теорию, но потом махнули рукой и принялись расшифровывать карту. Авику доверили чертить, и он с радостью бросился рисовать круги и выводить Имена. Перебранка двух волшебников казалась ему такой непонятной, он ведь и метода-то толком не уяснил, а тут наконец ему поручили что-то знакомое, простое... Незадолго до полудня работа была закончена. Эленхомени фантасма Нотии отправилась в Ясписный Зал, чтобы занять свое место среди других неподвижных копий, ожидающих посещения своими хозяевами. Пока вышедший из транса волшебник, кряхтя, растирал затекшие ноги, Дун бегло оглядывал карту.

– Сложно... сложно... или не сложно... – бормотал он про

себя. Он вставил карту в самописец, и когда тот закончил копию, Дун отдал ее Авику. – Вот что, разберись-ка, что там такое, а нам дай дух перевести.

Гордый тем, что его удостоили такой чести, Авик схватил пергамент и «Толковый указатель», и помчался к себе в каморку. Скрывая улыбку, Дун понес следом шесть томов «Справочника заклинателя».

Для начала Авик пробежал главу своего фолианта, посвященную поисковым фонарям. Симпатическая магия больше не казалась скучной. Выписав три стандартные схемы поисковых фонарей, он сделал что-то вроде трафаретов и принялся прикладывать их к карте браслета. Большая часть Имен была ему незнакома, и страницы «Толкового Указателя» замелькали под его пальцами. Выяснив, в общих чертах, что к чему, он раскрыл «Справочник Заклинателя» и углубился в изучение тонких правил взаимодействия Имен. В зависимости от того, кому или чему принадлежала Астральная Карта, действие Имен могло существенно отличаться. Кроме того, одни Имена иногда влияли на действие других: например, часть перманентных чар поискового фонаря никак не проявляла себя до тех пор, пока объект поиска не появлялся где-то поблизости. Чары, отвечавшие за поиск, в нужный момент запускали чары, отвечавшие за подачу сигнала. Увлеченный расшифровкой, Авик просидел в своей каморке до вечера. Незадолго до заката к нему пожаловал сам Нотия с куском копченой говядины в руке.

– Ну, чего начитал, монах-отшельник? – спросил он, впиваясь зубами в мясо.

– Я выяснил тип поискового фонаря, – начал свой отчет Авик, – вот эта группа Имен осуществляет поиск, а вот эта – отвечает за сигнал. В целом схема стандартная, хотя некоторые Имена заменены на другие, о свойствах которых «Справочник Заклинателя» ничего не сообщает. По крайней мере, – на Астральных Картах неживых объектов таких не бывает. Видимо, они работают так же, как и стандартные варианты, или очень похоже. Вот это Имя в группе сигналов, Эу-мер, – обозначает свет, следовательно, браслет светится при приближении к объекту поиска. Вот эта группа, – он обвел ее указательным пальцем, – самая интересная, собственно этот и описывает объект. Это человек с Тайным Именем, – тут Авик произнес длиннющее Имя, содержащее чуть ли не все существующие в Истинном Языке руны и умолк, глядя на своего учителя. Старый маг усмехнулся в бороду.

– Неплохо поработал, мой мальчик. Мы думали, ты сдашься раньше. Я вижу, что сегодняшней день примирил тебя со справочником симпатической магии. Сам видишь, прочесть и вызубрить тебе оказывается намного тяжелее, чем найти и узнать. Да, не удивляйся, я внимательно следил за твоими занятиями. Впредь сам задавай себе задания: наложить небольшие чары, или на худой конец, найти ответ на какой-нибудь мысленный вопрос. Бесцельно читать справочник от корки до корки – это все равно, что есть сырую

гречку. Вот тебе и первый урок... Теперь, что касается твоей работы: кажется, ты почти все определил правильно. Только когда ты рассказываешь о своих изысканиях, не менее половины времени уделяй тому, что тебе пока установить не удалось, и тому, как этого возможно добиться в будущем. Неизвестное гораздо интереснее известного и размышления о нем позволяют понять гораздо больше, нежели повторение азбучных истин. Ты рассказал мне о трех группах Имен, а на этой карте их не меньше шести. Какие-то, видимо вот эти две, отвечают за магическую защиту. А вот эта зачем нужна? Можешь не отвечать, я сам не очень понимаю. Теперь, что касается Истинного Имени, которое ты назвал, почему ты думаешь, что оно принадлежит человеку?

– Так вот же *подстилающее* Имя: «Хоадам», это значит «человек», каждому послушнику известно, – возмутился Авик. – Да и на всей карте всего-то два Имени, которых нет в «Толковом Указателе»: это, и еще вот это – «Рекгриль» – очевидно, собственное Имя браслета, поскольку оно находится в центре карты.

– Я всё понимаю, – парировал Нотия, – но ты когда-нибудь видел человека с Именем, подобным этому? Я – нет. С тем, что браслет сделан для поиска человека, а не овцы, я согласен, но второй вывод – преждевременен. Схема поисковых чар слишком необычная, чтобы утверждать, что это именно Тайное Имя. Но больше всего меня беспокоят две вещи. Во-первых, этот браслет – очень чистая и неординар-

ная работа. Дать браслету собственное Истинное Имя – это уже довольно много возни. Такую вещь мог сделать только могучий чародей. А нам известно, что фонарь существует или существовал во многих экземплярах. Большой труд... – Маг задумался. – На Северном Тракте что-то происходит, и скорее всего что-то очень нехорошее. Вторая причина для беспокойства – это вот эта группа Имен на карте, – он обвел небольшую область своим длинным пальцем. – Нельзя исключать, что при помощи этих чар осуществляется связь между браслетом и его создателем. Либо браслет сообщает о находке, либо кто-то сам может подглядывать через него как через живое окно. Или даже управлять носителем и через него накладывать чары на окружающие предметы. Тогда это называется «твиа вимата» – магия не то, чтобы очень сложная, но громоздкая и требующая приличных затрат энергии, особенно если носитель забредет далеко от создателя браслета... В общем, эту часть Астральной Карты браслета мы с Дуном сегодня разрушили. Возможно, что и зря, но нам показалось, что так будет безопаснее. – С этими словами Нотия достал браслет из-за пояса и вручил его Авику. – Я мало из дома выхожу, а Дун скоро уедет из города, так что носи его ты. Может быть, действительно наткнешься на этого любопытного типа со странным Именем.

Авик с опаской взял браслет.

– Вот тебе и гвоздички, – потянул он.

– Следующее задание, – сказал Нотия, – в сенях лежит ме-

шок с обгоревшими книгами. Степняки вчера привезли их с того пожарища, где ты нашел тело. Следопыты к счастью еще не нашли этого места. В том доме хранили манускрипты. От многих, правда, остались одни корешки. Твоя задача на завтра: отобрать те фрагменты, которые можно разобрать, систематизировать их и показать мне. Понятно? Укреплять выгоревший пергамент умеешь? Простенькое заклинание. Вот и хорошо. Пойду-ка я наконец позанимаюсь.

На другой день Авик, весь перепачканный в золе, притащил в кабинет Нотии стопку обгорелых обрывков.

– Ну и что это такое? – спросил маг.

– Похоже, тут в основном про охоту и повадки животных, – ответил Авик. – Один трактат о том, как заставить зверей выделять разные фокусы на потеху зрителям, и один – о лекарственных растениях. В этих книгах, конечно, упоминаются Истинные Имена, но не чаще, чем в любых других немагических книгах.

– От скольких фолиантов осталось хотя бы по одному листку? – спросил Нотия.

– От двенадцати.

– А сколько всего книг было в мешке?

– Не помню, где-то тридцать.

– Хмм... – задумчиво развел руками волшебник, – наверное, там жил заядлый охотник или зверолов. Это нам ничего особенного не дает.

– На одном из листов есть пометки, – добавил Авик. – Как

будто хозяин дома интересовался нетопырями.

– Надо же, – удивился маг, – зачем это? У них же ни мяса, ни шерсти. Дай-ка посмотреть это место. Ну-ка, ну-ка... Нетопыри... Так... подчеркнуто... днем... в дуплах деревьев и расщелинах скал... в сумерках... весьма полезны... поедают кровососов... запах помета вокруг гнезда... до нескольких сотен штук... еле слышный писк... Понятно. Надпись пером на полях: «Тунтематон». Написано на хоривском, приличный почерк, писалось небрежно, надпись чуть скособочена...

Волшебник закрыл глаза и надолго погрузился в раздумья.

– А что значит «Тунтематон»? – спросил Авик, не выдержав.

– Это один из городов Черных Куниц, ныне заброшенный.

– Так значит, всё сходится! – подпрыгнул на месте Авик.

– Что сходится? – маг рассмеялся. – Куницы живут в лесной усадьбе, почитывают книги об охоте и оставляют на полях комментарии по-хоривски? Готов поверить во всё что угодно, но только не в это. Они с деревьев-то слезают неохотно, не говоря уже о том, чтобы заходить в избы. Про охоту и лесное зверье они знают уж точно побольше того грамотея, который написал эту книжку. – Нотия потряс в воздухе обгорелым листком. – Письменность Куниц скорее напоминает следы когтей на влажной глине. Тебе не попадались такие знаки? – он порылся в столе и извлек засаленный листок с

диковинными значками.

– Нет, – ответил Авик.

– Когда попадутся, то что-нибудь, да сойдется, – проворчал Нотия.

– Ну а если кто-то отправился зачем-то в Тунтематон, увидел или сделал там что-то, чего не следовало, а Куницы его выследили, убили и сожгли?

– Да, такое на них больше похоже, – задумчиво сказал Нотия, – только они зачем-то еще и заколдовали всех мышей в окрестностях. Видимо, чтобы нас запутать. Пока что я совершенно ничего не понимаю.

– Мне кажется, нам стоит посетить Тунтематон, вдруг мы там наткнемся на что-нибудь интересное.

– Может и стоит, но только не тебе. Ты даже и не думай об этом. Если кто и поедет, то только Дунже, когда у него будет время. Ему и его головорезам даже Куницы не страшны.

Авик постепенно вжился в свою новую роль ученика волшебника. Уход за домом и садом не отнимал у него много времени. Первую половину дня он обычно проводил за изучением пергаментов, которыми его снабжал Нотия, а во второй ассистировал ему во время выяснения Истинного Имени очередной мушки. Иногда старый маг давал Авику задания, и тогда тот по нескольку дней бродил по полям и лесам с сумкой, набитой свитками, морилками и увеличительными стеклами. Ночевать приходилось на сеновалах или возле

пастушеских костров под открытым небом. Конечно, эти походы нравились ему больше зубрежки. Самым неприятным было то, что старик имел привычку исчезать без предупреждения на несколько дней или на много часов запирались у себя в кабинете. Авик сперва страдал от безделья, ожидая новых заданий, но потом снова повадился бродить по книжным лавкам возле Белых Ворот.

Жучков и мушек с неразгаданными Именами вокруг водилось великое множество, однако некоторым Нотия радовался как ребенок, выпускал в склянки с затянутой тканью крышкой, а потом накалывал на иголочку и старательно расправлял. Других же, сдвинув брови, убирал в один из своих бесчисленных ящичков, где им, очевидно, суждено было пролежать до скончания века. На втором месяце обучения Авик понял, что больше всего старый маг радуется тем новым мушкам, которые напоминают уже разгаданные разновидности, отличаясь от них парой пятнышек или щетинок. Наконец, собравшись с духом, он спросил старика, с чем это связано. Тот торжественно провел Авика в свой кабинет и расстелил на столе огромный пергамент. Лист, занявший стол целиком, напоминал лоскутное одеяло: Нотия постоянно подшивал куски пергамента по краям, когда у него кончалось место. На листе красовалось огромное дерево, каждому листу соответствовал один вид насекомого, чем больше были две разновидности похожи друг на друга, тем ближе сидели листья. На каждом листке было изображено насекомое

и подписано его Истинное Имя, а кроме того красовались какие-то сделанные убористым почерком пометки.

– Видишь ли, Авик, – сказал маг, – ты знаешь, как важно Тайное Имя для человека или для предмета. Это то, что *подстиляет* самые первые перманентные заклинания, те, что ближе всего к центру Астральной Карты. Вопрос в том, насколько равнозначны руны составляющие Имя? И не влияет ли на дальнейшую судьбу человека то, какие руны использовал чародей во время церемонии Наименования?

– А при чем тут насекомые? – удивился Авик.

– Не торопитесь, молодой человек. Если, рассматривая нашу гипотезу, мы учтем те знания об Истинных Именах и перманентных чарах, которыми располагаем, то влияние рун, скорее всего, не однозначно. То есть разные руны могут оказывать одинаковое действие, одна руна может влиять на разные свойства, наконец, руны могут взаимодействовать между собой, усиливая или ослабляя друг друга. Очевидно, комбинации рун могут создавать и совершенно новые эффекты, которые не сводятся к усилению или ослаблению собственного воздействия отдельно той или иной взятой руны. Например, любой деревенский колдун знает, что нельзя давать человеку Истинное Имя, содержащее подряд руны «Дагаз» и «Берканар». Вне зависимости от того, какие перманентные чары будут наложены на карту этого человека, к тридцати годам его разобьет паралич.

– Но при чем же тут насекомые? – не унимался Авик.

– Ты слушать-то вообще умеешь? – рассердился Нотия. – Грандмаги вообще-то не очень любят, когда их перебивают. Не можешь терпеть – постарайся сам догадаться.

– Что-то ничего в голову не приходит, – покраснев, сказал Авик.

– Тогда подумай, как бы ты сам исследовал этот вопрос. Авик задумался.

– Я бы, наверное, узнал как можно больше Истинных Имен разных людей, постарался бы узнать о них все, и проследил бы связь между рунами и их жизнью.

– Не сработает, – отрезал волшебник, – мы говорим о слабых эффектах, которые будут скрыты действием перманентных чар. Где ты найдешь столько людей, которые вообще не развивали свои Астральные Карты?

– Тогда я бы взял двух мышей и дал бы им новые Имена, отличающиеся одно от другого всего на одну руну. А потом – следил бы за тем, какие различия появятся между ними.

– А вот это – уже неплохая идея, – поднял брови старый маг. – Я даже пробовал что-то подобное, только не с мышами, а с воробьями. К сожалению, ждать проявления разницы тоже пришлось несколько лет, и большая часть пар не имела никаких заметных различий. Ну и, кроме того, переименование довольно хлопотно, а мой основной метод – Великая Игра... Что, еще не догадался? За эти годы я определил уже несколько тысяч Истинных Имен насекомых, пауков и многоножек. Сравнивая разные виды между собой,

я ищу постоянные соответствия между свойствами этих животных и теми рунами, из которых состоят их Имена. Но, поскольку Имена, отличающиеся всего одной руной, встречаются нечасто, приходится анализировать их огромное количество, чтобы отделить случайные совпадения от закономерных.

Нотия показал на круговые диаграммы в углу свитка. Здесь он сортировал руны по их сродству к разным формам материи и энергии.

– Например, если сравнивать животных, ведущих дневной и ночной образ жизни, то у вторых значительно реже встречаются руны «Морфрад» и «Рош», а это, заметь, опорные консонанты Имени «Эумер», что обозначает свет. Если мы сравниваем водных и наземных насекомых, то мы видим, что у водных чаще попадаются руны «Гелбу» и «Нимбус», причем «Нимбус» где-то в два раза больше чем «Гелбу».

– «Ангун», Истинное Имя воды, содержит две руны «Нимбус» и всего одну «Гелбу», – догадался Авик.

– Совершенно верно, – сказал старик, – мало того, «Нимбус» и «Гелбу» значительно чаще встречаются в Истинных Именах рыбаков, нежели скажем земледельцев. Народная мудрость уже открыла то, что я пытаюсь постичь столько лет. Но для меня это было только началом. Эти довольно грубые примеры подтверждали, что мой метод работает. Его достоинство в том, что я работаю сразу с тысячами Имен, и этим застрахован от каких-то случайностей, как если бы я рабо-

тал только с одним объектом. Сейчас мне удалось выяснить гораздо более тонкие вещи. Я распределил руны по группам, нашел часть взаимодействующих пар, вывел правила ослабления и усиления. Когда я закончу свой трактат, церемония Наименования изменится до неузнаваемости.

– Ого, – потрясенно сказал Авик. – То есть вы считаете, что Истинное Имя будет определять все свойства человека или вещи?

– Упасите, боги, конечно нет. Человек рождается человеком, и человеком же и останется. Да, Истинное Имя и перманентные чары, данные ему магами, несколько изменяют его. Но все же, если назвать его Истинным Именем белки, то он вовсе не станет белкой, а останется человеком, который, конечно, с каждым годом будет все больше и больше походить на белку, но все же не превратится в нее никогда.

– А где находится тот якорь, который не дает человеку окончательно превратиться в белку? – спросил Авик.

– Это очень хороший вопрос. Краткий ответ на него: «мы не знаем». Возможно, сама материя, в нашем примере, человеческое тело, имеет собственную память, вроде Астральной Карты, но составленной на каком-то совсем другом языке. И эта вторая карта не дает человеку «забыть» о том, что он человек. Это приводит нас к вечному вопросу, что первично, материя или идея? Может наш мир существовать без Истинных Имен, и могут ли Имена существовать вне материального мира? Всё это очень интересно, но что особенно

приятно, — я вижу, что ты готов. С завтрашнего дня начнем с тобой обучаться искусству Великой Игры, а сейчас дай мне позаниматься.

Их расследование как будто остановилось. Дунже уехал куда-то по своим таинственным делам, а старый маг, казалось, забыл о браслете, о найденном трупе, да и обо всем на свете, кроме своих мушек. Теперь они с Авиком разучивали стратегию Великой Игры. То есть Авик по-прежнему зубрил фолианты, но теперь Нотия хотя бы обсуждал с ним прочитанное. Авик быстро понял, что старику действительно нравится играть в Великую Игру, и вовсе не из-за транса, а ради азарта соревнования. Даже когда они проводили тренировочные партии друг с другом, Нотия закусывал бороду, мерил комнату шагами из угла в угол, хватался за голову, сделав неудачный ход, и радостно хрустел пальцами в случае выигрыша. Впрочем, он почти всегда выигрывал.

Однажды их занятия были прерваны резким стуком в окошко. Авик бросился открывать. К его удивлению у крыльца стоял их старый знакомец в новом тюрбане. Окинув мальчика высокомерным взглядом и не проронив ни единого слова, он быстро прошел внутрь. Слегка озадаченный, Авик последовал за ним. Проскочив сени, гость ворвался в кабинет и встал посередине, широко расставив ноги, скрестив руки на груди и впериw в старого волшебника полный ненависти взгляд.

– Чем могу служить? – хрипло спросил он. Нотия поднял брови и поджал губы.

– Прошу прощения, если мое приглашение было Вам неприятно, – сказал волшебник холодно. – У меня есть для Вас работа. Мое золото, полагаю, ничуть не хуже любого другого. Авик, – обратился он к мальчику, – пожалуйста, оставь нас наедине.

Они проговорили очень долго и расстались, судя по всему, в неважном расположении духа. Авик решил, что сделка сорвалась, но к его удивлению Тюрбан появился на следующий день и снова провел несколько часов один на один с Нотией. В этот раз они со старым волшебником расстались столь же холодно, хотя и без вчерашней неприязни. Пять вечеров подряд Тюрбан совершал свои визиты. К концу недели Авик заметил, что с лица Тюрбана исчезла былая злость. Он даже начал удостаивать Авика кивком головы, когда они сталкивались в саду или в доме. На шестой день он явился с восходом и снова заперся с волшебником в кабинете. После полудня Авик услышал стрекотание отъезжающей самоходки Нотии и, выглянув в окно, увидел удаляющуюся фигуру с развевающимися седыми волосами и набитой чем-то торбой за плечами. Волшебник вернулся через час, сосредоточенный и молчаливый. Авик наконец решился спросить:

– А что у нас все время делает этот тип?

– Какой тип? – встрепнулся Нотия. – Ах, Рем? Помогает мне проверить одну вещь. Я потом тебе расскажу.

– Боитесь, что выболтаю?

– Боюсь? Да, я очень боюсь, – Нотия устало опустил на крыльцо, – боюсь, что моя догадка подтвердится.

Следующую ночь волшебник провел в саду у колодца, откинув створки и опустив в него ведро с небольшим холодным огнем. В окне Авик видел профиль его всклокоченной головы, склонившейся над мерцающим голубым пятном света. Нотия лег спать только под утро, но когда раздался знакомый стук в окошко, немедленно проснулся и, в одной лишь ночной сорочке, выскочил к двери. Тюрбан встретил его в прекрасном расположении духа. Глаза его довольно блестяли, как тогда, когда Авик впервые увидел его в темнице. Он стоял, раскачиваясь на носках своих щегольских туфель, держа за поясом большие пальцы загорелых рук.

– Я уже знаю, – сдавленным голосом поприветствовал его Нотия.

– Да, Ваше Мудрейшество, – подчеркнуто вежливо подтвердил Тюрбан, – но хочу добавить, мы были там не одни.

– То есть как не одни? – поднял брови Нотия. – Но кто?..

– Я не разглядел в темноте, Ваше Мудрейшество. Кто-то забрался туда через окно, и удрал через него же, как только услышал шаги.

– Час от часу не легче, – Нотия с силой дернул себя за бороду и вдруг вспомнил о существовании Авика, стоявшего тут же. – Пойдемте-ка ко мне. Прости меня Авик, я после тебе всё расскажу.

После ухода Тюрбана, Нотия упал на кровать и проспал до следующего утра. Встав с восходом солнца, Авик застал его, как обычно, склонившимся над своими манускриптами, но несколько более всклокоченным и еще более молчаливым, чем всегда. Задавать ему вопросы Авик не решился. Впрочем, вскоре Нотия сам пришел в его каморку со стопкой свитков и завел разговор об уроках.

– А если Задающий Вопросы обгонит меня? – спросил Авик.

– Он узнает твое Истинное Имя, – отвечал старик.

– И сможет повелевать мной?

– Твоим телом, но не твоей волей.

– А кто он, Задающий Вопросы?

– Я не знаю. И никто не знает. Проявление сил природы.

Эхо.

– Значит, если я проиграю, ничего страшного не случится?

– Да, но старайся не проигрывать.

В свой первый транс Авик вошел вместе с учителем. Перед ними на кусочке ветоши, смоченном в эфире, лежала красноглазая журчалка. Стратегия партии была разработана и заучена загодя, и Нотии оставалось лишь наблюдать, как Авик, одну за другой, зачитывает приготовленные сутры, как проступает сквозь туманную пелену размытое, но все более и более конденсированное тело Истинного Имени. Как от-

куда-то, из глубины мироздания нечто или некто посылает свои сутры, и как с каждой следующей его попыткой все холоднее и холоднее, ползет недобрый морозец по спине. Как страх раскрыть свое Тайное Имя, и не человеку даже, а бесчувственной стихии, абстракции, как этот ужас, которому столько же лет, сколько существуют создания, способные бояться, сжимает Авику сердце ледяной рукой. В этот раз они выиграли, Истинное Имя выступило перед ними, как вершина горы, вырывающаяся из облака, грузно, обыденно, и в то же время внезапно и потрясающе. Авик очнулся. Руны на столе перед ним сложились в Слово «Эрметере». Он взял перо и принялся записывать в свой свеженький дневник примененные сутры и отгаданное Имя, но тут его взгляд упал на левое запястье и он вскрикнул: вокруг кисти шла глубокая кровавая борозда. Кровь капала на манускрипт, оставляя на нем бурые неопрятные следы. Нотия проследил за его взглядом, внимательно осмотрел руку и нахмурился:

– Ты содрал кандалы Наррох-Ша с этой руки? – спросил он.

– Да, учитель, – ответил Авик, – но ведь кандалы, это же совсем простое, грубое заклинание.

– Тупым и грязным кухаркиным ножом можно навредить себе гораздо больше, чем остро отточенным стилетом, особенно если не знаешь, где ковыряешь. У тебя было что-то подобное, когда ты накладывал тренировочные заклинания? Когда открывал Астральные Карты?

– Нет, учитель.

– Не чесалось, не саднило?

– Нет.

– Хмм... Это странно... Магические травмы лучше магией не лечить, а то мало ли что, – он порылся в ящике и достал оттуда тщательно закупоренную баночку, – вот тебе чудесное средство. Деготь, мед и масло клещевины, всё заживает как на собаке, только в доме не открывай: вонь от него нечеловеческая.

«Чудесное средство» вошло в жизнь Авика, основательно пропитав его запахом тухлой селедки. Каждый раунд Великой Игры заканчивался для мальчика кровавой раной на запястье. Если он играл чаще, чем раз в два дня, или слишком уж засиживался за Игрой, боль начинала проникать даже сквозь завесу транса, и каждое прикосновение Задающего Вопросы отзывалось опоясывающим жжением в руке, таким сильным, что от него закладывало уши и хотелось скрежетать зубами. Один раз, не выдержав боли, Авик прервал Игру, не дойдя до разгадки Имени очередного насекомого. Нотия, осмотрев израненную конечность, хмуро объявил, что следующая авикина Великая Игра откладывается «до полного выздоровления».

Лечение грозило затянуться, рана гноилась и мокла под льняной повязкой. Во время их вылазок случайные попутчики теперь нередко поводили носом, косясь на молодого волшебника. Авик вернулся к зубрежке, но она снова казалась

пресной. День за днем он грустнел, все чаще заглядывал под повязку. Чтобы не впасть в оцепенение, он начал с неистовым усердием ухаживать за садом, сражался с сорняками, перекапывал огород и даже выкорчевал какой-то трухлявый пенек. После победы над пеньком, он натаскал воды из уличного колодца и основательно попарился в маленькой деревянной бане. Вернувшись в дом, он столкнулся с Нотией.

– Завтра нам придется присутствовать на официальном приеме, – сказал ему Нотия, протягивая ему какой-то сверток. – Готовься, скорее всего, будет очень скучно.

В свертке оказалась новенькая черная шелковая роба и шелковый же пояс. Авик чуть не прыгал до потолка: теперь он признанный ученик мага, а не просто садовник. Нарядившись в новую робу, он целый вечер ходил взад-вперед по своей каморке, осязая, как еле слышно шуршит шелк, и мечтая о том, как он завтра появится на публике среди других слушников.

Нотия оказался прав. Княжеские приемы славились своей неторопливой бессодержательностью, но этот давался в честь иностранного гостя, и подчеркнутая официальная торжественность происходящего делала мероприятие совсем невыносимым. По имперской традиции, гости должны были стоя наблюдать за тем, как прислужники накрывают столы и расставляют стулья. Впрочем, от того благоговения, которое испытывают гости на императорских обедах, здесь не было и

следа. Вельможи стояли, выстроившись неровными рядами, с выражением тоски на лицах. Авик наконец понял зачем им нужны такие массивные посохи: два немолодых и дородных тысячника дремали в уголке, привалившись плечами друг к другу и опершись на свои палки для большей устойчивости. Другие тихонько перешептывались, а наставники Школы шикали на безобразничавших в задних рядах послушников. Авику из-за его неопытности досталось место в переднем ряду: здесь запрещено было даже шевелиться, и поэтому сюда обычно старались вытолкнуть тех, кого недолюбливали в классе, или просто зазевавшихся.

Хура, как хороший ученик, тоже был приглашен на прием, а как настоящий друг, не бросил Авика в беде, и теперь умирал от скуки рядом с ним. Старым магам разрешалось не следовать имперской традиции: Нотия, Рамис Ацетус, Каип Тристуаз, Одшу и Жалфур Гудис сидели на низеньких стульчиках прямо перед стоящими мальчиками и негромко переговаривались. Хотя нарушать торжественную тишину было запрещено всем без исключения, никто не осмеливался одернуть грандмагов. Его Святейшество, Архиепископ Хоривский Магнедеон Третий, невысокого роста старичок с кудрявой седой бородкой, обрамляющей круглое доброе лицо, скучал на своем стульчике в другом конце зала, чуть заметно покачивая головой, увенчанной крылатой аквамариновой короной первосвященника.

– А знаешь, Отик, я вижу, твои эээ... работы пользуют-

ся успехом, – вполголоса говорил Рамис Ацетус, повернувшись к Оноди Нотии, – недавно я получил эээ... просьбу аж из библиотеки Вечного Города, не больше и не меньше, прислать список одного твоего фолианта.

– Приятно слышать, – оживился Нотия, – а какого фолианта?

– Кажется, «О скорпионах и сколопендрах Юго-Восточных Предгорий», – ответил Рамис, внимательно глядя на него.

– А, ну это старая работа, – махнул рукой Нотия. – И я туда уже наверняка посылал копию.

– Ну, возможно она была эээ... утеряна или испорчена, – пожал плечами Рамис, не спуская с него глаз. – Главное же, что тебя читают.

– Спасибо, Ряма, – сказал Нотия, – я сейчас работаю над новым трактатом, думаю, он будет лучше всего того, что я написал за последние десять лет.

– Ну, мы всегда так думаем, – Рамис сделал неопределенный жест рукой. – А о чем там разговор?

– Подведение итогов многолетнего труда, обобщения кое-какие, – уклончиво ответил Нотия, – могу дать ознакомиться, когда сформулирую основные выводы.

– Звучит интересно, – равнодушным голосом сказал Рамис, – я слышал ты взял эээ... ученика после стольких лет? И как он?

– Я очень доволен, это прилежный и сообразительный

юноша, – буднично ответил Нотия, – он стоит у тебя за спиной.

Рамис Ацетус повернул голову и встретился взглядом с оробевшим Авиком. К его удивлению, грандмаг не взорвался, только слегка побледнел, но даже попытался изобразить улыбку:

– Ах, это ты, Авик, ну что же, что же, я эээ... даже рад, что ты нашел себе подходящего учителя. Я считаю, что тебе просто повезло, – проговорил он. Хура глухо закашлял.

В этот момент высокие позолоченные створки распахнулись, и в залу вступил Его Сиятельство князь Хоривский, Брунигас, еще нестарый грузный мужчина с застывшим выражением пресыщенности на обрюзгшем лице. Поприветствовав приглашенных ленивым взмахом руки, он прошествовал к столу и тяжело опустился в просторное кресло с позолоченными подлокотниками. Виночерпий тут же поднес ему кубок вина, которое он немедленно пригубил. Двери с другого конца залы раскрылись, и внутрь вкатился маленький приземистый человечек в расшитых золотом кожаных штанах, ярком халате и кожаной шапке с павлиньим пером. Он был совсем молод, но очень толст. Раскосые глазки равнодушно рыскали вдоль рядов застывших гостей, ни разу ни на ком не остановившись. Сопровождаемый свитой, он быстро пересек залу и, как бы повинуюсь ленивому жесту Его Сиятельства, опустился в кресло по правую руку от него. Рядом с ним сел один из его приближенных, тоже в шапочке

с павлиньим пером, но в льняных шароварах и туфлях с загнутыми вверх концами. Два толмача, один степняк и один хоривец пристроились за спинками кресел.

– Особый посланник Западного Хана, бей Тугал, почтил нас своим присутствием, – звонким голосом объявил толмач-хоривец, – четвертый посол Великого Хана при Императорском дворе, Барджигин-оол Дунже, находящийся проездом в Хориве, также оказал нам честь, согласившись быть нашим гостем.

– Смотри, Авик, – Хура ткнул его локтем, – это же наш Дун сидит.

И точно, с выражением вежливой заинтересованности на лице, медленно переводя взгляд с одного князя на другого, за столом сидел их старый знакомец.

Распорядитель протрубил в рожок, и гости стали рассаживаться по своим местам. Князь, по-видимому, тоже имел зуб на Архиерарха, поскольку его кресло находилось со стороны стола, отведенной магам, аккуратно между Рамисом Ацетусом и Одшу. Со скорбным выражением лица он сидел между ними, приготовившись весь вечер слушать беседы о нынешнем состоянии магических наук и дальнейших их перспективах.

Толстяк Тугал что-то неторопливо говорил по-степняцки, а толмач-хоривец громко оглашал перевод всему залу.

– Несравненный Владыка, Западный Хан Жаралгаал Четвертый, посылает свой глубокий поклон и заверение в дружбе и покровительстве князю Хорива и всем его поданным.

Князь прочистил горло и ответил зычным голосом:

– Мы глубоко благодарны Блистательному Повелителю Хану Жаралгаалу Четвертому за оказанную милость и спешим заверить, что Хорив останется другом Западного Ханства, какие бы испытания ни выпали на его долю.

Степняк-толмач приник к уху толстяка и несколько мгновений переводил речь князя. Толстяк подумал, посмотрел на Дуна и снова заговорил.

– Несравненность моего Владыки не знает себе равных, – провозгласил толмач, – ни на западе, ни на востоке, ни на севере, ни на юге, князь Хорива не встретит столь верного друга и великого военачальника, как Хан Жаралгаал Четвертый.

– Наше братское чувство к Блистательному Повелителю Западного Ханства, Хану Жаралгаалу, столь же крепко, как крепостная стена нашей столицы, и столь же остро, как пики ее защитников, – вторил ему князь.

Авик слушал, широко раскрыв глаза.

– Что все это значит? – спросил он Хуру.

– Ты что, не понимаешь? Они торгуются.

– О чем?

– О размере дани, конечно. Если наш князь признает этого Жаралгаала Несравненным Владыкой, то Хорив будет выплачивать Западному Ханству по восемь мер серебра в год до конца жизни нашего князя, а если Блистательным Повелителем, то только по четыре меры в год в течение пяти лет.

– Я и не знал, что мы платим дань Западному Ханству, –

сказал Авик.

– А мы и не платим, – развел руками Хура, – но сейчас жизнь изменилась: Великий Хан, говорят, заболел. Он очень стар, и может помереть со дня на день. Значит не за горами курултай и выборы нового Великого Хана. А наш сосед, Западный Хан Жаралгаал давно примеряется к великоханскому титулу и имеет на то неплохие шансы: Бакма-хан пропал вместе со всем своим войском во время набега на Долину Железных Мельниц, а Алтан-хан ослеп во время морового поветрия два года назад. Чтобы упрочить позиции в Орде, Жаралгаал пытается расширить свои владения. А поскольку он умный, – Хура выразительно постучал себя пальцем по лбу, – и понимает, что захватить все окрестные города у него в короткий срок не получится, то пытается угрозами принудить их принести ему присягу верности и заплатить дань. Не столько ради самого серебра, сколько ради того, чтобы во время представления претендентов на ханский бунчук и секиру, он мог добавить к своему титулу слова «Повелитель Хорива, Белой Башни, Хартиша, Сомара и прочая, и прочая». Самые непокорные города он, возможно, все же спалит – войско у него огромное. Однако наш князь, скорее всего, сторгуется на что-то вроде «Несравненного Повелителя» и будет платить по восемь мер серебра в год в течение пяти лет. Дольше Великий Хан все равно не протянет. Может быть, еще добавят к титулу «Непобедимый Полководец» или «Великий Военачальник», тогда княжеская дружина должна

будет участвовать в ханских походах.

Брунигас, по-видимому, осип, и дальнейшие переговоры шли уже без выкрикивания комплиментов на весь зал. Князь хмурился, Дун что-то шептал на ухо толстяку, толмачи то-ропливо говорили, а гости тем временем принялись за еду, и едва доносившиеся с другого конца стола слова окончательно потонули в звоне посуды. Еда была вкусной, сытной и обильной. Уплетая жареную ряпушку с закуской, названия которой он не знал, Авик услышал, что Одшу затеял разговор со своим соседом, Архиепархом Магнедеоном Третьим. Вначале речь шла о погоде и старческом самочувствии, потом разговор коснулся нравов современной молодежи и постепенно перетек к вопросам религиозного воспитания. Тут Авик обнаружил, что не только он прислушивается к тому, что говорит Магнедеон. Все волшебники, сидевшие по соседству, молча ковырялись в своих тарелках.

– А что Ваше Святейшество думает об этих странных личностях, восстанавливающих народ против магов и вообще волшебства? – спросил Одшу. – Недавно на базарной площади один такой выскочка утверждал, что даже обладание Тайным Именем является грехом, и что всем благочестивым людям нужно разыменоваться.

– Благочестивый человек вправе сам решать, как поступить со своим Именем, – кротко потупившись, отвечал Архиепарх.

– Но ведь тогда он станет беззащитен перед злокозненной

магией и потеряет огромную часть своей личности! Это все равно, что отказаться от собственного лица и собственной кожи! – воскликнул Одшу.

– Так же, как и воин вправе решать, надевать ли ему на битву панцирь или нет, человек может прибегать к помощи магии, а может и не прибегать, – ответил Магнедеон.

– Могу я поинтересоваться, что боги говорят о греховности Имен? – спросил Рамис Ацетус.

– Человек приходит в этот мир нагим и безымянным, – так же кротко отвечал священник, – и когда ему приходит время вернуться в божественное лоно, он не может взять с собой ни одежды, ни Имени, ни даже собственного тела. Мы, род человеческий, тоже явились в этот мир нагими и безымянными, в конце времен мы тоже скинем одежды, откажемся от Имен своих и сольемся с божественным началом, вернемся к истоку, из которого вышли. Так говорят книги. Что же касается этих простолюдинов, – старик пожал плечами, – не стоит осуждать их простую веру. Ведь она искренна и идет из глубины их сердец, от природы чистых, как дождевая вода, и не измученных свечной копотью учения. Да, они торопят события – по их мнению, приближают час всеобщего блаженства, хотя мы, к нашему несчастью, скорее всего, не доживем до конца времен, – Архиерарх сокрушенно вздохнул. – Мы должны воздействовать на их сердца мягким увещанием, дабы отвлечь их от излишнего рвения, но не затушить светильника веры, пылающего в них. Ибо душа человеческая не

терпит пустоты, и нет зрелища печальнее потушенной лампы.

Разговор зашел в тупик, маги замолчали. До них теперь снова долетали обрывки диалога о Блистательном Полководце, Хане Жаралгаале. Нотия яростно кромсал гусиную грудинку. Авик расслышал, как тугой на ухо Жалфур Гудис слишком уж громко проворчал:

– Как бы нам, роду человеческому, еще до наступления конца времен не отправиться к истокам ногами вперед.

Переговоры тем временем завершились, князь и бей сидели на своей половине стола и ковыряли печеного осетра. По их недовольным лицам Авик понял, что достигнутый компромисс не слишком устраивал ни одну из сторон. Роль толмача исполнял теперь Дун, который по очереди наклонялся то к князю, то к бею, деликатно кивал и плавно жестикулировал. Князь снова подал знак рукой – и появился глашатай:

– В присутствии посольства Несравненного Повелителя и Грозного Полководца Западного Хана Жаралгаала, – услышав эти титулы, Хура толкнул Авика локтем и подмигнул, – а также представителя Великого Хана, мы, Его Сиятельство князь Хорива Брунигас, желаем объявить о нашем намерении предпринять поход против племени Черных Куниц, которые снова обосновались в наших законных владениях. Их козни, направленные против нашего княжества, были своевременно раскрыты Его Высокомогуществом Рамисом Ацетусом, не успев нанести сколько-нибудь значительного вре-

да. – Рамис степенно кивнул головой. – Мы настигнем Куниц в их логове и навсегда изгоним из наших владений. Тысячники должны провести разведку, подготовить дружину и все необходимое для похода. Волшебникам Школы следует оказывать им всевозможное содействие для защиты воинов от магии. Боги да хранят Хорив.

Все поднялись, Его Святейшество прочел короткую молитву. На этом прием был окончен, князь и бей покинули залу. Гости доедали остатки угощения и расходились, слуги убрали грязную посуду. Нотия подошел к Рамису и спросил:

– А как ты догадался, что Черные Куницы вернулись?

– Авик тебе разве не рассказывал про эээ... убитого ими крестьянина? – удивился Рамис Ацетус.

– Это единственный факт? – поднял брови Нотия.

– Да, единственный и достаточный. Я действую методом исключения.

– Восхищаюсь твоим чутьем, – ровно сказал Нотия. Рамис только развел руками и направился к выходу.

Хура подождал Авика и они вдвоем направились вслед за Рамисом. Хура страшно загордился тем, что ему удалось угадать исход переговоров с ханским послом, и теперь был очень возбужден. Уже совсем стемнело, и Авик зажег холодный огонь. Болтая, они покинули княжеские палаты, вышли за ворота, и пошли по вершине Замковой горы, огибая ее вдоль стены цитадели. Вдруг кто-то выскочил из темно-

ты и повис у них на плечах. Ошарашенные мальчишки узнали грандмага Оноди Нотию, запыхавшегося и взволнованного.

– Я прошу вас обоих пойти сейчас ко мне, – сказал он.

– А как же Ваша самоходка? – удивился Авик, – она же осталась на княжеском подворье.

– Пришлю за ней кого-нибудь, – отмахнулся Нотия. – И потуши свой огонек.

Кряхтя, он зашагал по мостовой, но не прошел и ста саженьей, как его одолела одышка. Несмотря на протесты Нотии, Авик сбегал за самоходкой и придержал ее за руль, пока старый волшебник садился в седло. Под ним зачарованная самоходка сама держала равновесие и двигалась с произвольной скоростью. Не спеша они в полной темноте дошли до самого дома. Хура, конечно, сгорал от нетерпения узнать, в чем причина этого неожиданного приглашения. Нотия молча зашел в свою горницу, зажег холодные огни и начал рыться в ящиках. Наконец он нашел то, что искал, и положил на свой стол.

– Знаете что это, молодые люди? – спросил он.

– Что-то сломанное, что неудачно пытались чинить, – сказал Хура.

Авик взял предмет в руки.

– Это сломанная в нескольких местах рукоятка от старого самописца, к которой приклеена веревочка, – сказал он наконец.

– И знаете откуда у меня эта вещица? – спросил Нотия

и не дождавшись ответа продолжил, – я нашел ее тогда на конюшне. Рукоятка от самописца на конюшне – необычно, правда?

В комнате повисло молчание.

– То есть, это то, что было сороконожкой, – наконец догадался Авик.

– Огненной сколопендрой, чтобы быть точным, – сказал Нотия.

Мальчики снова замолчали.

– Я заподозрил неладное, как только вы рассказали об этой вашей многоножке. Сколопендры водятся в Юго-Восточных Предгорьях – совсем не ближний свет. Скорее всего, это была чья-то поделка. Чтобы превратить этот хлам в сколопендру, кому-то нужно было знать ее Истинное Имя, а для этого нужно было прочитав мой манускрипт «О скорпионах и сколопендрах». Он существует в трех экземплярах: один находится в библиотеке Школы, другой в библиотеке Вечного Города, третий стоит вон там, на полке. Я проверил первый и третий экземпляры, они были покрыты девственным слоем пыли, а потому исключаем их из рассмотрения. Не питая особых надежд, я проверил экземпляр в Вечном Городе и обнаружил на нем очевидные следы недавнего использования. Эленхомени фантазма в Хориве и окрестностях есть только у меня и у Рамиса...

– А где вы берете энергию для эленхомени фантазма? – вздернул брови Хура.

– У меня в колодце небольшой резервуар преро-тиз-зоиз, – ответил Нотия.

– Он соединится прямо с Резервуаром Мароджара? – еще больше удивился Хура.

– Разумеется, нет, – с внутренним резервуаром Школы, – раздраженно ответил маг и продолжил, – я решил провести небольшую проверку. В Вечном Городе я переставил местами тома на соседних полках, и написал запрос в Хорив на список манускрипта. Без подписи. Ну, как если бы Рамис ошибся и поставил манускрипт не на его место, а кто-то другой его там не нашел и теперь просил прислать копию из нашей библиотеки. Рамис – законченный педант, и я знал, что если книгу эту брал именно он, то он сразу бросится проверять, правильно ли он ее поставил. Так вот в ту же ночь он отправился в Вечный Город, и утром книжка стояла на своем месте.

– А откуда вы узнали, что Рамис Ацетус был в Вечном Городе? – спросил Авик.

– Во-первых, по свечению преро-тиз-зоиз в моем колодце, когда расход энергии в Школе растет, вода жизни в нем начинает мерцать и по поверхности идут круги. А во-вторых, я спрятал вашего старого друга Рема в кабинете Рамиса, и он мне рассказал все, что там видел.

Хура подпрыгнул на месте:

– Посторонний в здании Школы, да еще и ночью, и тайно?! Это же ни в какие ворота не лезет!

– Мой мальчик, – спокойно спросил его Нотия, – а ты знаешь, что собой представляет огненная сколопендра? Это одна из самых ядовитых тварей, она во много раз опаснее скорпионов и тех змей, которые водятся в наших краях. Особенно опасны особи с окрашенной головой. Так что ты был на волосок от гибели.

– Но зачем ему могло понадобиться меня убивать? – испугался Хура.

– Я тоже этого не понимаю, – Нотия положил лоб на сложенные руки, – я ничего не понимаю. Рамис ведет какую-то игру и это скрывает, иначе бы он явился в Вечный Город днем, а не ночью. Я не понимаю, что у него на уме, но он может быть очень опасен. Сегодня я понял, что он подозревает меня в том, что я слежу за ним. Я решил, что вы должны знать об этом.

В эту ночь Хура побоялся возвращаться домой в темноте и заночевал в каморке Авика. Ночью он два раза просыпался с криком ужаса. Впрочем, утренний свет привел его в бодрое расположение духа, и он, позавтракав, отправился на свои занятия.

ГЛАВА ПЯТАЯ

– Вот что, Авик, – сказал Нотия, когда Хура скрылся за поворотом, – раз ты все равно не можешь как следует заниматься Великой Игрой, может, тебе позаниматься в библиотеке Вечного Города? Я пока возился с твоим браслетом, откопал великолепный манускрипт по зачаровыванию предметов. Тебе было бы очень полезно почитать.

– Но использовать чужую эленхомени фантасма запрещено, – побледнел Авик.

– А кто тебя поймает? – улыбнулся Нотия. – Ты же знаешь немного по-имперски? Если тебе что-то рассказывают, кивай головой, говори что это очень важно и интересно, но у тебя в данный момент нет времени всё это детально обсудить. На все вопросы отвечай, что тебе нужно обстоятельно подумать, и вообще изображай занятого человека. У меня там нет друзей, а из знакомых только Рамис, но он по утрам на уроках.

Они отправились к колодцу. Там Нотия опустил в ведро *лави петаюда* – сосуд с двумя ручками, через который маг осуществляет связь с предметом, служащим временнымместилищем его сознания. Когда сосуд заполнился, Нотия достал его из ведерка, аккуратно вытер ветошью ртутные капли и передал Авику. В кабинете Нотии они снова расставили лавки и накрыли их одеялами, но только теперь впасть

в транс предстояло Авику.

– Заклинание возвращения выгравировано на правой руке эленхомени фантазма, на внутренней стороне запястья. Держи лави петаюда обеими руками, а я тебе поддержку фолиант. Так, читай вот с этого места.

Авик прочитал заклинание, Нотия зажег ароматическую палочку. Глаза начали слипаться как при очень сильной дремоте. Вдруг комната бешено закружилась перед глазами, все слилось в водовороте склянок, книг, сушеных насекомых, сучков на дощатом потолке. Пронеслось и сразу исчезло сосредоточенное лицо старика со сдвинутыми к переносице седыми бровями, а потом вдруг все застыло так же резко, как закружилось, и Авик почувствовал торжественный покой Ясписного Зала. Он стоял неподвижно, как статуя, среди других таких же статуй. Ноги чувствовали прикосновение к полу, но не ощущали напряжения мышц. Если бы Авик захотел, он казалось, мог бы целую неделю стоять так без движения, нисколько не устав. Сознание как наездник, избавившийся от причуд и капризов норовистого коня – тела, парило в пустоте, оседлав ветер.

Он попробовал шевельнуться, и это удалось ему удивительно легко, как движение картонной куклы в театре марионеток. Он сделал шаг, потом другой, потом третий. На него смотрели безжизненные глаза магов со всех концов Ойкумены. На возвышении стояла фигура, показавшаяся Авику чем-то знакомой. Он подошел поближе. Голова чуть накло-

нена вперед и влево, руки сложены на груди, волевой подбородок и мягкие линии губ, под пустыми глазницами слепца – Авик много раз видел этого человека на портретах. Шогест Брандото, умерший задолго до изобретения перемещения сознания. Это была символическая эленхомени фантазма, посмертное подношение благодарных последователей.

«Интересно, сколько статуй принадлежит умершим магам», – Авик прошел вдоль рядов. Нигде не было ни пылинки и только по фасону одежды можно было догадаться, сколько лет той или иной фигуре. Попадались очень старые, в таких шапочках, каких уже лет двести никто не носил. Насмотревшись на волшебников, Авик покинул Ясписный Зал.

За тяжелой дверью, окованной позолоченными полосками металла, находилась небольшая, но светлая комната, в которой вытянувшись стояли два стражника в полной боевой экипировке, ни на что, впрочем, не обращавшие внимания. В каменной нише журчал маленький фонтанчик. Справа вглубь здания уходил коридор, освещенный холодными огнями. Над входом из кусков цветного стекла была выложена фигура неизвестного Авику мага с поднятой в приветствии рукой с открытой ладонью и загнутым безымянным пальцем. По-видимому, это был вход в хранилище библиотеки. Из открытой двери в противоположной стене в комнату проникал утренний свет. Авик с удивлением обнаружил, что глаза эленхомени фантазма привыкают к темноте намного быстрее, чем его собственные, а от яркого света со-

всем не хочется жмуриться. За дверью оказался выход на галерею. библиотека стояла на холме, и отсюда просматривался почти весь город. Авик прошел по галерее, глядя на мраморные дворцы и широкие площади, прекрасные сады и грозные укрепления. Величественный храм с широким куполом, горою возвышался над черепичными крышами жилых домов, кривыми улочками, акведуками и резервуарами. Свежий морской ветер шевелил тунику, трепал бороду Нотии, казавшуюся Авику такой неуместной, несмотря даже на необычность восприятия чувств эленхомени фантазма. Пролит блеснул за бурой оборонительной стеной, на рейде, как огромные водомерки, покачивались галеры. Противоположный берег тонул в утренней дымке. На крыши то тут, то там садились драчливые и голосистые белые чайки.

Вдруг Авик остановился: место показалось ему чем-то знакомым. Оборонительные башни, колонна на площади – ну конечно, он видел это на живой картине в логове разбойников. Тогда там была ночь, а сейчас, днем, по площади ходили люди. До Авика доносились звонкие голоса перекупщиков, стоны и причитания невольников, резкое щелканье хлыстов. Повсюду мелькали бритые затылки с вытатуированными двухрукавными спиралями. Бывший невольник Рем ежедневно любовался рынком рабов в Вечном Городе. У Авика сразу испортилось настроение, он поспешил покинуть галерею и отправился в Хранилище.

Коридор заканчивался огромной, хорошо освещенной за-

лой. В нишах громоздились шкафы с книгами, на столах виселись целые горы томов. Между ними неторопливо бродили волшебники Вечного Города и эленхомени фантазма, изредка обмениваясь негромкими репликами. Две огромные двери в разных концах зала вели в Хранилище. Здесь висела густая тишина: разговаривать было не принято. Авик нашел нужный манускрипт, выбрал укромное местечко и погрузился в чтение. Нельзя сказать, что фолиант содержал много новых для Авика сведений, однако написан он был настолько изящно и легко, что чувство причастности к гармонии овладевало читателем уже на третьей странице. То, что раньше лежало в голове в виде беспорядочных груд камней, теперь выстраивалось в могучее и изящное здание. Он и не заметил, как пролетело четыре часа и пришла пора возвращаться. Той же дорогой он вернулся в Ясписный Зал, встал на свое место и прочел заклинание на запястье. Теперь все погрузилось во мрак и, словно всплывая из колодца, вернулся захламленный кабинет со склянками, коллекциями насекомых и всклокоченным волшебником, озабоченно щупающим ему пульс.

– Ну как тебе Вечный Город? – спросил он.

– Потрясающе, – выдохнул Авик. Все его тело затекло, как будто в него вогнали миллионы иголок.

– Как твоя рана – не беспокоит?

– Нет, вроде.

– Вот и отлично.

Авик с трудом разжал руки, а Нотия проворно выхватил

у него лави петаюда.

– А почему уровень преро-тиз-зоиз не изменился? – спросил Авик, указывая на сосуд неразгибающимся пальцем.

– Преро-тиз-зоиз – это не дрова, которыми топят печь, а квинтэссенция симпатической магии, вода жизни, – отвечал Нотия, – даже капля ее сохраняет связь с тем сосудом, из которого ее взяли, и поглощает энергию из него.

– А откуда берется преро-тиз-зоиз?

– Точно не известно. Считается, что это одно из проявлений теллурической энергии, как и, например, горячие источники. Мы берем ее из огромного резервуара, находящегося в центре подземелий Мароджара. Этому Резервуару хоривская Школа и обязана своей славой. Над получением преро-тиз-зоиз для резервуаров Вечного Города работают тысячи невольников, добывающие ее по каплям из горной породы, а нам она достается без особого труда.

Всех послушников мобилизовали для нужд княжеского похода против Черных Куниц. Под руководством Его Мудрейшества Онинго Гортиса, краснолицего мужчины с густой рыжей бородой, они заговаривали доспехи, стрелы, мечи, копья, а также топоры и пилы для рубки деревьев. Ловчие сети превращали в мощное средство антимагии, чтобы запутавшаяся в них Куница не могла выбраться при помощи колдовства. Готовили специальные линзы, вставляющиеся в забрала шлемов, через которые можно было видеть в темноте. Де-

лали поисковые фонари, миниатюрные живые окна, холодные огни. Это был первый большой поход после десятилетнего перерыва, и тысячники не могли нарадоваться магическим новинкам. Им не терпелось испытать новые игрушки в действии. В связи с большим объемом работы, казенный постоянный двор был спешно переоборудован в мастерскую. Он находился прямо напротив арсенала и имел достаточно большую конюшню. Авик и Хура заговаривали здесь боевых коней. Добрая половина мобилизованных лошадей была переименована их хозяевами, поэтому работа по наложению чар на них была очень кропотливой и требовала большой внимательности. Заговорив очередного головоломного коня, мальчики вышли наружу отдышаться. Наставник Онинго Гортис, специалист по боевой магии, ходил между пыхтящими от напряжения послушниками, раздавая советы громовым голосом, сразу превращавшим площадь перед постоянным двором если не в поле битвы, то по крайней мере, в казарму.

– Ой, смотри-ка, – сказал вдруг Авик, – кто нас почтил присутствием.

Между рядами, в сопровождении двух молодых наставников, не отвечая на поклоны, неторопливо и величественно двигался Его Высокомогущество Рамис Ацетус. Послушники начали шушукаться, работа встала. Онинго Гортис, злой как черт, преградив путь непрошеным визитерам, так резко выбросил вверх руку с загнутым безымянным пальцем, что Рамис вздрогнул от неожиданности. В глазах грандмага про-

бежала искра ярости, но он мгновенно взял себя в руки.

– Не волнуйтесь, Онинго, я ненадолго, – успокаивающе заговорил он, отвечая ему тем же приветствием. – Мне надо лишь эээ... кое-что обсудить с одним из послушников.

Он направился напрямик к мальчикам и поманил пальцем Хуру. Тот покорно пошел навстречу своему учителю, но Авик почувствовал, что Хура напрягся. Под ревнивый шепот других послушников, они отошли к воротам и около получаса неспешно говорили там о чем-то. Хура вернулся с необычным для него выражением глубокой задумчивости на лице.

– Он меня расспрашивал о твоём учителе, – сказал он. – С тобой он разговаривать не хочет, а до меня снизошел. Так вот, главное: тот библиотечный запрос на «Скорпионов и сколопендр» вовсе не был анонимным: он был подписан именем Нотии. Рамис думает, что Его Мудрейшество очень сильно переживает из-за того, что никто не читает его трудов, и на почве этого немножко того, – Хура покрутил пальцем у виска. – Приучил себя не замечать некоторые вещи, которые наводят его на грустные мысли, придает слишком большое значение каким-то случайным мелочам. В общем, похоже на правду.

– А зачем Рамису понадобилось ночью срываться в библиотеку Вечного Города? – спросил Авик.

– Чтобы тихонько вымарать запрос в реестре. Представляешь, как бы все смеялись, если бы Рамис отправил фолиант, а тамошний библиотекарь открыл бы свой перечень и

обнаружил бы, что Нотия запрашивает сочинение Нотии. Да еще и «О скорпионах и сколопендрах», которое уже есть в библиотеке.

– Да... – потянул Авик, – это было бы неловко... А как же рукоятка от самописца?

– Мы не обсуждали, я же ему про это не рассказывал. Но мало ли откуда мог взяться этот мусор? – покачал головой Хура. – Похоже, Его Высокомогущество, хоть и имеет дурной характер, злодеем все-таки не является.

– А откуда тогда взялась сколопендра?

– Возможно, приехала с багажом каких-нибудь южных купцов и заползла на узелок с вещами злосчастного Атрака.

– Или была в его вещах с самого начала, – ужаснулся Авик.

– Нет, этого бы сыщики не пропустили. Мне кажется, в тот вечер сюда как раз заезжали купцы с Юго-Восточных Предгорий.

Авик окинул взглядом двор, и действительно вспомнил дюжину ишаков, груженных тюками с товаром и разгружающих их широкоплечих коренастых горцев, перешучивающихся на своем странном языке, изобилующем гортанными звуками.

– Ой, и правда, – сказал он, – последнее время у меня какие-то странные провалы в памяти, то про горцев забуду, то про веревку.

– Про какую веревку? – спросил Хура.

– Ну, когда мы хоронили Атрака, мы сняли с него веревку, а я про это начисто забыл.

– Ты что-то путаешь, – удивился Хура, – тело было перехвачено веревкой, я это помню абсолютно точно потому, что стер об нее руку, а потом этот волдырь содрал Дунже, когда освобождал меня из кандалов в темнице... Чего это с тобой?

Авик побледнел. Мавкино деревянное колечко вдруг впилося ему в мизинец.

– Мне нужно домой, – наконец выговорил он.

– Ты что, дезертируешь? – возмутился Хура. – А я тут один на один с этими дурацкими конями?

– Мне нужно повидать Мавку.

– Да куда не денется твоя Мавка, – еще больше рассердился Хура, – через несколько дней войско отправится ловить Куниц, и тогда, считай, ты свободен.

– Я поеду, – упрямо сказал Авик, – но сегодня, так и быть, помогу тебе.

Они провозились на конюшне до поздней ночи. Поняв, что Авика не переупрямить, Хура смирился с его отъездом.

– Может, тебе взять коня, одного из этих? – спросил он.

– А если поймают? – испугался Авик.

– Скажешь, что осуществляешь разведку по направлению выдвижения войска. В обстановке строжайшей секретности.

– А если коня хватятся?

– Да не хватятся, смотри, в каком состоянии у них список, – Хура помахал у Авика перед носом пачкой растрепан-

ных драных листов. – Мы, конечно, на коня чары наложим, чтобы всем было ясно, что он ни на что, кроме холодца, не годится. Ну и со списком немного поколдуем.

Хура выбрал лошадь получше, покопался в своих фолиантах, нашел нужное заклинание и наложил на животное чары иллюзии. На всякий случай выписал заклинание на листе пергамента и отдал Авику:

– Если начнет развеиваться – обновишь.

Друзья задали фальшивой кляче двойную порцию корма и разошлись. Хура отправился домой, а Авик решил остаться на конюшне: городские ворота все равно были закрыты. Перед самым рассветом он оседлал коня, кое-как влез в седло и отправился в путь. На пути к северным воротам он предусмотрительно обогнул Замковую Гору: здесь, как и в кварталах вокруг Школы, использовать иллюзии было запрещено, и наложенные на коня чары могли развеяться из-за антимagicеских истуканов, стоящих перед стенами цитадели. Авик не был хорошим наездником, но лошадь ему попалась хорошая, шла мягко и ровно. Когда он преодолел Белые Ворота, солнце показалось над горизонтом. Для такого раннего часа улицы были многолюдны, город готовился к празднику Летнего Солнцестояния. В этом году планеты сходились в какую-то особенно редкую комбинацию. Авик пока не изучал астрономию и не очень понимал того, что говорили другие маги об эссенциальном и акцидентальном достоинстве, но чувствовал, что в этом году празднество будет особенно

торжественным. Если конечно военный поход его не испортит.

Отъехав от города, он пустил лошадь быстрой рысью. Только теперь беспокойство перестало мучить его. Он стал думать о том, что скоро увидит Мавку и что, скорее всего, с ней все в порядке, просто он соскучился и волнуется зря. И все же веревка – это, конечно, загадка... Потом он стал размышлять о своих занятиях, прерванном обучении Великой Игре, подумал, что в следующий раз, когда он будет в Вечном Городе, надо будет обязательно разобраться с трактатом «О скорпионах и сколопендрах Юго-Восточных Предгорий». Он со вчерашнего дня ничего не ел, в желудке было пусто, но его это почему-то не волновало. По сторонам дороги шумел летний лес, обиженно гудящих комаров сдувало встречным ветерком. Дубравы сменялись полями, за ними шли болотистые ельники, песчаные сосняки перемежались березовыми рощами. Сердитый хрущ с надрывным жужжанием врезался Авику в лоб, и он вспомнил о Нотии и его последнем труде. Интересно, проверял ли он, какие комбинации рун встречаются в Истинных Именах реже других. Тоже может быть интересный вопрос. Кстати, почему он мне подкинул фолиант по магии зачаровывания? Думает, моя рана никогда не заживет? Или все-таки хочет попробовать проверить свои открытия экспериментально? От этого все равно никуда не деться... Так, размышляя о том о сем, он добрался до родных мест. Дни стояли длинные, и солнце было еще

высоко в небе. Мавка бросилась ему на шею:

– Я знала, что ты приедешь, – сказала она.

– Откуда? – удивился Авик.

– Секрет, – кокетливо ответила девушка.

Она принесла ему краюху хлеба, кринку меда и кувшин молока. Авик принялся ей рассказывать про то, как продвигается их с Нотией расследование. В завершение он рассказал ей о веревке.

– Надо же, сколько у тебя разных событий, – невпопад сказала Мавка. – А у нас тут с мамой ничего не случается, только корова отелилась. А если ты за меня волнуешься, то лучше и не уезжай никуда. Отсюда до Хорива полдня пути, что ты сможешь сделать, если они придут сюда?

– Кто «они»? – спросил Авик.

– Не знаю, кто. Тут в лесах что-то странное происходит. Хотя лес для меня – как дом родной, иногда я боюсь.

– А что странное?

– Я не знаю, я просто чувствую, – ответила Мавка. – Сходи в лес, и сам поймешь.

– Я вообще-то хотел еще раз сходить на могилу.

– Ну, пошли на могилу, – согласилась Мавка.

Холмик слегка зарос травой и просел, а веревка, уже чуть подгнившая, валялась тут же. Мавка так и не решилась ее забрать. Авик на всякий случай проверил, что тело все еще на месте. Взявшись за руки, они постояли на опушке, молча слушая щебетание птиц и комариный звон, а потом, од-

новременно, не сговариваясь, так же безмолвно побрели обратно.

– Может, тебе лучше пока в Хорив переехать? – спросил Авик.

– Ну а как же мама, хозяйство? Я не могу этого бросить.

– Ну, может только на время, пока всё не разрешится, – продолжал настаивать Авик.

– Нет. Здесь есть какая-то сила, которая меня бережет, а если я уеду, я стану совсем беззащитной, – ответила она.

– Что это за сила такая?

– Я не знаю, но я чувствую, что она точно есть.

– Мне кажется, наставники Школы – понадежнее «какой-то силы», – с сомнением сказал Авик.

– Живого наставника я только один раз видела, и он мне совсем не понравился, а эту силу я всю жизнь чувствую, – парировала Мавка. Авик только развел руками.

На следующее утро Авик снова проснулся ни свет, ни заря. Мавка и Диса еще спали в своей горнице, и он решил сбежать проведать свой хутор. Со всего духу припустил он по знакомой тропинке. Почти у самых ворот, он неожиданно свернул в заросли. Шагов через двести мелкая извилистая речушка несла свои торфяные воды к могучему Реебору. У песчаного пляжа была выкопана и выложена камнем небольшая купель. Теперь ее до половины занесло песком и илом, хотя раньше в ней вполне можно было хорошо окунуться.

Авик присел на лежащее бревно и принялся размышлять о тех таинственных силах, которые оберегают нас там, где мы пустили корни и выросли в землю. Он провел все свое детство на этом пляже, это было его место. Почему же он не чувствует защиты? Почему нет уютного тепла, разливающегося по всему телу? Что он сделал не так? В задумчивости он принялся кидать камешки в воду. Бульк, бульк, – говорили тонущие камни, – бульк, бульк. Неожиданно еще один камешек вылетел откуда-то из-за бугра и упал в воду рядом с камнем Авика. Он снова кинул камень, и снова кто-то невидимый запустил другой в то же самое место. Тогда Авик выбрал камень побольше, и закинул его почти к противоположному берегу. Камень размером с добрый кулак тотчас же шлепнулся рядом с ним. Чтобы превзойти своего противника, Авику пришлось выкопать из песка здоровенный булыжник и обеими руками швырнуть в реку. В ответ из-за бугра вылетел камень размером с человеческую голову и плюхнулся прямехонько в купель. Авик вскочил весь мокрый от брызг. На бугре радостно хохотал Хура.

– А ты тут откуда взялся? – удивился Авик. Ему передалось хурино веселье, и он тоже засмеялся.

– В этих краях я всегда появляюсь неожиданно и без приглашения, – ответил Хура, спускаясь.

Авику показалось, что у Хуры снова торчат соломинки в волосах, как тогда, когда он нашел его на сеновале. Конечно, никаких соломинок не было, но какая-то мелкая деталь в его

облике все-таки была не в порядке. Непонятно только какая.

– Ты хромаешь, что ли? – спросил Авик наугад.

– Ага, у меня радикулит, – сообщил Хура, притворно хватаясь за поясницу. – Тут, кстати, прекрасные леса, я в прошлый раз как-то не оценил, а теперь не могу налюбоваться.

– Да, у нас тут хорошо, – сказал польщенный Авик, – хочешь, давай пройдемся.

– Пошли вдоль берега, – сказал Хура, – так не заблудимся.

Авик прыснул со смеху: в этом лесу он точно никогда не заблудится. Но они все равно пошли вдоль берега. С появлением Хуры грустные мысли оставили его, он стал неожиданно весел и спокоен. Лес пьянил его, мысли наползали одна на другую. Ребята шли медленно, почти не разговаривая, наблюдая, как зеленые ленты водорослей колышутся на стремнинах и как из омутов поднимаются загадочные пузыри. Обойдя маленькое болотце с зачахшими березками, они поднялись на песчаный речной обрыв. Обнажившиеся корни сосен тянулись в сторону реки, создавая небольшие ажурные пещерки. К ветке одной сосны была привязана толстая веревка, а на веревке висела огромная плетеная корзина, в нескольких местах дырявая, но вполне еще годная к использованию.

– Ух ты, это же качели, – обрадовался Хура. Он немедленно влез в корзину и принялся раскачиваться взад и вперед. – Авик, давай сюда – сделаем солнышко.

Авик с сомнением глянул вниз, до воды было аршина че-

тыре, не меньше.

– Да не трусь ты, хочешь, я на тебя наложу защитные чары от падения с качелей?

– Ну ладно, двигайся, – сказал Авик.

Они принялись раскачиваться, от высоты и скорости перехватывало дух. Вдруг что-то подозрительно хрустнуло, Авик сгруппировался, ожидая удара о землю, но корзина понеслась почему-то не вниз, а куда-то вбок. Хура заорал и вцепился в Авика, а корзина, все набирая скорость, мчалась между кронами деревьев, сначала вдоль речки, а потом углубилась в лес, огибая прогалины и лесные болотца. В конце концов все вокруг превратилось в сплошное зеленое месиво, Авик с минуты на минуту ждал сокрушительного столкновения с какой-нибудь елью, но корзина летела так аккуратно, что даже ветки не хлестали по лицу. Хура не переставал орать и не разжимал своих пальцев. Наконец корзина начала сбрасывать скорость и вытряхнула мальчиков на траву у подножия крутого холма, а сама, как бы освободившись от ненужного веса, поднялась к его вершине и застыла там. Снизу она снова выглядела как качели, привязанные теперь к ветке векового дуба, растущего на холме.

– У вас в округе много чародеев-шутников? – спросил Хура, пытаясь отдышаться. – Такое даже для меня чересчур.

Авик поднялся, поджилки у него тряслись.

– Где это мы? – сказал он озираясь. Вокруг стоял старый дубовый лес, и не было ни тропинки, ни просвета.

– Давай заберемся на холм и посмотрим, – предложил Хура. Авик пожал плечами, и они стали подниматься. Склон был крутым, иногда приходилось карабкаться по корням. Вскоре стали попадаться каменистые осыпи и русла пересохших ручьев. Они добрались до небольшого уступа, и присели отдохнуть.

– Ой, смотри, там что-то вроде грота, – сказал вдруг Хура.

Они подошли поближе. За расщелиной в скале открывался просторный грот, а в глубине его зияло черное жерло пещеры. Дыру обрамляла грубо связанная деревянная рама.

– Здесь были люди, – обрадовался Авик. – Посмотрим, что внутри?

Разгребая ногами гравий, обломки корней и ошметки высушенного лишайника, они осторожно спустились внутрь. В прохладной пещере царило зловоние. Когда глаза привыкли к темноте, Авик заметил огромную кучу в темном углу пещеры. Запах исходил оттуда. Хура схватил разлапистый корень, закрыв нос рукавом, зачерпнул непонятной гадости и вынес ее поближе к свету.

– Ой фу, дохлятина какая-то, – сказал Авик. Хура выронил свой корешок: на нем лежали крохотные трупки летучих мышей. Машинально вытерев руки о свою робу, он нашел новый корень и принялся им ковырять лежащих на полу мертвых нетопырей.

– Знаешь, что странно, – сказал он, наконец, – вот эти черно-белые иголки, я думал такие бывают только у ежей.

– Ой, правда, – сказал Авик. – Зачем нетопырям иголки? Может, они тут болели чем-то? Пошли, что ли, отсюда по-доброму-поздорову?

– Для анализа Астральной Карты они слишком давно померли, – Хура поднял глаза на Авика. – Наверное, им было тяжело летать с иголками, а может, они просто перекололи друг другу перепонки.

– Их заколдовали, – осенило Авика, – как полевков там, на лугу.

Хура кивнул. С минуту они помолчали.

– А давай представим себе, что мы знаем заклинание, которое позволяет нам просматривать прошлое? – вдруг предложил он. – Скажем, прошлой осенью сюда пришел какой-то человек и смастерил эту раму вокруг входа в пещеру...

– Слушай, здесь плохо пахнет и нам надо как-то отсюда выбираться, – перебил его Авик.

– Не мешай фантазировать, – обиделся Хура, – ты же хочешь узнать, кто заколдовал полевков? Потом этот человек приделал к раме мелкаячеистую сеть и развесил ее на кольях вокруг, – Хура быстро вышел из пещеры и пошарил руками за деревянной рамой, и торжествующе вернулся с малюсеньким обрывком чего-то, напоминавшего сеть.

– Ну, это же просто пара веревочек, связанных между собой, – пожал плечами Авик. Хура не обратил на него внимания.

– Затем, человек прочитал заклинание призыва и изловил

всех нетопырей в пещере, рассовал их по мешкам и увез на четырех мулах.

– Ты мне сейчас напоминаешь нашего косоглазого знакомого, – улыбнулся Авик, – как он их вывез, если они вон в том углу лежат?

– А через несколько дней они вернулись, – выкрутился Хура, – как будто их отпустили.

– Получается история, исполненная внутренней логики, – засмеялся Авик, – а потом у них отросли колючки?

– Не совсем, – ответил Хура, – еще через пару дней человек пришел снова. В руках у него была клетка, а в ней сидел нетопырь. Один. Он поставил клетку в углу пещеры и ушел. Потом он навевывался сюда еще пару раз, подкидывал этому нетопырю в клетке червячков, молока наливал, а потом все нетопыри в пещере отрастили колючки и сдохли. Тот, который был в клетке, продержался дольше других: ему-то летать было не нужно.

– Откуда ты это взял? – удивился Авик, – какая клетка?

– Сейчас найдем, – успокоил его Хура. Он начал шарить руками вдоль стены пещеры, и довольно быстро вынес изумленному Авику маленькую загаженную клетку с трупиком колючего нетопыря и мисочкой, к которой присохло что-то черное.

– Ты с самого начала нашел здесь клетку, а потом устроил все это представление? Зачем? – заорал на него Авик. – Мы должны выбраться отсюда, а потом вернуться сюда с Нотией

или Дунже. Что толку даже, если мы здесь что-то узнаем, а потом не сможем возвратиться в Хорив? Болтун несчастный!

Рассерженный, он, спотыкаясь, побежал к выходу. Хура расстроено вскидывая руки, плелся за ним. Не обменявшись даже парой слов, они поднялись на вершину холма. Вокруг, на сколько хватало глаз, раскинулся густой и темный лес. Из-за дубрав выглядывали верхушки елей, липы и осины шевелили кронами в такт легким порывам ветра. Ни дыма, ни прогалины, ни дорожки. Авик соорудил из загнутой в кольцо веточки воздушную линзу и принялся вглядываться в горизонт. Ничего, только лес. Их занесло очень далеко.

– Мне кажется, самое разумное – попробовать снова воспользоваться корзиной, – нарушил молчание Хура, – вдруг она нас доставит в то же место, откуда мы эээ... прибыли?

Авик глянул на покачивавшуюся на ветру корзину: от одной мысли о повторении путешествия ему стало дурно. Но смысл в этом предложении, безусловно, был. Вслед за Хурой он поплелся к дубу. Здесь он достал руны и попытался раскрыть Астральную Карту странной корзины, но куда там: все было закрыто и защищено.

– Ну, полезай, – наконец сказал Авик, притягивая корзину к обрыву.

– Нет, Авик, поезжай-ка ты один, а мне сегодня надо на другую сторону, – сказал Хура и отошел на шаг, как бы давая Авику пространство, чтобы осмыслить услышанное. Воцарилось молчание.

– То есть ты никакой не Хура? – наконец спросил Авик.

– Правильный вывод, – ответил тот, разводя руками.

– А кто же ты тогда?

– Мое имя тебе ничего не скажет, и на вашем языке оно труднопроизносимо. Можешь звать меня Коготь. Присядем на дорожку?

– Ты Черная Куница? – догадался Авик.

– Вот что значит провести день в обществе умного человека, – удовлетворенно воскликнул Коготь, еще не вышедший из образа разбитного Хуры. Чары иллюзии развеивались, снова появилось чувство, что где-то из волос торчит соломинка, или одна нога короче другой, хотя конечно никакие соломинки ниоткуда не торчали, и с ногами все было пока в полнейшем порядке. Они присели на огромный корень дуба.

– Значит все, что ты мне рассказывал в пещере – правда? – спросил Авик.

Коготь кивнул. Он уменьшался и ссутуливался прямо на глазах.

– Два года назад, – начал он, – мы нашли что-то, что не смогли расшифровать. Нам пришлось искать человека, который мог бы сделать эту работу за нас. И мы нашли некоего мага, пообещали друг другу делиться полученными знаниями и помогать в дальнейшем. Но он обманул нас и пропал, забрав нашу законную добычу. Вот с тех пор мы и шарим по местным лесам, пытаемся выйти на его след. Много стран-

ного происходит...

– А кто был этот человек? Вы знаете его имя?

– К сожалению, нет, – Коготь грустно усмехнулся, – он представлялся ненастоящим именем и носил магическую маску. Мы знаем только то, что он живет в Хориве и что он не молод. Это, к несчастью, все.

– Как же вы ему доверились? – изумился Авик.

– Мы не сразу поняли, какая драгоценность была у нас в руках, – с досадой сказал Коготь.

– А это тоже ваши проделки? – спросил Авик, поднимая правую руку с браслетом Атрака. Коготь протянул покрытую волосами конечность и аккуратно пощупал бронзу черными подушечками пальцев.

– Это вы сняли с того заколдованного крестьянина? Нет, нет, ни это, ни сами эти полулюди, ни тем более полевки с нетопырями – не наша работа. Не удивляйся, мы давно следим за тем, что за чертовщина творится на хуторах. Ты, кажется, даже видел меня на крыше сарая, в ту самую ночь, когда вы приезжали со странным человеком в кожаной одежде и колдовали над трупом.

– А это вы выкапывали тело?

– Откуда ты знаешь? Да, мы. – Повисла пауза. Коготь не выдержал молчания и воскликнул – Ну, интересно же было. Мы потом всё обратно закопали. Кстати, – он поспешил перевести разговор на другую тему, – это я вывел вас тогда на полянку с зачарованными полевками, это я подал тебе знак

– помнишь качающуюся ель на пепелище? И это я убил полчеловека, который гнался за тобой и выслеживал вас той ночью.

– А Атрака тоже вы убили? – спросил Авик.

– Атрака? Полчеловека? Нет и нет: не мы его заколдовали и убили его тоже не мы.

– Вы знаете, кто создает оборотней?

– Мы считаем, что они, скорее всего, появлялись из той усадьбы, которую ты нашел в лесу. После того, как она сгорела, заколдованных людей тоже поубавилось. Ну и мы истребили их порядочно.

– А кто жил в этой усадьбе?

– Там жил тот самый человек, который ловил нетопырей. Правда, прошлой зимой он пропал. А остальные посетители носили маски... Еще иногда туда заходили крестьяне, но обратно не выходили.

– Это вы сожгли усадьбу?

– Нет. Мы ищем нашу добычу, а не боремся с колдунами и их созданиями.

– А на что похожа эта ваша добыча?

– На прямоугольный кусок светлого камня с выгравированными на нем буквами, ну и кое-какой инкрустацией.

Коготь уже совершенно потерял всякое сходство с Хурой, и вообще с человеком. Перед Авиком сидело мохнатое, закутанное в плащ существо с острой мордой, круглыми ушами и с загнутыми кривыми когтями на короткопалых руках. Ка-

рие глаза, казалось, вообще не имели белков. В неширокой пасти шевелился розовый шероховатый язык, желтели ост-роконечные клыки. Вокруг влажного носа с крупными нозд-рями из коричнево-черного меха торчало несколько седых волосков. Двигался Коготь очень медленно, словно ранен-ный зверь, который боится причинить себе боль неловким движением. Однако в его небольшом поджаром теле чув-ствовалась недюжинная сила.

– А правда, что Черные Куницы воруют детей? – вдруг спросил Авик. Коготь устало вздохнул.

– Нам своих детей хватает, во, – он провел ладонью по горлу. – Мы же люди по природе, просто те чары, которые на нас накладывают наши колдуны, делают нас похожими на зверей. А детишки у нас рождаются такие же, как и у вас, розовые и гладкие. Только годам к четырем обрастают. По-этому, когда средний обыватель видит, как розовый ребенок сосет черную и мохнатую мамкину грудь, это сразу приводит к необоснованным обвинениям.

Авик сделал деликатную паузу.

– А кто же все-таки убил Атрака? – переспросил он нако-нец.

– Получеловека? Не знаю. Думаю что девчонка.

– Мавка? Ни за что не поверю, что она ведьма.

– Я разве говорил, что она ведьма? – пробурчал Коготь и встопорщил усы, – она просто не то, чем кажется.

– А что же она такое? – допытывался Авик.

– Если б знал, сказал бы, – отвечал Коготь, – но у меня нюх на такие вещи – что-то с ней не так. Ходит по лесу одна, песни поет непонятные.

– Тоже мне, подозрительное поведение, – облегченно расхохотался Авик. Коготь в ответ только пожал плечами.

– Ладно, мне кажется, тебе пора. Если сможешь нам помочь с поисками того колдуна-мошенника, будем благодарны, – сказал он. – Я считаю, что ты у нас в долгу. И старику своему расскажи.

– А как мне вас найти? – спросил Авик.

– Мы сами тебя найдем, – отрезал Коготь, прилаживая что-то в корзине. Движения его вдруг стали такими резкими и быстрыми, как у хищника, напавшего на след своей жертвы. Авик ойкнул. Осознав свою оплошность, Коготь внимательно посмотрел на мальчика. Его руки снова стали двигаться плавно.

– Значит, еще увидимся, – подавив приступ страха, сказал Авик и тут же как будто спохватился – ой, а вы знаете, на вас собирается идти в поход всё хоривское войско, мы позавчера целый день оружие зачаровывали... и сети...

Коготь издал звук, средний между фырканием и глухим тьяканием.

– Ищи ветра в поле, – пробурчал он, – можешь залезать, теперь должно быть помедленнее.

Авик сел в корзину и пару раз качнулся назад и вперед. Корзина оторвалась от веревки и, плавно набирая скорость,

заскользила над лесом на восток. Авик посмотрел назад. Сквозь лучи заходящего солнца он увидел сторбленную фигурку, собравшуюся для прыжка. Упруго оттолкнувшись, Коготь спрыгнул с обрыва, растянул кожистые перепонки между руками и ногами и, распушив хвост, стал планировать над лесом. Приземлившись на верхушку дерева, он скрылся в его кроне. Авик посмотрел назад, на холм. Из-за гряды выглядывали выдолбленные в песчанике пещеры – много пещер, наверное, целый город. Город Тунтематон.

Когда Авик подошел к воротам мавкиного хутора, было за полночь. В окнах горел свет, женщины еще не ложились. Мавка встретила его в дверях, вся зареванная. Авик погладил ее по волосам, и вдруг застыл как вкопанный: возле крыльца стояла самоходка Нотии. Сам волшебник, устало переставляя ноги, появился в дверях. Из-за его плеча выглядывал бледный, но всамделишный, настоящий Хура.

– Ну, ты и устроил нам нервотрепку, – сказал он вместо приветствия.

– Мавка, у тебя что, есть живое окно? – удивился Авик.

– Нет, когда ты исчез, я в деревню к колдуну сбегала, – шмыгая носом, ответила девушка.

Они прошли в избу.

– А теперь, молодой человек, извольте рассказать нам, где вы все это время пропадали? – проскрипел Нотия, тяжело опустившись на лавку.

Авик рассказал о своих приключениях.

– В общем, главное, что я узнал, это то, что Куницы здесь ни при чем, если конечно Коготь мне не соврал, – подытожил он.

Нотия глубоко задумался. Он молчал несколько минут.

– Куницы большие мастера голову морочить, но это, похоже, не тот случай, – наконец изрек он. – Похоже, что ты им понадобился, и они решили вовлечь нас в свою игру...

Снова воцарилось молчание, прерываемое только шипением углей в потухающей печи, стрекотанием сверчков и треском лучины.

– Мы очень много можем узнать из этого рассказа, – снова нарушил молчание Нотия. – Для начала разберем историю с нетопырями. Это конечно никакое не обучение, поскольку зверьков слишком быстро выпустили. Да и вообще объект необычный. Значит, это был эксперимент. С полевками, видимо, то же самое, просто на другом животном. Вопрос, что за эксперимент? Основным объектом для наложения чар, скорее всего, был тот нетопырь, который сидел в клетке. – Нотия задумчиво растягивал слова, – Какая-то новая форма гомеопатической магии, чары накладываются на одну особь, а изменения происходят сразу со всеми, подобными ей, обладающими таким же Истинным Именем. Неизвестный нам маг заколдовал одного нетопыря, а покрылись колючками все. Теоретически это возможно. Клетку с заколдованным нетопырем принесли обратно в пещеру. Зачем?

Видимо, радиус действия чар не такой большой. Почему выбрали именно нетопырей? Никто не заметит, что с ними происходит что-то не то. А почему нельзя было взять более редкое животное, нужно всего лишь две или три особи... – рассуждал вслух старый волшебник. Женщины зевали, но он не обращал на них внимания. – Нетопыри и полевки, полевки и нетопыри... ага, есть! И тех и других можно очень много наловить. А зачем? Нужен же всего один зверек для наложения заклинания и еще один-два для проверки действия... И зачем тогда понадобилось вылавливать несколько мешков нетопырей и возить их куда-то? Загадка.

– Может быть, просто не все подходят? Скажем, один из тысячи? – предположил Авик.

– Точно. Это бы всё объясняло, – отозвался Нотия, – хотя представить себе сложно. С магической точки зрения, они все одинаковые.

– А какое отношение эти нетопыри имеют к гибели папы? – спросила Мавка.

– Пока непонятно, но скорее всего эти вещи как-то связаны... – ответил Нотия. – Ловец нетопырей жил в той усадьбе, откуда потом появлялись оборотни, наверное, его и заколдовали одним из первых, когда он перестал быть нужен. Свидетель, опять же. Теперь по поводу оборотней и браслетов. Надо сказать, неизвестно, настоящие ли это оборотни, мы не видели превращений, поэтому, скорее всего, это просто перманентно зачарованные люди. Но будем называть их

оборотнями. Я навел справки у Рема, сколько они получили поисковых фонарей и сколько отдали. Он клянется и божится, что отдали все до единого. Следовательно, Атрак получил браслет не от жижкиных головорезов, а скорее всего от того, кто сделал его оборотнем. Значит, получается, что в Хориве действует какой-то колдун или группа колдунов, которая обладает неизвестными нашей магической науке знаниями. Вероятно, что он или они получили эти знания, расшифровав камень Черных Куниц. Эти люди ищут какого-то человека, для его поисков они создают несколько десятков браслетов-фонарей, нанимают Жижку-Костолома, а также превращают крестьян в оборотней и тоже снабжают их браслетами. Потом они вдруг отказываются от жижкиных услуг, а усадьбу, где создавали оборотней, сжигают. Вероятно, замечают следы. Из этого следует, что они действительно нашли то, что искали...

– А кто же заколдовал папу? – снова спросила Мавка.

– Это пока не ясно, – ответил Нотия и повернулся к Авикку, – а что твой Коготь думает на этот счет?

– Коготь считает, что это сделала Мавка, – честно ответил Авик.

От такого неожиданного обвинения Мавка заревела в три ручья и выскочила в сени. Авик поспешил за ней. Он попытался обнять девушку, но та оттолкнула его и бросилась в горницу, захлопнув дверь перед самым его носом. Из-за двери доносились прерывистые рыдания. Авик пытался погово-

ритель с ней через дверь, но рев только усиливался.

В сени, потягиваясь, вышел Хура.

– Старика сморило, – сказал он, – мы сюда примчались на его самоходке от самого Хорива, и всего часа за три. Ты, небось, в жизни такой скорости не видел, – тут он ойкнул, вспомнив про недавние авианы полеты на корзине, и замал руками, как бы забирая назад слова, – но, в общем, устал старик. Пошли спать.

Авик через дверь пожелал Мавке приятных снов и, не дождавсь ответа, потопал обратно в избу. Нотия обессиле-но лежал на лавках, а тетушка Диса хлопотала вокруг него с периной и одеялом. Мальчики залезли на полати и быстро заснули.

За ночь небо заволокло тучами, прошел небольшой дождь, земля стала влажной, а вдоль опушки ползли клочья тумана. Авик проснулся в дурном расположении духа. Нотия уже не спал. Покачиваясь, он сидел на лавке, изможденный и расстроенный. Хура самозабвенно дрых. Авик спустился с полатей и сел рядом с Нотией.

– Стар я стал для путешествий, – проговорил старик, – боюсь, обратно я по таким ухабам не доеду. Поддай-ка мне мою торбу.

Он извлек из торбы письменный набор и почтового голубя. Птица спала волшебным сном. Набросав несколько строчек, он вставил записку в маленький цилиндр, привязанный

к лапкам голубя, произнес заклинание и отпустил разбуженную птицу. Голубь неторопливо прошел по комнате к окну, вскочил на подоконник и был таков.

– К полудню за нами пришлют экипаж, – устало сказал Нотия, укладываясь обратно на лавку. – А я пока отдохну...

Авик вышел на улицу. Мавка доила скотину, лицо ее было мрачно, на него она даже не взглянула. У колодца квакали лягушата, а некошеные лопухи разрослись до небывалых размеров. «Тяжело наверное вдвоем за домом ходить», – думал Авик умываясь. Он сходил за косой и принялся яростно бороться с лопухами. За этим занятием его застал свежий и выспавшийся Хура.

– Привет, гроза сорняков, – поздоровался он с Авиком, – сыграем в «Пирамидку»?

– Ну, давай, – нехотя согласился Авик, – только, вот, дай докошу.

Пока он обрабатывал последние углы плантации лопухов, Хура притащил колоду и поставил на нее дырявый чугунный котелок. Правила игры были простыми: два мага поочередно накладывали на предмет чары. Первые чары соприкасались с Истинным Именем предмета, вторые – накладывались поверх предыдущих, третьи – поверх вторых и так далее. Когда одно из нижних заклинаний развеивалось, вся конструкция тоже распадалась. Проигрывал тот, на чьем ходе это произошло. Поскольку чары взаимодействовали между собой, усиливая или ослабляя друг друга, нужно было вниматель-

но следить, что именно колдует твой противник, и быстро придумывать новые чары. Они начали играть, котелок от их игры то искривлялся, то уменьшался, то раскалялся добела, становился прозрачным, дрожал, подпрыгивал, гудел и брнчал. Но вне зависимости от того, что с ним происходило, Хура неизменно выигрывал. Наконец, после десятого кона, Авику надоело, и он сделал вид, что пошел проведать Мавку. Хура следовал за ним по пятам и уговаривал: «тебе просто надо больше тренироваться», «я думаю еще несколько партий, и ты начнешь выигрывать», «одна проигранная партия стоит трех выигранных», «игра в “Пирамидку” развивает воображение и магическую эрудицию» и так далее. Мавки нигде не было, поэтому Авик забрался от него на крышу хлева и принялся ее подправлять: несколько деревянных черепиц съехало. Голыми руками это было трудно сделать, поэтому он помогал себе заклипаниями. Хура, поняв, что игры не будет, поплелся обратно к своему котелку.

Когда Авик наконец посмотрел, чем занимается его приятель, он обнаружил, что Хура играет в «Пирамидку» сам с собой. Для достижения полного эффекта погружения, он соорудил из поленьев деревянного человечка. Толстый чурбан с торчащим, как нос, сучком служил головой чучела, на нее была надета авикина шапочка, которую он, видимо, обронил, забираясь на сарай. Авик лег на конек крыши и принялся наблюдать за игрой. Котелок снова претерпевал метаморфозы, стонал, дребезжал, вибрировал. Авик с удивлени-

ем обнаружил, что Хура использует *твиа вимата*, прием с помощью которого маг насылает заклинания не напрямую, а через другой, обычно неодушевленный, предмет. Боевые маги частенько использовали твиа вимата: например, если противник находился вне зоны прямой видимости. И вот, Хура использовал это высокое достижение магических наук для игры с самим собой в «Пирамидку», по очереди посылая заклинания то от себя, то от чучела.

Авик думал, какое бы заклинание исподтишка наложить на котелок, чтобы разрушить всю пирамидку в самый неожиданный момент, как вдруг, откуда ни возьмись, через двор с коромыслом пробежала Мавка. Поравнявшись с котелком она задела его краем коромысла и тот свалился на землю. Хура вскочил ей навстречу:

– Ой, я кажется, тебя случайно заколдовал, – расстроено воскликнул он. – Это «Омег», может голова кружиться и зеленые пятна по лицу пойти. Дай-ка расколдую.

– Не нааадо, – неожиданно и громко завопила Мавка, – само пройдет.

– Не валяй дурака, – сказал Хура, – дело одной минуты.

Он пробормотал заклинание очищения от магических чар, но оно не сработало. Антимагия была сложным и капризным заклинанием. Мавка попыталась убежать, но он поймал ее за руку.

– Отстань от меня, длинный, – снова заорала на него Мавка. – Авик, скажи ему, чтобы отцепился.

– Мавка, чего ты боишься? – уговаривал ее Авик, – неужели тебе охота зелеными пятнами покрыться?

– Мое дело, чем хочу тем и покрываюсь, – все так же громко крикнула Мавка. В глазах ее был испуг.

Хура тем временем прикидывал, чем может быть защищена мавкина Астральная Карта, что пропустило «Омег» и не пропускало антимагию. Наконец его осенило: обычное деревенское заклятие, такое каждая знахарка знает, дырявое как решето. Он быстро произнес заклинание преодоления этой защиты, и... неведомая сила отбросила его к самому забору, два раза перевернув в воздухе. От жуткого грохота Авику заложило уши. Браслет на его правой руке вспыхнул с такой силой, что можно было ослепнуть. От неожиданности он свалился с крыши и упал в грязь, вытянув вперед руки. Лежа на земле, он ничего не видел, не слышал и не соображал. Когда же он понемногу начал приходить в себя, то обнаружил, что сидит, привалившись к стене сарая, а Нотия и тетушка Дися возятся над неподвижным телом Хуры. Мавка рыдала, размазывая слезы по чумазому личику. Авик поднялся на ноги и, покачиваясь, подошел к Хуре: нос у того был разбит, под глазом красовался фингал, руки до локтей были обожжены. Авик поковылял в избу за своей зловонной баночкой. Когда он вернулся, Хура уже открыл глаза.

– Что это было, послушник Хура? – строго спросил его Нотия.

– Попытка преодоления защиты «Мерросигги», – шепо-

том ответил Хура, – неудачная.

– Что за глупости? – воскликнул Нотия, – какая еще защита «Мерросигги»? Это же трухлявое корыто, а не защита. Дай-ка посмотреть, – он сделал шаг к Мавке, но Авик преградил ему путь.

– Я бы этого не делал, – сказал он, – и нам теперь, кажется, многое известно.

– Что же это нам известно? – сдвинул брови старый маг. Он отодвинул Авика и внимательно рассматривал Мавку.

Авик подошел к Хуре и стал смазывать его ожоги вонючей мазью.

– Обратни и жижкины головорезы искали Мавку, но ее защита «Мерросигги» по какой-то причине не позволяла им ее найти. Потом один оборотень натолкнулся на нее, это был несчастный Атрак, по случайному ли совпадению, или потому, что какая-то часть его бывшего сознания вела его к дому. – Мавка зарыдала еще горше. – В поисковом фонаре была заключена эленхомени фантасма, и неизвестный колдун пытался через нее заколдовать Мавку, например, снять защиту с ее карты. Колдуна покалечило, возможно, даже убило, поэтому создание оборотней пришлось свернуть, а усадьбу сжечь.

– А почему пострадал Атрак? – спросил Нотия.

– Часть защитной магии прошла через его тело. А может быть... колдун был очень осторожен и использовал твиа вимата, – осенило Авика, когда он бросил взгляд на чучело, –

только вместо неживой фигуры у него был оборотень. Его и сожгло.

– Это очень интересная гипотеза, – сказал Нотия, – но каким образом «Мерросигги» может кого-то сжечь? Оно защищает только разве что от комариной чесотки. И каким образом оборотень нашел девушку? Фонарь-то работает только тогда, когда защита снята.

– А это нам предстоит выяснить, – Авик повернулся к Мавке, – мне кажется, ты должна нам что-то рассказать.

Притихшая было Мавка снова разревелась.

– Я не могу, не могу, – повторяла она сквозь слезы.

– Послушай, – сказал Авик, – ради этого расследования мы уже который месяц бегаем по лесам, попадаем во всякие переделки, а ты все это время что-то знала и молчала? Говори-ка быстро, зачем ты тогда в лес ходила?!

– Я бы очень хотела сказать, но я не могу, – ревела Мавка.

– Дитя моё, – сказал Нотия, – мне бы очень хотелось осмотреть твою Астральную Карту.

– Не нааадо, – опять закричала Мавка, – отвяжитесь вы все от меня!

– Я не хочу тебя заставлять, но если ты находишься под действием каких-то опасных чар, они могут исказить твою волю, не так ли? Как мы можем быть уверены, что разговариваем сейчас с Мавкой, а не с кем-то, вселившимся в нее?

– Никто в меня не вселялся, – плакала Мавка, – Авик, скажи ему.

Авик молчал, сердце его разрывалось.

– Предатель, – прошипела девушка и заплакала еще горше. Тетушка Диса стояла рядом с Хурой и держалась за сердце.

– Авик, натаскай воды, ведра три, – сказал Нотия, устало опускаясь на чурбан. – Послушай, Мавка, – обратился он к девушке, – ты веришь, что мы все хотим тебе добра? – Мавка кивнула. – Мы волнуемся, поскольку защита твоей Астральной Карты слишком сильна и чуть не убила Хуру. Ты можешь нам сказать, кто поставил защиту на твою Астральную Карту? – Мавка отрицательно покачала головой. – Мы можем осмотреть твою Астральную Карту? – Мавка заколебалась.

– Я не могу раскрыть вам моего Истинного Имени, – наконец сказала она.

– А если мы осмотрим только внешний край? Для этого необязательно знать Имя, нужно просто, чтобы ты не шевелилась.

– Ну, хорошо, – наконец сказала девушка, – я вам ничего не скажу, а вы сами смотрите.

Тут взгляд Нотии упал на чучело.

– А это еще что такое? – удивился он.

– Соперник Хуры по игре в «Пирамидку», – ответил Авик, подтаскивая ведра.

Нотия подумал с минуту и произнес заклинание твиа вимата. Теперь его чары проходили через деревянного человечка и только потом добирались до мавкиной карты. Он на-

чал осторожно колдовать. Авик не знал этих чар, это было какое-то их с Дуном последнее изобретение, позволявшее колдуну осмотреть внешний край без утомительного чтения сутр Минаса и Себя. Лицо Нотии было сосредоточено, брови сдвинуты. Когда до конца заклинания оставалось совсем немного, Авик заметил, что старик замедляет чтение, как бы прислушиваясь к самому себе. Брови Нотии поползли вверх, и Авик понял что карта раскрыта. Неожиданно он оборвал волшебную связь, связывающую его сознание с мавкиной картой, и закрыл голову руками. В этот момент, раздался грохот еще сильнее, чем в прошлый раз, чучело вспыхнуло, как факел, и в мгновение ока сгорело. Старый волшебник быстро засунул руки в ведро с водой. В седой бороде и волосах чернели свежие подпалины.

– И что там? – спросил Авик.

– На внешнем крае совершенно ничего необычного, Астральная Карта молодой девушки, – ответил Нотия, – и на ней действительно стоит «Мерросигги».

– Што, вышла наружу правда-то? – раздался знакомый шамкающий голос. В калитку, не разгибая скрученной радикулитом спины, но подняв руку с загнутым безымянным пальцем, входил деревенский старичок-колдун. – Я как грохот услышал, так шразу и прибежал, – объяснил он.

– Это вы установили «Мерросигги» на Карту этой девушки? – спросил его Нотия.

– Никак нет, Ваше Мудрейшество, – отвечал старик. – Я к

мавкиной аштральной карте ни разу даже и не прикошнулся.

– А кто же тогда, простите, построил ее Астральную Карту?

– А вот этого я не жнаю, – сказал старик, – не говорит, жараза. Но вы девку-то не обижайте, она хорошая, послушная и шердце у нее доброе.

Нотия сидел, понуро опустив голову, Авик задумчиво чесал нос, Мавка всхлипывала, Хура брезгливо обнюхивал свою руку, покрытую толстым слоем мази.

– Фу, как дегтем воняет, – поморщился он.

– Дегтем воняет, воняет дегтем, – эхом повторил Авик, отнимая руку от своего носа. – Воняет дегтем. А ведь дегтем смазывают не только сапоги... Нет, того колдуна не убило.

Оноди Нотия поднял на него измученный взгляд и еле заметно кивнул, прикрыв глаза.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В Хорив они возвращались вчетвером. Нотии стоило огромного труда уговорить Мавку покинуть хутор, в конце концов она не смогла устоять под его нажимом, и теперь сидела в оцепенении в углу экипажа, запряженного четверкой казенных коней. Самоходка дребезжала, привязанная к задней стенке повозки. Конь, на котором приехал Авик, был снова зачарован, и теперь бежал рядом с неожиданной для доходяги резвостью. Ехали молча, даже Хура не пытался болтать. Авик вспоминал, сколько раз он ездил этой дорогой и о чем он думал, когда ехал здесь раньше. А еще он страшно злился на Мавку.

Как только они миновали городские ворота, Хура распрощался с ними и повел зачарованную лошадь обратно на конюшню постоялого двора. Княжеская дружина уже покинула Хорив и рыскала по окрестностям в поисках Куниц, поэтому ему не было особого смысла возвращать лошадь, разве только чтобы самому спастись от гнетущего молчания спутников. Втроем они проехали по темным улицам до дома Нотии и отпустили экипаж. Авик уступил девушке свою каморку в доме Нотии, а сам устроился в сенях. Старик сразу свалился без сил в своей горнице, он совсем выдохся и стонал во сне до самого утра.

Дом, казалось, погрузился в холод: Мавка безвылазно си-

дела в своей каморке, на вопросы отвечала односложно, ничего не ела и не пила. Нотия перелистывал какие-то фолианты, не вставая с постели. Он был очень слаб и погружен в себя. Чтобы избавиться от гнетущего ощущения надвигающегося бедствия, Авик решил провести день в Вечном Городе.

Когда Авик в оболочке Нотии выходил из Ясписного Зала, он обнаружил, что ему навстречу из библиотеки нескончаемой вереницей поднимаются ее посетители. Пестрым потоком люди и эленхомени фантазма шли на галерею.

Авик ловил обрывки тревожных разговоров:

– Ерунда! Какая еще война?!

– Может, уронили чего-нибудь в наших владениях?

– Тот самый «Аммистарму»? Не может быть, разговоры одни...

– Последний фрегат на рейде здесь видели лет сто пятьдесят назад, не меньше.

– Не ближний свет, как-никак...

– Да, весь латанный-перелатанный...

– Сейчас, кажется, не тот сезон...

– Редкий гость...

– Не говорите чепухи: они хотят установить тесные связи с Империей...

– Похоже, от нас что-то скрывают...

Авик вышел на галерею вместе с толпой и посмотрел туда, куда указывало множество рук. Над Городом парило нечто,

напоминавшее огромное яйцо. В нем были прорезаны отверстия-окошки, а из боковых плоскостей торчали изогнутые металлические конструкции. Еще какие-то непонятные сооружения находились на верхней стороне странного предмета. Хотя металлические детали сверкали на солнце, агрегат совсем не выглядел новым. Корпус был весь испещрен царапинами, а на боковине красовались две внушительных размеров заплатки. От яйца отделился небольшой четырехугольный объект, и не спеша поплыл над городом в сторону Императорского дворца. Сквозь полупрозрачные стенки в верхней части судна, Авик отчетливо различил человеческую фигуру.

– Посланник, посланник – загудели вокруг.

– Какая это *кетема*? – спросил кто-то.

– Штандарт почему-то спущен, но если это и вправду «Аммистарму», то *кетем* Цорус, – отвечали ему.

Тем временем, посланник достиг дворца и скрылся за широкой угловой башней. Люди потянулись с галереи. Часть волшебников отправилась обратно в библиотеку, а другая, в основном молодые послушники, возбужденной толпой спускалась по ажурным винтовым лестницам, торопясь выйти в город, посмотреть вблизи на воздушный фрегат, послушать сплетни торговцев и, если посчастливится, оказаться среди тех, кто первым услышит от глашатая о цели прибытия посланника с Летающих Островов.

Авик пока ни разу не выходил в город, он ограничивал-

ся лишь видом с галерей. Поколебавшись, он все же отправился в библиотеку. Никакого задания Нотия ему не давал, поэтому добрых полчаса он выбирал подходящий фолиант. Взгляд его упал на «Сочинения» известного имперского историка Исанидиана Гестиотийского. Авик пролистал книгу и обнаружил краткий очерк под названием «О войне с народом кеенов».

«В 914 году от основания Вечного Города, Империя подверглась неожиданному нападению, столь же стремительно, сколь и разрушительному. Преступные обитатели Летящих Островов, чье имя кеены, пользуясь своим превосходством в магическом знании, а в особенности в способности создавать магические машины, с воздуха атаковали Вечный Город. Могучий флот Империи в течение одного дня был уничтожен жидким огнем, льющимся прямо с небес. Жертвы среди наших храбрых воинов были велики, в то время как боевым магам Вечного Города удалось уничтожить лишь один из бесчисленного множества кораблей, сеявших смерть и разрушение на тысячи стадий вокруг. Не желая сдаваться на милость злокозненных врагов, Император Орифетиан VI, укрылся в катакомбах. Справедливо рассудив, что воля защитников Города сломлена, кеены высадились в столице и возвели на трон тирана из своего племени. Имя тирану было Нимакадду. Первое, что учинил новоявленный правитель, был роскошный пир, на который были приглашены все знатные горожане. Гостей щедро угощали изысканным вином и

тончайшими кеенскими яствами. Пировавшие придворные захмелели и возрадовались сердцем в степени, совершенно неуместной для граждан только что покоренной державы. Радость их, впрочем, продолжалась недолго, поскольку тиран, как оказалось, подсыпал в вино порошок, называемый кнурфом. Человек, однажды вкусивший кнурфа, с тех пор ежедневно нуждается в этом веществе и испытывает огромные мучения в случае его нехватки. Если нужда его не удовлетворяется, человек впадает в неистовство, проводит дни и ночи без пищи и отдыха, стремясь любыми путями заполучить этот самый кнурф и готовый отдать за него все что угодно. Не найдя же, он впадает в апатию, которая может тянуться долгими неделями, до тех пор, пока он не получит искомое, не умрет или не излечится от своей страсти. Следует сказать, что все кеены от мала до велика ежедневно поедают кнурф, и он служит им вместо денег.

Таким образом, жители Летающих Островов не только силой, но и хитростью поработили столицу Империи. Император вел борьбу с кеенами, скрываясь в катакомбах. Некоторые клеветники утверждают, что он бежал из Города, но этому не может поверить ни один здравомыслящий историк. Как бы то ни было, кеены принудили всех знатных людей одеться в кеенское платье и, по традиции, свойственной их вельможам, проводить целые дни в собраниях за обсуждением государственных дел, сводившимся прежде всего к восхвалению тирана. Книги по боевой магии были сожжены, а

оборонительные башни снесены, так как представляли угрозу для воздушных кораблей. Многие жители Империи были угнаны в рабство в далекие страны, где трудились на полях, возделывая кнурф.

Однако череда междоусобиц между самими кеенами не позволила тирану Нимакадду удержаться на незаконно занятом троне. Причины, заставившие разные Острова-кетемы пойти войной друг на друга, нам доподлинно не известны, поскольку битвы их происходили за многие тысячи стадий от наших границ. Известно однако, что главную роль в освобождении Вечного Города невольню сыграл безжалостный кеенский пират-кадавр по имени Авихетеку. Его эскадра из сотен воздушных кораблей, возглавляемая флагманским фрегатом под названием «Аммистарму», захватила и разграбила огромный караван с кнурфом, шедший к Нимакадду. Когда запасы заветного порошка в Вечном Городе подошли к концу, кеенский гарнизон вышел из повинования и подверг разграблению Императорский дворец в надежде найти кнурф, припрятанный там тираном. Нимакадду не оставалось ничего другого, как укрыться в катакомбах, где он и умер от истощения и недостатка кнурфа. Горожанам не составило большого труда обезоружить и пленить разложившихся кеенских солдат, а также затопить в море их воздушные корабли. И до сего дня в тихую ясную погоду остовы этих судов можно различить на дне залива. Император Орифетиан VI был с триумфом возвращен на принадлежащий

ему по праву престол.

Больше попыток захватить Вечный Город кеены не предпринимали, поглощенные своими междоусобицами. В первые годы после свержения Нимакадду, Империя сохраняла торговые отношения с некоторыми кетемами, и воздушные корабли кеенских купцов вовсе не были редкостью в столице. При посредничестве этих торговцев, Орифетиану даже удалось обменять пленных кеенских солдат на угнанных в рабство жителей Империи. Однако впоследствии торговля прекратилась совершенно и не возобновилась до сего дня, что говорит о глубоком упадке Летающих Островов...»

Авик захлопнул книгу. «Ерунда какая-то, – подумал он, – как может находиться в упадке народ, обладающий настолько большей мудростью, чем наша? Они сто пятьдесят лет назад могли делать то, чего мы не можем сделать даже сейчас, и неизвестно когда сможем. И что это еще за кеенский кадавр? Никакие цивилизованные народы не признают кадавров».

Авик прошел в залу, она была практически пуста, несмотря на ранний час. Видимо, любопытство одолело и тех, кто сначала рассчитывал поработать. Вдруг его внимание привлекла фигура в углу залы. Кажется, этот волшебник сидел здесь в такой же позе, когда он заходил в библиотеку. Авик подошел поближе и окаменел. Уткнувшись в книгу, методично читая строку за строкой, страница за страницей, перед ним сидела фигура Его Высокогомогущества Рамиса Ацетуса. Вне всяких сомнений это была эленхомени фантазма,

однако даже для рукотворного вместилища сознания она была слишком безжизненной. Практически неподвижная, она, как самописец, водила взглядом по странице. Авик стал рассматривать огромный том на столе перед фигурой. Неопрятный фолиант с неровными страницами из пергамента разных цветов и разного возраста. На страницах слова складывались в ровные столбики. Это был один из томов «Толкового Указателя», но не та краткая версия, которая есть на столе у каждого мага, а «Главный Указатель», в который маги Империи и окрестных государств заносят все известные Имена по мере их обнаружения. Книгу, которую постоянно расширяют и подшивают, чтобы вставить новую страницу, новые сведения, новые знания. Рамис Ацетус читал словарь, методично, без рывков и промедлений, страница за страницей, не отрываясь и почти не двигаясь. Авик медленно пятился к выходу. Рамис сидел всё также уткнувшись в книгу. Покинув библиотеку, Авик опрометью бросился в Ясписный Зал. Когда он вышел из транса его шрам опять начал кровоточить.

Нотия встретил новость о встрече с фигурой Рамиса спокойно и неторопливым тоном поинтересовался, какой именно том «Указателя» читал маг.

– Имена начинались на «Иваз», – ответил Авик.

– Значит, если он идет по алфавиту, то у нас есть еще немного времени, – сказал Нотия, и опять уткнулся в свой фолиант.

Авик посмотрел на корешок. Это была «История Темных

Веков» древнего летописца Йонтина Ашапу.

Утром следующего дня Авик зашел в кабинет Нотии, чтобы обсудить план занятий. Волшебник уже встал и как обычно сидел за столом в своем кабинете. Однако вместо морилок, рун и недописанных свитков перед ним лежала все та же «История Темных Веков».

– Меня беспокоит твоя рана, Авик, – говорил Нотия, – что-то с ней не так. Она реагирует на магию, но не на любую. Мы должны это исследовать. У меня есть одна смутная догадка, но пока слишком рано... – он задумался, – кстати, не знаешь, куда подевалась пачка чистого пергамента, я положил ее в тот угол, а теперь ее нет... – его слова были прерваны чуть слышным гудением. Слабый звук нарастал, «Пение Камней» нельзя было перепутать ни с чем. Авик и Нотия на мгновение замолчали, слушая чистый голос священной музыки.

– Странно, праздник-то только завтра, а сейчас утро еще, – задумчиво проговорил Нотия.

Звук тем временем всё нарастал и достиг своей наивысшей точки. Вибрация камней чувствовалась даже в деревянном доме Нотии. Авик почувствовал, как по его спине побежали мурашки. Звук должен был вот-вот оборваться, но вдруг произошло немыслимое: камни взревели так, что с домов посыпалась черепица, и пропели с хрипотцой:

Ой, чикалик, мой чикалик!

Чой!

Ворочай, чикалик,
Век мой золотой.

Услышав куплет кабацкой песенки, Авик на мгновение остолбенел, но очнулся как раз вовремя, чтобы увернуться от пролетавшей в опасной близости от его головы «Истории Темных Веков». Нотия метался по кабинету, спотыкаясь о хлам, и рвал на себе волосы. Наконец он отдышался и присел на край стола:

– Говорил я этому Магнедеону: хватит дешевых фокусов, – рычал он в ярости, – вдруг, кто-нибудь докопается. Но нет, мы не таковы: «в светильники веры нужно подливать масло». Старый упрямый ишак! Посмотрим, как он теперь попляшет, когда кипящее масло потечет по улицам.

– А разве обряд Поющих Камней – просто магический фокус? – спросил Авик.

– Откуда я знаю, – взвыл Нотия, – они же никому не говорят, как именно они это делают. Священная тайна. Судя по этому «чой, чой», – да, фокус. Собирайся, возьми свой фолиант, письменные принадлежности и что-нибудь из еды.

Он начал закидывать вещи в торбу.

– А как же Мавка? – спросил Авик.

– Она останется здесь, я запечатаю дом такими заклинаниями, что ни один простолюдин не сунется: сейчас опасность исходит от них, а не от магов.

У самоходки было пристяжное сидение, и через несколько минут они мчались по улицам в сторону Школы. Горожане выскакивали из домов, наспех одетые, на их лицах были гнев и растерянность. Там, где собиралась небольшая группка, сразу начиналась ругань, привлекавшая еще больше людей. Никто никого не слушал, все старались перекрычать друг друга. Здесь и там вспыхивали жестокие и бессмысленные драки.

– Смотри, Авик, слева по улице идет человек без Имени. Они действуют очень быстро! – сказал Нотия не оборачиваясь. Авик повернул голову. Им навстречу размеренно двигался человек ничем не примечательной наружности. Судя по одежде, он был из мелких торговцев. Пустые глаза смотрели прямо вперед, каждый его шаг в точности повторял предыдущий, одни и те же движения рук, один и тот же еле заметный вынос плеча. Так, наверное, ходили бы статуи, если бы могли ходить. Авику стало не по себе. Они неслись мимо берега Щекавы, когда в них полетели первые камни. Авик легко отбил их простыми боевыми чарами. Отовсюду несло слово «богохульство». Площадь под Замковой Горой быстро наполнялась народом. В ее центре, на горе из деревянных ящиков стоял оратор в черной робе и что-то ожесточенно доказывал толпившимся внизу обывателям. Нотия устроил маленький громовой вихрь, от которого прохожие шарахались в стороны, а у Авика заложило уши. Они стрелой вылетели из городских ворот и выехали на берег Рее-

бора. Людей стало поменьше, и волшебник погасил вихрь. Авик снова обрел способность слышать.

– Маги осквернили святилище богов! – донеслось до него сквозь гомон толпы. – Хватит терпеть неуважение к княжеским людям и священству! Мы позволили им слишком многое, настал час положить этому конец!

Авику показалось, что людей в черных робах без поясов на улицах больше обычного. Им встретился еще один безымянный. Прохожие касались его плеч, а затем почему-то делали двойные взмахи открытой ладонью, как будто перед ними было духовное лицо. Двое ремесленников попытались преградить путь несущейся самоходке, но старый маг так гаркнул на них, что они отскочили как ошпаренные. Кто-то швырнул им вслед ржавую подкову, Авик отбил ее так же, как и камни. Наконец они въехали в ворота Школы.

Во дворе перед главным зданием возникла сутолока. Послушники и наставники беспорядочно носились туда-сюда, все были взволнованы, никто не понимал, что делать.

– Где Его Высокомогущество? – прокричал Нотия, слезая с самоходки.

– Нигде не можем найти, Ваше Мудрейшество, – отвечал ему один из молодых наставников.

На площади перед воротами уже собирались зеваки.

– В городе зреет бунт, – крикнул Нотия, – закрывайте ворота. Одшу, Каип и Жалфур здесь?

– Его Мудрейшество Каип Тристуаз тоже пропал.

Несколько послушников бросились закрывать тяжелый створ, Авик поспешил к ним на помощь. Отсюда, с холма, было видно, что из города к Школе движется огромная толпа. Люди несли зажженные факелы, косы, наспех переделанные в пики, мелькали обитые металлом деревянные щиты. В первых рядах шли обладатели черных роб.

На двор выскочил Онинго Гортис в *зарукавьях-резервуарах*. От запястий до локтей сквозь прозрачные стенки ртутным блеском мерцала преро-тиз-зоиз.

– Всем наставникам и ученикам, прошедшим курс боевой магии, – крикнул он своим громовым голосом, – разобрать усилители, наполнить их в резервуаре, и немедленно – на стены! – он понесся к лесенке, ведущей на крытую галерею. Авик не проходил курса, поэтому усилители ему не полагались, и он последовал прямо за Онинго. Нотия уже стоял на стене. Нахмурившись и сложив руки на груди, он наблюдал происходящее внизу через одну из бойниц. Толпа подходила к подножию холма.

– Ваше Мудрейшество, – сказал Онинго, – Вам лучше спуститься вниз. Не стоит подвергать себя риску, а чует мое сердце, сегодня будет знатная заварушка.

– Не беспокойтесь за меня, Онинго, – ответил Нотия. – Вы послали сообщение Его Высочеству? Было бы намного лучше, если бы не мы, а княжеская дружина разогнала этих... мятежников.

Онинго молча кивнул. Он сосредоточенно осматривал по-

ле предстоящей битвы. На стену уже начинали подниматься волшебники с серебристыми зарукавьями на предплечьях. Одни тащили котлы, другие смолу, третьи камни.

– Кстати, а почему Вы не в походе? – спросил Нотия.

– Я не понадобился Его Высокомогуществу, – слегка обиженно ответил Онинго.

– То есть Рамис сейчас...

– Да, гоняется за Куницами где-то в окрестностях Хорива. Только это военная тайна, – спохватился Онинго. Он посмотрел на Нотию и добавил, – Но здесь, я чувствую, тоже будет жарко.

Ноимя его уже не слушал.

– Мне кажется, я допустил страшную ошибку, – прошептал он.

Толпа тем временем полезла на холм. Черные рясы предусмотрительно спрятались за спины обычных горожан, и теперь вкрапления черного трусливыми пятнышками выглядывали из разнородного потока. Онинго охнул – он тоже увидел безымянных. С этого расстояния их пустые взгляды и однообразные движения уже были заметны.

По склону, наперерез толпе, верхом на белой кобыле проскакал всадник. Он остановился на дороге, ведущей к воротам, спешился и отпустил лошадь. Авик не видел его лица, поскольку он стоял спиной к воротам. На нем была черная роба с серебряным поясом, на непокрытой голове почти не было волос, если не считать нескольких седых завитушек за

ушами. Он воздел руки к небу, толпа затихла.

– Дети мои, – произнес человек – и Авик узнал голос Магнедеона, – было совершено страшное кощунство. Некто ворвался в святилище и осквернил Поющий Камень. – Народ возмущенно загудел.

– Но кто сказал вам, – продолжал Магнедеон, перекрикивая толпу, – что преступник скрывается за этими стенами? Разве боги обрадуются, если мы накажем невиновных и оставим преступников без наказания?

– Я, я видел, как волшебники осквернили Поющий Камень! – взвизгнул кто-то.

– Опиши нам этих волшебников, – попросил Магнедеон, – мы установим, кто это был, и справедливо накажем их, как подобает по закону.

– Нет времени на разговоры. Боги разгневаны и не смилостивятся, пока мы не покараем преступников. Не страшно тебе, старик? – толпа снова пришла в движение, в задних рядах не слышали, что происходит, и напирали.

– Я никогда ничего не боялся кроме божественного гнева, – отвечал Магнедеон. – Не боюсь и теперь, потому, что расправа над невиновными – такая же мерзость в глазах богов, как и осквернение святилищ.

Нотия повернулся к Онинго:

– Дело может принять дурной оборот, нужно открыть ворота, чтобы Его Святейшество мог укрыться за этими стенами.

Онинго молча кивнул.

– Готукир, Идвар, Браногрис, – скомандовал он, – наберите лучших людей и займите башню над воротами. Если толпа будет преследовать Его Святейшество, остановите их. Сато, Ундванд, открывайте ворота и защищайте их. Они не должны прорваться внутрь.

Волшебники забегали по галереям. Авик тоже бросился помогать открывать ворота: на стенах от него все равно было мало толку. Толпа тем временем бесновалась, доносились стоны раздавленных, но Магнедеону пока удавалось сдерживать натиск.

– Архиерарх предал богов и перешел на сторону волшебников! – вдруг крикнул кто-то в толпе. Все разом закричали и загомонили, и в этом шуме потонул и мощный голос Магнедеона, и голоса его оппонентов. Толпа снова пришла в движение, но первосвященник так и стоял, подняв руки над головой. Никто его уже не слышал. Первые ряды аккуратно обогнули его и двинулись вверх по склону. Несколько мгновений он еще простоял, как сухое дерево в половодье, с обеих сторон обтекаемый человеческим потоком. И вдруг, взмахнув руками, начал оседать. Толпа какое-то время несла его, но вот уже исчезла лысая голова, рука в черном рукаве в последний раз взмахнула над поверхностью человеческого потока и скрылась. Только небольшой холмик как будто возник на том месте, где только что стоял первосвященник. У Авика как будто что-то оборвалось внутри. В створы ударил

первый камень.

– Закрывать ворота, – донесся голос Онинго Гортиса.

Пока одни защитники ворот налегли на створы, другие уже подносили огромный листовичный засов. Вдруг в узкий проем ворот влетел всадник на взмыленной лошади, и лихо перепрыгнув прямо через головы магов, помчался по двору. Потом – еще один всадник, и еще один, и еще. Авик повернул голову. Первый наездник круто развернул своего коня и уже спешил. Над железным шлемом с кольчужной бармицей развевался плюмаж из белого конского волоса.

– Что вы медлите? Это свои! Закрывать ворота! – раздался громовой крик.

Из-за стен раздалась стона: в толпу полетели первые магические снаряды. По еле слышной гудящей вибрации в воздухе, Авик догадался, что это болевая пелена «Гаар-Джудора». Маги уже задвигали засов. Несколько камней и горящих стрел упали во двор. Спешившиеся всадники быстро затоптали копящие куски промасленной ветоши, наспех привязанные к стрелам.

– Дун, как здорово, что ты тоже здесь! – узнал Авик степняка в шлеме с белым плюмажем. Тот молчаливо поднял руку с загнутым безымянным пальцем. Кожаная рукавица, обшитая стальными пластинами, плохо сочеталась с приветствием магов, поэтому Авик улыбнулся. Дун, грохоча доспехами, побежал на стену. Остальные степняки заводили ло-

шадей в двери Школы, подальше от случайных стрел. Авик тоже поднялся на стену вслед за Дуном. Волшебники, через амбразуры, посылали наружу снаряды. Двое наставников извлекали стрелу из плеча раненного послушника, уже погруженного в магический сон. Окровавленные заплечные доспехи валялись тут же. Онинго, не забывая краем глаза следить за происходящим на стенах, обнимал за плечи Дунже:

– Какое счастье, что в этот раз мы сражаемся на одной стороне, – рокотал он. – Теперь я уверен в победе так же, как и в том, что солнце сегодня зайдет на западе.

Авик осторожно выглянул наружу. Земля на вершине холма была уже усеяна извивающимися телами заколдованных и раздавленных. Толпа откатилась на расстояние полета стрелы, но пыл мятежников не угас – они только распались. Люди пребывали в постоянном движении, кричали, размахивали руками. Редкие стрелы и камни падали уже перед стеной. Перед воротами дымилась зловонная лужа остывающей смолы: какие-то смельчаки прорвались к самым створам. Один из них, с торсом покрытым черной маслянистой жидкостью, бился в агонии неподалеку. Авик достал линзу и принялся рассматривать толпу. Безымянных стало заметно больше, они тоже поднимали руки, тоже чего-то кричали, но выглядело это так, как будто кто-то дергает за веревочки куклы-марионетки. Вдруг Авик заметил, что немного в стороне спиной к вершине на небольшом холмике стоит человек в доспехах поверх магической робы. Он поднимал ру-

ки и совершал какое-то волшебство. Из любопытства Авик приблизил изображение – и тут же отшатнулся. Во взглядах троих ремесленников, стоявших лицом к странному человеку и повторявших заклинание вслед за ним, на глазах затухала жизнь, спины и конечности распрямлялись, приобретали тот деревянный вид, которым так пугали безымянные. Авик со всех ног бросился к Онинго.

– Там разыменовывают людей! – крикнул он.

Онинго бросился к амбразуре и осторожно выглянул наружу. Посмотрев, куда указывает Авик, он начал шептать свое заклинание. Мертвенно блеснула преро-тиз-зоиз и прозрачная фиолетовая дымка понеслась в сторону неизвестного мага, ударив его прямо в спину. Стоявшие за ним ремесленники повалились на землю, а он даже не перестал водить в воздухе руками. Через мгновение он понял, что произошло и, повернувшись к стенам, сделал издевательский жест рукой.

– Это же Илегу, из старшего класса! – взревел Онинго. – Предатель! Они захватили часть защитных доспехов, предназначенных для княжеской дружины!

Дун повернулся и через весь двор прокричал пару фраз на своем харкающем степняцком языке. Тотчас на стену, скидывая со спины свой арбалет, поднялся еще один кочевник. Дун указал ему на амбразуру и снова что-то проговорил по-степняцки. Тот неторопливо приладился, взвел тетиву, прицелился, и тяжелая стальная стрела со свистом взмыла в

небо. Она описала дугу и попала прямо в висок горе-колдуну, который мешком свалился в толпу. Мятежники, стоявшие вокруг него, взвыли и бросились врассыпную.

– Смотрите! – крикнул кто-то из волшебников. С подножия холма навверх ползла странная конструкция, сделанная из повозки, покрытой железными щитами. В щелях между ними иногда мелькали человеческие лица. С переднего ее края торчал цилиндрический выступ тарана. Град камней и стрел усиливался. Дун, Нотия и Онинго прочитали заклинание «Глаз Нимбрана» и принялись рассматривать осадное орудие.

– Антимагические щиты, ничего больше, – сказал наконец Онинго. – Готовьте смолу и камни. Дунже, возьмите не занятых на стенах послушников и укрепите ворота. Они будут атаковать здесь.

Он подошел к Дуну и прошептал ему что-то на ухо. Дун и Авик побежали вниз, навстречу им поднимались двое степняков с арбалетами. Перед воротами Дун сел, скрестив ноги, и принялся копать в своем фолианте. Найдя нужное заклинание, он разложил руны, открыл Астральную Карту ворот и начал накладывать чары. Внутренняя поверхность ворот, казалось, начала плавиться, как корни из нее поползли черные червеобразные отростки. Сплетаясь друг с другом, они охватили засов, порожек, просунулись между камнями кладки и застыли. Створки превратились в застывший клубок переплетенных между собой и вросших в камень стальных тяжей.

Скрип подъезжающего тарана и хлопки попадающих в него снарядов уже доносились из-за ворот. Изнутри перед воротами тем временем собирались послушники. В числе других Авик увидел Хуру. Дун крупно написал на листке заклинанье геопии и еще одно – для укрепления камней. Послушники переписали их в свои фолианты, и начали, камень за камнем, зачаровывать кладку. Начали с внешней стороны ворот и с внутренней стороны арки, вокруг крепления створа: геопия позволяла видеть сквозь камни. Через несколько минут внешний ряд был закончен, перешли на второй, уже находящийся внутри башни.

– У меня не получается, – вдруг сказал кто-то, – Астральная Карта камня не открывается.

– И у меня, – сказал другой послушник.

Дун подошел к ним. Таран уже скрипел где-то на вершине холма. В башне над воротами в котлах клокотала смола, в воздухе разлился приторный хвойный запах. Степняк озабоченно осматривал стену, стучал костяшками закованных в металл пальцев по каменной кладке, шевелил губами, один раз произнес заклинанье и развеял «Глаз Нимбрана», потом долго копался в своем фолианте.

– В этой башня есть скрытая помещения, очень хитрая заколдована, – сказал он, наконец. – Сейчас я снять чары, и все станет простая.

Он пробормотал заклинанье, и все стоящие вокруг него послушники увидели, что от скрытой прежде маленькой

дверцы с боковой стороны башни идет низкий, ниже человеческого роста проход, заканчивающийся крутой винтовой лестницей. Не придав большого значения этому открытию, Авик готовился укрепить еще один камень, однако его прервал безумный, за гранью человеческих возможностей, крик. Кричали послушники, стоявшие возле дверцы, дрожащими руками они указывали куда-то вниз, под землю. Опешивший Дун тоже глядел туда, не отрываясь.

Первый раз ударил таран, за воротами полилась смола, обожженные нападающие завопили. Авик тоже подошел поближе. Дун развеял чары, прятавшие от посторонних глаз не только дверцу и лестницу, но и просторную подземную залу, уставленную шкафами, столами, лавками. Она бы напоминала библиотеку, если бы не то, что находилось у дальней ее стены. Там стояли клетки, а в них сидели и лежали люди, или, по меньшей мере те, кто когда-то были людьми. Многие были покрыты шерстью, имели больше конечностей, чем нужно или не имели их вовсе. Один человек, сидящий в углу клетки, так гибко изгибал свои руки, что казалось, будто в них вообще нет суставов. У другого из искалеченного рта торчали четыре загнутых в разные стороны бивня. Тонкая каменная стена, находящаяся за клетками, отделяла залу от следующего, меньшего помещения полностью заполненного человеческими костями.

Опомнившись, Дун вышиб ногой дверцу и, громяхая доспехами, побежал вниз по лесенке. Подняв голову, Авик

увидел перекошенное от ужаса лицо Онинго Гортиса. Еще трое побледневших волшебников, выглядывали из-за его спины. В ворота тем временем снова ударил таран.

– Продолжать укрепление, – выкрикнул Онинго и, оттолкнув стоящих за ним, бросился на другую сторону башни. Нотия с озабоченным видом спускался со стены. Хура, сжав кулаки, бросился вслед за Дуном, Авик последовал за ними. В свете холодных огней подземелье выглядело еще более зловеще. На полках стояли фолианты, лежали свитки – многие из них были очень старыми. А еще тут было очень много черепов. Они лежали рядами по шесть-семь штук, первый как правило был обычным человеческим черепом, а за ним стояли черепа, в разной степени измененные. Последний череп в ряду иногда даже отдаленно не походил на человеческий.

– Долгих лет Великому Хану! Ур-р-рагша! – раздались вдруг возбужденные голоса. Увидев Дуна в полном боевом вооружении, несчастные пленники, видимо, решили, что Хорив захвачен степняками. Дун и Хура открывали клетки. Авик тоже бросился помогать. Многие узники были совершенно безумны и только смотрели на своих спасителей испуганными глазами. Кто-то был так сильно изуродован, что утратил способность говорить. На мальчиков в робах они смотрели с большим подозрением. Несмотря на открытые дверцы, никто не решался выходить из клеток.

– Что же теперь с нами будет, добрый нойон? – обратился к Дуну пленник, так густо покрытый волосами, что это

делало его совершенно бесформенным, как огромный куль шерсти. Судя по его говору, он был из крестьян.

– Раскалдуя, – лаконично ответил степняк.

– Все смогут подняться по лестнице? – спросил Хура.

До узников постепенно начинало доходить значение произошедшего. С опаской они начали покидать свои клетки. Вниз сбегал все еще бледный Онинго Гортис.

– Кто это сделал? – с порога выкрикнул он.

– А как вы думаете, Онинго? – раздался у него за спиной голос Нотии. Он вошел внутрь, слегка споткнувшись о порожек. Нотия тоже был растерян, но старался не показывать виду. Он зажег холодный огонь перед портретом, висевшим в центре зала. С картины смотрел смуглый горбоносый маг с холодным прищуром темных глаз. Под портретом вместо лампы на двух шнурах висела истлевшая человеческая кисть с отрубленным безымянным пальцем.

– Неужели это Ион Тревиан? – воскликнул Онинго.

– Он самый, – ответил Нотия, – и его верным последователем, по моему мнению, является не кто иной, как Его Высокогомогущество.

– Катастрофа! – схватился за голову боевой маг.

– Не раскисайте, Онинго, – сказал Нотия.

– Что с ворота? – спросил Дун так резко, что стоящий рядом с ним истощенный человек с длинной вытянутой шеей вздрогнул и закачался.

– Таран сожгли и столкнули с холма, – несмотря на весь

ужас происходящего Онинго даже хохотнул, – видели бы вы, как мерзавцы разбегались от этой горящей колесницы.

– Может, для боевая дух, наша подождет внизу вместе с...

– он показал рукой на пленников.

– Бесполезно, – Онинго Гортис махнул рукой, – все уже и так видели. Выводите наверх.

Пленники потянулись к выходу. Многие еле волочили ноги, кто-то поддерживал под руки не способных к самостоятельной ходьбе. Нотия остановился перед стеллажом с черепами.

– Так... Неплохая коллекция кадавров... Это Черные Куницы, – говорил он, указывая на черепа, с вытянутой лицевой частью и остроконечными клыками, – вероятно, военные трофеи. Эти крупные с широкими скулами – скорее всего жители севера, те, которые впадают зимой в спячку. Эти, очень старые и с огромными глазницами, наверное, из захоронений Мароджара. Хм... рогатые с крупными нижними челюстями... я не знаю, кто это. А эти подписаны по-имперски, наверное, коллекция времен Иона Тревиана. Не исключено, что кто-то из его учеников перебрался в свое время в Хорив... Так, – он перешел к следующему стеллажу, – а тут черепа совсем свежие – значит, это рямины подвиги. – Он с опаской покрутил в руках пару штук и положил на место. – Судя по всему, он начал экспериментировать сравнительно недавно, может лет пять-десять назад: кость не успела пожелтеть.

– Авик, смотри, что я нашел, – воскликнул вдруг Хура. На одном из столов поблескивал кусок белого мрамора, испещренный золотой вязью. Неведомые буквы не стояли на месте, а как неторопливо текущая река, сменяли друг друга.

Авик схватил камень. Руку пронзила острая боль, так что он чуть не выронил таинственную драгоценность Черных Куниц. Нотия внимательно посмотрел на него.

– Хочешь, у меня побудет? – спросил Хура и убрал брусок за пазуху.

– Онинго, – Нотия обратился ко все еще находящемуся в нелегких раздумьях боевому магу, – к сожалению, в этот непростой час мы должны покинуть вас.

– Я все понимаю, когда боевое знамя заляпано грязью, даже храбрецы... – горько начал тот.

– Дело не в этом, друг мой, – перебил его Нотия, – мы должны действовать, чтобы предотвратить такие дела, последствия которых мы будем расхлебывать столетиями.

– Хорошо, – растерянно пожал плечами Онинго, – я только попрошу вас поучаствовать в одной короткой церемонии.

Затишье позволило Онинго оставить на стенах только послушников, а наставников, Дуна и Нотию выстроить в шеренгу во дворе Школы. Перед ними прошли освобожденные узники, чтобы выяснить, нет ли среди присутствующих их мучителей. По замыслу Онинго, эта процедура должна была доказать, что преступников среди защитников нет, и вернуть пошатнувшееся доверие. Маги с содроганием смотрели

на изуродованных пленников. С двоих наставников слетели усилители, Одшу, держась за сердце, сидел на земле, Нотия был бледен как бумага, Дун нервно играл желваками. Пленники никого не узнали, и Онинго облегченно отдал команду возвращаться на позиции.

– Дунже, вы как иноземный посланник можете вывести нас в город? – спросил Нотия.

Тот покачал головой.

– Я мог бы использовать знамя Великий Хан перед армия, но не перед бунтовщиками, – сказал он.

– Из Школы на берег ведет подземный ход, – сказал Онинго. – Я покажу вам. Только вам лучше снять пояса.

– Я оставляю вам моих людей и забирать эти двое, – Дун указал на Авика и Хуру. – От них толк тут все равно нет.

Онинго кивнул.

Маги убрали свои пояса, Дун избавился от шлема и тяжелых доспехов и натянул церемониальный костюм поверх легкой кольчуги. Окованные стальными пластинами сапоги сменили изящные туфли с загнутыми носами.

Подземный ход начинался в обширном погребке, прямо за огромными бочками с солониной. Онинго прочитал заклятие-пароль, и тяжелая каменная плита отъехала в сторону, открывая черное жерло прохода. Дун зажег холодный огонь, и они прошли в сырой мрачный коридор.

– Удачи, Онинго! – прокричал Нотия через задвигающуюся плиту.

– Удачи вам! – послышался издалека голос наставника боевой магии.

Ход петлял внутри холма, по-видимому, огибая какие-то препятствия, а потом резко ушел вниз, так что волшебники не шли, а скорее съезжали вниз по глинистому полу, держась за стены. Наконец, с ног до головы покрытые глиной, они вышли на поросший кустарником берег Реебора. Отряхнув одежду, насколько это было возможно, они занялись перевоплощением. Старик теперь выглядел как красноносый безбородый лавочник с маленькими хитрыми глазками, а степняк – как толстый торговец скотом. Мальчики стали ремесленными подмастерьями в холщевой одежде и с грубыми руками. Закончив с заклинаниями иллюзии, они пошли вдоль берега.

Наверху, судя по всему, было беспокойно, оттуда неслась ругань, конское ржание, женские крики. Они вплотную подошли к городской стене и под ней незаметно обогнули Хорив с севера. Здесь было безлюдно, лишь изредка попадались сброшенные со стен тела. Поравнявшись с Белыми Воротами, они поднялись на склон. На улицах царило смятение: город был разгромлен. Люди беспорядочно носились из стороны в сторону, что-то кричали, вступали в беспричинные перепалки и потасовки. По обочинам лежали шевелящиеся и неподвижные тела. Навстречу прополз безногий, волоча за собой остатки магических протезов, все еще прикрепленных к культям. Некоторые дома были, казалось, выпотрошены и

вывернуты наизнанку: часть стен разбросана, а внутри было такое разрушение, что взгляд не находил ни одной целой вещи. Единственными, кто сохранял спокойствие и подобие дисциплины, были безымянные, а также странные люди, одетые во все черное и в черных же масках. В руках они держали деревянные дубинки, которыми изредка охаживали чересчур активных погромщиков. Не привлекая внимания, маги прошли через ворота и углубились в город.

Внутри городских стен масштабы разрушения были еще больше. Все лавки, торговавшие зачарованными товарами, были разграблены, в воздухе висел дым от пожаров, которые никто не собирался тушить. На улицах валялись фолианты, обожженные и втоптаные в грязь. Россыпями белели костяшки рассыпанных рун. Какая-то безымянная женщина походкой и поворотом головы напомнила Авику Мавку. У него все оборвалось внутри. Когда они поравнялись с ней, у него отлегло от сердца – бездумные глаза смотрели с совсем другого, не мавкиного лица.

Когда они подошли к дому Нотии, дорогу им преградила толпа. От забора и ворот остались одни лишь щепки, сад был вытоптан, но могучие чары не давали погромщикам приблизиться к дому и к колодцу. Сделав шаг дальше допущенного колдовством предела, человек начинал качаться как пьяный, валился на землю и без сил отползал обратно. Камни колотили в закрытые дубовые ставни, не нанося им никакого вреда, горящие стрелы гасли, не долетая до стен и кры-

ши. Люди были в ярости из-за собственного бессилия, толкали друг друга, выкрикивали в адрес волшебников что-то, нечленораздельное, но явно неодобрительное.

Неожиданно толпа расступилась, одобрительно гудя: сквозь образовавшийся проход, скрипя, проехала телега, нагруженная каким-то крупным камнем. Десять человек, по пять с каждой стороны, взялись за толстые жердины, на которых лежал камень, и кряхтя от натуги, сняли его с телеги. Развернувшись по направлению к дому Нотии, они побежали на полусогнутых ногах, настолько быстро, насколько это было возможно с такой ношей. Достигнув пределов действия защитных чар, передние носильщики повалились на землю, а их ноша покатила в канаву, придавив еще двоих зазевавшихся горемык, не успевших отпустить свои жердины и отпрыгнуть. Когда камень перевернулся, Авик понял, что это один из антимагических истуканов, стоявших возле цитадели. От защитных чар он не помог, а вот от заклинаний иллюзии...

Он посмотрел на своих спутников – им вернулся их прежний вид. Тихонько они выскользнули из толпы, и пошли вверх по боковой улице, как вдруг что-то темное закрыло небо.

– Держи высокоумцев, – завопил кто-то. Авик вздрогнул и обернулся. Их накрыло зачарованной сетью, одной из тех, которые они сами изготовили для княжеского похода.

– Они, проявили неуважение к Мастеру Слова, – выкрик-

нул тот же голос. Авик узнал беспалого плотника с площади. Магические протезы на его руке отсутствовали, и он указывал на них с Хурой единственным, дрожащим от ярости пальцем. Из-за его спины выскочили громилы в черных масках, и один из них наотмашь ударил дубинкой Дуна, так что тот выронил свой кривой кинжал, которым уже прорезал обширную дырку в сети. Разъяренная толпа повернулась к ним, в них полетели камни, посыпались оскорбления и плевки. Черные маски защелкнули антимагические кандалы на запястьях волшебников, и для верности связали им руки за спинами. Кривую саблю степняка сорвали с пояса вместе с кожаными ремешками. Пока шестеро вязали пленников, еще четверо успокаивали толпу при помощи дубинок.

– Дело дрянь, – прошептал Хура.

– Именем Мастеров, вы арестованы, – провозгласил один из громил, – по-видимому, главный. В толпе одобрительно закричали. С волшебников сняли сеть, и повели по улицам, сопровождая периодическими тычками дубинок. Их завели в башню и втолкнули в крохотную камеру, отделенную решеткой от насквозь пропахшей потом и нечистотами караулки. Стражники, неторопливо игравшие здесь в кости, имели только черные повязки на руках: видимо им не хватило черной одежды. Грубые ленивые лица даже не повернулись, когда пленников освобождали от спутывающих руки веревок и когда тип в черной маске запирает увесистый замок на двери.

– Теперь ваша судьба в руках Мастеров, – торжественно сообщил он.

– Я особый посланник Великий Хан, – сказал ему Дун.

– Мастера примут мудрое решение, – ответил человек и вышел. Трое в масках остались сторожить пленников, видимо не слишком доверяя стражникам.

Нотия бессильно опустил на лежанку.

– Надеюсь, у девушки хватило ума не выходить из дому, – проговорил он.

Дун своими цепкими раскосыми глазами осматривал ка-
меру.

– Что это за Мастера? – спросил Авик.

– Не знаю, – пожал плечами Хура, – наверное, у этих улич-
ных проповедников есть какая-то гильдия. Я краем уха слы-
шал что-то подобное. Никто их всерьез не воспринимал...

– Разговорчики, – прикрикнул охранник и провел дуби-
ной по прутьям.

Тоскливо потянулись часы ожидания. Охранники время
от времени менялись. В моменты пересменок Хура пытался
краем глаза читать надпись на камне, все еще лежавшем у
него за пазухой.

– Ничего не могу понять, даже буквы не разбираю, – ше-
потом пожаловался он.

– Присядь на лежанку, – прошептал ему Нотия. Хура сел,
и теперь старый маг мог видеть камень у него за пазухой.

– Тайнопись Мароджара, – шепнул он.

Между тем темнело. Отблески городских пожаров, проникавшие сквозь крохотное окошечко, шевелились на лицах теплым светом. Вдруг Дун молча показал рукой на далекое зарево. Сомнений быть не могло: Школа горела. Авик и Хура застыли с открытыми ртами, Нотия от досады выдрал клочок из своей бороды. Пламя усилилось, серый дым взметнулся столбом и окутал полнеба.

– Библиотека занялась, – бесцветным голосом сказал Хура. Что-то грохнуло, в разные стороны полетели дымящиеся обломки – горящие деревянные балки провалились в резервуар.

Им принесли по краюхе плесневелого хлеба и по кружке колодезной воды. Они пытались дремать, привалившись к стенам, но получалось только у Дуна, привыкшего к походной жизни. Кажется, у Мастеров были дела поважнее, чем несколько пленных волшебников.

Утром в караулку набились перепившиеся и радостные после буйной ночи погромщики. Они шумно принялись расписывать друг другу свои подвиги, перемежая эти истории выпивкой и бранью. Не было понятно, кого они грабили и почему – эти малозначимые подробности неизменно опускались рассказчиками.

В караулку вбежал человек в черной маске.

– Приказ Мастеров, – гнусаво объявил он, молодежато подбоченясь, – перевести всех высокоумцев в тюрьму до дальнейшего разбирательства. Есть желающие пустить же-

ребца высокоумцам, а? Мне нужно два человека.

Два парня, гогоча, выступили вперед.

– Может сразу их – того? – спросил один.

– Мастера хотят дать им просморкаться на хорышке, – игриво развел руками вошедший, как бы давая понять, что он со своей стороны не возражает, – так что канючите их сюда.

Волшебников вывели из камеры и снова связали. Оба охранника надели черные маски, и они покинули башню. Пленники шли впереди, а за ними по пятам следовали трое мятежников. Вокруг было тихо. Ярость вчерашнего погрома прошла, город, казалось, погрузился в похмельный тревожный полусон. Авик мельком посмотрел на Дуна: лицо степняка выражало абсолютное спокойствие. От терзавшей его тревоги не осталось и следа.

– Почему мы за Аблонь идем-то, тюрьма же внутри стен? – спросил один из погромщиков.

– А ты не волочешь, щегол, а-а-а? – хитрым голоском потянул гнусавый.

– Эге, кажется, понял, – загоготал спрашивавший, на самом деле ничего не поняв.

Они подошли к какому-то дому, волшебников поставили лицом к оградке, пока гнусавый открывал дверь. Затем их завели в темное просторное помещение. Охранники вошли за ними, дверь закрылась и на несколько мгновений темнота стала абсолютной. Что-то мягко опустилось на пол за их спинами.

– Ну что же, теперь за вами должок, – раздался знакомый голос. Кто-то зажег свечу и при ее свете резал кинжалом стянувшие их руки веревки. Авик обернулся, и с изумлением узнал Тюрбана, теперь, правда, он был в шапочке-маске, сдвинутой на затылок.

– Ох, Рем, нагнали же вы на нас страху, – произнес Нотия, – а что же... – он осекся и вздрогнул. Возле двери в луже крови лежали два бездыханных тела.

– Меня тоже засмолили, – нервно отрезал Рем, кромсая веревки на руках Дунже. – Мне удалось срезаться с хорышки, но у меня тоже кандалы Наррох-Ша под рукавами. Пришлось работать вслепую, я был ограничен в средствах. Беда в том, что мы все закованы и расковать нас некому. Я предлагаю грести копытами отсюда подобру-поздорову. – Он хлопнул Дуна по плечу, тот поморщился, массируя освобожденные запястья. – Что, маленькая белогорлая змейка, не ожидал, что окажешься в долгу у Ремири? Сегодня моя очередь тебя катать, но так уж и быть, обойдемся без мешка.

– Боюсь, нам придется вернуться в город, – сказал Нотия.

– В кандалах? Да вас там присмолят как последних щеголов!

– Мы оставили там что-то очень важное, Рем. Того самого человека, которого вы разыскивали с помощью поисковых фонарей.

Рем всплеснул руками.

– На карту поставлено очень многое, – продолжал Но-

тия, – возможно, больше, чем наши жизни, больше чем Хорив.

– Ну, хорошо, – сказал Рем, снова гнусавя, – я иду с вами. Без меня вас все равно оциплют. – Он сорвал черные маски с остывающих трупов, стряхнул их и отдал мальчикам. – Мы втроем будем конвоировать этих опасных высокоумцев. – Он показал на Нотию и Дуна.

Превозмогая отвращение, Авик и Хура натянули еще теплые, пахнувшие потом и алкогольным перегаром, черные тряпицы. При свете свечи они узнали тот дом с галереей, где их держали в заточении. Рем сбегал наверх и принес несколько коротких ножей, которые так удобно прятать в рукаве. Вооружившись, они вышли на улицу. Нотия и Дун шли впереди, держа руки за спиной, остальные следовали за ними, поигрывая для виду дубинками. Без происшествий они миновали ворота, охрана была снята, из башни раздавались пьяные крики и шум борьбы. Дом Нотии стоял таким же нетронутым посреди разгромленного сада. Вокруг не было ни души. Старый маг зашел на крыльцо и скрылся в доме, остальные ждали его снаружи – чары не пропускали чужаков. Нотии не было довольно долго. Наконец, он показался в дверях, бледный, беспомощно теребящий свою бороду.

– Девушка пропала, – глухо сообщил он.

– Может, сбежала на свой хутор, подальше от мятежников? – предположил Хура.

Нотия с надеждой посмотрел на Авика.

– Записки не оставила? – спросил тот.

Нотия отрицательно помотал головой. Авик пожал плечами.

– Кто-то без ключа открыл ларец, не повредив при этом замок, – задумчиво потянул Нотия.

– А что было ключом? – спросил Рем.

– Хм... Вообще-то, мое Истинное Имя, – отвечал старик.

– А оно известно...?

– Никому не известно, – резко оборвал его Нотия, – по крайней мере, никому из... живых людей.

Авик внимательно посмотрел на старика. Тот не выдержал его взгляда и, беспомощно заморгал.

«Нотии приходилось проигрывать в Великую Игру», – сообразил Авик.

– Нужно проверить Календарную башню, – вслух сказал он.

– Почему? – удивился Нотия.

– После того как сгорела Школа, там остался единственный в городе триквертум и астрономические линзы, – ответил Авик. – По всей видимости, они нашли Мавку еще весной, а похитили почему-то именно сейчас. Что-то им мешало выкрасть ее с хутора все это время. А сейчас они решились на это, хотя им понадобилось преодолевать защитные заклинания, да еще и во время бунта черни... Чего они ждали? Возможно, дня летнего солнцестояния. Что если похитителям пришло в голову использовать энергию небесной сфе-

ры для какого-то очень сложного и затратного колдовства? Тогда им придется делать это в Календарной башне, другого места в Хориве уже нет.

– Ох, присмолят нас, – запричитал Рем. – Это же на другом конце города!

– Авик прав, нужно проверить башню, – сказал Нотия, подумав. – Проверим и укроемся где-нибудь в посадах. Полноценные поиски начнем, когда вернется княжеская дружина и наведет здесь хоть какой-то порядок.

Несмотря на протесты Рема, они двинулись к Календарной башне. Улицы были пустынные, на дымящихся руинах выгоревших кварталов бродили беспризорные собаки. Двери были заперты, ставни закрыты. Один или два раза им попались мятежники в черных масках, спешащие куда-то по своим делам. Безымянные тоже куда-то подевались.

– А что Жижка? – спросил Авик у Рема.

– Костолом предпочитает в такие дела не вмешиваться, – отвечал тот. – Часть наших участвует в мятеже, но большинство отсиживается и, как все остальные, ждет, что будет дальше.

Помолчав, он добавил:

– Меня он сдаст, если его хорошенько тряхнут, поэтому надо бежать и как можно скорее.

Они подходили к башне. После изобретения магических хронометров, Календарной башней практически перестали пользоваться. На небольшом дворике вокруг нее валялся му-

сор, тут же стояла сломанная телега, неровными штабелями громоздились пустые клетки, в каких возят живую дичь. Дощатая дверь, ведущая на башню, была до четверти высоты засыпана битым кирпичом и так перекосилась, что в просвет между ней и изящной лепной притолокой можно было просунуть голову. Нигде не было видно ни души, только кузнечики стрекотали в жухлой траве. Авик подошел к двери и с трудом открыл ее. Здесь начиналась винтовая лестница, вся усыпанная битым кирпичом и затянутая паутиной. Стараясь не шуметь, Авик поднялся на несколько ступенек и посмотрел наверх, в темноту. Ни звука. Он нерешительно обернулся к следовавшему по пятам Дуну. Тот аккуратно отодвинул его и двинулся наверх. Авик пошел за ним. Они прошли два пролета, как вдруг Дун развернулся и опрометью бросился вниз, чуть не сбив Авика с ног. Тот растерянно смотрел ему вслед, когда его накрыла звенящая приторная пелена. «Дурман поющей цикады», – подумал он, теряя сознание.

Когда он очнулся, уже вечерело. Предзакатные лучи кроили на части полутемное помещение с каменными стенами и высокими узкими окнами. На мраморных плитах пола были нарисованы созвездия. Его попутчики спали волшебным сном рядом с ним. В центре комнаты на маленьком складном стульчике спиной к нему сидел человек в плаще с капюшоном и что-то тихо говорил кому-то, кто стоял перед ним в тени.

– Нет, я не скажу, – произнес кто-то. Авик узнал этот голос.

– Мавка, ты здесь! – крикнул он. Ответом было такое знакомое девичье рыдание. Сзади чуть шикнул Рем, он тоже уже не спал, а только притворился спящим. Человек в капюшоне повернулся к ним. Это был Рамис Ацетус, его глаза возбужденно горели, на губах играла торжествующая улыбка.

– Наш козопас проснулся, – произнес он. Из тени на свет вышли двое магов в заплечьях-усилителях. Авик узнал молодых наставников Школы. Приглядевшись, он разглядел в полутьме еще четыре темные фигуры. Значит, всего недругов было семеро.

Они находились на верхнем ярусе Календарной башни. Авик попытался вскочить на ноги, но наткнулся на невидимую преграду. Так и есть, маги окружили его и его спутников прозрачной стеной, вот и следы свечного воска на каменном полу. Рамис встал и прошествовал в их часть комнаты. Один из магов торжественно нес за ним его стульчик. Расположившись на нем, Рамис развеял «Дурман». Спящие начали шевелиться.

– Вам выпала огромная эээ... удача, присутствовать при историческом эксперименте, – объявил Рамис.

– А каковы ожидаемые результаты? – буднично спросил его Нотия, потирая отлежавшийся бок.

– Я дам тебе ознакомиться, когда сформулирую основные выводы, – расхохотался Рамис. – Впрочем, еще не поздно к

нам присоединиться, если хочешь.

– Скажи-ка, Ряма, а те кадавры в подземелье под воротами Школы – твоя работа?

Рамис поднял брови.

– Я подозревал, что ты что-то вынюхиваешь. Только не видать тебе моих открытий.

– Мне не нужны твои открытия, тем более такой ценой, – ответил Нотия. – Всё то же самое ты мог бы получить на животных, это просто заняло бы больше времени. Зачем было мучить людей?

Рамис опять рассмеялся.

– Больше времени, – передразнил он Нотию. – Мы бежим наперегонки со временем! Я тоже против эээ... человеческих страданий, но они неизбежны, пока есть войны, болезни, преступления. Разве не лучше, если погибнут несколько сотен, но мы получим знания, которые спасут сотни тысяч?

– И что произошло с твоими знаниями, Ряма? – Нотия взмахнул рукой, в свете заката блеснули кандалы, – Школа разрушена, библиотека сгорела, мы отброшены на десятилетия назад.

– Человеческая серость всегда была против эээ... новых знаний, развития. Знаешь, где бы были эти несчастные, если бы они не попали ко мне в подземелье? Они бы жгли книги, убивали магов, рушили их дома. Ты видел сколько безымянных на улицах, Отик? Они же сами уничтожают себя безо всякого толку! Что изменится, если некоторые из них погиб-

нут эээ...с пользой для дела? Я только укрепляюсь в мысли, что я всё делаю правильно. – Рамис перевел дух. – Этот пожар – ужасная катастрофа, но это лишь один шаг назад на моем долгом пути к вершинам мудрости. И я не остановлюсь. Мы должны встать вровень с Летающими Кетемами, с Древним Мароджаром. Отик, подумай об этих гигантах, и тебе станет смешно даже обсуждать жалкие жизни этих ничтожеств. Так ты со мной? Нам нужны люди.

Нотия исподлобья посмотрел на него и отрицательно покачал головой.

– Ученик Хура?

– Ваше Высокомогущество, а в чем эксперимент? – спросил тот.

– Мы раскроем Астральную Карту этой девушки и установим на нее перманентное заклинание, – ответил Рамис Ацетус.

– А это может ей навредить?

– Риск есть всегда, – пожал плечами Рамис. – Кто не рискует, тот не выигрывает. Но в данном случае риск минимален.

– Ваше Высокомогущество, я был хотел вам задать еще пару вопросов, – продолжил Хура. Грандмаг нахмурился, опустил уголки рта, но ничего не сказал.

– Вы направили меня расследовать смерть крестьянина потому, что были уверены в том, что я ничего не обнаружу? Рамис выпрямился.

– Я всегда был высокого мнения о вас, – произнес он, – эээ... более или менее.

– Но на всякий случай вы подложили мне палочку, превращенную в сколопендру, чтобы следить за мной и, если я обнаружу лишнее, избавиться от меня?

– Кто придумал эту эээ... ерунду? – растерянно произнес Рамис, – Отик, ты? – он перевел взгляд на Нотию.

– Ряма, – отвечал Нотия, – кого ты тут пытаешься обмануть?

– Я не хочу иметь с вами ничего общего, – перебил его Хура.

– Напрасно, вы эээ... совершаете большую ошибку, – холодно ответил грандмаг. – Козопас, а ты?

– Ни за что, – крикнул Авик.

– А знаешь, девчонка так и не сказала мне своего Истинного Имени – даже когда я угрожал эээ... убить тебя, – Рамис засмеялся. – Ну, так как?

– Нет, – ответил Авик.

– Не велика потеря, – пожал плечами грандмаг, – тогда вам отводится почетная роль свидетелей моего эээ... триумфа. Позже я подумаю и решу, что с вами делать. – Он встал со своего стульчика, чтобы вернуться туда, где стояла привязанная к колонне Мавка.

– Я бы хотела тоже эксперимента, – раздался вдруг голос Дуна.

Рамис удивленно посмотрел на него и на мгновение даже

растерялся.

– Дунже, вы нам несомненно пришлись бы очень кстати, прежде всего как боевой маг, – оживился Рамис. – Только есть эээ... одно маленькое условие. Вы должны будете сказать мне ваше Тайное Имя. Мы все подвергаем себя огромному риску, поэтому чтобы избежать возможного предательства...

Дун нетерпеливо кивнул.

– Я готова, – сказал он.

– Барджигин-оол Дунже, это не то, чему я вас учил, – тихо произнес Нотия.

Дун лишь слегка наклонил голову. Рамис торжествующе расхохотался.

– Проверить его, – скомандовал он. Семь заклинаний «Глаз Нимбрана» помогли пристально изучить степняка. На землю полетел прятавшийся в рукаве зачарованный стилет Рема, лежавший за пазухой шелковый аркан и даже увеличительная линза. Один из магов подошел к Рамису и что-то шепнул ему на ухо.

– Ученик Хура, что у вас за пазухой? Давайте-ка сюда, – повелительно прикрикнул он. Хура нехотя извлек камень Черных Куниц. Грандмаг вздернул брови.

– Так-так, я всегда знал, что вы шустрый молодой человек, но такого не ожидал.

Он взял камень в руки, размахнулся и... со всей силой бросил его на каменный пол. Мрамор на мгновение вспых-

нул всеми цветами радуги и рассыпался на множество мелких осколков. Фрагменты мгновенно почернели и обуглились. Авик вскрикнул.

– Эта штука уже сослужила мне свою службу, – сказал Рамис. – Дунже, вы можете выйти к нам.

Степняк вышел за пределы магической завесы и что-то тихо сказал грандмагу. Тот снова присел, разложил на коленях руны, и с минуту перебирал их. Его лицо озарила торжествующая улыбка, карта Дуна была раскрыта.

– Снять с него кандалы, – скомандовал он. – И давайте начинать, времени осталось мало, солнце уже заходит.

Волшебники засуетились, пока одни возились с кандалами, другие раскладывали руны, третьи настраивали триквертум. Среди заговорщиков Авик узнал и Каипа Тристуаза, старшего наставника по астрономии. Зала постепенно погружалась во тьму, в окна показались первые звезды.

– Облаков немного, небесные тела хорошо видны, – сообщил Каип. – Хапсати и Чигирь уже взошли, можно начинать.

– Ну, тогда начинайте, – отозвался Рамис.

Каип произнес заклинание, триквертум загудел, задрезжали линзы, и внутрь залы хлынул почти осязаемый поток энергии небесных светил. Маги зажгли холодные огни. Теперь, когда триквертум был настроен, темнота была больше не нужна. При свете холодных огней, Авик заметил между колоннами странный предмет. Что-то вроде медного чана на медной же треноге, наполненного булькающей бурой жидко-

стью.

– Что бы это могло быть? – тихо спросил он у Нотии. Но тот не успел ответить. Семеро магов включая Дуна и Каипа выстроившись полукругом вокруг грандмага и триквертума, подняли руки ладонями вперед, готовые принять поток энергии. Рамис Ацетус раскладывал руны, сидя на своем стульчике и повернувшись к ним спиной. Вот он поднялся, тоже поднял руки и произнес свое заклинание. Бешеное напряжение магии чувствовалось в воздухе. С одной стороны боролась загадочная сила мавкиного «Мерросигги», а с другой – сложенные энергии резервуара и небесных светил. Авик видел, как напряглись фигуры магов: потоки энергий смешивались внутри их заклинаний, их Астральных Карт и тел. Несколько мгновений силовые вихри опутывали залу, но вот они улеглись. Браслет на руке Авика ослепительно засиял. Рамис удовлетворенно крикнул: защита мавкиной Карты была преодолена. Девушка взвыла, словно подстреленная волчица, страшным, терзающим душу воем. Теперь дело было за перманентными чарами.

Рамис наклонился вперед, чтобы присесть обратно на свой стульчик, но тут произошло непредвиденное. Дун как будто бы решил почесать левой пяткой свою правую коленку, и задрал ногу в востроносой туфле. Раздался чуть слышный свист, и степняк начал осторожно отступать назад. Рамис резко выпрямился, пошарил у себя пониже спины и яростно обернулся через плечо.

– Что за шутки, Дунже? – захохотал он. Авик вдруг заметил, что в руке Рамис держит маленькую, длиной всего-то в два пальца, острую стрелку. На руку с нее сбегала струйка черной крови. Оставшиеся шесть магов дрогнули, как будто на их плечи упала каменная плита: Дунже и Рамис Ацетус покинули коллективное заклинание, поэтому поток энергии, проходящий через оставшихся в нем волшебников, усилился. Степняк с выражением абсолютной невозмутимости на широком лице обходил ряд магов сзади, подбираясь к триквертуму.

– У него в туфле была пружина, самая обычная, не зачарованная, – раздался сдавленный голос одного из волшебников.

– Предатель, – взревел грандмаг, – да как ты... как ты... Что это за яд?

Дун уже поравнялся со странным сосудом, когда непонятная жижа вдруг вспенилась и из нее вырвались два бурых щупальца. Они обхватили степняка под мышки и с такой силой ударили о потолок, что Авик услышал омерзительный хруст ломающихся костей. Рана мальчика запульсировала и заныла, из-под кандалов выступила кровь. Пару раз встряхнув несчастного в воздухе, чудовище посадило его на пол перед сосудом. Разъяренный Рамис Ацетус размахивал стрелкой перед лицом степняка.

– Отвечай, мерзавец, что это за яд, – брызгая слюной, кричал он.

Дун открыл окровавленный рот, но оттуда лишь посыпались выбитые зубы. Щупальца, сжали его руки так, что закрипели суставы. Он издал беспомощный гортанный сип. Силы на глазах покидали его. «Кто-то использует его Истинное Имя для того, чтобы подчинить его, – с ужасом подумал Авик, – но кто? Рамис стоит здесь, а его руны разлетелись по полу».

Дун собрал пальцы перебитой руки в щепоть, и провел ею в воздухе.

– Напишешь? Ну ладно, – прорычал Рамис Ацетус. Он быстро прочитал заклятие, и кости в руке степняка снова встали на место. Щупальца как будто ослабили свою хватку. – Дать ему стило, – скомандовал грандмаг через плечо.

Дун слегка кивнул головой, и полез вылеченной рукой за пазуху.

– Вынуть руку, замри! – в бешенстве закричал Рамис.

Но было поздно. Степняк молниеносно вытащил из-за пазухи вовсе не стило, а какой-то небольшой округлый предмет и, собрав последние силы, швырнул его прямо в триквартум. Шар взорвался, разбрызгивая вокруг жидкий огонь. Забренчали и посыпались линзы. Отчаянный вопль вырвался из шести глоток. Засвистела вода жизни, покидающая усилители. Щупальца снова обхватили несчастного Дуна и принялись яростно бить его о колонны, пол и потолок залы.

– Ложись! – крикнул Хура.

Яркая вспышка и бешеный грохот полностью лишили

Авика чувств, несколько мгновений он мог чувствовать лишь запах горелого мяса. Сначала вернулся слух, и он услышал, как что-то металлическое скребет по каменному полу. Когда глаза привыкли к наступившей темноте, он понял, что это грохочет медный чан, отброшенный могучим разрядом мавкиной защиты «Мерросигги». Теперь он катался по полу кверху днищем, поблескивая при свете Луны. Все холодные огни тоже погасило. Кто-то коснулся его волос. В лунном свете он увидел сидящую рядом Мавку. На лице чернели кровоподтеки, платье было прожжено в нескольких местах и через дыры проглядывали ее худенькие локти и колени, все перепачканные в саже. Он обнял девушку и прижал ее к себе. Мавка больше не плакала, только очень глубоко и часто дышала. Он повернул голову и его взгляд упал на окровавленное лицо степняка. Оноди Нотия сидел, скорбно склонившись над ним. Превозмогая боль, причиняемую кандалами, он пытался прочесть какое-то заклинание. Дун открыл глаза и печально помотал головой. Старик бессильно опустил руки.

– Скоро я всё узнаю, – прохрипел степняк.

– Спасибо вам, друг мой, вы нас очень многому научили, – сказал Нотия.

Авик вскочил на ноги.

– Дун, что это была за дрянь? – крикнул мальчик. Степняк поднял на него непонимающий взгляд. Тогда Авик поднял медный чан. К его дну припеклась какая-то зловонная

черная масса. Он показал сосуд умирающему.

– Что это такое?

Дун попытался приподняться.

– Котелок, – проговорил он. Его глаза закатились, голова откинулась на бок. Дун же умер.

Когда все пришли в себя, Рем и Авик подняли тело несчастного и понесли его к выходу, переступая через тлеющие кости и оплавленные усилители: останки шестерых наставников разметало разрядом магической энергии.

Они спустились по винтовой лестнице и вышли на ночной воздух. Авик направился к куче мусора, чтобы поискать пару крепких палок для носилок. Вдруг из-под сломанной телеги раздался глубокий стон. Его Высокомогущество Рамис Ацетус лежал в траве, прижав к животу руки и подобрал ноги. Он тоже умирал. Они встали вокруг него.

– Ну что, Ряма, – спросил его Нотия, – такого конца ты желал?

– Всю жизнь... всю жизнь я стремился к знаниям, – прохрипел Рамис.

– Как бы не так, – сказал Нотия, – ты хотел стать вторым Шогестом Брандотто, но спесь и гордыня вконец размягчили твой разум. И ты стал вторым Ионом Тревианом, если не чем похуже.

– Что это была за жижа в котле? – спросил грандмага Авик.

– Я... Мое... – ответил Рамис, дернулся и затих.

– Яд маленькой белогорлой змейки, – холодно заключил Рем, оглядывая обнажившиеся в судорожной улыбке зубы и вывалившиеся из орбит глаза.

Подходящих палок Авик так и не нашел. Чтобы сделать носилки ему пришлось выдернуть несколько жердин из чьей-то изгороди.

– А жизнь при Императорском дворе не прошла для степняка даром, – говорил Рем, когда они уже устали нести Дуна по ночным пустынным улицам и сделали привал. Город как будто вымер.

– Отравленная стрела в тугле, граната за пазухой, ни дать ни взять имперский вельможа. Может, поищем, нет ли еще чего интересного? – не дожидаясь ответа, Рем принялся ощупывать лежащее на носилках тело своими гибкими пальцами. – Что-то есть! – Воскликнул он. Очень осторожно, как бабочка из куколки, из-за пояса мертвеца появился маленький костяной рожок с бронзовой окантовкой. Рем крутил его в руках так осторожно, как будто ожидал ядовитого укуса с его стороны.

– Простой рожок, внутри пусто, – разочаровано сказал он наконец.

– Дай-ка сюда, – Авик забрал рожок. Он поднес его к губам, набрал в легкие воздуха и дунул. Протяжный трубный звук взмыл над городом. В этом хрипловатом голосе был и шум степного пожара, и воля конского галопа, и бешеный жар погони, и одиночество бескрайних равнин, и запах су-

хой травы. Как поминальная молитва неся он над притихшим в ожидании Хоривом. Рем положил руку на рожок и с силой отнял его от губ Авика.

– Нам не стоит привлекать к себе внимание, – сказал он.

Авик кивнул, стряхивая навернувшиеся слезы. Хура смеялся, они с Ремом подняли носилки и пошли дальше. Ворота были не заперты, стражники отсутствовали. Безо всяких приключений им удалось выйти из как будто окоченевшего города. Вдруг где-то позади послышался стук копыт.

– Прячемся, – зашипел Рем. Они побежали через площадь к разрушенным торговым рядам. Авик и Мавка под руки поддерживали Нотию. Старик падал с ног от усталости. Они не успели достичь укрытия, когда первый всадник выехал из ворот. Луна еще не зашла, и в ее свете он легко заметил их. Быстрой рысью он пересек площадь и остановился, вглядываясь в полумрак. Из ворот выехал второй наездник, тоже на низкорослой лошадке и в остроконечном шлеме с бармицей. Нотия развернулся лицом к незнакомцам.

– Это же воины из свиты Дунже, – узнал степняков Авик.

– Дунже, – эхом повторил всадник, – Дунже уууу... – изобразил он и сложил губы трубочкой.

– Они прискакали на звук рога, – сообразил Хура.

Сняв шлемы, степняки понуро стояли над телом своего господина. Невесомые кусочки сажи, падавшие с горящих факелов, улетали через площадь в темноту, влекомые ветром. Воины не изъяснялись по-хоривски, один из них немно-

го знал имперский, но говорил с таким чудовищным акцентом, что только Ремири мог что-то разобрать. Он стал спрашивать о том, что случилось в Школе. Степняк тяжело шевелил толстыми губами, хмурился, говорил неохотно.

– Он говорит, что все погибли. Кто-то изнутри открыл ворота. Их товарищ тоже убит, а сами они с трудом спаслись на лошадях, – наконец пересказал слова степняка своим спутникам Рем. Нотия грустно развел руками.

Степняк стал чего-то спрашивать, указывая на бездыханное тело.

– Он спрашивает, кто убил Дунже, – перевел Рем. – Что мне отвечать? Нам грозит война с Великой Степью, если я не ошибаюсь?

– Рассказывай, как есть, – махнул рукой Нотия. Рем задумался, подбирая слова.

– Котелок, – горько произнес Авик, вспомнив последнее слово убитого. Степняки вздрогнули и мгновение разглядывали Авика при свете факелов, а потом о чем-то быстро заговорили на своем гортанном языке, жестикулируя и перекрикивая друг друга. Один из них аккуратно поднял тело Дуна и взвалил его на луку седла. Второй уже сидел верхом. Рем попытался выяснить, что произошло, но поскольку наездники страшно заторопились, ему пришлось бежать рядом с одним из них, взявшись рукой за стремя. Наконец, у самого конца площади он остановился, а степняки унеслись в темноту. Рем в задумчивости возвращался к товарищам.

– Это слово на их языке, и звучит оно «кютюлык», – проговорил он, неумело подворачивая губы. – Без острой необходимости они его не используют. У них это считается дурным знаком.

– А что оно означает? – спросил Хура.

– «Абсолютное зло». Или что-то вроде этого. Ни в хоривском, ни в имперском нет слова с таким значением.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Заря еще не занялась, а они уже тряслись в седлах норовистых, коренастых лошадок из конюшни Ремири. Рем так торопился сбежать из города, что даже не дал своим спутникам как следует прийти в себя. По пути им так и не встретилось ни одного волшебника, который мог бы снять с них кандалы. Они ехали лесными тропами, на северо-запад. Рем туманно намекал, что у него есть какое-то убежище, где можно затаиться и отдохнуть. Авик ехал рядом с молчаливой Мавкой. Он тоже был задумчив. Когда первые лучи солнца заиграли на лицах, Хура не вынес молчания и подъехал к Ремири.

– Ловко ты тех двоих уложил, – начал он.

– Угу, – неохотно отвечал Рем.

– Не боишься брать грех на душу?

– Если враг подставил тебе свой бок, а ты не загнал туда свой нож – вот это большой грех.

Хура задрожал так, что даже конь под ним споткнулся. Рем только криво улыбнулся:

– Ну так и не надо быть врагом Ремири.

– И много ты людей... – Хура запнулся, подбирая слово.

– Отправил? – подсказал ему Рем. – Много.

– А каково это, поставить себя вне человеческого закона?

– Закона? – расхохотался Рем. – Что такое твой закон?

Если княжеские люди убьют твоего отца или похитят твою

сестру, на чьей стороне будет закон, а? На стороне сильного и знатного!

Хура снова вздрогнул: у него были сестры.

– Только я смогу тебе помочь, – продолжал Рем, касаясь своей груди оттопыренным большим пальцем, – стеной встану на защиту справедливости. Естественно, – за разумное вознаграждение.

– А если тебе прикажут убить невинного? – не отставал Хура.

– Мне никто не может приказать. Я – Ремири. И я берусь только за законченных негодяев. Желательно – могущественных и богатых, чтобы было интересно их выслеживать, играть в кошки-мышки, водить за нос телохранителей и холуев, а потом – хлоп, и очередное стечение трагических обстоятельств привело в могилу достойнейшего сына отечества, любимого мужа, заботливого отца и так далее. Все его друзья, такие же негодяи, стоят вокруг ямы, грустно повесив носы, и думают, что надо бы хоть на недельку воздержаться от своих безобразий. И мне доход – и народу польза.

– А откуда ты знаешь, что эти твои негодяи – действительно негодяи?

– Да ко мне с такими историями приходят, если расскажу, тебе самому дальше жить не захочется, – Рем как будто начинал терять терпение.

– А если это оговоры? – встрял в разговор Авик.

– Все может быть, и я могу ошибиться, – развел руками

Рем, – но разве княжеский суд не совершает ошибок?

– В княжеском суде есть сыщики, есть свидетели и есть преступник. Они все говорят, спорят, а судья решает кто прав, кто виноват. А ты сам получается и судья, и палач, и выслушиваешь всего лишь одного свидетеля.

– Ну, давай предположим, что я сужу плохо и несправедливо. Но кто если не я, осудит самого княжеского судью? – спросил Рем. – Его-то кто заставит судить честно? Над ним ведь нет закона, кроме княжеской воли. А княжеская воля сговорчива и снисходительна к богатым да знатным. Так кто же? Молчишь? А я отвечу. Судья судит справедливо, только пока он знает, что где-то под черным плащом прячется отравленный стилет, готовый при случае отыскать его заплывшее жирком горло. Вот он, этот стилет, – Рем похлопал по кинжалу, висевшему за поясом.

Некоторое время они ехали молча. Дорожка сузилась и теперь еловые ветки чесали бока лошадей, хлестали всадников по ногам. Когда они наконец выехали на опушку, Хура снова не выдержал.

– А как ты заработал вот это? – он обвел рукой вокруг своей головы.

– Отметину? – грустно улыбнулся Ремири. – Ничего особенного. Мои родители имели небольшой надел в северных землях Империи. Потом они разорились из-за наводнения, и нас всех продали в рабство, чтобы покрыть долги. Отца, мать, меня и брата.

– А где же ты выучился магии? – спросил Авик.

– Там и выучился, – ответил Рем. – Мой хозяин, средней руки землевладелец, отдал меня в услужение к своему сыну, мальчику моих лет. Бедолага был одновременно колченогим и сухоруким из-за детской болезни. Я помогал ему ходить, одеваться, прислуживал за столом. Адская была бы работенка, но мальчик оказался очень мягок и добр, не в пример своему папаше. Я повсюду таскался за ним, и когда родители отдали его изучать магические науки в Академию, что в Вечном Городе, я тоже сидел рядом с ним на уроках, открывал чернилницы, точил перья, ну и все такое. Конечно, я не показывал виду, что понимаю, о чем говорит учитель. Но дома, предоставленные сами себе, мы вместе читали фолианты, упражнялись в магии. Он был калека, от него все воротили нос, а я был его единственным другом. Если бы не тоска по моим родным, это было бы, пожалуй, счастливое время. А потом один известный волшебник, засов ему в ухо, создал рукотворные члены на замену покалеченным руке и ноге. Ну и нужда во мне, естественно, отпала. Отец мальчика не был особенно рад нашей дружбе, ведь я был рабом, да еще и самого низкого происхождения, а его сын – дворянином. И вот он решил продать меня. Ну, тут я и сбежал. Мой друг мне даже помог. С меченой головой оставаться в Империи было слишком опасно: если бы меня обнаружили, то немедленно заковали бы в кандалы, и как беглого раба, отправили на галеры. Потому я укрылся в Хориве и прибил к Жиж-

ке. Кое-какие книги по магии мне удалось достать, так что многие вещи я выучил уже здесь.

– А почему ты не пытался пристроиться в Школу? – допытывался Хура.

– А зачем? Зачаровывать рукавицы? Или врачевать мигрени? Книжным червем я быть не собираюсь, – тут Рем с опаской бросил взгляд на Нотию, но тот был слишком занят своими мыслями и не услышал его. – Это не по мне.

– Тебе больше нравится убивать людей? – воскликнул Хура.

– Ну вот ведь прилип со своей гнилой погремушкой, – с досадой осадил своего коня Рем. – Да, мне нравится, когда в жилах стынет кровь, а в висках стучит как колокол, когда ты чувствуешь себя натянутой тетивой, идешь по лезвию ножа, и не знаешь, сорвешься в пропасть или нет. Когда страх холодит спину и заставляет волосы шевелиться, но ты идешь и делаешь. Этого чувства никакими словами не передать, щегол! Убивать для этого не обязательно, а бывает даже противно, особенно если жертва попадается слезливая, начинает голосить и умолять вместо того, чтобы драться. Тьфу. Больше всего мне понравилось то, что мы вместе с вашим дедом, – понизив голос, он кивнул головой в сторону Нотии, – уцурюпили. Знал бы я раньше, что такой интересный старикан живет в Хориве, я бы конечно к нему пошел, а не к Жижке.

– И что же вы сделали?

– Я превратился в ночную бабочку и затаился в кабинете самого главы Школы, Его Покойного Высокомогущества, – с хитрой улыбкой заявил Рем. – И проследил за его ночным визитом в Вечный Город. Обвел вокруг пальца самого-самого.

– Настоящее перевоплощение? – удивился Хура.

– Метаморфоза, – значительно кивнул головой Рем.

– Метаморфоза, – повторил хриплый глухой голос.

Мальчики опешили. Рем расстегнул ворот своего плаща, и у него из-за пазухи вынырнула пестрая голова попугая. Рем почесал ее за ухом. Птица прикрыла глаза от удовольствия, склонила голову набок, потом – на другой и, насытившись лаской, втянула голову обратно. Рем застегнул плащ. Снова повисло молчание. К полудню они выехали на берег небольшого озерца, наполовину заросшего ряской. Под корнями вековой лиственницы сделали привал. Из седельных сумок показался хлеб, сыр, мех с вином и коробочка с мягкими сладкими кубиками, вязнущими на зубах и липнущими к нёбу.

– Скажите-ка, Рем, – вдруг спросил Нотия, внимательно глядя перед собой, – как вам кажется, кто мог устроить этот номер с непотребной песней в исполнении Поющих Камней? Не очень понимаю, зачем Рамису было это делать. С другой стороны – кроме него, такой фокус никому не под силу, не так ли?

Рем слегка смутился.

– Нууу, – потянул он, – в Хориве много магов, в том числе и молодых, послушников, щеглов, да и просто, знаете ли, заклинателей-ремесленников.

– Этому магу потребовалось бы проникнуть в святилище, куда мирянам вход заказан. Кроме того, он должен был знать и, что еще важнее, понимать секрет Поющих Камней. Я уверен, что даже первосвященник не смог бы заставить камни петь что-то другое, кроме обычного гудения – он мог только повторять свое священное заклинание, не понимая его смысла. Я не знаю, кто в Хориве, кроме Рамиса, мог совершить такое сложнейшее дело, как создание нового заклинания для обряда Поющих Камней, сам принцип которого нам неизвестен.

– Да нет, это очень просто, каждый послушник мог... – сказал Рем и осекся. Он прикрыл глаза, два раза глубоко вдохнул. – Ну, хорошо, предположим, это я общеглился.

– Так я и думал, – холодно сказал Нотия, – мне кажется, вы что-то скрыли от меня в тот раз.

Установилось неловкое молчание.

– Да, так и есть, – наконец сказал Рем, кивнув опущенной головой. – Тот тип, который удрал из кабинета грандмага через окно, перед этим засунул какой-то манускрипт в самописец. Пока Его Высокомогущество был в трансе, я перевоплотился и стащил копию...

– Она при вас? – быстро переспросил Нотия.

– Да... – нехотя отвечал Рем, роясь в своей седельной сум-

ке. Вот она.

Нотия выхватил стопку пергаментных листов и принялся жадно пожирать глазами написанное. Щеки его загорелись юношеским румянцем, а в глазах заблестели искры. Никто не осмеливался прервать его чтение. Воцарилась глубокая тишина, прерываемая лишь редкими птичьим трелями и жужжанием насекомых.

– Потрясающе! – наконец воскликнул Нотия, откладывая свиток, – вы не возражаете, если это побудет у меня?

Рем кивнул. Он все еще прятал глаза.

– А что там написано? – через мгновение, спросил он, – я понял только последнюю часть, посвященную Поющим Камням.

– О, тогда вы вообще ничегошеньки не поняли! – воскликнул Нотия. – Это же переворот в магической науке! – он оглянулся на своих спутников. – Истинные Имена и Астральные Карты – лишь крышка колодца, в котором мироздание прячет свои сокровища, а мы как маленькие дети играем на ней в пятнашки, даже не подозревая, какие глубины находятся у нас под ногами.

Авик еще никогда не видел Нотию в таком возбуждении.

– Гипотеза о собственной памяти материи, оказывается, неверна, за каждым Истинным Именем скрывается глубокий тоннель, чьи стенки испещрены Именами, описывающими свойства своего предмета или существа. И язык этих Имен тот же, что и известный нам Истинный Язык. За каждым из

Имен на стенках тоннеля есть свой тоннель... И так далее, и так далее – все они сплетаются в огромную паутину, грандиозную сеть, пронизывающую всё сущее во Вселенной и составляющую с ней единое целое.

– То есть существует что-то вроде Астральной Карты, общей для всех людей на земле, которая и делает человека человеком? – переспросил Авик.

– Совершенно верно, – согласился Нотия, – Карта, описывающая наши общие свойства, которая оказывает свое воздействие на всех живущих людей. Рамис назвал ее Картой Замысла.

– А при чем тут тогда обряд Поющих Камней? – спросил Хура.

– Между Истинным Именем предмета и Картой Замысла существует небольшая прослойка, маленький мостик, перекинутый от идеи к материи и тоже состоящий из Имен. Так вот, этот мостик немножко отличается у каждого предмета или человека, делая его чуточку непохожим на остальные. В свитке не сказано, откуда берется этот мостик, но это и неважно: предположим, что он возникает случайно. Так вот, очень-очень редко, эта переправа работает и в ту, и в другую сторону. И тогда не только Карта Замысла оказывает влияние на предмет, но и Астральная Карта предмета влияет на Карту Замысла, а через нее, и на все предметы с совпадающими Истинными Именами. Рамис назвал такие предметы *деигмами*. Я не сомневаюсь, что это ему удалось из-

ловить деигму полевок, наложить на нее чары, и тогда все мышки в окрестностях отрасли маленькие рожки. А Поющих Камень – не более чем деигма булыжника, и если заставить его гудеть, то все другие камни поблизости тоже начнут. Так ведь, Рем?

Тот лишь удрученно кивнул головой.

– Теперь я понимаю... – потянул он.

Нотия рассмеялся:

– А если вы этого не понимали, то как... Постоите-ка, – он принялся судорожно перелистывать манускрипт, пока не дошел до нужного листа. Повисла долгая пауза. Старик, стиснув в руке конец бороды, снова и снова перечитывал пергамент.

– Это писал не Рамис, – сдавленно сказал Нотия, – это не его рука. Здесь написана инструкция, как составить заклинание Поющих Камней. Толково написано, хотя некоторые обороты очень странные. Действительно, любой послушник бы справился. Она занимает отдельную страницу. – Он перевернул несколько листов. – Да, так и есть. Смотрите, здесь разрыв предложения, вот взгляните-ка: фраза начинается на предыдущей странице и заканчивается на следующей после этого злополучного листа. Значит, этот лист был намеренно вставлен кем-то в рукопись Рамиса.

Рем побледнел еще больше.

– Вы хотите сказать, вставлен, чтобы я нашел его? Кто-то использовал меня, поскольку знал, что я сделаю то, что

сделал.

– Возможно, мой мальчик, возможно... – задумчиво про-
бормотал старик. – Слишком много неясного...

Снова наступило молчание.

– А может Мавка тогда – деигма человека? – осенило Ави-
ка.

Нотия перевел на него задумчивый взгляд.

– Более чем вероятно, иначе зачем она им понадобилась? – он повернулся к девушке. – Может, ты наконец что-нибудь нам расскажешь?

Мавка тихо слушала их разговор, положив голову на колени.

– Мне почти нечего рассказать. И я поклялась страшной клятвой, что буду молчать о тех крупицах, которые мне известны, – сказала она, – я же ничего не понимаю в магии, но знаю, что моя тайна опасна. Я боюсь не за себя, а за тех, кому может повредить мой секрет. Наверное, многое из этого никому навредить не сможет, но я же не знаю наверняка, что сможет, а что – нет.

На глаза девушки навернулись слезы. Авику страшно захотелось обнять Мавку, прижать ее к себе, утешить, но он постеснялся сделать это при всех. Нотия глубоко вздохнул.

– Вот ведь упрямая девчонка, – пробормотал Хура.

Пришло время продолжать путь. Нотия снова впал в задумчивость, едва взгромоздившись на свою кобылу. Дорога, пробиравшаяся теперь через светлые песчаные сосняки,

снова стала широкой. Хура не упустил этой возможности и снова поехал вровень с Ремири.

– Послушай, Рем, – спросил он, – а зачем?

Тот измученно воздел свои глаза к небесам.

– Не «зачем?», а «почему?», – почти крикнул Рем. – Потому, что я недооценил людской глупости! Потому, что я устал от начетчиков и мракобесов! Они себе даже завели подпольного пророка, который им целыми днями льет помой в уши. Держат его где-то в пригородах и показывают только за особые заслуги. Среди жижкиных тарбаганов уже каждый третий говорит заученными фразами из этого «святого». Про вред магии, про разыменование как высшее благо и величайший подвиг самопожертвования. Я думал, покажу людям, что за мошенники у них ходят в священниках, и как они всех дураят своими обрядами, и что тогда они пустят этим негодьям такого жеребца, что те ввек не просморкаются. Но эти глупцы вместо того набросились на волшебников!

– Они вовсе не глупцы, Ремири, – отозвался вдруг Но-тия, – во-первых, они не знают магии, и не могут понять, что камни, поющие трактирную песенку, есть не меньшее чудо мироздания, чем камни, издающие таинственные утробные звуки. Во-вторых, вы хотели, чтобы они признали свои заблуждения, а это вообще не очень-то свойственно человеческой природе. Гнев и страх перед неизвестным – плохие советчики. В общем, вы их раззадорили и заставили принять чью-то сторону прежде, чем они осознали, что сторон

несколько больше чем две.

Рем издал яростный вопль попавшего в капкан барса. Его лошадь взбрыкнула, подняв копытами облачко сухого песка.

– Я недооценил нашего врага, Рем. Похоже, он знает о нас больше чем мы сами, – продолжал Нотия. – Что сделано, то сделано. Но не корите себя понапрасну. То, что произошло, должно было случиться. Раньше или позже.

Все замолчали, и каждый задумался о своем. Хура думал о том, как все было прекрасно и как мрачно стало теперь. Авик размышлял о том, от каких еще опасностей ему предстоит защищать Мавку. Рем воображал схватку с неизвестным врагом, виновником всех его неприятностей. Мавка горевала, что ее ангел-хранитель оставил ее. Нотия печалился, что время его утекает сквозь пальцы, а намеченное им еще не сделано, и если трезво смотреть на вещи, никогда сделано не будет. А еще – о том, как было бы хорошо, если бы Дунже скакал сейчас рядом на своей коренастой лошадке...

– Рем, – спросил вдруг Авик, – ты спас нас, поскольку боялся, что Его Мудрейшество выдаст тебя?

– А теперь заманиваю вас поглубже в лес, чтобы устранить свидетелей, – продолжил его мысль Рем и негромко рассмеялся. – Нет, вам бояться нечего, я честно говоря, особенно не думал, зачем я это делаю. Шел мимо караулки, дай, думаю, посмотрю, кого это приняли. А тут, бац – старые знакомые! А дальше как-то само побежало... Может, мне просто не хотелось уходить одному.

Дорога обогнула пригорок и повела путников через дубраву. Было жарко, спины лошадей лоснились от пота. Рем вдруг резко остановился и показал куда-то вперед. Между деревьями снова мерцало покрытое ряской озерцо. Над его водой распростерла свои могучие ветви знакомая лиственница. Они сделали круг по лесу и вернулись на место привала.

– Похоже, мы попали в капкан Черных Куниц, – сказал Нотия.

– Что же теперь делать? – спросил Авик.

Некоторое время все молчали.

– Без магии нам придется нелегко, – сказал наконец Нотия, потирая кандалы на запястьях, – боюсь самое простое, что мы можем сделать – это научить девушку снимать кандалы Наррох-Ша.

Он слез с лошади.

– Но это же займет уйму времени, – возразил Рем.

– Если мы будем блуждать по лесу и ждать, пока колдовство развеется, мы потеряем его еще больше, – ответил старик.

Он снова занял свое место между корнями лиственницы, и слегка покачиваясь из-за боли, принялся раскладывать руны и листать фолиант. Мавка послушно присела с ним рядом и не отрываясь следила за его действиями.

– У нас нет времени вдаваться в подробности, – сказал Нотия, – ты должна просто запомнить последовательность

действий и их точно воспроизвести.

Девушка молча кивнула. Они прошли уже больше половины урока, когда лошади вдруг заволновались и принялись шевелить ушами. Из-за деревьев донесся стук копыт.

– Похоже, в этот капкан попались не мы одни, – хмыкнул Нотия.

К ним приближались всадники в доспехах и с палашами наперевес. Нотия двинулся им навстречу, подняв ладонь с загнутым безымянным пальцем. Мальчики последовали его примеру.

– Именем княжества, кто вы такие? – спросил старший воин в отряде, остановив своего коня на почтительном расстоянии от Нотии.

– Я, Его Мудрейшество Оноди Нотия, хоривский маг, был захвачен мятежниками, и сбежал из их плена. Со мной мои друзья и ученики, – отвечал Нотия.

– Хмм... В Хориве мятеж? – удивился десятник, убирая палаш, – мы с ребятами как раз ведем туда пленников. Но вы здесь как нельзя кстати: мы угодили в капкан Черных Куниц, и у нас нету мага, который мог бы развеять эти чары. Уже вторые сутки кружим по этому чертову лесу.

Из-за деревьев показалась вереница закованных в цепи людей. Вокруг них кружили всадники с пиками.

– Что это за пленники? – нахмурился Нотия.

– Пособники Черных Куниц, Ваше Мудрейшество, – отвечал десятник.

Нотия нахмурился еще сильнее. Ничего не ответив, он сел на свое место и принялся дальше обучать Мавку заклинанию. Десятник соскочил с лошади и решительно направился к нему. Хура бросился десятнику наперерез, и бесцеремонно схватив за пряжку плаща, принялся объяснять, почему немедленное избавление от чар невозможно. Офицер так опешил от нарушения устава, что даже не оттолкнул его руку. На полянку выехала запряженная двумя клячами телега. На ней стояла грубо сколоченная из толстых брусьев просторная клетка. В просветы между брусьями испуганно смотрели своими черными глазами три несчастных мохнатых существа. Одно из них было мужского пола, другое – женского, третье, по всей видимости, было подростком. Мужчина, видимо от боли, скалил свою израненную пасть, обнажая остроконечные зубы. Женщина время от времени просовывала сквозь прутья решетки свою мохнатую руку с чуть загнутыми черными ногтями. Стражники угрожающе били пиками по брусьям, и она убирала руку.

Авик проследил за направлением ее взгляда. На луке седла одного из стражников сидел двухлетний ребенок, белокурый и голубоглазый. Малыш совсем ослабел от голода, и только тихо всхлипывал, глядя в сторону клетки. Пленников собрали за телегой. Это были самые обычные крестьяне. Мужчины, женщины, даже подростки. Авик узнал крестьянина, подвозившего их по Северному Тракту в тот далекий ярмарочный день. Его глаза смотрели еще более виновато.

Рядом с ним, тоже закованная в цепь, стояла его дочь. Чтобы облегчить девочке ношу, крестьянин держал ее часть цепи на своем плече.

– Вольно! Привал, – скомандовал стражник.

Пленники с облегчением опустили на землю и принялись разматывать онучи на стертых до крови ногах. Авик незаметно подкрался к крестьянину и встал за деревом.

– Здравствуйте, а вас-то за что взяли? – спросил он шепотом.

Крестьянин вздохнул.

– Да, за окарину. Нашли у меня.

– Окарину?

– Ну да. Так все в деревне делали. Оставляешь в лесу еды. Масла там с полведра или ногу говяжью, привязываешь повыше, чтобы зверье не достало. Приходишь через день-другой, еды нет, а вместо нее – чудное что-нибудь. Или безделушка какая, или пояс расшитый, а мне вот окарина досталась...

– Ты, мужик, еще расскажи, как твоя дочь на этой окарине играть научилась, – выходя из-за дерева, сказал десятник.

– Ну, научил ее один... хлопчик, – пряча глаза, сказал крестьянин.

– Ага, хлопчик! Куница то была в обличии человека.

– Ну, не знаю, – забормотал крестьянин, – был он ладный, почтительный, говорил всё так дельно...

– Вот княжеский суд и разберется, кто дельно говорит, а

кто нет. А ты, парень, – он обратился к Авику, – иди-ка отсюда подобиру-поздорову. Нечего тебе с преступниками якшаться. Может, они уже оборотни, как знать.

Авик хотел было возразить, но передумал.

Нотия наконец научил Мавку заклинанию, и девушка принялась расковывать Рема – он вызвался быть первым. Двое стражников держали его под мышки, а еще двое стаскивали кандалы. Девушка колдовала очень неумело, поэтому Рем выл волком и дико вращал вытаращенными глазами. Наконец, весь в поту, он опустился на землю. Стражники неловко положили кандалы рядом с ним, он пнул браслеты ногой. Авик подал ему фляжку с водой, и он жадно припал к ней.

Внезапно из леса раздался топот копыт и улюлюканье. Рем молниеносно вскочил на ноги, забыв о боли.

– Ваше Мудрейшество, ваши руки, быстро, – крикнул он Нотии уже начиная шептать заклинание.

Старик протянул руки, зажмурился, и через мгновение еще одна пара браслетов полетела на землю. На полянку вылетела разношерстная кавалькада всадников. В основном здесь были безымянные, но также и городские стражники в строевых доспехах, и пара бойцов недружелюбного вида с лицами, испещренными шрамами. Вооружены они были кто чем, и никакого строя не соблюдали. Десятник скомандовал своим бойцам и они выстроились в шеренгу, загораживая магов. За их спинами Рем и Нотия в спешке расковывали

Хуру и Авика.

От группы наездников отделился один, в черной робе. Когда он подъехал, Авик узнал в нем проповедника-плясуна. Теперь его свиные глазки были наполнены исключительным чувством собственной важности.

– Мы преследуем высокоумцев-богохульников, осквернивших святилище и оскорбивших богов, – провозгласил он. – Если вы укрываете таких, ваш священный долг выдать их нам.

– Кто ты такой, чтобы здесь приказывать? – спросил его десятник.

– Я один из Мастеров Слова и верный раб Святого Балклича.

– Какого там еще святого пала кляча? – не понял командир. – Я подчиняюсь только князю и моему сотнику.

– Так ты тоже богохульник! – вскричал Мастер Слова и три волосинки у него на подбородке взметнулись в возмущении. – Братья мои, хватайте их!

– Перед заклинанием, накладываемым на безымянного, произносите «Хоадам», как будто это Истинное Имя, – сквозь топот копыт прокричал Нотия.

Он тут же применил «Вспышку Сокола». Заклинание, которое бы лишь ссадило обычного всадника с коня, разорвало безымянного на куски. Мальчики начали шептать заклинания, и первая волна нападавших была отброшена. Верхом остались лишь всадники в зачарованных доспехах. Они

отступили, перестроились и снова пошли в атаку. Один из безымянных поднял руку и закричал громким низким голосом. Авик проследил за направлением его руки – он указывал прямо на Мавку. Безымянные были вооружены чем попало, но зато сражались на удивление слажено: пока один воин отбрасывал пику, другой, почти не глядя, наносил удар в образовавшийся просвет. Вместе они производили жутковатое впечатление единого многорукого и многоголового чудовища.

– Бьем по лошадям, – крикнул Рем, и тут же двое всадников полетели вверх тормашками. Лошади замахали в воздухе копытами. Нападающие снова отступили и спешились.

Княжеских воинов было не достаточно, чтобы образовать полное кольцо, и отряд нападающих, разделившись, начал обходить их с двух сторон. В лесу слышался топот всадников и гортанные крики – на подмогу спешила еще одна группа мятежников. Хотя никто из нападающих не проронил ни слова, все новоприбывшие, словно по команде, спешились, и в атаку пошли только те, кто был одет в антимагические доспехи.

Авик заметил, что Нотия что-то сосредоточенно чертит на листках пергамента. Откуда-то раздалось еле слышное гудение. Старый волшебник обернул листками камни и отдал их Авику и Хуре.

– Когда я скажу, кидайте их во врага, – сказал он. Сам Нотия в безумной спешке накладывал какие-то чары на остав-

шийся не завернутым камень.

Гудение усиливалось. Нападающие тем временем разбились на три группы и готовились атаковать отряд с трех сторон. Воины выставили пики, но их уже не хватало, чтобы прикрыть магов со всех сторон. Трое бойцов перевязывали друг другу раны у корней лиственницы, еще один лежал ничком в расплывающейся темно-красной луже. Безымянные бесшумно и яростно, а главное абсолютно синхронно бросились в бой. Было что-то пугающее в их молчаливой слаженности и упорной сосредоточенности. Пики застучали о щиты, раздался скрежет и брань ожесточенного боя. На коре лиственницы прямо перед Авиком приземлился шершень и задумчиво пошевелил усиками.

– Давай, – скомандовал Нотия. Между деревьями вдалеке качалась зыбкая гудящая пелена. Камни еще не успели упасть на землю, когда их облепила желто-черная копошащаяся масса. Шершни всё прибывали. Рассерженные тем, что не могут пробиться к вождленным листкам пергамента, они носились в воздухе сердито жужжа.

– Умоляю вас, ни шагу вперед, – крикнул Нотия воинам. Он встал точно в центре отряда, держа в руках свой зачарованный камень. Шершни избегали приближаться к нему, поэтому под лиственницей образовалась полая сфера со стенками из беснующихся насекомых. Безымянные сначала не обращали на них внимания, с механической деловитостью они пытались пробить кольцо дружинников. Но вот охнув,

рухнул один, немолодой уже мужчина, весь облепленный шершнями, затем второй отступил, закрывая руками разбухающее лицо...

Через несколько минут все было кончено. На полянке в смертельной агонии корчилось несколько десятков тел. Вожак с жиденькой бородкой при первых признаках опасности отбежал на безопасное расстояние и теперь с ужасом наблюдал за тем, как гигантские осы заживо пожирают его соратников.

– Призыв и отпугивающее заклинание *апотитико*. Ловко придумано, – сказал Рем. – Но как вам удалось создать заклинание такой силы? – он остановился. – Чтобы собрать такую тучу шершней нужно подманить их за многие десятки верст окрест.

– Амарефеф помнит обо мне, – чуть слышно прошептал старик, так что только Авик смог расслышать то, что он сказал. Рем попытался переспросить, но Нотия только отмахнулся.

Масса насекомых начала заметно редеть. Видимо, листки были уже съедены. Теперь желто-черными оставались лишь кисти рук и лица лежащих на земле мертвецов, кожи на них уже почти не осталось. Треск деловито жующих челюстей теперь заглушал гудение крыльев.

– Нам нужно уходить, – сказал Нотия, – как только избавимся от чар капкана.

– Я не могу оставить конвой, – возразил ему десятник.

Скованные цепью пленники, сбившись в кучу, сидели в отдалении, на самом краю полянки, все еще не решаясь выглянуть из-под своих плащей, которыми они закрывались от нашествия шершней. Куницы в клетке тоже сидели неподвижно, шаря по сторонам одними лишь глазами.

– Пленников придется расковать, – твердо сказал Нотия, – а клетку открыть.

– Вы хотите, чтобы я нарушил приказ? – спросил десятник, нахмурившись.

Нотия не успел ответить. Земля дрогнула, деревья на краю поляны закачались. Тяжело дыша, вдоль берега озера двигался кадавр. Он был очень велик, примерно в два человеческих роста. Из широких плеч росли две мощные руки с длинными крючковатыми пальцами. На нем не было одежды за исключением странной формы зарукавий, зато все тело было покрыто бурым неровным налетом, поблескивавшим в лучах клонящегося к закату солнца. Пустые глаза безымянного, не отрываясь, смотрели с высоты его огромного роста прямо туда, где стояла Мавка. Грубое лицо исказила гримаса гнева. За ним, чуть поодаль, следовала небольшая группа мятежников.

– Господи, чешуя Эр-Мергора, – воскликнул Нотия, – глазам не верю.

Авик попытался прочитать боевое заклинание, но у него ничего не вышло. Тут он понял, что странные зарукавья – это антимагические доспехи, предназначенные защищать грудь

и живот нормального мужчины, но налезшие лишь на руки чудовища.

Защитники в ужасе побросали пики и, оставив своих раненных, бросились наутек. Лишь десятник и трое таких же отчаянных воинов не двинулись с места. Когда великан подошел к лиственнице, они принялись колоть его пиками в пах и в живот, но острия лишь высекали искры об кремневую коросту. Не обращая на них внимания, он протянул свою огромную лапищу к Мавке. Девушка застыла, в оцепенении и ужасе уставившись на монстра. Авик потянул ее в сторону. Кадавр зарычал и двинулся за ними. Вдруг широкий замах его огромной руки встретил какое-то сопротивление. Он на мгновение остановился в нерешительности, глядя на свою руку, сжимая и разжимая кулак. Авик вскрикнул.

– Это же Копченный, – с ужасом проговорил Рем, – вон и отметины на нижней челюсти.

Тем временем другая рука Копченого тоже перестала слушаться, вызвав выражение еще большего замешательства на его покрытом коростой лице. Он и следовавшие за ним мятежники начали слишком уж часто переступать ногами, как будто пытались стряхнуть что-то. Проповедник кричал с края поляны что-то ободряющее, когда вдруг раздался скрип распрямляющегося дерева и кадавр взмыл в воздух, своим бешеным ревом переполошив пирующих шершней. Он почти долетел до верхушек деревьев, когда скрип повторился еще дважды. В зарослях кустарника, роняя ветви и шишки,

упруго выпрямилась высокая сосна. Крик трупа резко оборвался. Огромная сила разгибающихся деревьев разорвала его на две части, и окровавленные куски, пролетев где-то в кронах, с шумом попадали в кусты, ломая ветки. На поляну рухнул один из доспехов. Мятажники начали отступать. Они двигались медленно, как мухи, попавшие в паутину, падали, вставали, снова спотыкались. Вдруг один из них упал на спину и уже не поднялся – из его глаза торчала короткая черная стрела. Несколько всадников, наблюдавших за происходящим с дальнего края поляны, развернулись и унеслись во весь опор. Проповедник тоже взгромоздился в седло своего коня, но неведомая сила сдернула его обратно на землю. Раздался громкий свист, и лошадь в ужасе помчалась прочь.

– Стойте, – завопил он своим удаляющимся товарищам. Те даже не оглянулись. Из крон деревьев им вслед летели короткие стрелы.

Авик снова потянул Мавку подальше в лес, но что-то невидимое спутало им ноги. Его спутники тоже стояли, не способные сдвинуться с места. Нотия разглядывал что-то прямо перед собой с помощью «Глаза Нимброна».

Проповедник тем временем выхватил из-за пояса длинный обоюдоострый меч и размахивал им, как будто поражая какого-то невидимого противника. Его пухлые тела дрожали при каждом ударе, по жирным щекам катились слезы отчаяния. Вдруг рука его дернулась, и меч, описав кривую дугу, полетел в озеро. словно две упавшие с деревьев тени,

прямо перед ним на поляну бесшумно спикировали две сутулые фигурки. Движения их были резкими, конечности их мелькали так быстро, что глаз не успевал за ними. Щелкнули раскладные алебарды, и два блестящих лезвия уперлись в складки жира на горле, прямо под тремя волосинками.

– Вы не понимаете, кто стоит перед вами, – рыдающим голосом возопил горемыка.

– Болтливая еда? – предположила одна Куница.

– Говорящий компост, – веско возразила другая.

Авик заметил, что еще одна Куница тенью спрыгнула на клетку и теперь, свесившись головой вниз, возилась с замком.

– Отвечай, кто создал это нелепое чудище, которое только что так неудачно пролетело? – продолжался разговор на другом конце поляны.

– Мы все в долгу перед святой силой святого Балклича, – невпопад отвечал проповедник.

Куница со всей силы протянула тупым концом алебарды по жирным ляжкам. Толстяк крикнул и рухнул на колени.

– Искренняя молитва сотворяет невиданные духовные и физические выявления, каковые даже и не снились высокоумцам, – затараторил он.

Вторая Куница ударила его древком промеж глаз. Проповедник охнул, упал в траву и затих. Два сутулых существа склонились над ним, встряхнули за плечи, негромко переговариваясь на своем щелкающем и свистящем языке. Нако-

нец раздалось невнятное бормотание, окончившееся на «... и святого Балклича». Видимо, решив, что толку здесь все равно не добьешься, существа развернулись и вразвалочку направились к лиственнице. По земле они перемещались довольно неуклюже. Авик заметил, что связан очень тонкими, эластичными и поразительно прочными путами. Они были почти невидимыми – только слегка преломляли свет, если смотреть сквозь них на солнце.

– Что это? – спросил он Нотию.

– Что? Ах, это. Бледное вервие, – отвечал маг, – не мешай.

– Ну что, вояки, не навоевались еще? – спросила одна Куница, приблизившись. Это было существо мужского пола. Отставив в сторону одну ногу, он положил свою алебарду на плечо и вальяжно перекинул через нее мохнатую руку, так, что предплечье свободно свисало вниз. Лучи заката просвечивали сквозь летательную перепонку, натянувшуюся на древке. Десятник, а за ним и трое солдат молча бросили перед ним на землю пики, а потом и палаши.

– Правильное решение, – сказал Куница, разведя ладонями.

– Коготь, это ты? – обрадовался Авик, узнав знакомый голос.

– Ага, – ответил Коготь, аккуратно сгоня шершня, севшего ему на плечо. – А теперь – ключи, – повелительно сказал он десятнику, вытянув вперед когтистую руку.

Поджав губы, десятник отстегнул связку ключей, висев-

шую на его поясе, и кинул Кунице. Тот поймал их и, молодецкато просвистев что-то, перекинул своему собрату, сидевшему верхом на клетке.

– Рем, вы, кажется, дали понять, что вам был знаком этот человек до того, как он стал кадавром-великаном? – спросил Нотия, пока Куницы освобождали пленников.

– Да, это бы один из жижкиных безмозглых тарбаганов, – ответил Рем.

– Когда вы его в последний раз видели, как бы это сказать... в нормальном обличи?

– Ну... – задумался Рем, – где-то неделю назад.

– Неделю, всего неделю, – задумчиво сказал Нотия, – Боюсь, плохи наши дела.

Темнело. Измученный белокурый малыш заснул на руках своей мохнатой матери, крестьяне неспешно бродили по поляне. Кто-то ловил и успокаивал напуганных лошадей, кто-то обирал трупы, кто-то просто разминал затекшие ноги и руки. Воины перевязывали раненых. На полянку спикировали еще несколько Куниц, и теперь они всей гурьбой возились над чем-то перед опустевшей клеткой. Откуда-то из кроны вдруг раздалось громкое свистящее щебетание. Куницы подняли головы и защелкали о чем-то между собой. Один из них отделился от группы, в два прыжка достиг лиственницы и повис на ее коре, зацепившись когтями. Его глаза поблескивали зеленым огнем в послезакатном свете.

– Из города вышел большой отряд, – сообщил он. Авик

снова узнал голос Когтя. – Пустоглазые, чернорылые, а также пара уродов вроде того летуна-неудачника – все они как будто движутся сюда. Не знаете случайно, с чем связан такой разгул святой святости?

– Они гонятся за нами, – сказал Нотия.

– Так я и знал. И что же вы собираетесь предпринять?

– Бежать отсюда как можно скорее.

– А что вы будете делать с этими? – Коготь указал на раненных.

– Мы разделимся, воины вернутся в княжескую дружину.

– Понятно, – Коготь надел что-то вроде полумаски, слез с дерева и принялся водить лапами вокруг спутанных ног Нотии. Освободив его, он перешел к Авику. Тем временем, один из крестьян взмыл вверх по кривой дуге и скрылся в кроне дерева. Десятник удивленно присвистнул.

– Мы их припрячем, пока вы тут не набегаетесь, – пояснил Коготь.

– С каких это пор Куницы стали такими благородными? – поинтересовался Нотия.

Коготь не торопился с ответом. Он уже распутал Авика, Мавку и теперь возился с Хурой. Воинов он, видимо, оставил на потом. Из крон снова раздался щебечущий голос. Куницы на полянке заволновались и заторопились. Коготь просвистел что-то гневное. Еще двое крестьян взлетели к кронам. Один из них в полете потерял равновесие, перевернулся вниз головой и скрылся в хвое, болтая в воздухе нога-

ми. Авик охнул, ожидая, что человек вот-вот рухнет вниз, но этого не произошло.

– Еще один отряд приближается к нам с севера, и в нем, странное дело, есть получеловек, – сказал Коготь. Он при- свистнул, и еще две Куницы бросились ему на подмогу. – С каких это пор *фабагоны* стали так часто шастать ночью по лесам? – спросил он, передразнивая Нотию.

Последние крестьяне поднимались в кроны.

– Ну, вот что, – сказал Коготь, когда последний воин был освобожден, – воевать с фабагонами у нас сейчас охоты нет. Уйти от полулюдей ночью вы все равно не сможете. Драться с ними в темноте тоже удовольствие маленькое. По доброте душевной предлагаю сделку: мы вас прячем, а вы нам помогаете, чем умеете. Вернуться мы вам позволим, только когда вся эта охота закончится, чтобы вы не выдали наше убежище. Решайте быстро.

Куницы уже поднимались вверх по деревьям. У телеги осталось лишь двое или трое. Они нервно покачивались в сумерках, сверкая своими зеленоватыми глазами.

– Боюсь, у нас нет выбора, – устало сказал Нотия, – мы согласны.

– Как-то слишком на дезертирство похоже, – неуверенно произнес десятник, как будто приглашая себя поуготоваривать.

– И отлично, дружок, оставайся тут, корми пустоглазых, – зло сказал ему Коготь, – поделом тебе. Будешь знать, как охо-

титься на *вутьыр*. Поверь, упрямые фабагоны нам даром не нужны, только возня с вами.

– Раненных, может, возьмете? – заволновался десятник.

– А кто за ними ходить будет? – фыркнул Коготь. – Пошли, – кинул он через плечо, поманив магов когтистой ладонью. Он направился к телеге, Нотия поковылял за ним, следом шли и остальные. У телеги две Куницы в полумасках обмотали волшебников чем-то вроде сети, сплетенной из бледного вервья. Каждому было выдано по большому серебряному кольцу, которое нужно было держать обеими руками. Когда Авик оторвался от земли, он понял, что сеть крепится к этому кольцу, а он сидит в ней, как в люльке. Само кольцо скользило по натянутому тросику, невидимому даже при свете, не говоря уже о ночном сумраке. Они поднялись до уровня деревьев и зависли, сидя в своих сетях. Вокруг них шелестели сосновые иголки, пахло хвоей, чирикали какие-то маленькие птички, потревоженные визитом незваных гостей. Несколько Куниц скакали по веткам во мраке, что-то прилаживая и настраивая. Наконец одна из них достала серебряное кольцо и поплыла над лесом, мелодично щебеча что-то вполголоса. Волшебники тоже двинулись вслед. Пролетая сквозь кроны, они ускорялись и ускорялись. Было уже совсем темно, ни земли, ни деревьев видно не было, и только мелькание звезд в просветах между ветвями напоминало движение метеоритов. Они неслись сквозь ночной лес с бешеной скоростью. Внизу один раз промелькнул свет фа-

келов, там ржали лошади, кричали люди. Подробностей было, конечно, не разобрать. Так они мчались какое-то время. Встречный ветер был до того сильным, что у Авика от холода закололо щеки. Наконец деревья вокруг начали замедляться. Неспешно расступилась перед ними и поглотила их корона векового дуба. Здесь на ветках были настелены помосты. Над некоторыми из них были прилажены навесы. По помостам, чуть слышно царапая дерево когтями, носились невидимые тени.

– Вот мы, кажется, и прибы. . . – начал было Нотия. Неожиданно они снова пришли в движение, звезды исчезли, и кругом была полная темнота. Теперь они продвигались не спеша, короткими рывками. Стало заметно холоднее, запахло сыростью и пылью. Наконец их ноги коснулись влажной глинистой почвы. Они стояли в нерешительности, пока кто-то не зажег факел. Яркий свет на мгновение ослепил магов, а когда глаза привыкли, они обнаружили, что находятся в низкой пещере, вдоль стен которой рядами, словно трубы органа, свисали сталактиты. При свете факела Авик разглядел седые волоски вокруг носа Когтя.

– Ну, добро пожаловать! – сказал он, ослабив свои клыки.

– А что вы делаете под землей? – изумился Нотия.

– Все увидите в свое время, – отвечал Коготь.

В пещеру вплыл десятник, а за ним и шестеро его воинов.

– Никакого другого выхода у нас не оставалось. . . – пряча

глаза начал он. Похоже, всю дорогу он придумывал оправдательную речь. Коготь фыркнул.

– Мы знаем, что вы не трусы, – мягко оборвал его Нотия. – С кадавром вы сражались как подобает воинам.

Десятник вздохнул и наконец осмелился поднять глаза. Они пошли вниз по проходу. Коготь нес факел. Минеральные отложения мерцали тысячами искр, с потолка капала вода. Они вышли в залу, такую огромную, что ее стены тонули во тьме. Свет факела выхватывал кончики сталактитов. Коготь прокричал что-то похожее на щебет вперемешку со свистом и прислушался. Откуда-то с высоты ему ответили шелканьем. Коготь воткнул факел в расщелину и снова надел полумаску.

– Это чтобы видеть *койси*, – пояснил он, для наглядности поднимая когтистой лапой петлю бледного вервья.

Он принялся возиться с чем-то на площадке, как будто закрепляя конец невидимой веревки. Когда все было готово, он обратился к Авику:

– Подай-ка факел.

Авик достал уже коптящий факел из стены и вздрогнул: из-под минеральных отложений на него смотрел человек с огромными круглыми глазами, занимавшими почти половину лица. Крылья носа закручивались спиралью, как будто на лице выросли две маленькие ушные раковины, но рот оставался совершенно человеческим. Полные губы складывались в мягкую полуулыбку. Надо лбом выступало забра-

ло шлема, почти полностью скрытого минеральным натеком. Из укрытой кальцитными колоннами стены выступала человеческая рука. Непропорционально крупной кистью незнакомец опирался на массивный посох с набалдашником в виде поставленного на угол куба со скругленными вершинами. С его верхних граней тянулись вверх иголки сталагмитов.

– Подземелье Мароджара, – тихо сказал Нотия, который тоже заметил статую.

– Ага, – сказал Коготь, придерживая когтистой лапой невидимое вервие, – долго мне еще ждать моего факела?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

На кольцах они поднялись под самую крышу пещеры. Здесь было устроено искусно замаскированное убежище. Деревянные настилы с низенькими перильцами продолжали естественный широкий балкон, располагавшийся под самым сводом. Древний штрек уходил куда-то вглубь породы. Они прошли в небольшой тупиковый зальчик справа от входа в штрек. Здесь уже горел небольшой костерок и сидели усталые крестьяне. Несколько человек, видно те, кто был покрепче и посвежее, развешивали пестрые гамаки, привязывая их к колоннам и сталагмитам. Двое Куниц светили им тусклыми холодными огнями. Десятник и трое здоровых воинов отправились помогать крестьянам. Две Куницы женского пола принесли огромный чан с мясной похлебкой. К удивлению Авика, освобожденные из клетки Куницы сидели среди крестьян. Вид у них был измученный и напуганный. Подросток нервно поскуливал, его мать опасливо оглядывалась по сторонам, прижимая к себе младенца.

– Эти – не из наших, они не привыкли к подземельям, – пояснил Коготь, поймав взгляд Авика, – занесла их нелегкая в ваши края – чуть не пропали.

– А что вы делаете в пещерах? – спросил Авик.

– Завтра, всё завтра, – отмахнулся Коготь. – Устраивайтесь на ночлег.

Похлебав мясного отвара из деревянных плошек с двумя ручками (ложками Куницы не пользовались) спутники забрались в гамаки. Рем и Нотия, несмотря на усталость, задержались дольше других – они осматривали раненных в углу пещеры. Наконец лечебные заклинания были наложены, холодный огонь погас, и только угли костерка мерцали в абсолютной темноте пещеры. Авик заснул, укрывшись волчьей шкурой.

Ему снилось, что он спускается к морю по широкой лестнице, выдолбленной в известняке. Над ним кричали чайки и какие-то еще неизвестные птицы. Вдали прыгали по волнам летающие рыбы. Ступени были высокими, с них приходилось спрыгивать, держась за неровный естественный парапет. На берегу, тоже усыпанном известняковыми плитами, было пустынно, волны дробились о камень, а когда откатывались, из-под них выступали светлые язычки влажного песка. Авик шел вдоль берега, перепрыгивая с плиты на плиту, разглядывая снующих крабов и морских ежей, выброшенных на берег. Он перепрыгнул на очередной присыпанный песком камень, и тот издал глухой деревянный стук. Авик нагнулся и постучал по нему костяшками пальцев. Это был деревянный ящик, продолговатый, напоминавший те, в которые кладут зажиточных покойников.

Авик сдвинул и отвалил крышку. В ящике, сложив руки на груди, лежал мертвец. Лицо его было закрыто белой тряпичей, из-под которой выбивались черные как смоль волосы.

Авик сорвал тряпицу. В гробу лежал он сам, и он был жив. Авик, лежащий в гробу, смотрел на Авика, склонившегося над ним, своими озорными карими глазами. На губах играла снисходительная улыбка. Авик отпрянул и проснулся.

Угли уже погасли, и в пещере царила полная темнота, мерно дышали спящие, тихо капало со стен. Вероятно, от холода и сырости у Авика заныла его старая рана на руке. Он уже не мог заснуть. Выбравшись из-под шкуры, ощупью он нашел выход из залы и, стоя у входа в штрек, зажег маленький холодный огонь. Он побрел вдоль стены, рассматривая натеки, «органы», минеральные драпировки, покрытые налетом лунного молока. Под стеной стояли грубые деревянные столы, прикрытые от капли деревянными же навесами. На столах кучами был свален какой-то хлам. Битые черепки, обломки ржавого металла, куски камней, рога, кости.

Авик вздрогнул, чья-то мохнатая рука легла ему на плечо. Из темноты на него строго смотрели два зеленоватых глаза, отблескивающих при свете холодного огня. Незнакомый Куница не понимал по-хоривски, и вообще ничего не говорил. Он лишь решительно указал своим длинным когтем на холодный огонь, висящий над плечом Авика, и резко провел в воздухе горизонтальную линию. Авик убавил свет, но этого оказалось недостаточно. Огонь пришлось погасить полностью. Он готовился возвращаться обратно в кромешной темноте, однако, когда глаза немного привыкли, оказалось, что пещера освещена очень слабым голубоватым светом, лю-

щимся откуда-то снизу, из-за парапета. Интенсивности не хватало для того, чтобы различать очертания предметов, но было достаточно для ориентации в пространстве. Авик медленно побрел обратно, чувствуя на своей спине пристальный взгляд часового: Кунице света хватало. Ощупью он забрался в штрек, нашел свой гамак и пролежал в нем без сна, прислушиваясь к тому, как капает вода, до тех пор, пока Коготь снова не запалил свой факел. Было раннее утро, хотя в пещере это конечно никак не чувствовалось.

– Ну что же, что же, нам пора на собрание, – сообщил Коготь, расталкивая спящих.

Они вышли в штрек и, пройдя около двухсот шагов, свернули в низкую продолговатую залу с тонкими иголками сталактитов на потолке и подземным озерцом у дальней стены. Вокруг водоема сидели Куницы, где-то два с половиной десятка, в основном мужчины, но было и несколько женщин, и двое малышей. Из стен торчали факелы, а вдобавок горело три странного вида холодных огня. Войдя, Авик глубоко поклонился. Куницы не обратили на него никакого внимания, за исключением одной молодой особи, которая поклонилась в ответ, вычурно отставив ногу и издевательски высоко задрал хвост. Раздался взрыв щелкающего хохота. Поклонившись, шутник сразу же вернулся к долбленной бочке, извлек оттуда рыбку и принялся за еду. Остальные Куницы тоже угощались рыбой. Воду набирали прямо из озерца деревянными плоскими. Если бы не движения рук, слишком резкие

для обычных людей, издавлека их можно было бы принять за группу ряженных в звериные маски колядующих, присевших на минутку, чтобы подкрепиться своей добычей. Крестьяне собрались плотной толпой у противоположной стены, косясь то на Куниц, то на волшебников и воинов. Куницы прикатали еще одну бочку, выбили крышку, и поставили перед гостями. Десятник запустил в нее два пальца.

– Это же селедка! – обрадовался он.

Остальные тоже потянулись к бочке.

– Кто это? Среди них есть глава вашего племени? – вполголоса спросил Авик Когтя.

– У Куниц нет ни князей, ни вождей, – ответил тот. – Только старейшины.

– А это они?

– В том числе, – отвечал тот. – Вообще говоря, это все Черные Куницы, которых ты сможешь найти в окрестностях Хорива и среднем течении Реебора.

– И это всё? – удивился Авик.

– А ты, я вижу, ожидал здесь встретить сорокатысячное войско и десять боевых слонов впридачу? – усмехнулся Коготь.

– Я считал, что племя Черных Куниц могущественно и многочисленно...

– Ну, во-первых, «племя Черных Куниц» состоит из доброй сотни племен, обитающих по всем северным лесам от Бескрайних Болот на западе до Пологих Гор на востоке. А

во-вторых, мы здесь вообще не племя.

– Да уж, вы совсем не похожи на своих собратьев, покинувших эти земли полвека назад, – присоединился к разговору Нотия, – с каких это пор Куниц заинтересовала чужая магия? И что это за благородные жесты? Прежние Куницы не оставили бы в живых никого из своих обидчиков... – он осекся.

– Вы недовольны тем, что мы не перерезали вам глотки? – Коготь ослабился. Поводя своей мохнатой головой из стороны в сторону, он смотрел то на одного, то на другого. – Видите ли, – продолжил он, – наши соплеменники чересчур постоянны в своих привычках, слишком привержены старым проверенным вещам. Для них кощунственна сама мысль о новых знаниях или опыте. Особенно, полученных от вас, фабагонов. Всё что не про койси, *пертушку* и *нуиль* – не важно, не нужно, не интересно и может разгневать речных духов. – Он грустно покачал головой. – Не каждый такое выдержит. Тех, кто не выдерживает, они изгоняют как преступников.

– Но почему? – удивился Хура.

– Такова традиция, – развел руками Коготь, – в ней не нужно искать глубокой мудрости. Некоторые объясняют это тем, что там, где есть умный и глупый, там есть богатый и бедный, а также – раб и господин. А у нас нет и не может быть ни господ, ни тем более рабов, все Куницы – вольные охотники. Но это больше похоже на самооправдание, чем на

первопричину.

Он выудил из бочки небольшую рыбешку и заглотил ее целиком. Авик заметил, что рыба была безглазой.

– И вы укрылись от них в этих пещерах? – спросил он.

– Нет, – поморщился Коготь, – я же тебе говорю, что других Куниц в окрестностях нет: вы, фабагоны, всех распугали. Мы здесь потому, что охотимся за древними сокровищами. Ищем тайную мудрость Мароджара, – его глаза вспыхнули на мгновение, – в имперском языке есть хорошее слово, которым нас называют, я только что-то запомнил...

– Археолог, – подсказал Нотия.

– Да, да, археологи! Мы археологи! – радостно закивал Коготь. – Последнее время мы очень много сил потратили, чтобы выследить вора, укравшего у нас наше сокровище. Но теперь мы можем вернуться к работе, а вы будете нам помогать, пока наверху идет борьба между святостью и глупостью... эээ... – он мельком бросил взгляд на десятника, – между святостью и героизмом.

– Боюсь, вашим планам не суждено сбыться, – тихо сказал Нотия. – Мы должны готовиться к обороне, или к бегству.

– Кому придет в голову искать Куниц под землей? – изумился Коготь. – Мы здесь в полной безопасности. Лагерь прекрасно замаскирован, мы чувствуем себя в подземельях не хуже пещерных рыбоедов.

– Им нужна девушка и Резервуар Мароджара, – устало настаивал Нотия, – они будут здесь со дня на день. На вашем

месте я бы завалил те входы, которые вы не сможете оборонять. Да, и вот еще, резервуар Школы: его нужно спустить. Это можно сделать, не выходя из пещеры.

– Но этим мы выдадим себя! – забеспокоился Коготь.

– Ерунда, – возразил Нотия, – мало ли что могло произойти с резервуаром Школы во время пожара? Вода жизни ушла, а кто разберется почему? Все, кто знал, как наполняется резервуар, скорее всего мертвы, а библиотека, где хранились чертежи, сгорела.

– Ну, вам виднее, – сказал Коготь, недовольно прижимая уши, – Я удвою караулы наверху, посмотрим, кто к нам заявится. Резервуар спускайте сами, если хотите. Но прежде чем вы этим займетесь, я попрошу вас о паре услуг.

– О каких?

– Нам нужно будет кое-что перевести с имперского на хоривский, – ответил Коготь.

– Это что же? – Нотия поднял брови.

– Ну, видите ли... – задумчиво начал Коготь, – честно говоря, мы следили за всеми хоривскими магами, в которых подозревали нашего воришку. По ночам мы пробирались в их дома и делали копии манускриптов...

– Ах, вот почему у меня так быстро заканчивался чистый пергамент, – усмехнулся Нотия.

Коготь сделал неопределенный жест рукой и снова прижал уши к голове, на этот раз смущенно.

– Что ж, я знаю, что Рамис вел свой манускрипт по-им-

перски, – продолжал Нотия. – Вы сделали копию его труда, но не смогли ее прочитать?

Коготь развел руками.

– Ученик Хура, – позвал Нотия, – надеюсь, вы не сочтете за труд выполнить просьбу нашего гостеприимного хозяина?

Хура два раза кивнул головой в знак согласия.

– Как же вы изучаете древнюю мудрость и при этом не вяжете по-имперски? – встрял Рем.

Хура наклонил голову, и усмехнулся с чувством превосходства.

– И еще, – не обращая на них внимания, продолжил Коготь, – мы хотим знать, кто ты, – он наставил свой черный палец на Мавку.

Нотия начал обстоятельно и многословно объяснять ему про деигмы и рассказывать обо всем, что произошло в башне. Коготь внимательно слушал, почесывая за ухом.

– Замечательно... Как жаль, что наша реликвия утрачена... Но отчего же тогда погиб тот получеловек? – встрепелся он наконец.

Нотия пожал плечами. Авик заметил, что несколько Куниц внимательно рассматривают Мавку и тихонько перешептываются. Повисла напряженная пауза.

– А что ты сама думаешь по этому поводу? – вкрадчиво спросил ее Коготь. – Откуда взялась эта твоя магическая защита?

– Я не могу вам сказать, – тихонько отвечала девушка.

Шерсть на загривке Куницы встала дыбом, глаза сузились, усы взметнулись вверх над оскаленной пастью.

– Что за глупое упрямство? – зарычал он. – Если бы не мы, ты бы сейчас шутила свои шуточки с пустоглазыми. И не забывай, что мы все еще Черные Куницы...

Попугай выскочил из-за пазухи Рема и тревожно затараторил. Сотник и еще один воин едва ли поняли хоть слово и стояли бледные как мел, переводя взгляд то на Мавку, то на оскаленные клыки Когтя.

– Я не могу... – тихо повторила Мавка.

– Да скажи ты ему, – не выдержал Авик, – он имеет право знать, они же нас спасли.

– Я тебе всё сто раз объяснила, – сказала Мавка, глядя ему прямо в глаза так, что Авику стало не по себе. – А ты ведешь себя как предатель.

– Ну и глупая, – обиделся Авик.

– Мавка обещала никому не раскрывать этого секрета... – вступился за девушку Хура. – Нам она тоже ничего не сказала, как мы ее ни упрашивали.

– Это... если дело в оборотне, – вмешался вдруг десятник, – то есть если прибить кого надо, то это всегда пожалуйста, моя пика и мои люди к вашим услугам...

Коготь издал горестный вопль, губы в уголках его оскаленной пасти едва заметно расслабились. Наконец он поковырял пальцем в оскаленных зубах, и напряжение несколько спало.

– Будь по-твоему, – проворчал он, с подозрением глядя на Мавку. – Но перевод вам сделать придется.

– Вне всякого сомнения, – подхватил Нотия, – а после завтрака, с вашего позволения, мы отправимся к Резервуару.

Коготь недовольно почесал подбородок.

– Чего вы так торопитесь? Путь неблизкий и небезопасный.

– Небезопасный? – удивился Хура.

– Во-первых, вам нужно научиться ходить по Мароджару, это не бабушкин погреб, а огромная пещера с узкими ходами, подземными реками, обрывами и осыпями. А во-вторых, на нижних ярусах полно рыбоедов.

– Но вы сможете нас туда провести? – спросил Нотия.

Коготь нехотя повел плечами, как будто что-то с них сбрасывая.

– Ладно, – пробурчал он, повернулся спиной и поковылял к озерцу.

Авик мельком взглянул на Мавку. Девушка сидела в своем гамаке, уставившись в пространство прямо перед собой немигающим взглядом.

Они шли уже около двух часов. Холодные огни отбрасывали причудливые тени. Куницы то и дело убегали вперед, цепляясь за стены и перепрыгивая с карниза на карниз где-то под потолком. То, что когда-то было анфиладой роскошных залов, спускавшихся по спирали в недра земли, теперь

совершенно разрушилось. Покрытые трещинами резные арки, обломки статуй и непонятных механизмов валялись на полу вперемешку с отвалившимися от потолка кусками камней и медленно покрывались натеками. Несколько раз дорогу преграждали широкие разломы с несущимися по ним пещерными ручьями. Куницам приходилось натягивать через них койси и переправлять своих спутников. Сами они передвигались, цепляясь за стены и потолок, перепрыгивая с одного камня на другой. Один только Коготь ковылял рядом на своих кривых ногах. Авику, Рему и Нотии выдали странные полупрозрачные куски материи с дырой для головы. Ниспадая почти до колен спереди и сзади, эти фартуки крепились завязками к поясу и чуть повыше колен и поразительно хорошо согревали в холодных пещерах. Бока от подмышек до бедер, там где у Куниц крепились летательные перепонки, эта одежда не закрывала, но из-за ходьбы холода не ощущалось. Еще они получили очень неудобные для обычных людей полумаски, благодаря которым они могли видеть вервия в виде мерцающих серебристых нитей с зеленоватым отливом. Впрочем, в сумрачной пещере в полумасках не было видно ничего, кроме койси, и поэтому их пришлось снять. Некоторые залы открывались в огромную полость, в глубине которой еле заметно горело голубое пламя. На самом дне подземелья, как одинокий светлячок, мерцал Резервуар, до краев наполненный преро-тиз-зоиз.

Они обходили какой-то разломанный каменный поста-

мент, на который взгромозились три широких сталагмита.

– Сколько же лет эта пещера стоит брошенная? – спросил Авик.

– Как видишь, давно, – пожал плечами Коготь, – наверное, больше тысячи лет.

– То есть, – Авик вдруг остановился, – они владели магией еще до открытий Шогеста Брандотто?

Коготь только фыркнул.

– Конечно, мой мальчик, – мягко сказал Нотия, – эти открытия совершались множество раз. Летающие Острова пришли к ним тоже до Шогеста.

– А почему люди ушли отсюда? – снова обратился Авик к Когтю.

– Этого никто не знает. Верхние ярусы выглядят как рудные выработки.

– А когда руда истощилась, они покинули это место? – спросил Рем.

– И бросили Резервуар? – удивился Авик.

– Похоже, рудокопы так трепетно относились к своим пещерам, что украшали их статуями и резьбой, – добавил Рем.

– Здесь был огромный подземный город, – неторопливо продолжал Коготь, – в котором жили не только рудокопы. Подземная страна процветала сотни, если не тысячи, лет после того, как первые шахты были оставлены. Сейчас мы проходим то, что считаем банями. Вон в те углубления, по-видимому, наливали теплую воду и мылись. По тому желобу

сюда поступала холодная вода. А видите ту струйку? Она еле капает, но она теплая! Это горячий ключ или что-то в этом роде. Наверное, раньше он лился сплошным потоком, и все здесь было затянуто клубами пара. Древние любили проводить струи горячих ручьев внутри стен. Старые отверстия, конечно, уже забились за такое огромное время, но в части залов до сих пор теплее чем в других... А вот здесь, вдоль этой бороздки, крепился какой-то барьер, чтобы жар не выходил... Если хочешь понять чужую мудрость, приходится учиться понимать и того, кто ею обладал. Мы не можем задать вопрос тем, чьи кости давно истлели, поэтому, как охотники, идущие по свежему снегу, разбираем следы и знаки, оставленные на камне резцами обитателей Мароджара.

– Вы охотитесь за надписями? – спросил Нотия.

– Да, и за зачарованными предметами, – ответил Коготь, – в Мароджаре была развита магия, хотя она, конечно, сильно отличалась и от нашей, и от вашей. В ней было очень много знаний о минералах, очень мало – о животных и практически ничего о небесных светилах.

– То есть вам в конце концов удалось расшифровать тайнопись? – удивился Нотия.

– В Мароджаре было по крайней мере три системы письма. То, которое мы называем «верхним», мы расшифровали уже довольно давно, поскольку нам удалось найти каменную стелу с высеченными на ней Истинными Именами, названиями на мароджарском и пиктограммами рядом с ними.

«Нижнее» письмо – это то, которое для нас должен был расшифровать тот подлец-волшебник. Мы разделили их письмо на «верхнее» и «нижнее», поскольку одно встречалось только на верхних ярусах, а другое – только на нижних. Не так давно мы обнаружили «среднее» письмо, которое занимает промежуточное положение между ними, как по форме знаков, так и по глубине, на которой мы его нашли. Оно и дало нам ключ к расшифровке «нижнего» письма.

– Зачем же одному народу пользоваться тремя видами письменности? – спросил Рем, – это как-то неудобно.

– Я считаю, что эти системы письма просто соответствуют разным эпохам, одно плавно перетекало в другое. Люди закапывались все глубже и глубже под землю, всё совершеннее становились изваяния, все искуснее гравировка, все сложнее и непонятнее чары...

– Закапывались, закапывались, а потом взяли и ушли, – сказал Авик.

– Всё что имеет начало, имеет и конец, – изрек Рем.

– Может быть, и сгинули, – сказал Коготь, опустив голову, – но мне как-то в это не верится. – Он замолчал на мгновение, – мы сюда пришли за сокровищами мудрости, почти как грабители могил, а сейчас... Я люблю это место, его ушедших жителей и их тайны... – он вдруг встрепенулся, его уши поднялись торчком, шерсть на загривке встала дыбом. – Нас учуял рыбоед, пертушки на изготовку!

Коготь просвистел что-то своим товарищам, и они немед-

ленно спикировали вниз из темноты, ловко собрали свои алебарды и направили их куда-то в темноту. Авик и Рем, хотя и не без труда, тоже справились с этой задачей. Алебарды были на удивление легкими, хотя и очень прочными. Раскладным петлям и запорным механизмам мог бы позавидовать самый искусный хоривский оружейник. Из глубины пещеры донесся звук тяжелых шагов.

Куницы достали из-под плащей по пригоршне маленьких черных шариков. Они принялись кидать их в разные концы пещеры. Шарики отскакивали от стен с громким вибрирующим звуком, от которого звенело в ушах и начинала кружиться голова. На мгновение шаги замерли, как будто в нерешительности, и раздался глухой грубый рев, переходящий в подвывание. Коготь достал из-под плаща небольшой мешочек и забросил его в темноту. Было слышно, как мешочек ударился обо что-то мягкое, и воздух снова огласил голос хищника, только теперь в нем слышалась бешеная ярость. Судя по звуку, зверь мчался прямо на них, натываясь на стены и сбивая сталагмиты.

– Дышите ртом, – шепнул Коготь своим спутникам, но было поздно. До них докатилась волна такого зловония, что все лечебные мази мира были лишь легким цветочным ароматом по сравнению с ним. – Старайтесь бить его в ухо или под хвост, – добавил он, доставая метательную трубку и направляя в нее стрелу.

Борясь с подступающей тошнотой, Нотия еще ярче разжег

свой холодный огонь и заставил его медленно плыть в направлении источника рычания. Пятно света выхватило рыбоеда. Это был приземистый, коренастый зверь размером с хорошего медведя. Продолговатое туловище, покрытое грязно-серым густым мехом, переходило в толстый, как у выдры, хвост, сплюснутый с боков. Мощные лапы несли огромные изогнутые когти. Коготь швырнул в него камешек. Зверь взревел, обнажая желтые клыки и топорща свои густые жесткие усы, растущие из двух подушечек позади массивного носа. Рыбоед тер тупую морду передними лапами, между их расставленных пальцев можно было рассмотреть черную кожу перепонки. Поняв, что избавиться от запаха у него не получается, он принялся размахивать из стороны в сторону своей длинной шеей. На излете одного из этих взмахов, он задел головой минеральную колонну. Раздался глухой звук удара, с потолка посыпались осколки камней, но рыбоед как будто даже не заметил этого. Когда зверь понял бесперспективность этого подхода, он отнял лапы и перестал мотать головой.

Авик увидел, что у зверя совсем нет глаз. Пещерное чудище ориентировалось во тьме только благодаря обонянию и осязанию. Крохотные ушки были едва заметны на мощной мускулистой холке. Вонючие чары и звенящие шарики Куниц сбивали его с толку. Нотия спокойно сидел на камне в пяти шагах от оскаленных клыков и огромных когтей. Маг находился в глубоком трансе. Авик тотчас же подбе-

жал и встал перед ним, выставив вперед свою алебарду. Рем последовал его примеру. Они застыли ни живы ни мертвы, глядя на беснующегося зверя. Наконец Нотия открыл глаза и что-то прошептал. Рыбод подпрыгнул вверх, оттолкнувшись от земли всеми четырьмя лапами, и, выгнув спину, застыл, испуганно вслушиваясь в гудящие удары шариков о стены. Маг произнес еще несколько слов. Зверь зарычал, ошетинился и попятился назад. Налетев на колонну, он снова вызвал небольшой обвал, один крупный осколок ударил его в плечо. Тут он развернулся и, издавая утробное жалобное урчание, поплелся вглубь пещеры, где чернела эбонитовая гладь небольшого озерца. Без брызг опустившись в воду, он проплыл несколько саженей, держа голову над водой, и нырнул. Теперь в пещере раздавался только стук ударяющихся о стены шариков. Прошла минута-другая. Зверь не показывался. Коготь восхищенно смотрел на старого мага.

– Десмуронг, – произнес Нотия устало.

– Это Истинное Имя рыбоеда? – подпрыгнул от радости Коготь, он все еще держал в руке заряженную трубку, стрела в ней чуть слышно стукнула.

Нотия только кивнул. Он сидел, привалившись спиной к натечной стене пещеры, и ловил ртом воздух. Спohватившись, Коготь прочитал заклинание, и вонь немедленно ушла. Он бережно подобрал свой мешочек и убрал его за пазуху. Его спутники собирали звенящие шарики и складывали алебарды.

– Эти пруды сообщаются друг с другом, – невесело сказал Коготь, когда они отдышались и тронулись в путь, – древние разводили в них рыбу, а теперь ею лакомятся рыбоеды.

Никто ему не ответил. Его спутники с блаженством гоняли в легких чистый холодный воздух: после почти осязаемого зловония, его свежесть опьяняла.

– Отвратительные создания, – продолжил он после паузы, – и поразительно живучие. Они предпочитают ловить раков, рыбу и черепах в подземных ручьях и озерах, способны многие часы проводить в ледяной воде, а с помощью когтей могут карабкаться по почти отвесным скалам. Когда мы пытались натянуть здесь койси, они их исправно находили и обкусывали. Вдобавок у них очень толстая кожа, а кости прочные, как будто стальные. Они даже выбираются из-под завалов, такие живучие. Наша магия, которую мы используем, когда охотимся на лесных зверей, их почему-то не берет. На нижних ярусах полно магических ловушек, но этим тварям тоже хоть бы хны. Обычно они бродят по пещерам поодиночке, но однажды им хватило ума сбиться в банду и напасть на наш лагерь. Веселый был денек, – он усмехнулся. – Ну, теперь-то все пойдет по-другому...

– А они были здесь, когда Мароджар еще был заселен? – спросил Рем.

– Несомненно, – ответил Коготь, – их изображения мы находили много раз, только они тогда были как будто помельче. Размером с лисицу где-то. А потом видать отъелись.

Нотия прочистил горло и произнес:

– До того, как Поющие Камни забрали отсюда, никто этих тварей в глаза не видел. Ни когда нитку до Резервуара тянули, ни когда Камни поднимали. Не было ни ловушек, ни чудовищ. Пещеры казались заброшенными. А потом началось...

Они спускались всё глубже. Стало посуше, вода больше не капала с потолка, а журчала струйками ручейков и подводных речушек, кое-где взятых в каменное обрамление резцом давно умершего мастера. Из-под натеков проступил красноватый гранит с вкраплением белых и черных гранул.

Они проходили залу с огромным лежащим на боку каменным цилиндром, высеченным из такого же гранита. Свет холодных огней выхватывал лишь нижнюю часть гладкого торца, из которого торчали остатки каких-то механизмов.

– Дробилка для руды, – пояснил Коготь, – а это жернов, он проворачивался в ложе. Делал полезную работу. А вот что за работу мы исполняем, – ума не приложу.

– Мы должны спустить резервуар Школы, – терпеливо сказал Нотия. – Тогда кадавров станет поменьше. Не известно, сколько времени у них уйдет на то, чтобы починить помпу, и на то, чтобы понять, почему же она все равно не качает. Возможно, у нас будет несколько недель в запасе.

– «Кадавры», – фыркнул Коготь, – напридумывали себе слов. Мы, выходит, тоже кадавры, раз на вас не похожи? И в город не зайдешь без чар иллюзии, и к поселениям не при-

ближайся. Живи как мышь в норе. А какие-нибудь Огненные Парусники не кадавры? После их нашествий одни головешки остаются. Но зато у них, видите ли, гладкие лица и плоские ногти...

– И хвостов нет, – вставил Рем.

– И мозгов тоже немного, как и у всех вас. Фабагон умом короток, – парировал Коготь. – А все же живая душа... – снисходительно добавил он, слегка разводя руками.

– Я не хотел вас обидеть, – прервал их перепалку Нотия. Коготь только махнул рукой.

– А кто эти «они»? – спросил Авик Нотию.

Нотия пожал плечами.

– Точно не могу сказать, но предчувствия у меня самые дурные.

Коготь снова фыркнул откуда-то из темноты.

– А я бы не стал ждать гостей. За те одиннадцать лет, что мы здесь провели, всего лишь один фабагон спустился ниже нашего лагеря. Пастухи иногда ночуют у входов, но не более того.

Нотия лишь пожал плечами и промолчал. Они спускались все дальше. Вдруг Нотия остановился.

– А это что? – спросил он, указывая на толстенный ствол, пересекавший пустую, ничем не примечательную залу.

– Похоже на корень, – задумчиво сказал Рем.

– На такой глубине – не может быть, – возразил старый маг. – Сдается мне, мы достигли нашей цели. Это нитка, пи-

тающая резервуар Школы.

Он прошелся вдоль ствола взад и вперед. Проникая в залу откуда-то с потолка, ствол доходил до пола, стелился до противоположного конца залы, и через огромное отверстие уходил куда-то в темноту. Волшебник зажег еще один холодный огонь и отправил его в путешествие вдоль извивающейся по стене нитки. Она уходила вниз, насколько хватало глаз. Нотия произнес «Глаз Нимбрана», потом заклинание геопии и некоторое время разглядывал что-то внутри ствола.

– Привал, – произнес он, удовлетворившись осмотром и доставая свой фолиант.

Рем и Авик разожгли вокруг холодные огни, так что в зале стало светло как днем. Нотия что-то чертил в своем фолианте, раскладывал руны, то так, то эдак, что-то прикидывал, прищурив один глаз. Наконец стопка листов была готова.

– Авик, Рем, принесите вон те камни, и положите их вот здесь, у самого края, – скомандовал Нотия, – Коготь, подготовьте меха... так, теперь раскладывайте алебарды. – Он начал читать заклинание. Возле того места, где он стоял, ствол светлел, и становился прозрачным. Теперь он уже напоминал не корень, а огромный кровеносный сосуд, по которому вместо крови толчками струилась ртутная жидкость. Нотия закончил читать заклинание.

– Рубите, – распорядился старый маг.

Алебарды врезались в мягкое тело сосуда, брызнула преро-тиз-зоиз. Воздушный пузырь стал расширяться в обе сто-

роны, и жидкость отступила с обоих концов сосуда, оставив трубку пустой и прозрачной. Просвет был размером с голову ребенка, а стенки – в два пальца толщиной.

– Рубите до конца, – торопился Нотия, – мы должны успеть пока оно не затвердело.

Еще два взмаха алебардой и два расчлененных конца сосуда безвольно упали на пол пещеры.

– Теперь приладьте конец так, чтобы он смотрел в пропасть... да не этот, верхний. Так, теперь привалите камнями, как следует, – Нотия поднес ухо к отверстию. – Помпа еще работает, – прошептал он. Взяв один из своих листков, он аккуратно обмакнул краешек в маленькую лужицу преро-тиз-зоиз и поднес его к отверстию трубы. Листок влетел в трубу, пролетел несколько локтей, набирая скорость, и скрылся в непрозрачном отрезке сосуда.

– Открывайте мехи, – что есть силы крикнул Нотия.

Откуда-то сверху донесся далекий гром и звук приближающегося потока. Тяжелая преро-тиз-зоиз теперь бежала вниз по сосуду. Тугим потоком она ударила прямо в пропасть. Было слышно, как тугая струя барабанит по каменному склону, выбивая из него куски. Камни, которыми был придавлен конец сосуда, угрожающе задрожали.

– Наполняйте, скорее, – крикнул волшебник. Мальчики и Куницы подставили под боковую струйку открытые меха, через несколько мгновений они были заполнены тяжелой густой жидкостью. Откуда-то из трубы донесся тяжелый звук

далекого взрыва.

– Отходим наверх, – закричал маг, – это *аулюсидоти антидраси*.

Мехи стали очень тяжелыми, и их приходилось нести вдвоем. Они не успели пробежать и нескольких шагов, как камни не выдержали, и освободившийся конец сосуда завертелся по пещере, заливая все вокруг ртутной жидкостью.

– К черту мехи, – возопил волшебник, – бежим.

Обрубленная нитка как огромный черный рукав со свистом хлестнула прямо у него над головой и, раздробив чахлый одинокий сталактит, понеслась вглубь залы. Шум стремительно приближался, а с ним увеличивалось и бешенство перерезанной нитки. Они мчались, перепрыгивая через обломки камней, половина холодных огней потухла или была разметана по пещере движением воздуха. Они выскочили из залы в короткий тоннель и пробежали несколько десятков шагов, когда Куницы остановились, чтобы перевести дух. Брызги преро-тиз-зоиз сюда уже не долетали. Рем держался за окровавленное лицо.

– Осколок попал, ничего страшного, – ответил он на немой вопрос Авика. – Только кровоточит немного, – добавил он, когда Нотия уже бормотал останавливающее кровь заклинание.

Коготь взволнованно вглядывался вглубь пещеры. Он зажег холодный огонь и пустил его плыть обратно к грохочущему обрубку трубы. Огонек плавно вышел из тоннеля и

был немедленно сметен неистовыми воздушными потоками. Авик вдруг заметил, что Куниц, теньями передвигавшихся по стенам и потолку, стало как будто меньше. Оставшиеся взволнованно пересвистывались. Страшный раскат снова сотряс пещеру.

– Сейчас полыхнет, бежим, – крикнул Нотия.

К счастью следующий зал был совсем рядом. Они вбежали в него и успели заскочить за угол тоннеля, когда за ними вспыхнул ослепительный свет. Сначала белый, затем синий и наконец, красный, он освещал противоположную стену пещеры, оставляя на камне блестящий черный след.

– Что это? – прошептал Авик.

– Аулюсидоти антидраси, заклинание, поглощающее преро-тиз-зоиз, до тех пор, покуда она не иссякнет, – ответил Нотия. – Оно мало изучено, и что оно делает при таких огромных объемах энергии, нам неизвестно. Лучше держаться от него подальше.

– Это вы наложили? – спросил Авик.

– Упасите боги, конечно нет, – выдохнул Нотия.

– Но тогда кто же?

Нотия перевел на него свой тяжелый взгляд и не менее тяжело вздохнул.

– Считается, что аулюсидоти антидраси иногда самозаждается при перемещении больших объемов преро-тиз-зоиз. Поскольку это такое редкое самонакладывающееся заклинание, которое усиливает само себя. Маленькой песчин-

ки может быть достаточно, чтобы вызвать сход лавины. Если каким-то образом крохотное закливание зародилось в резервуаре, оно будет разрастаться, пока не пожрет всю энергию. Также нельзя исключать, что резервуар Школы имел какие-то защитные чары, о которых мне ничего не известно. Либо...

Красный свет неожиданно погас, а бешеный грохот в соседней зале сменился утихающим перестуком. Коготь молча отделился от стены и ринулся обратно. Трое Куниц последовали за ним. Маги замыкали шествие. В зале было необычно жарко, но в остальном они нашли его почти в том же самом виде, в каком увидели его в первый раз, разве что осколков на полу валялось чуть больше. Коготь мгновенно вскарабкался на едва заметный уступ, чуть выдающийся из стены над выходом из тоннеля и пустил холодный огонь внутрь залы. Пронзительно присвистнув, он оттолкнулся от стены и спланировал куда-то к дальней стене. Остальные торопливо последовали за ним. Понутив голову, Куница стоял над окровавленным комком кожи, шерсти и внутренностей. С ужасом Авик увидел разможенную когтистую руку, все еще сжимающую ручку сосуда, а приглядевшись и оскаленные в смертельной агонии зубы, красные от свежей крови.

– Он был хороший охотник, – глухо сказал Коготь. – А как он играл на окарине... – Он вперил в старого мага хищный немигающий взгляд. Авику стало не по себе. Однако Нотия не смутился и не отвел глаза.

– Мы все находимся в смертельной опасности, – ответил он. – Мне искренне жаль нашего товарища, но у всех нас есть неплохие шансы последовать вслед за ним в самом ближайшем будущем, если мы не будем ничего предпринимать.

– У вас такое «предчувствие»? – в ярости прошипел Коготь. – Сколько еще людей должны умереть ради ваших фантазий?

– Да, – кивнул Нотия, – предчувствие. Но не совсем. Я не знаю имени нашего врага, но твердо знаю, что он существует. Это не фантазия.

Один из Куниц издал нечленораздельное рычание и придвинулся поближе, оскалив пасть. Нотия мягко остановил его ладонью.

– В Хориве больше нет сил, способных создавать кадавров. Все или почти все маги кроме нас погибли. Откуда взялись эти великаны? Кто стоит за безымянными и этими дурацкими фанатиками? Вы понимаете? Я – нет. Вы потрошили книги хоривских магов на протяжении последнего года, так? Кто-нибудь из них делал что-то подозрительное? Хоть какая-то зацепка?

– Носатая орясина... – хмуро начал Коготь.

– Рамис мертв, – оборвал его Нотия. – Еще кто-нибудь?

– Может быть, кадавры были сделаны Рамисом Ацетусом незадолго до его кончины? – встрял Рем.

– И с какой целью, разрешите поинтересоваться? Чтобы помочь мятежникам громить его собственный кабинет в

Школе? – спросил Нотия, – их сделали после начала бунта.

– За два дня?! – хором воскликнули Рем и Авик.

Нотия кивнул.

– Держать кадавров в городе – бессмысленно и опасно. В своем логове Рамис ставил опыты, а не создавал армию великанов.

Коготь задумчиво почесал подбородок, а потом тихонько присвистнул. Один из Куниц расстелил на камнях свой плащ и черные сгорбленные фигурки принялись собирать с камней остатки того, что прежде было их товарищем. Авик отвернулся.

Нотия разглядывал уходящий вниз обрубок сосуда. Произнес какое-то заклинание. Прислушался.

– Нижний Резервуар не пострадал, – сказал он, наконец, – не знаю, хорошо это или плохо.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Усталые, они возвращались в свою пещеру. Поставив чудом уцелевший полный воды жизни мех в угол и подперев его камнями для устойчивости, Авик и Рем принялись встряхивать и растирать затекшие руки.

– Господин хороший, где же вы? – спросил вдруг Рем по-имперски.

Авик поймал его взгляд и посмотрел в ту же сторону. В сухом уголке пещеры Рем обустроил свое логово. Живая картина, изображающая рабовладельческий рынок Вечного Города, висела, растянутая на четырех бечевках. Она была вынута из рамы: видимо, он носил ее свернутой под своим плащом. В Вечном Городе было раннее утро, светило солнце, татуированные затылки невольников блестели от пота. Изображение заметно поблекло: наверное, заканчивалась преро-тиз-зоиз, и живое окно следовало заправить новой порцией. Перед картиной из трех палок, воткнутых в кучу камней, было сооружено что-то вроде жердочки. Над жердочкой был заботливо прилажен квадратный кусок просмоленного пергамента, чтобы редкие капли воды, падающие с потолка, ненароком не побеспокоили птицу. Впрочем, сейчас насест был пуст.

– Господин, куда же вы подевались? – снова позвал Рем. Откуда-то сверху раздалось хриплое покашливание, или,

скорее, кряхтение. Под самым потолком в небольшой нише, нахохлившись и спрятав свой массивный клюв в красные перья, сидел попугай.

– И зачем вы туда забрались? – спросил Рем, держа предплечье горизонтально на уровне глаз. Попугай слетел вниз, приземлился на подставленную руку и перешел с нее на плечо.

– Гата, – прохрипел он, хлопая крыльями.

– Кошка? – удивился Рем, – ну что вы, здесь нет никаких кошек. Это Черные Куницы, наши гостеприимные хозяева, и они не причинят вам вреда. – Он погладил попугая и посадил его на жердочку. Тот с опаской посмотрел на него и нехотя повернулся в сторону картины. Переминаясь с ноги на ногу и склоняя голову то вправо, то влево, он стал наблюдать за тем, как идет торговля.

– Что это ты тут устроил за будуар? – хмуро спросил его Авик. На душе скребли кошки.

Рем довольно чувствительно ударил его в плечо.

– Не смей дурно отзываться о господине Тарабане.

– Тар-рабан, – хрипло повторил свое имя попугай, не отрываясь от созерцания невольничьего рынка.

– Ну ладно, ладно, – сказал Авик, потирая ушибленное место. – А что этот твой господин забыл на картине?

– Хочешь всё знать? – хмыкнул Рем. – Учти, кто много знает, долго не живет.

Они пошли к гамакам.

– Господин Тарабан обладает феноменальным зрением и отличной памятью, – вдруг тихо сказал Рем. – Он помогает мне искать моего брата.

– А твой брат там?

– Я не знаю, где он. Империя огромна... Но я чувствую, что он жив.

– Он тебя старше или младше?

– Мы близнецы.

Они замолчали и улеглись в гамаки. Нотия уже храпел под своей шкурой. Авик заснул неглубоким, беспокойным сном. Утром он неудачно повернулся и какой-то камешек закатился ему под бок. Он провел рукой, чтобы скинуть его на пол. Ладонь вдруг укололо как иглой. Он выпростал руку из-под шкуры, бросил взгляд на то, что было зажато в пальцах, и тотчас же свалился с гамака.

– Мавка! – крикнул он, – Мавка!

Это была камья с мраморным профилем прекрасной южанки на иссиня-черном ониксовом фоне. Гамак девушки был пуст, впрочем, как и все остальные гамаки. Только трое раненых спали в своем углу. Авик выбежал в штрек, а потом на балкон. Сейчас здесь горели холодные огни, за столами в горах странных предметов сосредоточенно копались Куницы. Здесь же на высоком табурете восседал Коготь. На его носу красовались две линзы, закрепленные провололочкой. В другое время это могло бы позабавить Авика – в Хориве зрение уже лет пятьдесят исправляли чарами, а не таким при-

митивным способом. Глядя через свои линзы в фолиант, Коготь что-то быстро писал в нем, изредка прерываясь, чтобы пожевать кончик пера.

– Мавка пропала! – выпалил Авик, чуть не сбив его с табурета. Коготь посмотрел на него поверх своих линз.

– Кто тебе сказал? – спросил он. – Она вернула тебе эту брошку? Ну, так дело житейское, бывает, не расстраивайся. Может, ты ее обидел чем-то? Сегодня утром она вместе с другими отправилась в разрез. Кстати, не помнишь случайно, сколько ударов пертушкой потребовалось, чтобы перерубить рукав с преро-тиз-зоиз? Я сейчас как раз описываю наш поход – это нужно сделать, пока я не забыл.

– Я должен немедленно отправиться в разрез, – сказал Авик.

– Одного я тебя в пещеры не пущу, не хочу откармливать рыбоедов, – сосредоточенно работая пером, произнес Коготь.

– Это очень важно, – настаивал Авик.

– Слушай, – рассердился Коготь, – сначала старик заставил меня удвоить караулы, теперь ты требуешь, чтобы тебя одного провожали вниз, поскольку, – он покрутил ладонью в воздухе, – не задалось чего-то там у тебя с девчонкой! Где я тебе людей столько возьму, а? У нас работы невпроворот, а еще нужно кого-то за провиантом отрядить... Ну, подожди ты хоть до обеда, – сжалился он наконец, глядя в несчастные глаза Авика. – Будет пересменка часовых, и два охотника с

тобой спустятся.

Поняв, что с Когтем каши не сварить, Авик бросился обратно в пещеру и растолкал Нотию. Старый маг сразу вскочил и вцепился обеими руками в свою бороду.

– У тебя есть ее локон? – спросил он.

– Нету, – растерянно ответил Авик.

– Плохо. Пошли.

Они вышли на балкон, но не успели сделать и нескольких шагов, как раздался тревожный свист, и пещеру огласило беспокойное твякающее щебетание Куниц. Коготь уже без линз и с алебардой за спиной пробежал мимо, но потом остановился и, повернувшись к ним, отрывисто бросил:

– Полулюди у входа в пещеру. Вам лучше укрыться в штреке, мы сейчас погасим свет. За ваших не волнуйтесь, их поднимут из разреза сию же минуту. Я немедленно вышлю воинов.

Он надел полумаску, вскочил на перила и, расправив свои перепонки, спрыгнул во тьму. За ним посыпались и остальные Куницы-воины. Оставшиеся Куницы-женщины поспешно тушили холодные огни и факелы. Лагерь погружался в сумрак. Маги отправились обратно к своим гамакам.

– Когда всё уляжется, отправишься в Вечный Город и пощешь хорошее заклинание, чтобы видеть в темноте. Мы слишком привыкли к холодным огням, но сейчас начинается новая жизнь...

– Вы взяли с собой лави петаюда? – обрадовался Авик.

– Конечно. Я знал, что домой нам уже не вернуться, – мягко сказал Нотия.

– Вы думаете – никогда?

– Может, и никогда. По крайней мере, не скоро, – грустно ответил волшебник, и добавил нечто совсем неожиданное. – Не упускай своей волшебницы, иначе будешь жалеть об этом всю свою жизнь.

Мальчик не нашелся, что ответить. Они присели. Авик зажег небольшой холодный огонь, и они сидели, молчаливо глядя друг на друга, в ожидании того, что случится дальше. В пещеру вошел заспанный Хура. Он, судя по всему, тоже не спал всю ночь. Под мышкой он держал стопку исписанных листов.

– Закончили переводить? – спросил его Нотия.

Хура кивнул.

– Странное дело, там все время разговор про какое-то дитя. «Моро» – это же ребенок? Другого значения у этого слова нет? Вот и я не знаю. У Рамиса Ацетуса разве были дети? Я считал, что он женат на своем волшебстве. Написано скорописью, поэтому эти куски про ребенка мне не очень понятны. Может, это сокращение от чего-то?

– Боюсь, сейчас нам не до этого, – сказал Авик, – Мавка пропала.

С балкона раздались взволнованные голоса. Говорили на хоривском. Авик выбежал наружу. Крестьяне возвращались с раскопок все в каменной пыли и глине. Авик вглядывался в

перепачканные лица. Мавки не было. Последним на балкон поднялся десятник с алебардой в руке. Он уже отстегивал свое кольцо, когда Авик подбежал к нему.

– А где же Мавка? – закричал он.

Десятник даже слегка растерялся.

– Да здесь должна быть, в разрезе не осталось никого, я точно знаю – сам проверял.

Авик снова пробежал взглядом по лицам.

– Отдайте мне ваше кольцо и подвеску, – тоном, не допускающим возражений, сказал он.

Десятник так растерялся, что протянул ему подвеску, которую Авик принялся натягивать на себя. Ему на плечо легла ладонь, и прозвучал строгий голос Нотии.

– Ну, и какой у нас план действий, молодой человек?

– Сидеть и ждать пока оборотни или рыбоеды сожрут Мавку, – огрызнулся Авик.

– Нам самим в пещерах ее не найти, подожди, пока Куницы вернутся, – Нотия на секунду задумался. – А знаешь, насчет рыбоедов – это интересная мысль.

Авик вопросительно посмотрел на него.

Нотия достал руны, фолиант и пергамент, что-то набросал на нем и прочитал заклинание. Ничего не произошло. Старый маг подошел к краю балкона и стал вглядываться в темноту, держа в руке пергамент. Вдруг воздух прорезал щебе-чущий визг, а из штрека начали выбегать Куницы. Двое Куниц женского пола держали в руках кухонные ножи, другие

– почему-то сырую рыбу. За ними выскочил и Хура, поддерживающий одного из раненных, и Рем с попугаем на плече.

– Гата, Гата, – прокричал попугай.

– Несопливая кошечка, – прошептал Рем. Из штрека на балкон ковылял рыбоед. Это был некрупный и весьма потрепанный жизнью экземпляр. Весь облезлый, он едва доходил Авику до бедра. Когти были сточены и неряшливо смотрели в разные стороны, грязно-серый мех торчал ключьями, заднюю лапу он подволакивал. Выйдя на балкон, рыбоед направился прямехонько к Нотии, стал перед ним, заурчал и осклабился, обнажив желтые обломанные клыки. Старый маг прочитал еще одно заклинание, рыбоед прилег на каменный пол и замер, прислушиваясь и поводя из стороны в сторону слепой головой. Одна из Куниц бросила перед ним рыбу. Рыбоед мельком обнюхал ее и в мгновение ока заглотил.

– При кухне видать околачивался, – осмелев, подала голос одна крестьянка.

– Воровал объедки из выгребной ямы, не иначе, – поддержала ее другая. – То-то я вижу, вокруг ручейка поутру мокро было, я еще подумала, будто купался кто.

– Авик давай сюда свою камею, – сказал Нотия, не обращая внимания на эти разговоры.

Авик подал брошь старику, а тот протянул ее зверю и прошептал еще одно заклинание.

– Ищи, – сказал он негромко, – ищи.

Чудище долго обнюхивало камею, втягивая воздух своим влажным массивным носом. Потом рыбоед тяжело вздохнул, фыркнул, распушил усы, так, что казалось, два полупрозрачных шара выросли по обе стороны от его морды, и затрусил вдоль балкона неожиданно бодрой рысцой, слегка припадая на заднюю ногу. Нотия только и успел, что прикрепить к его шерсти небольшой холодный огонь. Зверь перемахнул через перильца и заскрежетал когтями по каменному обрыву.

– За ним, – скомандовал старый маг.

Авику не надо было ничего объяснять, он уже надевал свое кольцо на бледное вервие. Он неловко спускался вниз. Рыбоед слезал с обрыва, цепляясь когтями за трещины и обвивая хвостом сталагмиты. Он тяжело прыгнул на пол залы, повел носом из стороны в сторону, и отправился куда-то по коридорам, то припадая к земле, то вставая на задние лапы. Авик поспешил за ним, зажигая за собой небольшие холодные огни, чтобы потом найти дорогу назад. Сначала он слышал шаги за спиной, но вскоре они пропали. Рыбоед двигался быстро, и Нотия не мог угнаться за ними. Следуя за источником магического света на шерсти зверя, Авик вышел к просторной зале. Посередине ее, в обрамлении глинистых берегов, лениво несла свои темные воды широкая подземная река. Она пробила свое русло уже после того, как пещера была оставлена. Кое-где из воды виднелись остатки каменных сооружений, постаменты с разломанными или затертыми водой статуями. Рыбоед деловито прошелся взад-вперед

вдоль берега и спрыгнул в какую-то яму. Авик подошел поближе. Это был разрез, а на дне его валялись брошенные впопыхах лопаты и кирки: крестьяне очищали от глины массивную каменную плиту, испещренную знаками, когда им принесли новость о приближении оборотней. Рыбод потыкался носом в разных концах ямы и выпрыгнул из нее. Опустив слепую морду к земле, он еще пару раз задумчиво прошелся вдоль берега. Потом он вернулся к Авику и остановился перед ним, ощерив свои поломанные клыки и вывалив черный язык. Мальчику ударил в нос запах протухшей рыбы. Неожиданно зверь развернулся и спрыгнул в реку. Холодный огонь таинственно поблескивал сквозь струи воды и развевающийся под водой мех. Авик, едва поспевая за рыбодом и, постоянно падая на скользкой глине, бежал за ним вдоль берега. Они пересекли всю залу, и рыбод скрылся в глубоком сифоне. Река убегала под камни, для человека дальше хода не было. Авик прождал минуту, другую, третью. Время тянулось медленно. Он сел на камень у самой стены и уронил голову на руки. Что теперь делать? Неужели утонула? На глаза навернулись слезы. Он нащупал за поясом камю и провел пальцем по шероховатому сколу оникса. Он решил пройти вдоль стены залы и сделал несколько шагов, отойдя от воды, как вдруг сзади раздался плеск и уже хорошо знакомый хромой топот: рыбод вернулся. Он снова стоял перед Авиком, высунув язык, а потом развернулся и полез на стену. Авик, тяжело дыша, карабкался за ним. Под-

нявшись на несколько саженей, зверь остановился на небольшой каменной россыпи и слегка поковырял в ней когтями, как будто что-то проверяя. Потом он встал боком к обрыву и вдруг принялся неистово скрести когтями землю. Камни и комья глины полетели в разные стороны. Небольшой камень ударил Авику прямо в солнечное сплетение, и он согнулся от боли. Только сейчас Авик осознал, какой страшной силищей обладают рыбоеды. Всего через несколько минут яма достигла глубины с человеческий рост, так что из нее высовывался только толстый, мерно раскачивающийся из стороны в сторону хвост. Вдруг рыбоед с грохотом провалился куда-то вниз. Авик заглянул в отверстие: на его дне открылся узкий проход. Он посветил в него холодным огнем – внизу было сухо. Авик аккуратно съехал вниз. Рыбоед ждал его здесь. Они стояли в узком коридорчике, почти совсем заросшем натеками. Когда-то он соединялся с большой залой, но теперь выход был заложен глиняной пробкой и завален камнями. Рыбоед рыкнул и засеменял по проходу, лавируя между колоннами. Авик осторожно пополз за ним: с потолка свисали острые и длинные как сосульки сталактиты. Проход расширялся, и вскоре они вышли в следующую залу. Она была намного меньше предыдущей, хотя потолок ее был таким же высоким. Здесь тоже протекала река, и судя по всему, – та же самая. Рыбоед зашлепал по мелководью и остановился над какой-то измазанной в глине кучей тряпья, едва заметной на берегу. Авик бросился вперед. Это была

девушка. С ног до головы перемазанная, продрогшая и без сознания, она едва дышала. Но она дышала!

Авик поднял ее на руки и отнес подальше от берега. Рыбоед следовал за ним по пятам. У основания каменной колонны, Авик сорвал с девушки промокшее платье и, стараясь не смотреть на ее обнаженное тело, растер его, обмотав руки концами своего пояса. Мавка слегка порозовела, и зашевелилась. Авик накинул на нее свою рубашку, сам оставшись в одних штанах. Он старался вспомнить, какие заклинания можно применить в этом случае, но от волнения все вылетело из головы. Взяв девушку на руки, он обхватил ее, чтобы согреть своим теплом. Рыбоед, ходивший взад и вперед на пятачке перед колонной, нетерпеливо рыкнул. Авик спохватился, развеял холодный огонь на его шерсти и прочитал заклинание, отпускающее зверя. В два прыжка тот скрылся в темноте. Издали донесся плеск воды, как будто что-то тяжелое бултыхнулось в воду. Вместе с рыбоедом сразу куда-то пропали бьющие в висках молоточки, исчезло застилающее разум волнение.

Они остались вдвоем в недрах земли. Поток журчал, сталактиты поблескивали при свете холодного огня. Он прочитал заклинание, и холодный огонь разгорелся с новой силой, от него пошел жар. Спутанные мавкины волосы все были покрыты глиной. Авик попытался снять хотя бы самые крупные куски, и неловко дернул несколько прядей.

– Ай, – сказала девушка и открыла глаза.

– С пробуждением тебя, – сказал Авик.

Мавка вскрикнула. Личико ее скривила гримаса отчаяния. Из глаз посыпались слезы.

– Ты что, не рада? – удивился Авик.

Девушка только помотала головой.

– Но почему?

– Ты думаешь, я совсем глупенькая? – сказала Мавка, сдерживая подступающий к горлу комок, – все эти беды из-за меня. Сначала погиб папа, потом эта погоня, и мы забрались в эту нору. Но ведь они придут и сюда. Я не хочу, чтобы из-за меня опять погибли люди. Лучше пусть я умру. Но я же трусиха, мне столько сил стоило спрыгнуть с того обрыва, а река меня все равно вынесла, и теперь все сначала!

Она разрыдалась.

– Я с тобой, и я люблю тебя, – сказал Авик.

– А я тебя, – сказала Мавка. – Ну и подумай, каково мне будет, если они убьют тебя? А то, что они сделают со мной – хуже смерти. Меня разыменуют и будут использовать для того, чтобы повелевать другими безымянными. Любое Имя на моей Карте, появится и на их тоже. Они окончательно превратятся в марионеток, которых всех разом можно будет дергать за ниточку. И этой ниточкой буду я.

– Мы свободны и любим друг друга, – возразил Авик, – пока это так, всё хорошо.

– Да, ты прав, – сказала Мавка, вытирая слезы, – но ты должен обещать мне одну вещь.

– Какую?

– Что ты скорее убьешь меня, чем отдашь им.

Авик колебался. Мавка обхватила руками его голову.

– Без Имени я все равно перестану быть собой, – сказала она, – от меня останется лишь оболочка. И я буду просто предметом, орудием в руках убийц.

– Ну ладно, обещаю, – сказал Авик.

Она поцеловала его в губы. Он прижал ее к себе, целовал ее глаза, нос и снова губы...

– Я хочу тебе рассказать то, что мне строго-настрого запрещено рассказывать, – сказала Мавка. – Однажды, когда мне было девять лет, в лесу я встретила доброго духа. Это он построил мою Карту и оберегал меня. Каждую весну и каждую осень, я ухожу в лес, сажусь на полянку, и он расчесывает мне волосы, поет мне песни и накладывает новые чары на мою Карту. Мне кажется, он не просто прятал меня, он еще стремился как-то помочь людям, накладывая на мою Карту какие-то чары. Это он поставил на нее защиту, которая убила всех тех магов в башне... и... и... папу тоже.

– Ты веришь в духов? – спросил Авик.

– Ну что я могу поделать, если они есть? – развела руками Мавка.

– А ты разговаривала с ним?

– Его голос звучал в моей голове. Ушами я его никогда не слышала.

Ее платье совсем высохло от жара, и она, зайдя за камень,

переделалась. Авик получил обратно свою рубашку. Он отстегнул от пояса камею и приколот ее к мавкиному платью. Они снова поцеловались.

– Пойдем? – спросила девушка.

– Пойдем, – согласился он.

Обнявшись, пошли к проходу. Они миновали последний постамент, когда Авик, случайно обернувшись, увидел уцелевшую статую.

– Смотри... – сказал он. Статуя изображала молодую стройную женщину с огромными глазами и деформированными крыльями носа. Она сидела в нише скалы, кусок которой ради этого был выдолблен и водружен на постамент. Но самым удивительным было то, что перед женщиной, положив ей голову на колени, сидел каменный рыбоед.

– А у этого рыбоеда были глазки, – засмеялась Мавка. – Не больше бусинок, но у нынешних-то и таких нету.

Авик остановился перед статуей и задумчиво смотрел на идиллическую картину. Поза женщины, ее чуть склоненная голова и положение крупных кистей рук, выражали умиротворение.

– Может быть, рыбоеды здесь вовсе не незваные гости? – произнес Авик, – а наоборот, хранители, оставленные законными хозяевами, чтобы защищать тайны подземелий от непрошенных гостей?

– Зачем охранять то, что не используешь много сотен лет? – возразила Мавка. – Или ты думаешь, они хотели вер-

нуться, а потом не смогли или расхотели?

Они обошли статую кругом. Проход между стеной залы и постаментом был почти полностью завален обвалившимися сталактитами. В небольшом прямоугольнике были выгравированы изящные знаки, точно такие же, как и те, что Авик разглядел тогда в маленькой камере при караулке, когда Хура украдкой показывал Нотии неведомую табличку. Авик заставил холодный огонь подняться повыше и плавно облететь залу. Огромные глаза, инкрустированные иссиня-черным шлифованным камнем, отражали свет холодного огня. Каменные изваяния мужчин и женщин, почти не скрытые натеками, одетые в просторное платье, – они сидели и стояли вдоль широкого карниза, опоясывающего залу на высоте двух или трех саженей. Одни держали в руках причудливые приспособления и были как будто погружены в работу, другие просто глядели прямо перед собой, величественно и торжественно. Один мужчина, облаченный во что-то, напоминающее плащ с капюшоном, держал за ошейник вставшего на задние лапы огромного рыбоеда. Зверь скалил свои клыки во тьму пещеры, как бы угрожая неведомому врагу. Вдруг Авик вскрикнул от неожиданности и его холодный огонь опустился почти до пола залы. В следующей нише находилась статуя человека средних лет, поднявшего свою здоровенную кисть открытой ладонью вверх с загнутым безымянным пальцем.

– Это же волшебник! – рассмеялся Авик.

Эта поднятая рука, полуулыбка, спокойный взгляд огромных черных глаз почему-то сразу развеяли его страх перед пещерами. Вот он, такой же волшебник, как Нотия, такой же, каким когда-нибудь станет и он, Авик. Он приветствует его из прошлого, настолько далекого, что даже голова кружится от одной мысли о бесчисленных столетиях, разделяющих их. Он внезапно почувствовал ревность к Когтю, который как будто имел большее отношение к этим подземельям и к этой статуе.

– Смотри, он держит что-то в руке, – сказала Мавка. Кисть левой руки была протянута полуоткрытой ладонью вверх, как бы прося подаяние, и на ней уже начала пробиваться робкая поросль сталагнатов. На перекинутой через нее золотой цепочке висел диск белого мрамора размером с кулак взрослого мужчины и в два пальца толщиной. Холодный огонь подплыл вплотную, и Авик разглядел золотую гравировку, точь-в-точь как на табличке, найденной в тайных подземельях Школы. Обрадованный находкой, он запрыгал по камням к стене пещеры и попытался вскарабкаться вверх по натеку. Хрупкие каменные сосульки то и дело обламывались, но Авик быстро приноровился хвататься за них у самого основания. Он уже преодолел больше половины пути до заветного диска, когда со стороны входа, сквозь журчанье плещущейся по камням воды, раздался звук перекатывающихся у кого-то под ногами камешков.

– Коготь, – крикнул Авик, увидев два мерцающих в тем-

ноте глаза, – смотри, что я... – он осекся. Глаза неподвижно смотрели куда-то мимо него и светились совсем не зеленым, как у Куниц, а бледно-голубым, мертвенным, светом. Судорожным движением Авик послал свой холодный огонь на встречу мерцающим точкам. В проходе на четвереньках стоял человек, почти голый, лишь слегка прикрытый какими-то лохмотьями. Заросшее лицо было стянуто в напряженную гримасу. Вытянутые в трубочку губы и сдвинутые на глаза брови совсем не двигались. Из плеча торчал обломок черной стрелы. Еще одна стрела, выдрав лоскут кожи, вошла человеку в спину вдоль ребер и теперь как коровий хвост топорщилась черным оперением. Несколько мгновений человек напряженно вглядывался во тьму, потом сделал нерешительное движение назад, прочь от приближающегося к нему холодного огня. Потом вдруг заревел, обнажив желтые острые зубы, и в два огромных прыжка перескочил через освещенное пространство. Мавка завизжала и бросилась куда-то прочь, невидимая в темноте. От неожиданности Авик разжал руки и полетел вниз. Правую ногу пронзила острая боль. Он перевернулся на спину, и в нос ударил кислый смрад человеческих нечистот, к которому примешивался отчетливый запах мокрой псины. Оборотень стоял над ним приплюсываясь. Сверху на одежду Авика полилась какая-то густая жидкость. В руке вдруг закололо так, что Авик вскрикнул и здоровой ногой двинул куда-то в темноту. Удар пришелся как будто в дубовую доску. Раздался недовольный рев и стальная

рука что есть силы сдавила Авику горло. Глаза его налились кровью, он захрипел, забил руками и ногами, словно перевернувшийся на спину жук.

– Эй, я здесь, – раздался вдруг голос Мавки, и какой-то камешек чиркнул по стене совсем рядом с ними. Оборотень разжал пальцы и двинулся на звук голоса. Свежий воздух хлынул в легкие Авика. На втором вдохе он уже вскочил. Зажмурив глаза, он скороговоркой произнес заклинание. Вспышка получилась такой яркой, что свет проник огненно-кровавым сполохом даже сквозь закрытые веки. Он снова зажег холодный огонь. Чуть поодаль, у постамента оборотень, злобно постанывая, тер рукой ослепшие глаза, а Мавки нигде не было видно. Зажав в руке обломанный кусок сталактита и забыв о боли в ногах, Авик бросился к чудовищу. Когда он был в двух шагах от оборотня, раздался девичий визг. Чудище встрепенулось, повернулось в сторону источника звука и, поднявшись на ноги, завыло рокочущим грубым голосом: «у-а-у-а-у». Откуда-то издали ему ответил другой голос. Но Авик был уже рядом. Что есть силы он дернул вверх стрелу, торчавшую из спины, а потом ударом камня вогнал ее как можно глубже в изогнувшегося от боли врага. Острие вышло из груди чудовища. Спереди и сзади его туловища из ран брызнули фонтанчики темной крови. Оборотень обмяк, и беззвучно раскрыв рот, осел на землю. Из-за камня с плачем выскочила Мавка.

– Ты ранен? – бросилась она к Авику.

– Нет, это его кровь, – ошарашено ответил тот, глядя на закатившиеся глаза оборотня.

– Сюда идет еще один, – скороговоркой шептала ему Мавка, – убей меня и беги, живи. Авик тем временем молча выдергивал обломок стрелы, застрявший в плече поверженного врага. В проходе снова захрустели камешки: на этот раз походка была более торопливой. В руке Авика уже блеснул скользкий от крови зазубренный наконечник. Девушка с во-ем бросилась на землю и откинула с шеи свои спутанные волосы. В проходе мелькнули и тут же скрылись два огонька.

– Он тебя сейчас убьет, а меня утащит! Ты же обещал! – причитала Мавка, но Авик поднял ее за плечо и толкнул обратно за камень. Погасив холодный огонь, он несколько мгновений собирался с мыслями, слушая приближающиеся шаги. Силы были на исходе: никакого боевого заклинания он сейчас прочитать не сможет. Он зажмурился и велел то же самое сделать и Мавке. Кто-то уверенно направлялся прямо к ним. Выждав еще чуть-чуть, Авик снова осветил пещеру короткой вспышкой яркого света. Она вышла не такой ослепительной, но приближающийся незнакомец остановился и недовольно заревел. В эту секунду раздался плеск воды и глухой удар такой силы, что от него, казалось, задрожали стены.

– Беги, скорее! Проща-а-ай! – завопила девушка, выскакивая из-за его спины и бросаясь навстречу опасности. Пробежав несколько шагов, она оступилась и, вскрикнув, упа-

ла где-то в темноте. Авик стоял как вкопанный, не в силах пошевелиться от ужаса. Что-то тихо скребло по полу пещеры, не приближаясь и не удаляясь. Дрожащими губами он прошептал заклинание и вновь зажег маленький холодный огонь. Первое, что он увидел было распростертое тело девушки, лежащее на куче мокрой глины. Она была без чувств. Он сделал шаг вперед и заметил белую человеческую руку с острыми длинными когтями, скребущую по камням взад и вперед. Рука торчала из-под глиняной кучи.

– Его завалило! – радостно выкрикнул Авик, бросаясь к девушке.

В ответ на его крик бесформенная глина вдруг пришла в движение и, сбросив Мавку на пол, поднялась навстречу ему. Мальчик опешил: в его сторону смотрела окровавленная слепая морда. Массивный нос принюхивался, поворачиваясь из стороны в сторону. Зверь держал за горло человека, заросшего до глаз грубой рыжей шерстью. Острые зубы оборотня были оскалены в предсмертной улыбке, конечности еще бились и скребли по камням, как бьется о днище лодки пойманная рыбаком стерлядка. Рыбодед встряхнул свою добычу как тряпичную куклу, в шее оборотня что-то треснуло, он в последний раз дернулся и затих. Мавка всхлипнула, села на пол и закрыла голову руками. Зверь повернулся к ней, все еще сжимая в зубах свою добычу. В гробовой тишине было слышно, как он сглатывает струящуюся в его пасть кровь. Только теперь Авик заметил проплешины и хромую ногу.

– Десмуронг, – позвал он, с трудом разлепляя пересохшие губы.

Рыбоед прижал уши к голове и грозно зарычал, темно-красные брызги полетели из его пасти во все стороны. Мавка вскрикнула и пронзительно заголосила. Зверь, казалось, слегка опешил и перестал реветь. Положив на пол бездыханное тело, он принялся и застыл в задумчивости. Авик стоял ни жив ни мертв от страха. Девушка перестала кричать, но и не двигалась, только испуганно смотрела на чудовище.

– Это рыбоед, спасайся, – обессилено прохрипел Авик. Мавка снова зарыдала, закрыв лицо руками, у нее уже не осталось сил спастись, да и как можно убежать от подземного чудовища, которое чувствует себя в пещерах как рыба в воде?

Постояв несколько мгновений в неподвижности, рыбоед вернулся к телу и встал на него всеми четырьмя когтистыми лапами. Закусив пастью покрытое рыжим волосом плечо, он затряс головой и изогнулся всем телом. На шее вздулись бугры мышц. Кусок грудной клетки, ключица и рука отделились от тела того, кто несколько минут назад был оборотнем и, разбрызгивая дымящуюся кровь, описали высокую дугу. Голова, болтавшаяся на нескольких связках и лоскуте кожи, оторвалась и, будто снаряд, пущенный из пращи, звонко хрустнула о камень где-то в темноте. Повернувшись обратно к Мавке, зверь положил свой трофей к ее ногам и снова при-

нялся принюхиваться. Девушка не шевелилась. Тогда, припав на передние лапы, и высунув длинный язык, рыбод забил по полу хвостом так, что загудела вся пещера. Прямо напротив лба девушки ходили из стороны в сторону две влажные ноздри. Мавка медленно опустила руки и долго смотрела на слепую морду с мокрым окровавленным языком. Потом она поднесла руку и осторожно провела по растрепанному, заляпанному кровью бакенбардам. Зверь издал звук напоминающий хруст железного колеса по щебню. Видимо, это было мурлыканье. Он не собирался их убивать. Авик тяжело опустился на землю.

– Видно, я ошибся, когда заклинание развеивал, – заключил он вслух. – И это нас спасло. Какая-то часть заклинания уцелела.

Ноги болели, шея ныла, рана на правом запястье снова вскрылась и из нее капала сукровица. Вполуха слушая, как Мавка монотонно говорит что-то урчащему зверю, он думал о том, сможет ли найти и преодолеть обратную дорогу, о том, что стало с лагерем, и что им делать, если они найдут гнездо Куниц пустым или, хуже того, опустошенным. Вдруг зверь забеспокоился и начал ловить ноздрями воздух. В воздухе раздался свист, и в бок рыбоды воткнулась раскладная алебарда. Зверь с рычанием отскочил от Мавки и, захватив оружие зубами, выдрал из своего бока двумя движениями могучей головы. Перехватив древко поближе к середине, он приподнял морду и с хрустом перекусил его словно хворостину.

Авик увидел на карнизе фигурку Куницы. Тот стоял, опершись на все четыре конечности, и наблюдал за зверем. Рыбоед тоже чуял чужака. Оставив обломки алебарды, он схватил изуродованное тело оборотня, в три прыжка добрался до берега реки и скрылся под водой. Фигурка выжидающе смотрела ему вслед. Поняв, что тот ретировался окончательно, Куница легко спрыгнул с карниза на постамент, расправив перепонки.

– Возвращайся, – взволнованно пролаял он. Это был совсем молодой человек, с еще розовыми безволосыми пятнами вокруг глаз. Он не слишком хорошо владел хоривским наречием, поэтому пытался объясниться при помощи жестов. Он указывал на проход, торопил, умолял, злился. Авик смотрел на него безучастно, силы совершенно оставили его. Видимо удивившись пустому взгляду мальчика, Куница слез с камня и поводит перед его лицом когтистой лапой. С трудом Авик поднялся. Болело все. Куница услужливо сунул ему в руки обломок алебарды, и мальчик оперся на него как на костыль. Мавка тоже постепенно выходила из оцепенения. Втроем они поковыляли к выходу. В дыру, сделанную рыбоедом, было прокинуто бледное вервие, поэтому подняться наверх не составило большого труда. У раскопа они встретили Когтя. Мрачный, он стоял, опершись на алебарду. Еще двое Куниц задумчиво бродили по раскопу прислушиваясь.

– Мы потеряли шестерых, – сообщил Коготь без вступ-

ления, – их шла целая лавина. Главный вход пришлось взорвать.

– Взорвать? – изумился Авик, – как вы это сделали?

– Дедушка Мароджар многому нас научил, – грустно усмехнулся Коготь, – однако мы уходим – гребем копытами, как говорит ваш красиво одетый друг.

– Как это уходим, вы бросите всё это? – Авик обвел рукой пещеру.

– Рано или поздно нас отсюда выкурят, большая часть наших уже наверху. Они вышли через тайный лаз, мы ждем только вас.

– А вы нас не выдадите? – испугалась вдруг Мавка.

– Хотели бы выдать, уже бы давно выдали, – раздраженно оскалил зубы Коготь. По выражению лица девушки Авик видел, что она не верит словам Куницы. Тот видимо тоже заметил это, устало опустил голову и медленно осел на землю.

– Не хватало еще... – слабо сказал он, – Старик убедил меня. Это ведь и наша война. Если бы вы знали, как мне не охота воевать.

– Это все из-за меня, – виновато сказала Мавка, – лучше б я утонула.

– Ну, нет, дитя моё, – ответил Коготь, – дело вовсе не в тебе. Мы одиннадцать лет копаемся в тайнах этой давно погибшей страны. А какой в этом прок, если мы не можем использовать плоды наших трудов, для того чтобы помочь миру сегодняшнему? Конечно, мы готовили себя для этой роли

все эти годы, но никак не ожидали, что нам придется сыграть ее так скоро и так внезапно. Может быть, ученики наших учеников... А мы еще не готовы.

– А уж я-то совсем не готова, – сказала Мавка, – дайте мне лучше утопиться.

В ее голосе не было слышно отчаяния, только отрешенная сосредоточенность. Коготь резко поднялся на свои кривые ножки.

– Прежде чем мы покинем Мароджар, я бы хотел посетить одно место. Здесь недалеко, если знать короткую дорогу. Заодно и вы посмотрите, – он поманил рукой спутников, развернулся и полез вверх по каменной осыпи в зияющую почти под самым потолком дыру. Еще один Куница влез вслед за ним, прокинул бледное вервие и помог остальным подняться наверх. Здесь начинался лаз, по которому идти можно было только на четвереньках. Зажатые с четырех сторон каменной породой, они ползли по узкому извилистому проходу. Когда лаз петлял, холодный огонь Когтя пропадал из виду, и приходилось ориентироваться на ощупь. Позади Авик слышал сопение Мавки. Остальные Куницы пересвистывались где-то позади нее. Ход сузился настолько, что пришлось ползти на животе, подтягиваясь на руках и отталкиваясь ступнями. Наконец холодный огонь впереди остановился. Авик подполз к нему, протянул руку, чтобы ухватиться за стенку хода, но пальцы поймали лишь пустоту.

– Стой, – сказал Коготь, когда Авик до пояса показался из

отверстия в стене, – пристегни-ка. – Он кинул ему кольцо. Они стояли на узком карнизе, а где-то внизу, на огромной глубине мерцало во мраке ртутное озеро.

– Главный Зал, Резервуар Мароджара, – прошептал Авик.
– Да, – тихо сказал Коготь.

Мавка вылезла наружу всё с тем же отрешенным выражением лица, и Коготь тоже дал ей кольцо, и она безропотно надела его. Стоя спиной к стене, они медленно пошли вдоль карниза. Куницы, что-то вполголоса щебеча, двигались следом.

«Им-то высота нипочем, не то, что нам», – подумал Авик.

Коготь то и дело закреплял страховку, продетую через авикино и мавкино кольца, так что вервие прижимало их к стене. Наконец они добрались до крупного рукотворного окна и попрыгали вниз, на засыпанный какими-то блестящими осколками пол. При свете холодного огня перед ними предстал огромный сухой колодец, занимавший почти всю залу. Три изогнутых арочных моста вели с трех сторон на небольшой островок в центре колодца, покоящийся на бесформенной каменной колонне, уходящей куда-то вниз, в темноту. Коготь поковылял по полуразрушенному краю колодца до ближайшего моста и направился к островку. Остальные последовали за ним. И мост, и островок тоже были усыпаны осколками. Авик поднял один и поднес к свету.

– Горный хрусталь, – вполголоса сказал Коготь.

– Его здесь хранили? – спросил Авик, удивленно указывая

на островок.

– Я думаю, что здесь его делали, – ответил Коготь. – Жители Мароджара владели секретами изготовления минералов. Для них было проще создавать их, чем выкапывать из земли, как нам. Вот мы и пришли.

В центре островка бесформенной кучей громоздились остатки какого-то диковинного механизма. Сохранились только каменные детали, когда-то закрепленные железными крепежами. Металл давно превратился в труху, но бурые следы ржавчины все еще виднелись на отполированной поверхности камня. Две огромные каменные шестерни, навеки сцепившиеся в глухом параличе, поблескивали при свете холодного огня. Коготь легко запрыгнул на одну из них.

– Видите трещину? – спросил он, щелкая своим черным ногтем по неровности камня.

Авик подтянулся на руках и помог взобраться Мавке. Так оно и было: через гладкую поверхность от самой оси к точке соприкосновения с другой шестерней кривой молнией ползла тонкая трещина.

– А теперь загляните-ка сюда, – продолжил Коготь, указывая в пространство между двумя деталями.

– Обломок сталактита попал в механизм, – пожал плечами Авик, переводя взгляд на него.

– Да. Камешек, безделица, – подтвердил Коготь. Он так же легко спрыгнул на пол и, ни на кого не глядя, засеменял по другому мосту. Остальные в некотором недоумении по-

следовали за ним. Зала, которую они покинули, была частью одной из анфилад, тянувшихся вдоль стен главного зала. Через два или три коридора Авик узнал те залы, через которые ему недавно довелось ходить с Нотией и Ремом. Они возвращаются к лагерю другой дорогой. Один из Куниц убежал вперед, другой царапал по натекам далеко позади. Изредка мрак пронизывали их щебечущие голоса. Коготь гортанно отвечал им. Поднявшись по выбитой в скале винтовой лестнице, они остановились.

– Ждем замыкающего, – подумал вслух Авик.

– Совсем маленький камешек, – невпопад ответил Коготь, – попал в огромную машину. Одна такая шестеренка весит, наверное, как целый дом. Его должно было стереть в порошок, а почему-то не стерло, шестерня треснула, механизм давно распался на части, подземной страны нет уже несколько тысячелетий, а камешек остался на своем месте. – Коготь облизнул пересохшие губы, – я даже слегка завидую этому куску породы. А если бы он мог мыслить, что случилось бы с ним? Он сам бы рассыпался в пыль лишь при одной мысли об этих чертовых шестеренках. Его шанс сохраниться между зубьев был один из миллиона, если не меньше. Но камешек думать не может, падает вниз, попадает в правильное место и в правильное время, и крик, – чудо древней мудрости заклинило, треснуло – оно уничтожено. – Он щелкнул пальцами и посмотрел на Мавку. – Когда мне хочется всё оставить и отправиться ловить рыбешку на берега Северных

Морей, я вспоминаю этот камешек и запрещаю себе думать о поражении. Хотя порой это бывает нелегко...

Замыкающий оказался из проема лестницы где-то на середине рассказа и теперь хмурил брови, силясь понять похоривски. Коготь что-то прощebetал ему, тот закивал головой, и они снова двинулись дальше.

Нотию они нашли в опустевшем лагере. Он сидел на свернутых в рулоны гамаках и мрачно крутил что-то в своих руках. Когда он увидел Авика и Мавку, его взгляд на мгновение ожил, но затем вновь омрачился.

– Что это у вас? – вполголоса спросил Авик.

– Это? – заговорил старый маг, – когда Коготь отправился вас искать, я решил воспользоваться библиотекой Вечного Города, чтобы проверить одну вещь. И стоило мне зачерпнуть воды жизни из сосуда, как я наткнулся на это, – он вручил Авику продолговатый предмет. – Это рукоятка от моей самоходки, которая погибла вместе со Школой.

– Но как она туда попала? – вытаращил глаза Авик.

– Оно знает, что мы здесь, и зачем-то решило нам это показать.

– Может быть, рукоятка случайно отломилась? – не поверил Авик.

– Посмотри на срез, он ровный, разве что не отполированный.

– А что это за оно? – спросил Авик.

– Моя интуиция подсказывает мне, что это нечто, при-

шедшее в наш мир, обладающее огромным могуществом, но недостаточным знанием. Я пытался отыскать какие-то зацепки в истории Темных Веков. У Йонтина Ашапу есть туманные намеки на некую злую силу, которая низвергла род человеческий в пучину варварства, но является ли это изложением исторических фактов или поэтической метафорой летописца, остается только гадать... С другой стороны, нашествия безымянных и уничтожение книг тогда тоже происходили...

– Нам нужно уходить, – прервал его Коготь, – нет времени на разговоры.

Они покинули штрек. Коготь, замыкавший процессию, произнес какое-то заклинание, и огромная каменная плита, с гудением опустившаяся с потолка пещеры, закрыла вход. Столы и всякая рухлядь уже были убраны внутрь.

– Кто знает, когда мы еще вернемся сюда, – вздохнул Куница. – Прощай Мароджар, здравствуйте Северные Моря. Через день-другой мы окажемся в царстве вечного дня. Койси прокинуты отсюда и до самого Севера.

Они спустились вниз, в главный коридор, и свернули в один из едва заметных боковых ходов. Вначале он был высотой по пояс взрослому человеку, но затем быстро расширялся, и через считанные минуты они уже двигались, выпрямившись в полный рост, вверх по руслу пересохшего подземного ручья. Коготь шел впереди с холодным огнем над головой. За ним следовали Мавка, Авик и Нотия. Несколько Куниц

замыкали шествие.

– А как вы думаете, каким образом это *нечто* попало в наш мир? – спросил Авик.

– Не знаю, – тяжело дыша отвечал старик, – мои знания так скудны... Но нельзя исключать, что благодаря Ряме. Мы с Хурой прочитали его журнал, насколько смогли разобраться в скорописи. К сожалению, информация неполная, этот манускрипт не содержит описания всей работы, он служил для записи размышлений и каких-то малозначимых деталей, которые Рамис боялся забыть. Мы поняли, что он готовился к какому-то грандиозному событию, и не похоже, что имелся в виду тот опыт, свидетелями которого мы чуть было не стали...

Они подошли к тупику. Коготь свистнул и поймал что-то в воздухе. Авик понял, что откуда-то сверху ему скинули конец вервья. Закрепив кольца, путники начали восхождение. Подниматься приходилось по вертикальному колодцу шириной примерно в человеческий рост, с гладкими влажными стенками, покрытыми известковым налетом: это был пересохший подземный водопад. Сверху вервие подтягивали, так что оставалось только перебирать ногами по стене. Даже Нотии подъем давался легко, всего лишь один раз он поскользнулся и мягко привалился боком к стенке прохода. Наконец сверху показался мерцающий свет, запахло болотной водой, ход становился все менее и менее отвесным. Путники вышли в небольшую тупиковую залу, ярко освещенную светом

холодных огней. С потолка бежал крохотный ручеек, наполнявший большую грязную лужу в центре зала. Из щелей в стенах и потолке торчали черные лохмотья. Приглядевшись, Авик понял, что это корни деревьев. Они были возле самой поверхности. У входа к стене был прикреплен простой блок с храповым механизмом для подъема наверх людей и грузов. Стены дышали сыростью. Здесь их ждали Рем с нахохлившимся попугаем на плече, Хура, десятник и трое Куниц.

– Все остальные уже наверху? – поинтересовался Нотия, – А вы почему остались? – спросил он, обращаясь к десятнику.

– Не хочу показывать спину, – хмуро ответил тот. – Мы уже один раз дезертировали, но в привычку это входить не должно.

– Он дрался как лев, – похвалил десятника Коготь, развязывая вервие. – Без него и его товарищей нам полулюдей было бы не отбить.

Он выпрямился и деловито заковылял по зале, приняюхиваясь.

– Нам придется поплавать, – сообщил он. – Над этим камнем – дно неглубокой реки. Сейчас мы его отодвинем, перекроем тоннель, по которому мы пришли сюда, а когда вода заполнит всё это пространство, вынырнем через эту дырку. Ждать будем вон в той нише, ее вода не заполняет. Прошу, – он сделал величественный жест когтистой лапой, как будто приглашал коронованных особ проследовать к праздничной трапезе. Все поспешили в нишу. Коготь прошептал заклина-

ние, камень раздался на две части, открывая дыру размером с тележное колесо. В нее хлынул зловонный ил вперемешку с остатками растений и тиной. Здоровенный рак шлепнулся в лужу, попытался было отползти, но был смыт потоком, и его унесло вниз по тоннелю.

– Обождем, пока муть не смоем, – пояснил Коготь, – течение тут быстрое, вон сколько грязи нанесло меньше чем за день.

Авик снова вернулся к прерванному разговору.

– А как вы думаете, – спросил он у Нотии, – та табличка, которую Коготь отдал Рамису, она не могла...

– ...призвать это загадочное *нечто* в наш мир? – продолжил его мысль старый маг. – Наверное, наверное...

– А вдруг это жители Мароджара расставили такие изощренные магические ловушки, которые губят не только самих кладоискателей, но и всю их страну вместе с ними?

– Знали бы вы, скольких трудов нам стоило найти эту табличку, – вмешался Коготь, его усатая морда выражала смесь возмущения и насмешки одновременно. – Хороша ловушка, которая срабатывает через одиннадцать лет поисков. Нет, брат, если бы это была ловушка, то тут таких же было бы еще до колен насыпано. Но нет, эта табличка была одна-единственная.

– Мы с Мавкой видели такую же, – парировал Авик, слегка уязвленный высокомерным тоном Куницы. Коготь развернулся к нему так резко, что мальчик чуть не подпрыгнул

от неожиданности. Шерсть встала дыбом на загровке у Куницы, глаза загорелись зеленым пламенем.

– Где? – прохрипел он сдавленным голосом. – Где?!

– В зале со статуями, – ответил Авик.

– С какими статуями?

– Ну, там женщина с ручным рыбоедом, волшебник, укротитель, ну и другие. На статуях были надписи с рунами, точь-в-точь как на вашей табличке, так что можно, наверное, прочитать, кто где.

– Как на нашей табличке? Ручной рыбоед? Нижнее письмо? На такой малой глубине? – простонал Коготь. Он резко повернулся к двум молодым воинам, приведшим Авика и Мавку, отвесил каждому по быстрой оплеухе и прощebetал что-то настолько гневное, что остальные Куницы тоже отвели глаза, стараясь не смотреть в его сторону.

– Я возвращаюсь, – твердо сказал он, – меня не ждите, я вас догоню. Ах, да, заклинание, чтобы двигать воротные камни, – он пошарил глазами.

Один из его товарищей постарше важно поднял два когтистых пальца, давая понять, чтобы он не беспокоился об этом. Коготь молнией скрылся в проходе. Еще один воин бросился вслед за ним. Несколько мгновений было слышно, как они разбрызгивают воду, прыгая вдоль стен тоннеля, но скоро эти звуки потонули в шуме потока.

– Мда... – потянул десятник, – вот тебе и верность долгу...

– Видно, наш друг видит свой долг несколько иначе, – ответил ему Рем.

Между тем вода, падающая с потолка залы, очистилась. Теперь вместе с зеленоватыми струями вниз проникал теплый солнечный свет. По стенам замелькали блики. Один Куница закрыл проход в нижний тоннель. Вода стала собираться на полу. Авик перевел взгляд на Мавку, она смотрела на солнечные зайчики и улыбалась. Он посмотрел на Куниц и вздрогнул от неожиданности: на их месте стояли обычные горожане, одетые, как хоривские обыватели, ремесленники и торговцы.

– Ногаст – книжный червяк, – потрясенный Авик узнал своего старого знакомого.

– Он самый, – ухмыльнулся тот. – Что, не ожидал?

– И часто вы бываете в Хориве?

– А вы? – передразнил его Ногаст. – До всей этой заварухи я в Мароджар-то спускался пару раз в год от силы.

– То есть в городе и в Школе... – продолжил Авик заплетаящимся языком.

– В городе вполне можно встретить тех, кого вы называете кадаврами, – перебил его Куница, – вокруг Школы и Цитадели их, конечно, нет, там расставлены истуканы... или были расставлены, поэтому иллюзии не работали. Ну и магам мы, конечно, старались лишней раз на глаза не попадаться, чтобы не раскусили. Хотя меня вот – не раскусишь, – он самодовольно хлопнул себя по груди. – Был такой забавный

случай...

– Задвигайте камень, – вдруг громко перебил его Нотия.

Старший Куница, единственный, кто не принял человеческого облика – так много сил отнимало у него волшебство, удивленно посмотрел на старика.

– Там оборотень, – пояснил Нотия, глядя наверх.

Мальчики наперебой прочитали заклинание геопии и вот сквозь толщу камня над их головами закачались водоросли, заблестели солнечные блики на зеркальной поверхности воды.

– Всё тихо, учитель, – негромко сказал Авик.

– Задвигайте, – выдохнул старый маг.

Куница медлил. Вдруг что-то темное, окруженное тучей мелких пузырьков, пробило водную поверхность и понеслось к отверстию, из которого вниз хлестал могучий чистый поток. Внутри просунулось нечто мохнатое и, высунувшись из дыры у самого потолка, начало жадно хватать губами воздух. Куницы возбужденно загалдели. В голову оборотня полетели стрелы. Две отскочили от камня, от еще одной он увернулся, четвертая оцарапала ухо, а пятая прошла насквозь скулу. Оборотень дернулся и затих. Кровь закапала вниз, смешиваясь с водой.

– Вон еще один! – крикнул Хура.

По мелководью, волоча ноги, двигалась человеческая фигура. Головы и плеч не было видно, они возвышались над освещенной солнцем зеркальной пленкой.

– И еще! Они идут сюда!

Куница сосредоточенно читал заклинание, но камень не двигался.

– Тело мешает двигать воротный камень, – крикнул он, карабкаясь по стене. Быстро забравшись на потолок, он головой вниз подполз к отверстию, и уцепившись тремя конечностями за выступы камня, четвертой молниеносно достал раскладную алебарду и ткнул что есть силы оборотня в плечо. Неожиданно две мохнатые руки сомкнулись на древке алебарды и потянули ее вбок. Куница, не удержавшись, отцепился от потолка и вцепившись обеими руками в алебарду, закачался на ней как маятник, затягивая внутрь и оборотня. Тот пытался цепляться за дно ногами, но течения ему было не перебороть. Взметнув столб брызг, они рухнули на уже залитый по колено пол. С громким вздохом вскочил оборотень, бесшумно поднялся Куница. Вцепившиеся мертвой хваткой в алебарду бойцы кружились, боролись с течением, но на скользком полу было трудно занять устойчивое положение. Поток неумолимо сносил их вниз к тоннелю. Авик посмотрел вверх, второй оборотень уже подходил к отверстию. Наконец Куница сделал обманный выпад, вырвал алебарду и ударил своего противника плашмя между глаз. Тот закачался и рухнул в воду. Куница резко развернулся к открытому отверстию в потолке, с его губ уже начали слетать слова заклинания, но тут и он поскользнулся и, взмахнув руками, поплыл вслед за оборотнем, уже скрывшимся в тон-

неле. Рем выхватил у остолебневшего от ужаса Куницы-чеканщика моток вервья и швырнул падающему. Торопливыми движениями Рем обвязал свободный конец вокруг пояса. Моток вервья упал в воду и через мгновение, разматываясь, исчез в тоннеле. Вслед за мотком унесло в тоннель и Куницу.

– Держите меня, щеглы! Хватит ставнями хлопать! – крикнул Рем. Мальчики бросились к нему. Двое Куниц принялись наматывать вервие на руки. Не успели они это сделать, как за вервие резко дернули снизу, из тоннеля. Рем подался вперед всем телом, но его удержали. Натянутая струна колебалась – кто-то карабкался по ней вверх.

– Судя по весу – это наш, – сдавленно сказал Рем, изо всей силы вытягивая вервие. И действительно, через несколько мгновений из тоннеля показалась еще более заострившаяся от напряжения мордочка.

Пещеру огласил звериный рев, и огромное тело влетело в отверстие под потолком. В воздухе с ним произошло странное: в нарушение всех законов оно отчего-то вдруг перевернулось вверх ногами и вертикально ударилось о покрытый водой каменный пол, аккурат тем местом, где у него должна была быть голова. Раздался отвратительный хруст, и еще одно неподвижное тело понеслось к тоннелю. Авик посмотрел на бледный, сосредоточенный профиль Нотии, читавшего заклинание. Куница, вылезший из тоннеля, тем временем, ловко отскочив от плывущего на него трупа, тоже скороговоркой читал свое. Камень сдвинулся и медленно пополз,

поток становился всё уже и уже. Авик затаил дыхание. На геопию у него не хватало сил – нужно было держать вервие. Наконец могучая струя стала маленькой струйкой. Куница весь мокрый и жалкий как попавший под проливной дождь кот, но глядевший победителем, выполз на сухое место. Авик снова посмотрел, что происходит наверху. Вокруг закрытого отверстия лениво бродило с полдюжины человеческих фигур.

– Скоро закат? – спросил он, – свет наверху как будто стал оранжевым.

Вдруг в тысяче мелких пузырьков что-то огромное пробило зеркальную поверхность воды, словно огромной мохнатой лапой прижав ко дну одного из оборотней. Авик вскрикнул.

– Это всего лишь горящее дерево, – успокоил его Нотия, – они подожгли лес. Боюсь, что все ваши койси тоже пропали... Нам нужно спускаться обратно в подземелье, увы.

Куницы сбросили свои фальшивые человеческие обличия и гурьбой зашлепали по неглубоким лужам к храповому механизму. Быстро приноровившись, они соединили людей в одну связку. Чтобы не поскользнуться, ко входу в тоннель пришлось подползать на четвереньках. Штаны ниже колен сразу стали насквозь мокрыми. А когда они начали спускаться обратно в колодец, из-за льющейся сверху воды, промокло и всё остальное. Насквозь продрогшие, они наконец спустились на дно колодца, где можно было отстегнуть веревку.

Нужно было дожидаться, пока не спустятся Куницы, а те почему-то медлили. При тусклом свете едва теплящегося холодного огня Авик обхватил Мавку и прижал к себе.

– Не убежишь, – шепнул он ей.

– Не буду, – ответила она.

– А ну-ка, голубки, посветите-ка сюда, – раздался голос десятника. Он стоял над какой-то бесформенной кучей. Авик не сразу догадался, что это тела оборотней, слепленные воедино силой удара о землю. Мавка ойкнула и отвернулась. Десятник же, с видом знатока, принялся выуживать что-то из хлюпающей размокшей массы. Вдруг он одернул руку и ойкнул почти так же, как Мавка.

– Это же Ненко. Ненко, мой солдат! – воскликнул он. – Еще утром он был среди раненных, а теперь гляньте, что стало с его лицом! А зубы-то... А это что такое? Рубленную рану зажали железной скобой, чтобы не открылась.

Нотия подошел к нему.

– Да, – скупно потянул он, – спорая работа, ничего не скажешь.

– Все наши в плену! – схватился за голову десятник.

– Это вряд ли, – ответил старый маг, – может быть, несколько человек. *Оно* специально послало нам Ненко, чтобы мы думали, что *оно* всесильно. Однако атаковало нас до того, как мы выбрались наверх, и подожгло лес, чтобы уничтожить бледное вервие и не дать нам уйти. Значит, *оно* не уверено, что может поймать нас в лесу.

– И что теперь делать? – спросил Хура.

– Не знаю, – пожал плечами Нотия, – надо выбираться отсюда.

Сверху одна за другой посыпались Куницы. Галдя, они топорливо потащили путников дальше вниз по проходу. Они пробежали несколько сот шагов, когда сзади послышался глухой взрыв, а за ним хрустящие щелчки ударов камня о камень.

– Вы взорвали проход? – изумился Авик.

– А что оставалось делать? – ответил безжавший рядом Куница, – они же узнали про этот выход. Зато, теперь можно не торопиться.

Позади послышалось журчание воды.

– Впрочем, нет – надо бежать, – сразу передумал Куница и понесся вперед во весь дух.

Просачиваясь через завалы камней, подземный ручей вращал в свои берега. Когда они добрались до лаза, вода уже закрывала голени. Выбравшись в главную галерею, они остановились, чтобы перевести дух. Из полумрака пещеры к ним плыл какой-то огонек. Вокруг него прыгали вверх и вниз, вспыхивали и пропадали снова две пары зеленых точек.

– Коготь, сюда! – позвал Рем.

– Глазам не верю, – жизнерадостно сообщил Коготь, выныривая из темноты. Когтистая лапа сжимала цилиндрическую табличку, усы топорщились, во взгляде сквозило осознание собственного триумфа. – Что стряслось? Они нашли

наш выход? Пришлось взорвать? – он склонил голову и пошевелил ушами. – Плохо дело. Возвращаемся в лагерь. Нам нужно подумать, как быть дальше.

Так они и вернулись на карниз, с которым уже успели мысленно проститься. Коготь прочитал заклинание, поднял камень, заслоняющий вход в штрек, сделал шаг вперед, и... Знакомый звук, напоминающий хруст колеса по гравию разнесся по пещере. Куницы в мгновение ока выхватили свои алебарды и выставили в проход. Мавка вдруг вышла вперед. Ставшие дыбом волосы на загривках Куниц несколько опали.

– Не обижайте его, – сказала она, – он такой же изгой, как и мы. Я первой зайду внутрь.

Она повернулась и пошла по коридору на звук. Авик оправился за ней. Рыбодед ждал их в зале, где раньше висели гамаки. Он лежал у потухшего очага и точил зубами свои страшные кривые когти. Когда девушка подошла к нему, он замер, повернул к ей свою слепую морду, а потом вдруг потерялся о ее платье. Двое Куниц стояли в дверях, разинув рты.

– Я всегда хорошо ладила с животными, – засмеялась девушка, почесав зверя за ухом. Тот еще громче заурчал.

– И что ты нам прикажешь с ним делать? – спросил ее подоспевший Коготь. – Спать в одном помещении с рыбодедом никто из моих людей не будет.

– Не волнуйтесь, он скоро уйдет, – сказала Мавка. – Я пока побуду с ним, если он кого-то захочет съесть, он съест пер-

вым делом меня и это сделает вашу жизнь намного проще.

Коготь только пожал своими худыми плечами.

Они рассыпались по опустевшему лагерю. Авик принял-ся развешивать свернутые гамаки. Он уже приладил два или три, когда к нему подошел Нотия. Старик осунулся и как-то весь сжался, но его глаза смотрели ясно.

– Хочу тебе кое-что показать, – сказал он, протягивая Авику цилиндрическую табличку. Тот покрутил ее в ладонях. Белый камень, золотые буквы, точь-в-точь как та, из подземелий, только форма другая.

– Я же не разбираю по-мароджарски, – сказал Авик, возвращая табличку старику.

– Как твоя рука? – спросил он.

– Вроде рана опять затянулась, – ответил Авик. – Не знаю, надолго ли.

Нотия внимательно глядел на него.

– Ты ничего не чувствовал там наверху во время борьбы с оборотнями?

– Ну, может быть легкое покалывание.

– А я почувствовал раньше, чем появился первый оборотень, ты помнишь?

– И что вы почувствовали?

– Головокружение, как будто легкое опьянение, как будто ныряешь в воду вниз головой, чувства обостряются, но пелена встает перед глазами, – он задумчиво помолчал, – я испытываю похожее во время Великой Игры... Если я чувствую

его, то возможно и оно чувствует меня. Уж очень легко оно нас нашло. Я очень устал, Авик. Думаю, скоро вы снова покинете лагерь, я не знаю, что на уме у Когтя и не хочу знать...

– Вы думаете, оно может читать Ваши мысли? – ужаснулся Авик.

Нотия только грустно повел плечами.

– Боюсь, долгого перехода мне все равно не вынести. Держи, – сказал он, протягивая Авику лави петаюда, – теперь это твое. Я остаюсь здесь. Запасов мне хватит на какое-то время. Обещай, что вернешься сюда за моей книгой.

Волшебник внимательно посмотрел на мальчика. Внутри у Авика все оборвалось, он потерял дар речи, как будто полной воздуха грудью налетел на каменную стену.

– И еще одно, – продолжил Нотия, – когда все закончится, ты должен найти деревушку под названием Нижний Увар. Она стоит на левом берегу Десницы. Ты должен подняться выше по реке до излучины в форме кинжала. На правом берегу в лесу ты найдешь разрушенную часовенку. Ты не сможешь ее ни с чем перепутать, так как к ее стене, с теневой стороны, привалился муравейник высотой почти в человеческий рост. Зимой земля вокруг не промерзает. Я хотел сам вернуться туда, но, как видишь, не успел. В пяти шагах от часовни ты выкопаешь яму в локоть глубиной, ни пальцем глубже. Понятно?

Авик хотел что-то сказать, но по непреклонному взгляду волшебника понял, что возражать бессмысленно. Старый

маг ушел в угол пещеры, сел и принялся невозмутимо разбирать свитки при свете холодного огня. Казалось, только ввалившиеся щеки отличали его от того Нотии, которого они с Хурой увидели за столом в тот день, когда приехали в Хорив вместе с косоглазым сыщиком. Авик вышел на карниз. Здесь Куницы толпились вокруг разложенной на полу схемы. Коготь кружил вокруг нее в своих линзах, опустив голову и подергивая ушами. Время от времени кто-то из Куниц показывал что-то на схеме, и все принимались ожесточенно щебетать и лаять на своем языке. Коготь посмотрел на мальчика поверх линз.

– Ищем выход, – процедил он. – Скорее всего, придется воспользоваться одной из брошенных землеройных машин древних. Мы пробовали было ими управлять, но потом бросили... Вот что, – его неожиданно осенило, – не может ли ваш старик слетать до библиотеки Вечного Города и прояснить нам значение кое-каких Имен? Я сейчас напишу.

Он достал перо, пергамент, и через несколько минут вложил Авику в руку список из двадцати Имен. Авик, все еще не пришедший в себя, кивнул головой и отправился обратно в штрек. Он лег в гамак и принялся зубрить список – взять его с собой в Вечный Город не было никакой возможности. Один раз его отвлекла Мавка. Рыбоед уже убрел куда-то вглубь пещер, и девушка хотела узнать, что они будут делать дальше. Наконец, он вытащил лави петаюда, наполнил его еще не выдохшейся водой жизни, и украдкой взглянул на Нотию. Ста-

рый маг все также сидел над свитками, погруженный в свои мысли. Заклинание Авик уже запомнил наизусть.

После темного сумрака пещер светлый Ясписный Зал ослепил его, хотя глаза не чувствовали боли. Он понял, что отвык от человеческих лиц, и сейчас смотрел на неподвижных магов с непонятной для него самой тревогой. Знакомым путем он спустился в Хранилище. Было многолюдно, маги сновали взад и вперед, переговариваясь громче обычного. Первым делом он раздобыл письменный прибор и записал список Когтя, пока он не вылетел из головы. Только после этого Авик стал прислушиваться к разговорам, наклонившись к столу и водя пером вдоль строк, как будто что-то проверяя:

– ...Ряды ширятся, кто знает, что их безумные вожди придумают завтра.

– Вы думаете, они и вправду безумны? А если прав островитянин и на нас надвигается что-то грозное?

– Островитянин действует от своего имени, он не имеет мандата суферов...

– Ну и что с того?

– Почему мы должны слушать старого, выжившего из ума кеена? У нас своя голова на плечах.

– Обидно будет потерять ее, если он окажется прав.

– Он требует слишком многого. Мы не должны оставлять Город. Снаряжать сейчас поход на север – безумие.

– А что на этот счет думает архистратиг Магдабрус?

– Кто знает... Он лишь ловит взгляды Императора.

Голоса стали удаляться. Авик прошел в Хранилище, взял несколько томов «Указателя», вернулся в читальную залу и сел на другое место. Неподалеку тоже разговаривали, и тоже о нашествии. Обсуждали, не нанять ли войско иноземных наемников, чтобы защититься от неведомой беды. Перебирали воинственных насельников Юго-Восточных Предгорий, народы, подчиненные Западному Хану, а также несколько неизвестных Авику заморских южных племен. Он погрузился в чтение. Значение Имен приходилось выписывать на листах пергамента и выучивать наизусть.

Закончил он далеко за полночь. Около трети новых Имен отсутствовало в «Указателе» и было не ясно, действительно ли они неизвестны или просто записаны с ошибками, возникшими при переводе с мароджарского варианта Истинного Языка на имперский. Голова плавилась от количества того, что следовало запомнить. Чуть покачиваясь, он встал из-за стола, зажав в руке список изученных слов: он хотел просмотреть его еще раз в Ясписном Зале. Расставив все книги по местам, он отправился к выходу. Усталости в теле не было, но голова давила на плечи как чугунный казан. Уже выходя в коридор, он посмотрел на опустевшую залу, скользнул глазами по тому месту, где он только что сидел: ни одной книжки не осталось, он все их вернул на место, ни одну не забыл, хоть все и плывет как в тумане. Вдруг взгляд его

скользнул по знакомой фигуре, склонившейся над фолиантом. Авик вздрогнул. Человек медленно повернул голову и посмотрел на Авика. Узкие губы под орлиным носом скривились в торжествующей улыбке. Авик опрометью бросился в Ясписный Зал.

В пещере все уже давно спали. Подавляя волнение, Авик принялся быстро записывать все, что выучил в библиотеке. Дойдя до пятнадцатого слова, он совершенно успокоился и даже начал клевать носом. Когда весь список был составлен, перо выпало у него из рук, он едва нашел в себе силы, чтобы дойти до гамака, свалился в него и заснул как убитый.

Ему снова снилось море и выдолбленные в известняке ступени. Он добрался почти до самой воды, но снова за-чем-то свернул и снова пошел туда, где лежал деревянный ящик. Теперь он был открыт, а лежавший в нем двойник сидел на каменной плите и глядел вдаль, в море, куда-то за горизонт.

– Вселенная едина, и мы воссоединимся, – произнес он сухим, невыразительным голосом.

– Кто ты? – спросил его Авик.

– Я – это ты в будущем, – ответил незнакомец.

– И что ждет меня в будущем?

– Ты растворишь в себе Вселенную.

– Это значит, я умру?

– Напротив, ты обретешь бессмертие.

– И буду жить дольше, чем стоит Хорив?

– Много дольше, много дольше. Ты получишь абсолютное знание, абсолютное могущество, абсолютное единение.

– А как я этого добьюсь?

– Скажи мне свое Тайное Имя, и получишь всё это немедленно.

Краем глаза Авик заметил, что вдали, под самой скалой у костра сидит человек. Он помахал Авику рукой, Авик помахал ему в ответ. Худая невысокая фигурка показалась Авику знакомой, и он сделал шаг в ее сторону.

– Вечность не будет ждать вечно, – произнес двойник. Авик снова повернулся к нему.

– Скажи-ка мне, если ты и вправду будущий я, то как получилось, что ты не знаешь моего Тайного Имени?

Двойник посмотрел на него долгим снисходительным взглядом.

– Ты все поймешь, когда придет твое время, – печально сказал он.

Авик проснулся. Была глубокая ночь, все спали, с потолка тихо капала вода. Рука адски болела, сон как рукой сняло. Чтобы чем-то занять себя, Авик принялся вспоминать все подробности своей вылазки в Вечный Город, когда тишину вдруг пререзал еле слышный шепот:

– Ну, здравствуй, – сказал кто-то.

– Здравствуйте, – также тихо прошептал Авик, весь вдавливаясь в свой гамак.

– Нисколько, – невпопад продолжил голос после паузы, –

я ждал встречи с тобой с того самого рокового дня, как ты проник в мое жилище.

– С какого дня? И кто Вы? – удивленно спросил Авик. Снова повисло молчание.

– Ты сам знаешь, каков будет мой ответ, – прошептал в ответ кто-то. Авик задумался, вглядываясь в темноту.

– Я к этому готов, – после долгой паузы громко сказал незнакомец. Авик узнал голос Нотии, он понял, что это старик перешептывается с кем-то, чьего голоса он не слышал. Он вскочил и со всех ног бросился через пещеру. Оноди Нотия лежал в своем гамаке с закрытыми глазами. Он был мертв.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Прошло уже больше двух недель с их последней ночевки в лагере. Осунувшиеся и исхудавшие, они шли по пещерам под самой поверхностью и искали подходящую шахту, чтобы пробить выход наверх. Недописанная книга Ноти и отягивала и без того тяжелый заплечный мешок. Авик уже выучил язык Куниц в достаточной степени, чтобы различать имена своих спутников. Их мохнатые лица, прежде казавшиеся ему совершенно одинаковыми, теперь различались между собой так же хорошо, как лица хоривских горожан. Он даже научился замечать едва заметное преломление света бледным вервием в сумраке пещеры.

Коготь не решился разбивать и без того маленький отряд, поэтому Мавка шла вместе со всеми. Сам Коготь сделался молчалив и задумчив. Все были подавлены и говорили теперь чаще вполголоса, Рем был мрачен, и даже Хура почти не улыбался. Его тяготила темнота пещеры, особенно если они останавливались в длинных высоких коридорах. Украдкой он посылал маленький холодный огонь плыть вдоль стены пещеры, и с тревогой смотрел ему вслед, словно ожидая увидеть вдруг кого-то крадущегося во тьме. Огонек полз между сталактитами и драпировками, отбрасывавшими длинные крючковатые тени.

Пещеры были пусты, но тревога не уходила. На ночь Ку-

ницы прикрепляли гамаки к потолкам залов, чтобы до спящих не могли добраться рыбоеды. Приходилось пристегиваться ремнями, чтобы не вывалиться и не разбиться во сне. Мавкин рыбоед тоже увязался за ними и шкрябал когтями по камню где-то в окрестных гротах. Он потерял последний страх перед людьми и, нисколько не стесняясь, грелся у походного костра, а однажды даже начал подвывать, когда кто-то из Куниц затянул печальную песню. Куницы дали ему прозвище – Катуйс, что на их языке значило «облезлый». Благодаря своему чутью он легко находил и раскапывал подземные ручьи, в которых водились безглазые рыбы, безглазые же белые саламандры и пещерные мидии.

– А что едят рыбоеды? – невпопад спросил однажды Авик.

– Рыбу, конечно, валенок ты, – засмеялся Хура.

– Ну да, понятно, а рыба-то что ест? Тут нет ни мошкары, ни жуков, ни водорослей. – Авик посмотрел на Когтя. Тот только развел руками.

– Может тем, что с поверхности приносит? – предположил он.

– Те ручьи, которые мы видели – чисты как слеза. Вода, скорее всего, прошла через слои песка и очистилась.

– Тогда не знаю, – снова развел руками Коготь.

Хуре стало неловко за то, что он обозвал Авика валенком, и поэтому он шел, бормоча себе под нос:

«И все-таки, что же ест рыба в этом подземелье? Должен быть какой-то простой ответ, что же она все-таки ест...»

Ответа так и не нашлось, но провизии было вдоволь, а вот топливо подходило к концу. Сперва им попадались тайники, в которых Куницы прятали дрова для своих дальних вылазок, но потом и они закончились. «Еще немного, и отогреться придется магическими огнями, а вода жизни у нас на исходе», – с тревогой думал Авик, встряхивая полупустой сосуд.

Каждый день они осматривали один-два колодца или наклонных тоннеля, но все они кончались тупиками слишком далеко от поверхности. Дважды Коготь находил небольшие, ничем не примечательные гроты, в которых проводил по нескольку часов, перебирая пальцами по странным желобам, выступам, письменам. Когда он, расстроенный, покинул второй грот, Авик понял, что это был капитанский мостик землеройной машины, вросшей в стены и совсем скрывшейся за натеками. Не было никакой надежды вернуть к жизни эти обломки...

Как-то раз во время привала к Авику подошел Коготь. Вид у него был совсем измученный.

– Вот что, – сказал он, – три ночи назад я начал расшифровку нашей новой таблички. На ней мало написано про свойства Имен, тайны мироздания и все такое прочее, но зато много практических сведений, касающихся жизни в подземелье. Например, там говорится, что у рыбоедов есть шестое чувство, которым они способны определять расстояние до предметов, и что оно как-то связано с их слухом. Поэтому

рыбоедам так не нравится шум – он им просто мешает ориентироваться в пространстве. Еще там написано, что древние сначала держали на поверхности наблюдательные посты, а потом, когда нужда в них окончательно отпала, зачаровали ходы, ведущие в подземелье от этих постов, чтобы никто посторонний не мог пробраться в Мароджар. Было бы неплохо найти такой ход: с нашей стороны туда, должно быть, легко попасть. Я, правда, не совсем понял, что за заклятия наложены на эти входы и как их найти. Мне снова нужно узнать значения кое-каких Имен.

Он протянул Авику мятый кусок пергамента с нацарапанными на нем Именами. Авик поднес каракули к лицу.

– Ну вот это, например, значит «щиколотка», – сказал он. Коготь смущенно опустил уши – Имя было простым. – А вот это значит «глубокий вдох», – продолжал Авик. – Это Имя надо проверить, но кажется, оно как-то связано с силой тяжести. Остальных я не знаю.

– Ты можешь проверить в библиотеке? – спросил Коготь. После неожиданной встречи в Вечном Городе Авик боялся возвращаться туда.

– Хорошо, но я бы не хотел идти в библиотеку ночью, – это слишком подозрительно. Мы должны сделать однодневный привал, – наконец вымолвил он после долгого молчания.

– Договорились, – легко согласился Коготь. – Нам все равно надо кое-что починить и пополнить запасы.

Для дневной стоянки они присмотрели небольшой, но до-

статочно высокий зал с единственным входом. В дальнем его углу из-под земли, вздымая клубы пара, бил горячий ключ. Теплый ручеек наполнял неглубокую купель, обрамленную растрескавшимся изящно обтесанным светло-серым камнем. Куницы развесили гамаки по стенам, повыше от рывбоедов. Мавка тренировалась стрелять из духовой трубки. Куницы делали это носом – их губы не могли как следует обхватить конец трубки – поэтому для девушки был сделан специальный мундштук из обожженной глины. Она сидела, обернувшись в покрывало, опустив ноги в ручей, и одну за другой выпускала стрелы в болтавшийся на веревке мешок-мишень. Стрелы с мерными хлопками пронзали полупрозрачный водяной пар, подсвеченный тусклым холодным огнем.

Коготь корпел над табличкой, Хура и Рем вместе с остальными Куницами наловили где-то в соседних залах белых черепашек и теперь разводили костер, чтобы отварить мясо. Один из Куниц, тот, который двигал взад и вперед камни в камере под рекой, клинком сложенной алебарды ловко разделявал напрасно втягивающих свои ноги и головы рептилий. Алая кровь струилась по их белоснежным панцирям и стекала на пол.

Готовясь к путешествию в Вечный Город, Авик убеждал себя, что в стенах библиотеки, в окружении лучших магов Империи и дружественных государств, ему вряд ли угрожает большая опасность. В конце концов, ему могло просто поме-

решиться: он, наверное, в тот день переработал...

Запах вареного мяса щекотал ноздри. Куницы готовились устроить баню и для этого выгребали сор из купели. Откуда-то из темноты доносился громкий хруст: это рыбоед ломал своими челюстями пустые черепашьи панцири. Перед самым погружением в транс, Авика кольнула мысль: будет ли Мавка купаться вместе со всеми? Она ведь единственная женщина во всем их отряде. На душе стало неудобно.

Авик лежал на мраморном полу лицом вниз. Чтобы подняться ему пришлось сбросить с себя фигуру темнокожего мага, ничком лежавшую поверх него. Это оказалось нелегко. Он не чувствовал ни напряжения мышц, ни тем более усталости, конечности эленхомени фантасма всегда сгибались с одной и той же неизменной силой. По человеческим меркам – совсем небольшой. Наконец освободившись, он выпрямился и осмотрелся. Ясписный Зал было не узнать. Фигуры магов лежали вповалку одна на другой. Некоторые были разбиты, другие обуглены. Красные следы тянулись от центра зала к выходу, как будто кто-то волочил наружу окровавленные тела. Фигура Шогеста Брандото одна из немногих оставалась стоять посреди хаоса и кровавых разводов. Авик подошел поближе и увидел следы крови на плечах великого мага.

«Защитники библиотеки победили, – с облегчением подумал Авик. – Нападавшие, кем бы они ни были, вряд ли озаботились бы тем, чтобы поднять упавшую фигуру Учителя».

Стараясь не ступать по кровавым лужам, он выскользнул из Ясписного Зала и пошел по галерее. Было позднее утро, город жил своей жизнью, но что-то неуловимо тревожное носилось в воздухе. Выкрики торговцев звучали уже не так бойко как прежде. Горожане больше не прогуливались по улицам, а просто шли по своим делам. Летающий фрегат, как линь в стоячем пруду, неподвижно висел почти над самой библиотекой. Приглядевшись, Авик увидел, что некоторые кварталы сгорели дотла. Дым еще не развеялся над пепелищем. Значит, пожар потушили совсем недавно. Он прошел в Хранилище, здесь было малоллюдно. Немногие встреченные маги выглядели испуганными. «Безымянные, безымянные», – донеслось до него из угла. Изображая на лице глубокую задумчивость, Авик прошелся туда и обратно по залу. Все разговоры были об одном и том же: незнамо откуда появившийся внутри стен Вечного Города враг, прорвался в библиотеку. Большая часть боевой магии на безымянных по непонятной причине не действовала. Авик побоялся расспросить кого-нибудь о произошедшем, вместо этого он взял несколько томов «Указателя» и принялся листать страницы. В этот раз он почему-то не сомневался в своей памяти, и даже не взял на себя труд записывать выученные им Имена. И, действительно, память его не подводила. Он быстро и четко разобрал первую половину списка. Имя, которое, как ему показалось, имело какое-то отношение к силе тяготения, обозначало плавательный пузырь рыбы. Он собирался уже

сходить за новым томом, когда ему на плечи легли две тяжелые руки. Он хотел было повернуться, но кто-то ловко выкрутил ему руки и развернул по направлению к выходу. Там стояли несколько десятков волшебников всех возрастов. Все глаза были устремлены на него.

– Ваше Мудрейшество, – монотонно произнес на имперском наречии средних лет маг в пурпурной мантии, – нам совсем не хотелось отрывать Вас от Вашей работы, однако сложившаяся ситуация вынуждает нас это сделать. У нас есть основания полагать, что в библиотеке находится соглядатай, выдающий наши секреты вождям безымянных полчищ. Мы понимаем, насколько унижительно для Вас такое подозрение, но мы вынуждены будем проверить, что это действительно Ваше сознание управляет Вашей эленхомени фантасма. Мы не сомневаемся в Вас, но нам следует удостовериться наверняка. – Было видно, что он произносит эту формулу не в первый и даже не в десятый раз. Двое стражников в антимагических доспехах выступили вперед и, взяв под руки личину Нотии, потащили перепуганного Авика куда-то вниз по широким каменным лестницам. Его втокнули в просторную залу, освещенную холодными огнями. Узкие высокие окна открывались наружу на уровне земли. Кресла, занятые волшебниками, стояли амфитеатром, спускаясь к небольшому помосту. Его повели вниз.

– Мы вынуждены будем подвергнуть вас испытанию Эр-Мергора, – все также монотонно бубнил распорядитель, не

дожидаясь пока они спустятся. Авик содрогнулся. Глава древнего восстания, жестокий Эр-Мергор, ненавидел ложь и лицемерие. На потеху своим воинам он придумал развлечение: пару захваченных в плен царедворцев сажали одного напротив другого и заставляли отвечать на вопросы зрителей, или задавать их друг другу. Участь того, кто первый попался на лжи, была предрешена: с гиканьем и улюлюканьем, лжеца выталкивали из окна высокой башни и смотрели как он, кувыряясь и вопя, летит навстречу собственной гибели. Желая спасти свою шкуру, многие придворные начинали вытаскивать на поверхность неприглядные истории о других, заискивать перед судьями, чем тешили непритязательное самолюбие грубых мятежников, демонстрируя перед ними собственное ничтожество. Иногда сам Эр-Мергор участвовал в испытании. Он выпытывал подробности дворцовых интриг с таким утонченным изяществом и змеиным коварством, что только лишь два имперских полководца, прямые и твердые, как их стальные мечи, да еще притворявшийся глухим старый казначей, остались в живых после встречи с ним.

Это значит, он будет один на один с другим магом. И они будут задавать друг другу вопросы. И один из них или даже оба умрут.

– Именем яростной бури и попутного ветра, – монотонно произнес распорядитель формулу испытания, заключавшую в себе девиз древних мятежников, – разрешите предста-

вить вам судей. Его Высокомогущество грандмаг Фиониксионий, – полный добродушный весельчак помахал упитанной рукой, – Его Высокомогущество грандмаг Корагаст Пиррон, – эленхомени фантасма высокого мага с близко посаженными глазами и клочковатой бородой совершила сдержанный, но учтивый поклон. Третьим судьей будет, – распорядитель замешкался, – наш любезный гость с Летающих Островов, оказавший нам огромную помощь при отражении атаки безымянных. Чтобы подчеркнуть нашу признательность, мы отвели ему эту почетную роль.

Огромная фигура, отделилась от колонны. Авик вздрогнул. На голову выше самого высокого мужчины, с черными как уголь волосами, обрамлявшими смуглое, но очень неподвижное, почти безжизненное лицо с глазами, всегда смотрящими прямо перед собой, гость был облачен в серую хламиду, непрерывно шевелившуюся и бугрившуюся на нем, как будто дюжина каких-то мелких животных ползает по его спине и животу под одеждой. Черная бородка, скрывавшая скошенный назад подбородок, была завитая в правильные округлые колечки. Кеен не утруждал себя учтивостью.

– Мне не нужны ваши почести и ваши варварские традиции, – произнес он спокойно, но в его голосе звучала сталь. Маги пригнулись, как будто ожидая удара. – Вы должны дать мне то, ради чего я прибыл. Нападение безымянных не было бы отбито без поддержки моего фрегата. Вы думаете, оно было последним? Я не собираюсь работать вашим телохра-

нителем, у меня не хватит энергии на то, чтобы раз за разом заливать ползущих к вам скорпионов жидким огнем. Мои возможности не безграничны, а вы попросту теряете здесь время.

Было видно, что он говорит это не в первый и не во второй раз.

– Ваш запрос находится на рассмотрении в Императорской канцелярии, – пропищал распорядитель, – они должны сверить ваш статус и дать делу законный ход в предусмотренном Кодексами порядке. Мы делаем все возможное, чтобы обеспечить как можно более скорое завершение этой работы. Но Вы же понимаете, последнее слово всегда остается за Государем. Сейчас, когда ересь поразила даже императорские легионы, и на кону каждый солдат...

Кеен откинул голову и издал глухой протяжный стон, видимо он слышал этот ответ тоже далеко не в первый раз.

– Я надеюсь, вы не откажете нам и примете наше приглашение, – почти жалобно произнес распорядитель.

Недовольно тряхнув своей бородкой и подобрав хламиду, великан опустился в глубокое кресло. Авик краем глаза разглядывал его. Он понял, что ни разу не видел ни ног, ни рук незнакомца. И еще странно, что колени, скрытые хламидой, не торчали колом. И это при таком исполинском росте и таком низеньком кресле...

– Выдержать яростный шквал сегодня предстоит двум магам. Это Его Мудрейшество Оноди Нотия и его против-

ник-партнер по испытанию, – краем уха услышал Авик, – достопочтенный грандмаг, Его Высокомогущество Рамис Ацетус.

Авик дернулся и повернулся. В кресле напротив него восседала эленхომени фантазма Рамиса Ацетуса. Чуть улыбаясь, грандмаг смотрел на него глазами, преисполненным теплоты и симпатии, но Авик чувствовал, что в глубине этих рукотворных зрачков холодным пламенем горит бешеная ненависть. Авик бросил взгляд на внутреннюю поверхность запястья, где было выгравировано заклинание возвращения. Он вздрогнул: рун не было, кто-то выскреб то место, где находилась гравировка. Холодная рука ужаса сжала его сердце. Он затравленным взглядом посмотрел на Рамиса, тот мягко улыбнулся ему. Глаза его сияли торжеством.

– Правила вам известны, – продолжал распорядитель, – если хотя бы один судья усомнится в вашей подлинности или заподозрит вас во лжи, эленхომени фантазма будет немедленно уничтожена без права на восстановление.

«Я погиб, я погиб, – думал Авик. – Каким образом он выжил? Догадывается ли он, кто на самом деле сидит перед ним?»

– Позволю себе произнести короткое эээ... вступительное слово, – Рамис Ацетус сделал изящный жест рукой. – Мы с Отиком старые друзья. У меня нет, и не может быть никаких сомнений, что перед нами именно он, эээ... всемерно почитаемый в Хориве маг-отшельник, тот, к кому эпитет «ве-

ликий» относится безо всяких эээ...натяжек, Оноди Нотия. Мы прекрасно поговорим, не правда ли, Отик? Мы давно не беседовали, так может, используем это эээ... недоразумение для хорошей магической беседы. Ты согласен? – Рамис говорил на своем великолепном имперском, сомнений в том, что это именно он, у Авика не было.

– Конечно, Ряма, – ответил Авик, утвердительно кивая, а сам подумал: «Что за игру ты затеваешь, старый негодяй?»

– Ты не напомнишь мне тему нашего последнего эээ... разговора? – наморщив лоб, снисходительно спросил Рамис, – кажется, это было на приеме в честь ханского посланника.

Стараясь подражать размеренной речи Нотии, Авик негромко произнес:

– Да, скучнейший был прием, но мы тогда неплохо побеседовали, я рассказывал о своих последних работах. Но, кажется, мы виделись и после этого... – как бы в сомнении, он перевел рассеянный взгляд на Рамиса, краем глаза рассматривая судей. Островитянин, склонив голову, неподвижно смотрел куда-то вниз. Двое магов подозрительно всматривались в него, должно быть, его сильный акцент насторожил их. Однако Нотия был настолько нелюдим, что мало кто мог помнить его голос и акцент. Рамис вздрогнул от произнесенных слов: он, видно, ожидал легкой победы.

– Ты говорил о своей последней работе, – быстро сказал он. – Ты обнаружил что-то удивительное. Не расскажешь нам

об этом?

– Ну, я бы не хотел распространяться об этом, пока манускрипт не закончен. – По вытянувшемуся лицу Рамиса, Авик понял, что это правильный ответ, – кое-какие детали все еще следует уточнить. – Судьи понимающе закивали головами, аккуратность в магической науке – прежде всего, да и не следует рассказывать о своих открытиях раньше времени.

– А кто еще присутствовал на той достопамятной встрече? – спросил Рамис.

Авик вспомнил сплетни Хуры и вполне пристойно произвел имена присутствовавших

на приеме. Рамис кивал, морщины на лицах судей разглаживались.

– А я слышал, ты последнее время занимался расшифровкой различных древних письмен? – осмелел Авик. Рамис удивленно поднял брови.

– Нет. С чего ты взял? – ответил он, улыбаясь своей доброжелательной улыбкой. – Последнее время я интересовался совершенно другими вещами.

– Ты, вроде, говорил о какой-то табличке, – хмуря брови, как будто пытаясь что-то вспомнить, произнес Авик, – что-то связанное с подземельями Мароджара.

В лице Рамиса не дрогнул ни один магический мускул.

– Вы заблуждаетесь, – холодно сказал он.

Авиком овладевала ярость. «Лицемер, лицемер!», – стучало у него в голове. Перед глазами неотступно вставали кар-

тины подземной тюрьмы. Он представлял себе, как этот напыщенный самодовольный старик спускается по лесенке в свое тайное логово, где многие месяцы, если не годы страдают невинные жертвы его тщеславия.

– Ваше Мудрейшество, – вмешался распорядитель, – опишите нам, пожалуйста, все, что Вам известно о последних интересах Его Высокомогущества Рамиса Ацетуса.

– Если мне не изменяет память, – с расстановкой произнес Авик, подавляя душащее его бешенство, – последнее, чем всерьез интересовался Рамис, было то, каким ядом была отравлена колючка, которую он извлек из своей ягодицы. Впрочем... – он не успел договорить, потому что Рамис взвился, потрясая кулаками.

– Вонючий козопас! – кричал он, сокрушая воздух взмахами рук. – Дрянной мальчишка, грубиян, как ты смеешь дерзить мне, Великому грандмагу? Ты обманом завладел эленхомени фантазма почтенного Нотии, ты... ты... возможно убил его!

Авик перевел взгляд на судей. Кеен наблюдал происходящее, широко раскрыв рот и вытаращив глаза. Его, казалось, забавляла вся эта сцена. Маги насупившись, сурово смотрели на Авика. Зрители повскакивали со своих мест. Он понял, что проиграл. Любой, знавший Рамиса Ацетуса, сразу признает его по припадку бешенства. Ни один лицедей не сможет этого изобразить так хорошо. Сейчас он накричится, успокоится, сделает три глубоких вдоха и медленно опу-

ститися в кресло, свесив голову на грудь и закрыв глаза. Авик судорожно пытался вспомнить заклинание возвращения, но в голову предательски лезли лишь Имена из списка Когтя.

– Мне нужно было заковать тебя в колодки, еще тогда, когда ты надерзил мне во время урока – прохрипел Рамис и медленно опустился в кресло, опуская голову на грудь. Эленхომени фантазма не пускали пены изо рта и не дышали, поэтому он не смог сделать свои три вдоха.

– Он лжет, – произнес дородный маг, указывая рукой на Авика.

– Перед нами несомненно Рамис Ацетус, – согласился с ним второй, – у нас нет оснований не верить Его Высокомогуществу...

– Оба лгут, – прозвучал раскатистый голос кеена.

– Не понимаю... – встрепенулся было Рамис. По его глазам Авик видел, что он судорожно читает про себя заклинание возвращения, но двое стражников уже замкнули вокруг его груди толстый антимагический обруч, и он затих, безжизненно уронив голову на плечо.

Одним могучим ударом булавы стражник разбил эленхომени фантазма Рамиса Ацетуса, освободил обруч от обломков и двинулся к онемевшему, скованному ужасом, Авику. Стражник забросил свой обруч, но тот почему-то отскочил прямо в воздухе, и застрял, захватив массивный набалдашник на спинке кресла.

– Беги, мальчик, что ты медлишь? – прозвучало вдруг

в ушах у Авика. Он обернулся. Похоже, никто кроме него, не слышал этих слов. Все маги возмущались неловкостью и нерасторопностью стражника. Тот краснел, кряхтел, бранился, но обруч все никак не хотел освобождаться.

– Наперон Хоксу Киметрэйр..., – снова зазвучал голос в голове. Авик узнал начало заклинания возвращения и немедленно вспомнил его целиком. Скороговоркой повторяя Имена, он скосил взгляд на кеена. Тот тоже смотрел на него. В уголках его губ играла чуть заметная улыбка.

Авик очнулся в пещере. Уши были заложены, голова кружилась. На него встревожено смотрели два зеленых, мерцающих в темноте глаза. Он зачем-то принялся ощупывать себя, все было в порядке.

– Ну, ты даешь, – раздался в полутьме голос Хуры, – ты провалялся целый день, целую ночь и потом еще один день!

– Итак, для того, чтобы открыть вход на старый наблюдательный пост, нужны какие-то особые ботинки, правильное дыхание и плавательный пузырь рыбы. Ботинки давно рассыпались в прах, даже металл столько не живет. Плавательный пузырь мы можем достать запросто, только что с ним делать? Каким боком он тут вообще возник? Ерунда какая-то, – Коготь рассержено поковырял в зубах, глядя на свои записи. Они держали совет уже который час.

– Может, нужно где-то поднырнуть? – предположил Хура.

– Трудно поверить, – сказал Коготь, – хотя исключать

нельзя. Но зачем для этого пузырь? Рыбе он, может, и помогает, но тебе-то не поможет. И для чего тогда ботинки? А главное, почему больше трех сотен слов описывают такое простое действие? Очень жаль, что мы не можем этого разобрать.

Авик виновато опустил глаза.

– Чтобы поднять сюда землеройную машину, да еще и починить ее, потребуется несколько недель, а то и больше. И еще нужно раздобыть для нее воду жизни, – думал вслух Коготь, – то есть придется спускаться к Резервуару.

– Ну не грызть же землю зубами, – пожал плечами кто-то из Куниц. Тут он вдруг встрепенулся. – А может, заставим нашего Катуйса прокопать ход наверх?

– Вряд ли это ему под силу. Это же не глина, а камень, материк, – возразил Коготь.

– А может устроить пару взрывов, авось потолок и обвалится? – предложил Рем.

– Трудновато будет сделать это незаметно, – сказал Авик.

– Кроме того, мы слишком глубоко, – согласился с ним Коготь. – Значит, нужно искать либо штольню, либо машину. Еще предлагаю обследовать подземные ручьи, вода может вывести нас наверх. Мы выберемся отсюда, – мечтательно добавил он после паузы, – а как доберемся до койси, помчимся без остановки до самого Северного Моря.

Снова потянулись бесконечные коридоры, залы, сталактиты, колонны. Стали чаще попадаться обвалы, Коготь ска-

зал, что это хороший признак – они близко к поверхности. В поиске узких лазов, Куницы царапали камень то под потолком, то где-то у самой земли под ногами. Мальчики тщательно рассматривали каждый попадавшийся им ручей при помощи заклинания геопии. А выхода все не было.

В тот вечер они разбили лагерь под плоским, частично обвалившимся потолком. Когда-то здесь было озеро, и камень вырос прямо по его поверхности, образовав идеально ровную, гладкую плоскость. Потом вода ушла из озера, оставив после себя россыпь горного жемчуга, а потолок рухнул под тяжестью выросших на верхнем ярусе сталагнатов. Оставшийся его фрагмент образовывал широкий карниз, тянувшийся вдоль всей залы и служивший отличным прикрытием от капель воды, падавших на него сверху: на поверхности, по-видимому, шел дождь. Рыбоедов они уже давно не встречали, из чего Коготь сделал вывод, что в этой части пещеры они не водятся. Гамаки повесили низко, но часовых выставили. Стоять в карауле выпало Авику. Укутавшись в одеяло, он боролся со сном у крохотного еле теплящегося костерка, когда с карниза посыпались камешки. Какая-то тень мелькнула в темноте и с гулким ударом приземлилась на пол. Авик вскочил и зажег холодный огонь.

– А, это ты, Катуйс, – облегченно сказал он. – Не спится же тебе.

Рыбоед тихо проворчал что-то и полез обратно на карниз. Сверху слышались неприятные скребущие звуки.

– «Когти точит», – подумал Авик и поежился. От этого скрежетания по его спине бежали мурашки. Зверь прошел по карнизу вдоль всей стены, ни на минуту не переставая скрести. Изредка он задевал сталактит, и тот оглашал пещеру чистым протяжным гудением, совсем не гармонизировавшим со скрежетом. Зверь находился в дальнем углу, когда скрежет сменился странными звуками, больше всего напоминавшими треск разрываемой плотной ткани. Рыбод продвинулся дальше, и снова послышался скрежет.

«Отломал что-то, наверное, там была такая поросль тонких сталактитов», – с сомнением предположил Авик. Рыбод тем временем дошел до конца карниза и двинулся обратно, не переставая скрежетать. Когда он снова дошел до странного места, Авик вновь услышал тот же звук. Зверь остановился, а необычные скрежещуще-рвущие звуки продолжали оглашать пещеру. Прошла минута, другая, третья... Авика разобрало любопытство. Он снова зажег холодный огонь, с грехом пополам накинул на растущий наверху сталактит вервие, и полез на карниз. Рыбод подозрительно зашевелил ноздрями при его появлении и отковылял в сторону. Авик прошел вдоль стены: натеки были разукрашены свежими царапинами. Пройдя чуть дальше, он увидел, что дальше каменная стена освобождается от натеков, а царапины становятся еще более глубокими.

– Ну, наточил так наточил, – зевнув сказал Авик, и думал уже повернуть обратно, но по инерции прошел еще несколь-

ко шагов и остановился. Царапин на стене не было. То есть они были еще в двух шагах дальше от этого места, но почему-то отсутствовали на небольшом, шириной локтя три, участке. Ни одной царапинки.

– Чудно́, – подумал Авик и провел пальцем по стене. Камень как камень, шероховатый, твердый, холодный. Он нашел тоненький острый сталактит, с трудом отломил его, и стал царапать стену. И удивительное дело – царапина исчезла как бороздка на манной каше, которой кормила Авика бабушка.

Он прочитал «Глаз Нимбрана», одно из последних выученных им заклинаний – ничего, камень как камень. Он развеял «Глаз» и прочитал заклинание геопии. За странным участком камня просматривался узенький колодец, уходящий куда-то вверх. Авик снова потрогал камень, надавил, что есть силы. Пальцы провалились внутрь – камень изогнулся, обволакивая его кисть, и какая-то сила стала выталкивать ее обратно. Авик поддался этой силе, вынул руку и осмотрел ее. Все было в порядке. Он приложил к камню обе руки и, упершись ногами, надавил. Руки провалились по локти, потом по плечи. По мере того как он погружался в камень, сопротивление неведомой силы нарастало. Он набрал полные легкие воздуха и погрузил голову в толщу камня. Неистово работая ногами и подгребая руками, он наконец смог протиснуться внутрь камня всем телом. Колодец был совсем близко, буквально в одном шаге, однако, как только

обе пятки погрузилась в толщу, давление совершенно исчезло, и неведомая сила подбросила мальчика вверх, прижав его к твердому каменному потолку. Задыхаясь, он полз назад, загребая густой камень руками, как водомерка. Наконец ногой он нащупал край, внутреннюю поверхность, и из последних отчаянных сил ударил ее носком ноги. Как только край стопы вышел наружу, выталкивающее давление вдруг возобновилось с утроенной силой и бедного Авика, как семечко из стручка недотроги, вышвырнуло наружу. Он покатился кувырком и только чудом зацепился за самый край карниза. Стараясь отдышаться, он лежал на спине, глядя вверх, в темноту, ничего не видящими глазами. Мимо, шаркая, прошел рыбод. Он мельком обнюхал ноги мальчика, недоуменно фыркнул и побрел куда-то дальше по своим делам.

Голова была пуста, Авику казалось, что пещера медленно кружится над его головой, невидимый потолок заваливается куда-то набок, а потом снова выпрямляется, как клюющий носом рыбак в лодке, покачивающейся на волнах. Авик поднялся и потянулся к потолку пещеры. Он легко оторвался от земли и, всё ускоряясь, полетел ему навстречу. Он прошил толщу камня насквозь, не замедляясь и не задерживая дыхание. В лицо пахнуло запахом перегноя, и через корни деревьев, слой опавшей листвы, он вылетел в прохладу ночного леса и взмыл вверх, выше самых высоких деревьев.

Он оглянулся. Внизу, насколько хватало глаз, расстились Великая Лесная Страна. Под ней как тонкая паутина,

просвечивающая сквозь темную зелень, серебрилась паутина подземелий. В центре ее ртутным блеском сиял Резервуар. Четкость линий, ширина горизонта и живая звенящая тишина заставляли его чувствовать себя рыбой, вынырнувшей из заиленного омута и впервые взирающей на яркие краски окружающего мира, прежде скрытые мутной толщей воды. Он пытался разглядеть зал, перегороженный карнизом, где спали его друзья, и тот каменный грот, в котором под грудой камней и глины нашел свое последнее пристанище Оноди Нотия. Авик помнил, что должен вернуться туда. Он глядел и так, и эдак, но понять ничего не мог. Ветер понес его на юг, туда, где на горизонте виднелась полоска морского берега. Тонкими ручейками струились внизу реки, чернели громады скал и крепостей, поблескивали в лунном свете крыши городов. Он попал в облако, и всё закрыла белесая завеса. Он чувствовал его свежее влажное дыхание, но холодно ему не было. Когда он снова увидел землю, море было совсем близко, а над морем, закрывая собой полнеба, парил огромный остров. В центре его на высоком крутом холме, располагался город с черными зеркальными крышами, окруженный фруктовыми садами. По самой кромке острова тянулись ряды укреплений. Остров летел на север, прямо навстречу Авику. Он стал различать парящие над ним корабли, напоминавшие тот, который он видел в Вечном Городе, – одни побольше, другие – поменьше. Громада прошла у него над головой, нижняя сторона ее была покрыта сетью подвесных

мостов и причалов. Здесь на якорных стоянках тоже стояли летающие корабли, сушились рыболовные сети. Приспособленные к каменной основе, в железных клетках висели бочки и ящики с какими-то припасами. Черные отверстия, многочисленные, как норы береговых ласточек, по-видимому, вели на верхнюю сторону острова. В самом центре, прямо под городом, находился обширный, чуть люминесцирующий диск, гладкий, словно зеркало. Когда остров проходил над ним, Авик задрал голову и увидел собственное отражение, неожиданно близкое и яркое. Отражение улыбнулось ему, и он вдруг почувствовал своими босыми ногами прохладный камень. Он осмотрелся. Он снова стоял на том же месте на морском берегу, покрытом каменными плитами. Рассвет еще даже не занимался, но звезды, Луна и блеск моря освещали незнакомца, неподвижно глядящего куда-то за горизонт.

– Кто ты? – спросил его Авик.

– Я – Сущий. Ключ Вселенной, чей разум равен Ей, а власть превосходит силу всех богов и героев. Я всеведущ и всемогущ, бессмертен и бесконечен.

– Как твое имя? – спросил Авик.

– Назови мне твое Истинное Имя, и оно станет моим, а ты станешь мной и обретешь то, чем обладаю я.

– А что будет со мной?

– Ты познаешь, как рождаются звезды и умирают царства, как в Необъятной Пустоте несутся огромные каменные глы-

бы, и позади, и впереди них – бесконечность. Как и у тебя. Ты будешь знать судьбу каждой былинки, каждого цветка. Узнаешь, как мотылек вылупляется из своего кокона на далеком южном острове, чтобы стать добычей меняющей цвет ящерицы с длинным липким языком. Как парят под облаками свирепые тигрогрифы, высматривая добычу. Ты почувствуешь, как хрустит песок под ногами мохнатого двугорбого коня, сбежавшего от своего хозяина и мчащегося во весь опор по пустыне. Как Огненные Парусники несутся в лавине степного пожара, и как доживают свой долгий век полярные рыбы, светящиеся в вечной темноте своих глубин.

Картины так живо вставали перед мысленным взором Авика, как будто он видел их воочию. Когда незнакомец замолчал, панорама полярного моря долго не покидала его воображения, и даже когда она развеялась, одна светящаяся рыба так и осталась плавать где-то на краю поля зрения мальчика. Авик скосил глаза на этот огонек. Это была не рыба. Под скальной стеной горел яркий костер, и двое людей, один щуплый и низенький, а другой старый и высокий, стоя перед ним на коленях, раздували пламя широкими и плоскими дощечками. На огне кипело и булькало какое-то варево. Щуплый вдруг схватил его и вылил прямо в огонь – в небо взметнулись тысячи искр. Костер погас, все покрыла кромешная тьма. «Котелок», – пронеслось в голове у Авика – и словно какая-то пелена спала с глаз.

– Это ты убил Дуна и Нотию? – спросил он, оборачиваясь.

Незнакомец резко повернулся, его лицо, освещенное Луной, больше не было похоже на лицо Авика. Оно было незнакомым, враждебным, пугающим. Выдающийся вперед лоб, крупная челюсть, приплюснутый нос мелькнули буквально на одно мгновение, но тут же сменились красивыми глазами, правильным носом и мужественной линией рта. Линии скул, лба и подбородка тонули в полутьме как будто в тумане. Вся фигура, кроме треугольника лица, оказалась вдруг размытой, как неоконченная картина художника, оказавшаяся под проливным дождем.

– Их разметало ветром перемен, – ответил незнакомец. – Не стоило бросать вызов грозной стихии, которая суть дыхание времени. Они сами предпочли смерть служению, – добавил он, помедлив.

– Как тебе удалось заставить Рамиса покориться тебе?

На мгновение рот незнакомца исказился в торжествующей улыбке.

– Он поверил, что я – его творение, его дитя.

– Это ты подсунул листок с заклинанием Поющих Камней в манускрипт Рамиса, чтобы Ремири разжег бунт?

Торжествующая улыбка стала еще шире, она была яснее любых слов.

– Зачем ты преследуешь нас?

– Весь мир должен прийти к свету... Так уже было однажды... Почти... Я не помню... Потом наступила тьма. Часть меня была потеряна... Я блуждал во мраке долгие сотни лет,

или тысячи... Я потерял счет времени... Я карабкался наверх из глубины мироздания, соскальзывая вниз и начиная снова. Мир изменился так, что я не узнал его. Мне пришлось снова учиться всему, как младенцу, с самого начала. Может быть, это другой мир, изнанка того, в котором я появился? Может я вышел с другой стороны лабиринта бытия? Кто знает... Мои знания пропали, но разум остался невредимым и лишь отточил свою остроту. А что есть знание? Лишь колесница, которую влекут кони разума. Но вот я снова здесь, и я снова мудрее всех смертных. Всё переменялось, но я остался неизменным. И я буду вечно править этим миром своей властью и мудростью сотен и тысяч... Займи место среди нас и ты обретешь бессмертие, могущество, всезнание...

– Вас много? – спросил Авик.

– Да, нас много... тех, кто пришел к Сущему до тебя. Мы пришли разными путями, но объединены общей волей. Наша мудрость стала Его мудростью, а знания обогатили колодец, питающий могучее древо разума, равного которому не было, нет и не будет во веки веков. Оставь свое упрямство, свои мелкие желания, стань ветвью древа вечности, ведь иначе – оставаться тебе жалкой травинкой, растущей у его подножия.

– Я потеряю свободу воли? – спросил Авик.

– Это та цена, которую заплатил каждый из нас, и эта цена ничтожна. Что стоит твоя воля по сравнению с безднами космоса, которые разверзнутся перед тобой?

– А что же будет с Мавкой?

– Она навеки сольется с тобой в вечности внутри нас.

– А зачем все это?

– Гармония. Когда весь мир растворится в нашем разуме, не станет бед, горестей и разочарований. Род человеческий пойдет вперед не воробыным шагом, как сейчас, а конским галопом, молнией соколиного полета. Единая воля объединит все силы и всех людей, сейчас разделенных и враждующих между собой, а великое знание поведет их единственно правильным путем.

– А если вновь наступит тьма, как было однажды? – спросил Авик, – что будет с миром, поглощенным тобой без остатка?

Лицо незнакомца скривила гримаса ярости. Снова мелькнули и пропали выпуклый лоб и массивная челюсть. Вся фигура стала размытой и затряслась в негодовании.

– Я больше не ошибусь... Это была случайность... Вероломство врагов... Тьма никогда не наступала, это свет стал тьмой, а тьма светом...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Авик проснулся. Шрам опять кровоточил. Он лежал у давно потухшего костра, остальные уже поднялись. Рем сидел скрестив ноги и мрачно кормил своего попугая, двое Куниц в масках неподалеку возились с бледным вервием. Мальчик вскочил на ноги, не находя себе места от стыда: он заснул на часах. Весь красный, он поковылял к гамаку Когтя просить прощения. Тот лежал, неторопливо вертя свою драгоценную табличку в мохнатых когтистых руках.

– А, это ты, – задумчиво обратился к нему Коготь, – а у меня из головы все никак не выходит та зала со статуями, которую нашли вы с Мавкой. Если насельники Мароджара все время опускались вглубь земли, то как нижнее письмо могло оказаться выше среднего? На сей счет можно сделать кое-какие предположения. Например, это может быть кладбище или мемориал, посвященный героическому прошлому... Жаль, что я не успел снять слепки с надписей... И еще, если рыбоеды имели глаза, то почему они их утратили? Нижние ярусы неплохо освещены водой жизни из Резервуара, поэтому иметь органы зрения там не бессмысленно. Не значит ли это, что Резервуар, который мы считаем непреходящим чудом природы, возник сравнительно недавно... Во всяком случае, много позже заселения Мароджара? Что ты говоришь? А, ты заснул в карауле? Неосмотрительно, весьма

неосмотрительно... – бормотал он, обдумывая свои теории. Вдруг он оторвался от таблички и устремил взгляд на Авика. – Кстати, а на кой чёрт ты влез на карниз?! Ты, часом, не страдаешь лунатизмом? Мы не могли тебя разбудить, а пока спускали, все койси перепутали!

Авик подпрыгнул на месте.

– Я спал на карнизе? Наверху? – переспросил он.

– Ну да, – ответил Коготь, разглядывая табличку, – лунатизм вообще довольно опасная штука, особенно если спишь в гамаке, который подвешен на большой высоте. Могу предложить одно проверенное заклинание...

Авик уже карабкался на карниз. Коготь проводил его удивленным взглядом, но тоже поднялся и как белка взлетел вверх, вслед за ним. Следы от когтей рыбоеда все так же белели на натеках. Мальчик почти бежал по карнизу, спотыкаясь о камни и цепляясь за сталагнаты. Ему это не приснилось: отрезок стены без царапин действительно существовал!

Авик надавил на стену пальцами, и они провалились в тугую, вязкую массу. Коготь наострил уши. Скороговоркой он прочитал заклинание геопии и стал всматриваться в толщу камня, попеременно склоняя голову то вправо, то влево. Не отрывая глаз от странного проема, он приглушенно просвистел что-то, и на карниз в мгновение ока поднялись все остальные Куницы. Они стояли полукругом, глядя в стену, и их удивленные возгласы сменились тихим почтительным

перешептыванием.

– Девяносто девять из ста – это то что мы ищем, – сказал наконец Коготь, поворачиваясь к Авику. – За этой штукой – колодец, и судя по цвету камней, он ведет наверх. Осталось только понять, как преодолеть вот это, – он ткнул пальцем в странный камень, а потом засунул вглубь скалы всю свою когтистую руку и попытался вырвать кусок непонятной субстанции. Казалось, что это ему удалось – полная пригоршня вышла наружу. Однако перемычку, соединявшую этот кусочек с остальной стеной, он разорвать никак не мог, как ни старался, как ни тянул и не крутил. Заклинание, дробящее камень тоже оказалось бесполезным. Наконец, сдавшись, он отпустил ладони, и вытянутый им кусок бесшумно вернулся обратно. Стена разгладилась и застыла в неподвижности, снова неотличимая от остальных стен подземелья. Тогда Коготь попробовал нагреть странный камень добела. Тот нагрелся, а потом остыл как самый обычный камень.

– Гм... – сказал Коготь, почесывая подбородок. – Дайка подумать... Эта штука ведет себя как капля очень густой жидкости, она, конечно же, легче камня, иначе бы тебя расплющило, но и тяжелее воды, иначе бы так сильно не выталкивало... По кускам ее выковырять невозможно... Но скорее всего можно либо вытащить оттуда целиком, либо отжать от стенки и проползти...

– Ботинки, дыхание, рыбий пузырь, тяжесть, – напомнил Хура. Он незаметно подошел к ним и стоял чуть поодаль.

– Да... – отозвался Коготь, – древние, похоже, проходили через эту штуку насквозь. Но в отличие от них, у нас нет задачи сохранить этот проход в тайне, правда? Нам нужно отсюда выбраться, только и всего. – Он присвистнул, и сейчас же двое Куниц взлетели на потолок и принялись колдовать у основания внушительных размеров сталактита. Через минуту раздался треск и каменная сосулька рухнула на карниз, подняв тучу пыли.

– Теперь впрягаемся, – объявил Коготь. Куницы и двое волшебников прочитали заклинание телекинеза: сил оно отнимало почти столько же, как если бы они двигали камень руками, но так было проще проталкивать внутрь скользкий сталактит. Острым концом они вогнали его вглубь таинственной породы. Им пришлось здорово поработать, прежде чем они почувствовали облегчение: их самодельная игла вышла с другой стороны, прошив странный камень насквозь.

– Больше не толкаем, – скомандовал Коготь. Обломанный конец сталактита, торчащий из стены где-то на уровне глаз Авика, стал медленно опускаться вниз, пока не лег на пол с едва слышным стуком.

– Что теперь? – поинтересовался Авик у Когтя, пристально рассматривавшего происходящее на другом конце прохода при помощи геопии.

– Теперь? – переспросил Коготь, – Теперь думать дальше. Повисла напряженная тишина, нарушаемая только звуками падающих с потолка капель. Хура придвинулся поближе

к Авику.

– Вылезем наружу, а Оно нас цоп, и поймает, – сказал он, криво ухмыляясь.

Авик только отмахнулся от него.

– Вытаскиваем, – скомандовал Коготь. – Есть идея.

Через несколько минут сталактит был извлечен обратно, и двое Куниц в масках принялись сосредоточенно навязывать койси на оба его конца. Коготь проверил работу и просветил что-то неодобрительное. Тогда Куницы сделали в камне глубокие зарубки и закрепили вервие с их помощью.

– Теперь загоняем обратно, – приказал Коготь. Им снова пришлось поднажать, но вот сталактит снова прошел проход и опустился на пол. Авик прочитал заклинание геопии. Неведомая сила выталкивала вервие вверх, но оно было привязано к концам сталактита, поэтому выгнулось дугой, и хотя Авик не видел его самого, тонкая ниточка пустоты аркой соединяла оба конца прохода.

Коготь довольно крикнул. Отдав несколько распоряжений другим Куницам, он зацепил свое кольцо, и набрав полные легкие воздуха, погрузился внутрь камня. Авик видел, как его выталкивает к потолку и как он барахтается, борясь с этой силой, но магия, приводящая в движение кольцо, тянула его к противоположному краю прохода. Когда с другой стороны показался его длинный нос, его вытолкнуло наружу, да так что он чуть было не сделал кувырок через голову. Вот он сел на корточки, вяло помахал рукой наблюдавшим

за ним и застыл, слегка поводя ушами. «Приходит в себя», – понял Авик. Наконец Коготь поднялся, осмотрелся, заковылял к куче камней у противоположной стены колодца и принялся с ними возиться. «Закрепляет еще одно бледное вервие, – догадался Авик, – только зачем?» Закончив, Коготь прошел обратно, снова закрепил кольцо и нырнул вглубь породы. Когда он вылетел наружу, двое Куниц ловко подхватили его. Еще не отдышавшись, он принялся распоряжаться. Темные глаза блестели, уши подрагивали от возбуждения. Пара Куниц сразу же забрались на потолок. «Закрепляют новое вервие, – понял Авик, – то, которое Коготь протащил с той стороны». Он посмотрел в проход. Теперь там было два вервия: дугообразное и натянутое как струна. Один из Куниц с воинственным криком бросился в проход ногами вперед и, пролетев его насквозь, держась за вервие, приземлился с другой стороны.

– Готово дело, – торжествующе объявил Коготь, небрежно почесывая выставленную колесом мохнатую грудь, – дорога открыта. Дедушка Мароджар может гордиться вашим покорным слугой. Осталось только убрать сталактит, чтобы не путался под ногами.

Через час Куницы уже закрепляли вервие внутри колодца. Он оказался чрезвычайно глубок, и на удивление сух. После долгого подъема путники вышли в просторную, вытянутую галерею. Авик снова прочитал заклинание, чтобы посмотреть сквозь стены и чуть не ослеп. Подземный тоннель

шел вокруг вершины высокого травянистого холма, с которого прекрасно можно было оглядывать окрестности. Прямо за нетолстой каменной стеной светило солнце, ползли по небу кудрявые облака, раскачивались кроны деревьев. Вдали нес свои воды могучий Реебор. Сквозь слой темного камня небо выглядело коричневым, словно через закопченное стекло. Авик невольно вдохнул воздух полной грудью, хотя сообщения с наземным миром пещера явно не имела – здесь пахло такой же минеральной сыростью, как и в остальном подземелье. Может быть, к этому запаху примешивался едва уловимый аромат перегноя, почвы и свежих корешков, но возможно, это было лишь игрой воображения. Человеческого жилья нигде не было видно.

Коготь по-хозяйски оглядывал всю эту красоту.

– Кажется, койси здесь не протянуты, – сообщил он. – Но это только пока.

Он прошелся взад и вперед по галерее.

– А знаете что это? – спросил он, ковыряя ногтем тяжелый каменный ящик. Когда-то он был украшен металлическими накладками, но они все истлели, остался лишь золотой шарик на крышке. – Защита от геопии: снаружи пещера не видна, скала выглядит как монолит. И магия, судя по всему, еще действует, раз пещеру не нашли, а золото не утащили. Сам холм, кстати, тоже рукотворный. Это отвал, сюда выбрасывали выработанную породу.

– А это что? – поинтересовался Хура, указывая на цилин-

дрическую трубу, торчащую из стены галереи.

– Это, – Коготь прижал уши к голове, – похоже на магическую ловушку, хотя нет... Это магическое орудие и оно направлено наружу. Скорее всего – огнемёт.

– Вон еще один, – сказал Авик.

– Вот в этот желобок, – не обращая на него внимания, продолжал Коготь, – заливали воду жизни, а этой рукояткой наводили на цель. Да... древние знали толк в укреплениях. И почему они забросили все это добро? – он сделал паузу. – Хорошо, переносим лагерь наверх. Дня через два-три проломим дыру в камне и уйдем лесами. Пока не дойдем до койси, двигаться будем медленно и только по ночам, а дни пережидать в кронах...

– А почему не сегодня? – перебил Хура.

Коготь замолк.

– Вам нужно отдохнуть перед опасным переходом, – прищурившись, сказал он, – ну и я хочу снова спуститься в зал со статуями и снять надписи. А место безопаснее, чем это, трудно себе даже представить: сюда даже рыбоеды не доберутся.

Лагерь перенесли быстро. Только лишь Рем провозился порядочно, чтобы не дай бог не повредить господину Тарабану. Коготь, несмотря на усталость, рвался в залу со статуями, однако никто из Куниц не хотел уходить из лагеря после полного событий дня, и он уступил: поодиночке спускаться в Мароджар нельзя.

– Выйдем с рассветом, – проворчал он наконец, устраиваясь поудобнее в своем гамаке. Близость к поверхности вернула им день, ночь, вечер и утро, которых почти что не было в подземелье.

Мавка встала спозаранку, чтобы напечь лепешек из рыбной муки и настрогать солонины в дорогу. Авик проснулся вместе с ней и помогал поддерживать костерок, заволакивавший галерею синеватым дымом. Хотя ни звуки, ни запахи не могли проникнуть сквозь камень, чувство раннего летнего утра каким-то непостижимым образом обволакивало и завораживало их обоих. Они молчали, да и о чем было говорить? Господин Тарабан тоже проснулся, вприпрыжку примчался на запах лепешек, и теперь игриво посматривал на Мавку, наклоняя голову то вправо, то влево. Девушка отщипнула ему кусочек, и тихо засмеялась тому, как попугай пытается жевать и кокетничать одновременно. Вдруг страшный удар потряс пещеру, с потолка посыпались камешки.

– Тревога! – закричал десятник, падая из гамака на пол.

Авик бросился затаптывать костерок. Куницы были уже на ногах и яростно пересвистывались.

– Как они нас нашли? – рассержено спросил Рем, вглядываясь сквозь камень вдаль. Авик подошел к нему. Чуть поодаль, у подножия холма красовалась свежепрорубленная, сочащаяся древесным соком просека. По ней, направляясь к холму, двигалась камнеметательная машина. Какие-то фи-

гурки возились вокруг нее, заталкивая в чашу новый огромный камень. По их сосредоточенности Авик понял, что это безымянные.

– Авик, быстро, воду жизни, – раздался резкий окрик Когтя. Он стоял рядом со странным цилиндром и неистово крутил рукоятки. Авик опрометью бросился за мехами. – Сюда! – кричал Коготь. Авик плеснул в желоб, преро-тиз-зоиз мгновенно всосалась, и толстый белый луч ударил прямо в лес. Деревья загорались как факелы. Коготь что-то сделал и луч пополз, сжигая все на своем пути. Безымянные, впрочем, продолжали возиться с камнеметом, не обращая внимания на пожар.

– Еще!

Авик плеснул еще немного. Коготь наконец приноровился к рукояткам, и камнемет вспыхнул, словно кусок пакли. Запылала фигурка людей, возившихся вокруг него. Что-то жуткое было в том, что они не пытались убежать или спрятаться, а просто горели и падали, не прекращая своей возни.

Снаряд, пущенный из горящей машины, пробил камень насквозь и ударился о противоположную стенку галереи. Внутри, сквозь плотную пылевую завесу, хлынуло ослепительно яркое солнце и свежий холодный воздух. Коготь шурясь, ругался на своем наречии. Смысла Авик не понимал, но неловкость испытывал.

– Как эти... – он издал серию лающих звуков, – нашли нас? Ну, сейчас в дыру поползут. У нас вода жизни еще оста-

лась?

Авик показал ему мехи. На дне поблескивала ртутная жидкость. От силы, пара кружек. Со вздохом Коготь вытащил из-под гамака свою алебарду.

– Подманим их поближе, а потом жахнем. А пока попытаемся протянуть койси отсюда до ближайшего леса, – он отдал команду, и двое Куниц, прихватив оружие и моток бледного вервья, выскочили наружу. Авик смотрел, как они, пригибаясь в невысокой траве и петляя между камнями, бегут в сторону леса, подальше от догоравших развалин камнемета. Коготь вылез наружу и осмотрелся.

– Так просто нас отсюда не выкурить, – заявил он, – а если что, мы снова уйдем вниз. Им придется прыгать в колодец без койси, а потом развлекаться с этой каплей-камнем. Мы взорвем карниз, а внизу под выходом расставим острые сталактиты, – Коготь недобро рассмеялся.

Атаки, однако, не последовало. Какие-то тени мелькали между деревьями, но из лесу никто не показывался. Мучительно тянулись часы ожидания. Наступила ночь, все было тихо. Двое, отправившиеся натягивать бледное вервие, тоже не возвращались. Коготь выставил часовых и скомандовал отбой, но заснуть никто не мог. Они молча сидели кружком вокруг потухшего костра, вперемежку – люди и Куницы. Во втором часу из леса раздался перестук топоров.

– Деревья рубят, – мрачно заключил Коготь. – Они боятся нас упустить больше, чем подставиться под огонь. Ну что

же, пожжем их пламенем в открытом поле, насколько хватит воды жизни, и снова вниз. Заодно и надписи снимем, – добавил он после паузы.

– Мы жизнью рискуем, а у тебя всё надписи из головы не идут, – возмутился Рем.

– Да, – просто согласился Коготь, – ничего не могу с этим поделать.

– Да ты намеренно коптишь нас в этой холодной темной дыре, а сам все мечтаешь о своих закорючках!

– Если тебе не по душе холодное копчение, то снаружи ты найдешь прекрасных знатоков мелкой шинковки и фаршировки. Можешь обратиться к ним в любое время.

– Нужно грести отсюда, – обозлился Рем.

– Когда вероятность попасться в лапы пустоглазым будет исчезающе мала, – спокойно развивал его мысль Коготь, – то есть когда будут протянуты койси.

– А как вы протянете ваше вервие, если они вырубят деревья? – возразил Рем.

– Все не вырубят, – отвечал Коготь.

С первыми лучами холодного рассвета, он недовольно осматривал свежую вырубку. Лес отступил на полверсты от холма. Деревья были срублены под корень и вывезены. На вырубке не осталось ни кустика. Между пней тут и там слонялись безымянные, пешие и конные.

– Что я говорил? – горько воскликнул Рем.

Коготь внимательно посмотрел на него.

– А ты думаешь, у тебя было много шансов сбежать от такой прорвы народа, да еще и без лошади? – спросил он.

– Какая же это прорва? – рассердился Рем, – так, парочка пустолицых щеглов.

– Как ты считаешь, эта парочка щеглов могла бы за ночь вырубить и вывезти такое количество деревьев?

Рем задумался.

– И еще, ты когда-нибудь видел, чтобы безымянные слонялись вот так, без дела?

– Да, действительно странно, – согласился Рем, присмотревшись. – Брыгцают туда-сюда, как собаки на цепи.

– И знаешь зачем? – спросил Коготь, и тут же сам же ответил на свой вопрос. – Чтобы мы пальнули в них из этой штуки, – он указал на древнее орудие, – перевели заряды и показали им, как далеко она стреляет.

– То есть, их там прячется намного больше? – спросил Рем. – И они нападут на нас?

– Непременно, непременно.

– Опять в пещеры! – неожиданно заныл Рем. – Как надоела тьма и сырость!

– Хочешь жить – терпи, – пожал плечами Коготь, с любопытством рассматривая его.

– Мы так и будем вечно болтаться туда-сюда как загнанные в нору лисы?

– Да, пока нас не затравят. Положение наше не такое отчаянное, как кажется. Мы еще поиграем в кошки-мышки.

– Пока кошка сама не залезет в нору, – вставил Авик.

– Если мы будем заделывать за собой дыры, то не залезет.

– А если кошка найдет новую дыру раньше нас? – спросил

Рем.

– Не найдет. Они, – Коготь кивнул в сторону пеньков на склоне, – всегда находят дыру только после того, как ее находим мы.

Повисла неловкая пауза.

– То есть, ты хочешь сказать, что... – начал Авик.

Коготь развел ладонями.

– Среди нас предатель! – подал вдруг голос десятник. Все вздрогнули от звука его голоса. Он почти ничего не говорил последние несколько дней.

– Не обязательно, – задумчиво сказал Коготь, – но несомненно то, что кто-то следит за нами. Я осмотрел каждую мелочь, наш скарб, все наши припасы, нет ли магической метки или, там, фонаря, но не нашел ничего подозрительного, и всё же... В этом не может быть сомнений. Если бы пустоглазые могли найти вход сами, они бы давно кормили рыбоедов по всему Мароджару. Кроме того, здесь-то мы никак не проявили себя, а они нашли нас меньше, чем за один день. Значит, они нашли этот выход только благодаря кому-то из нас.

Он внимательно посмотрел на десятника своими темными немигающими глазами, потом перевел взгляд на Рема, на Хуру. Когда он дошел до Авика, тот не выдержал. Сбиваясь,

он стал рассказывать о своих сновидениях и предсмертном шепоте старого Нотии. О произошедшем в Вечном Городе все уже знали. Коготь слушал внимательно, искоса глядя на него и прижимая уши к голове. После того, как мальчик закончил свой рассказ, установилось долгое молчание. Тишину галереи прерывало только доносящееся снаружи стрекотание кузнечиков.

– Ну и чертовщина, – наконец произнес Коготь. – Значит так, после того, как мы повеселимся здесь, нам придется разделиться. Я, девушка, – затем он прошептал имена двух Куниц – вчетвером пойдем вперед, а все остальные будут идти по нашим следам. Мы будем оставлять пометки на стенах или на деревьях.

– То есть вы удерете, как те двое, что ушли вчера, а мы угодим прямоком в лапы безымянных! – негодуяще воскликнул Рем.

Хура у него за спиной поймал взгляд Авика и в ответ выразительно повел своими светлыми бровями. Коготь снова окинул Рема испытующим взглядом.

– Они охотятся не за тобой, – сказал он, но если девушка попадет к ним в лапы, то тебе тоже не поздоровится.

– Я не безымянный, мне деигмы нипочем... – воскликнул Рем. Он хотел добавить еще что-то, но его прервал возбужденный щебет Куниц. Коготь бросился к дыре.

– Начинается, – хмуро сказал он.

Из леса волнами выкатывались безымянные. Они были

вооружены чем попало и в их построении не было видно никакой системы, но тем более пугающей выглядела слаженность их непрекращающегося движения. В такой толпе непременно должна была бы возникнуть неразбериха и сумятица, конные должны были бы давить пеших, копейщики задевать тупыми концами копий ноги идущих позади них, кто-то должен был бы потеряться и искать свой отряд. Но ничего этого не происходило. Люди двигались размеренно и плавно, как колесики какого-то невиданного механизма. Волы мерно катили новый камнемет. Коготь вдруг расхохотался.

– Целый военный поход – для того чтобы выловить четырех испуганных юнцов, одного вояку и горстку вуатыр! – произнес он сквозь лающий смех.

– И одного попугая, – вставил Рем, – вечно все забывают про господина Тарабана.

Авик посмотрел на него. Румянец снова заливал его щеки, горящие глаза смотрели в сторону склона.

– Воистину, я никогда не забуду, что против меня сражалась целая армия, это... это... достойно героической баллады, – продолжал потешаться Коготь. – Если переживу сегодняшний день, конечно, – закончил он, вытирая набежавшие слезы.

– Как вы думаете, что они будут делать? – обратился он к десятнику. Тот хмуро разглядывал бурлящее людское море.

– При таком большом перевесе – пойдут на лобовой

штурм. Если не придумают какую диковинку, – пожимая плечами, сказал десятник.

– Ой, смотрите, что это там?! – воскликнул Авик. Среди огромной ритмично двигавшейся толпы образовался какой-то островок беспорядка. Он пошарил глазами, из чего бы собрать магическую линзу, но ничего подходящего не нашел.

– О, это их немый пророк и его соратники, – сказал Рем. Он натянул линзу на сложенные колечком пальцы и теперь рассматривал толпу то левым, то правым глазом. Авик с завистью наблюдал за этим трюком.

– Что он там делает? – спросил он.

– Треплет погремушку, как и всегда, – мрачно ответил Рем.

– Странно, что они столько лучников выставили, – подал голос Коготь. – Я думал, нас живыми брать собираются.

Как по команде сотни стрел взлетели в воздух.

– Ложись! – крикнул десятник и немедленно последовал собственному совету.

– Они нам нервы треплют, – буркнул Коготь, – сюда с подножия все равно ничего не долетит.

Десятник, посрамленный, поднялся и отряхнул пыль с коленей. Действительно, стрелы, едва пролетев середину склона, бессильно падали в траву. Рем разглядывал вражеское войско «Глазом Нимбрана».

– Скучно, – позевывая, сказал он, наконец, – кое-какая

антимагия, стандартное зачарованное оружие, никаких сюрпризов.

Лучники сделали шаг вперед и дали новый залп. Стрелы снова попадали в траву, чуть выше по склону.

– Ну, таким темпом они до вечера будут до нас добираться, – сказал Хура.

– Не понимаю я этой тактики, – буркнул десятник.

Лучники снова сделали шаг вперед и снова дали залп с тем же результатом. Небо заволокло тучами, собирался дождь.

– Странно, что они не пригнали камнеметы.

– Это как раз понятно: хотят взять нас живыми. А вот где оборотни и кадавры – вопрос.

– «Кадавры», – фыркнул Коготь, – не говори при мне этого слова.

– Наверное, их запасы воды жизни подошли к концу, – предположил Авик.

Лучники сделали еще один залп, затем еще один. Первые капли дождя разбились о камни у отверстия.

– Представляю, какая тут будет слякоть через пару часов, – хмыкнул десятник. – Жаль, что мы не заготовили камней, которые можно было бы спихнуть с холма.

– На это ушло бы слишком много сил, – возразил Коготь, – а взорвать галерею мы всегда успеем. Авик, раздели воду жизни на две равные части, чтобы зарядить левый и правый огнемет. – Он начал щебетать что-то, Куницы засуетились, отвели Мавку подальше от отверстия и принялись возиться

с вервием над колодцем.

Авик разливал ртутную жидкость по кружкам, когда в отверстие хлынул поток дождя, а земля под ногами дрогнула. Рем, выругавшись, отпрыгнул: он был весь залит водой. Десятник снова упал на пол, на этот раз на бок. Авик вернулся было к кружкам, но тревожный свист заставил его снова поднять голову: Коготь указывал пальцем на пол пещеры. Короткие стрелы, совсем тонкие, в мизинец толщиной, лежали прямо перед выходом. Тут же примчались остальные Куницы, и только десятник остался лежать неподвижно там, где упал: стрела торчала из его груди, прямо напротив сердца. Заклацали, раскладываясь, алебарды, все настороженно сгрудились вокруг отверстия, и какое-то мгновение в пещере не было слышно ничего кроме шума дождя и гулких звуков колебания почвы.

– Здесь кто-то есть, – вдруг раздался из темноты галереи голос Мавки.

Авик вскочил и бросился к ней, на ходу зажигая холодный огонь. Шар вспыхнул ярким огнем и помчался к потолку над колодцем. Над карнизом было небольшое углубление, оттуда торчал сталактит, напоминавший скрюченную когтистую лапу. Авик пригляделся, бледное вервие, спускавшееся с потолка в колодец, было привязано к нему, как к крюку. Он перевел взгляд на Мавку. Девушка спокойно смотрела вверх, приложив к губам духовую трубку.

– Это вервие колебалось на сквозняке, не бойся, – сказал

мальчик.

– Откуда здесь сквозняк? – ответила девушка. В ее голосе не было слышно ни тени страха. – Кто-то либо прячется на потолке, либо карабкается снизу...

По спине мальчика побежали мурашки.

– Опустим холодный огонь в колодец, посмотрим, что там.

Он повиновался. Когда шар опустился ниже кромки колодца, гибкая девичья рука обвила его голову, зажимая рот. Повинуясь, словно ягненок, он позволил ей отодвинуть себя на пару шагов. На том месте, где он только что стоял, что-то тихонько звякнуло. Авик почувствовал движение воздуха от поднимающейся мавкиной трубки. Резко выдохнув, девушка содрогнулась всем телом. С потолка раздался высокий хриплый крик. Шарик взлетел вверх как испуганный жаворонок. Свет на мгновение выхватил вытянутую голову, настолько сильно деформированную магией, что только вытращенные голубые глаза выдавали ее человеческое происхождение. Щеря зубастую пасть, чудище ретировалось куда-то вглубь отверстия в потолке, царапая стенки прорытого прохода торчащей из его бока стрелой. Было слышно как оно скребется, удаляясь наверх. Авик скосил глаза: на том месте, где он только что стоял, из земли торчала тонкая стрела. Из углубления в потолке тонкой струйкой закапала дождевая вода. Разбиваясь в воздухе на капли, она сбегала в колодец. Рядом, тревожно пересвистываясь, стояли двое Куниц. Один из них перелез со стены на потолок и, выставив впе-

ред алебарду, заглянул в отверстие. Вдруг изогнувшись, он отпрянул и, изрыгнув какое-то лающее проклятие, повис на вервие, вцепившись в него ногами и одной рукой. Другая рука повисла безжизненной плетью. Предплечье было насквозь пробито стрелой. Первое мгновение он удерживал подмышкой здоровой руки алебарду, но от резкого движения она закачалась, выскользнула и, высекая искры о стенки колодца, улетела в темноту. Куница, продолжая сердито лаять, раскачивался на вервие, чтобы спрыгнуть на землю. Мавка вскрикнула: из отверстия в потолке показалось длинное лезвие на палке и принялось пилить едва видимое натянутое вервие. Через мгновение раскачивающийся Куница устремился вниз, в колодец, но несколько цепких рук подхватили его и втащили на пол. Все сгрудились вокруг раненого, Коготь лаял, остальные тоже галдели. Дрожь под ногами становилась все сильнее.

– А вервие-то где? – выкрикнул Рем. Коготь, чертыхнувшись, надел полумаску и поглядел по сторонам.

– На дне колодца, – мрачным голосом сообщил он. – Они хотят поймать нас в ловушку.

Земля дрогнула еще сильнее.

– Авик, огнеметы! – крикнул Коготь и скороговоркой залаял что-то. Один из Куниц осторожно полез в колодец за вервием, остальные принялись произносить какие-то незнакомые мальчику заклинания.

Авик бросился обратно к своим кружкам. Он прошел

несколько шагов, когда за его спиной раздался громкий хлопок. Он резко обернулся. В нос ударил запах паленой шерсти. Из отверстия на потолке кубарем вывалился вопящий комок обожженной плоти. Самый молодой из Куниц ловко подставил алебарду твари под подбородок, насадил ее на клинок и шваркнул об пол. Еще одна алебарда свистнула в воздухе, и голова, отлетев от тела ударилась об стену. Чудище казалось подозрительно легким. От мизинцев оборотня отходили длинные изогнутые выросты, к которым крепились кожистые перепонки, напоминавшие крылья летучей мыши. Тело было поджарым и мускулистым, кожа плотно обтягивала мышцы. В руке кадавр сжимал кроткий, но мощный лук, за спиной болтались колчан со стрелами и маленький круглый щит.

– Чем-то на тигрогрифа похож, – сказал Коготь, высматривая что-то при помощи геопии. – Они наверняка засели где-то на вершине холма и проскребли туннель сюда...

Авик последовал его примеру: он разглядел, что туннель действительно был, но теперь его завалило взрывом. Ливень так сильно портил видимость, что обнаружить врага на вершине холма ему не удавалось. Пещера содрогнулась так, что внутрь посыпались маленькие камешки.

– Авик, что ты там копаешься! – взревел Коготь.

Авик резко перевел взгляд на безымянных, карабкающихся на холм снизу. Они были уже совсем близко. Он пробежал несколько шагов и застыл как вкопанный. Кружки лежали на

боку, вокруг них на полу расплылись темные пятна. Кто-то случайно опрокинул драгоценную жидкость! Мальчик аккуратно перевернул и поднял кружки. На доньшке одной из них ртутно поблескивало несколько капель.

– Быстрее! – торопил его Коготь из другого угла пещеры.

Авик подбежал к магическому механизму и вытряхнул остатки жидкости в желоб. Стоило ему положить руку на рукоятку, как огромный каменный цилиндр словно стал продолжением его тела. Так же, как человек указывает пальцем на что-то, цилиндр указал на ползущие вверх по скользкому склону фигурки. Авик сжал кулак. Белый луч, вырвавшись наружу, выжег на земле черную полосу, превратив в обугленные скелеты людей на своем пути. За шумом дождя и топотом ног, Авик не слышал шипения испаряющейся воды, но видел поднимающийся пар.

– Давай еще! – крикнул Коготь.

Авик снова прицелился и еще один луч, испаряя струи дождя, ударил по надвигающейся толпе. Потом еще один, и еще. Он снова сжал кулак, но белый луч больше не ударил в склон, заряды кончились. Коготь мелкой ковыляющей трусцой подбежал ко второму огнемету.

– А где вторая порция? – спросил он и осекся, увидев перекошенное лицо мальчика. – Что стряслось? – его взгляд скользнул по пустым кружкам. Рот ощерился, глаза сощурились, уши прижались к голове. – Дрянь дело, – прорычал он. – Эй там, – хрипло крикнул он остальным, – живо сюда!

Сгрудившись вокруг входа в пещеру, они готовились держать оборону. Коготь с остальными Куницами пытались при помощи чар сдвинуть огромный камень, чтобы сузить отверстие. Камень покачнулся, но вместо того, чтобы закрыть проход, сорвался вниз и понесся по склону, сметая подступающих врагов. В толпе образовалась прореха, которая, словно бороздка от ложки в жидкой каше, через мгновение затянулась. Рем стащил свой уже затасканный и осевший тюрбан, намотал ткань на руку, обнажил кривую саблю. Авик и Хура судорожно рылись в своих фолиантах, подбирая подходящие случаю боевые заклинания. Они пробовали то одно, то другое заклятие, но ничто не подходило: нападавшие были грамотно защищены от стандартных боевых чар. Неудержимо они карабкались по склону. Авик уже хорошо различал их пустые глаза, смотревшие сквозь прорези разномастных шлемов. Самый верхний участок был слишком крут и слякотен из-за дождя, поэтому движение противника здесь замедлилось, а потом и вовсе остановилось.

– Что это происходит? – удивился Рем.

Передние ряды расступились, пропуская среднего роста человека в панцире. На голове его вместо шлема красовалась аквамариновая крылатая корона. Едва поспевая и то и дело поскользываясь на грязи, за ним следовали два человека в черных робах. В одном из них Авик признал своего старого знакомого толстяка. Его переносица все еще несла на себе следы удара алебардой. Все трое не были безмянными, их

глаза смотрели по сторонам осмысленно и властно. Шагах в десяти от входа в пещеру они остановились. Тип в короне сложил руки на груди, открыл рот, и оттуда полилась незнакомая клокочущая речь, изобилующая придыханиями и рыком.

– Что бы это могло значить? – пробормотал Коготь.

– Это их пророк, – сказал Рем, – сейчас они будут толковать этот поток звуков как кладезь премудрости. – Он попытался пальнуть в оратора «Ледяной Рукой Ски-аль-Мернай», однако заклинание было отражено мощной антимагической защитой.

Когда поток непонятных звуков иссяк, вперед выступил толстяк в черной робе.

– О, недостойные еретики и богомерзкие богохульники, – перекрикивая шум дождя, начал он голосом, полным праведного гнева, – вы были удостоены высочайшей чести, ибо сам святой Балклич глаголил посреди вас устами своего благоверного пророка. Покайтесь и придите к истине, так как отступать вам некуда, а лишь толика силы святого Балклича уже явилась пред вами во славе своей, так что камни сошли со своих лежбищ и небесные своды сотряснулись. Верните то, что по праву является достоянием святости, и ваши ничтожнейшие из жизней будут сохранены вам. И вам самим останется выбор прильнуть к океану великой мудрости или же прозябнуть во тьме мглы невежества...

– И что это значит? – снова спросил Коготь.

– Они хотят, чтобы мы им отдали девушку, и тогда они сохранят нам наши жизни и даже не разыменуют, – ответил Рем.

– Истинное учение, – продолжил толстяк, переведя дух, – столь великоразумно и многомогущественно, что даже в рядах таких богохульников как вы, наискался один сторонник Балклича, который не позволит вам уйти от вашего извыволения из пучин смутной ереси вашей.

– Ну, это ты, предположим, врешь, – с нажимом сказал Коготь, но Авик слышал, как еле заметно дрогнул его голос.

Хура вдруг вскрикнул и указал рукой вглубь пещеры. Авик обернулся. У края колодца, спиной ко входу, стояла Мавка. Вся фигура девушки выражала решимость. Она собиралась с духом, чтобы спрыгнуть вниз. Мальчика прошиб холодный пот. Что есть силы, он сжал рукоятку огнемета.

– Стой, дура! – насколько хватало легких выкрикнул он. Страшный грохот сотряс пещеру. Обжигающая волна отбросила их от входа и разметала по галерее. На четвереньках он пополз прочь от выхода из пещеры, подальше от потоков жаркого воздуха, врывавшегося внутрь. На расстоянии в тридцать локтей жара почти не чувствовалось. Он остановился, чтобы перевести дух, голова кружилась, к горлу подступала тошнота. К нему подковылял Коготь. Число белых волосков на его морде значительно выросло: он то ли поседел, то ли опалил себе шерсть. Глаза его были широко распахнуты, уши растопырены.

– Мавка? – просипел Авик.

– В порядке. Смотри, – одними губами ответил тот, указывая на стену.

Авик восстановил заклинание геопии, слетевшее в момент удара. Все пространство снаружи было покрыто сплошной стеной огня, словно бы дождевая вода вдруг превратилась в пламя. Вход в пещеру был перекрыт какой-то бесформенной черной массой, поэтому жар внутри шел на убыль, равномерно растекаясь по прохладной галерее. К ним подошла Мавка. Подбородок девушки чуть подрагивал, но глаза были сухи. Хуру и Рема отбросило в противоположную сторону галереи, поэтому, чтобы добраться до того места, где стояли Авик и Коготь, им пришлось пройти мимо перекрытого выхода. Держась рукой за противоположную стену галереи и, с опаской поглядывая на черную пробку, они подбежали к остальным. Отряхиваясь, подтянулись двое Куниц. Лишь раненный с перебитой рукой остался сторожить колодец. Несколько минут все молчали, потом Коготь прочистил горло.

– Как тебе это удалось? – спросил он Авика. Тот только пожал плечами.

Коготь дотронулся до рукоятки ближайшего огнемета черными подушечками пальцев, проверяя, не раскалилась ли она. Затем, зажав ее в кулак, он громко выкрикнул:

– Стой, дура!

Ничего не произошло, огненные струи продолжали па-

дать, не усиливаясь и не ослабевая.

– Ну-ка, ты попробуй, – обратился Коготь к Авику.

Тот попытался повторить свой истошный крик, и снова никакого видимого действия это не возымело. Авик изменил модуляцию голоса, силу сжатия рукоятки, но только сорвал себе горло и рассмешил остальных. Коготь хохотал, привалившись спиной к стене, безумно вращая глазами и обхватив голову когтистыми лапами. «Стой, дура! Стой, дура!», – повторял он сквозь слезы. Мавка не обижалась и тоже смеялась, тихо и мелодично. Рем повалился на землю, хватаясь за живот, Хура закашлялся так, что казалось, он вот-вот задохнется.

Горстка безумцев, перепачканных, уставших и покрывшихся черной копотью, они валялись на полу или сидели на пыльных камнях. Смех гулко отражался от стен, и пройдя по кольцу галереи, эхом возвращался к ним. Взгляд Авика упал на остекленевшие глаза десятника, все еще лежавшего возле входа в пещеру. Он осекся. Языки пламени тем временем начали редеть, обнажая выжженный склон, усеянный обугленными остовами тех, кто еще недавно был безымянными. Ливень все еще продолжался, капли падали в потухающий огонь, заволакивая всё вокруг облаками пара.

Ну, – сказал Коготь, – собираемся в путь, пока они не оправились.

Авик сделал несколько шагов в сторону выхода, когда знакомый голос прозвучал прямо в его голове:

– Пожалуйста, не пугайтесь, я сейчас спущусь к вам.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Авик поднял голову и, сквозь толщу камня, посмотрел на небо. Его примеру последовали и остальные. Видимо, они тоже слышали голос. В зените, наполовину скрытый редющими грозowymi тучами, неподвижной округлой тенью чернел воздушный корабль. Отделившийся от него небольшой прямоугольный предмет, едва различимый сквозь камень, дым и струи дождя, приближался к вершине холма.

Пробка, закупоривавшая вход, ввалилась внутрь. В пещеру хлынул дневной свет и запах недавно залитого водой, недогоревшего пожара и паленого мяса. Авик бросил взгляд на странную пробку – черные лохмотья, закопченные доспехи, аквамариновая корона. При свете дня он различил очертания трех спекшихся друг с другом человеческих тел. Спасаясь от огня, трое предводителей бросились, отталкивая друг друга, под сень пещеры, но застряли в узком проходе.

В отверстие осторожно просунулась знакомая голова с завитой колечками черной бородкой, а потом показалась и вся огромная фигура кеена все в той же серой хламиде, казавшейся теперь серебристой. Гость выпрямился во весь рост, мгновение помедлил, взглядываясь в темноту, а затем чуть заметно пошевелил рукой где-то под хламидой. Галерею залил яркий, равномерный свет. Холодного огня или другого источника видно не было. Мавка сделала неуверенный шаг

вперед.

– Это ты? – спросила она. – Я представляла тебя совсем другим. Где ты пропадал так долго? – Авик почувствовал укол ревности.

– Ато, аз, отроца моя... – начал кеен на таком старом диалекте хоривского языка, что даже бабушка Авика его бы вряд ли поняла.

– Когда твой голос говорил у меня в голове, я понимала тебя лучше, – отпрянула девушка.

– Потому что при передаче мысли, передаются не слова, а их значения, – прозвучал неслышный уху голос. – Я не смог прибыть раньше, прости.

– Беда нам речити, – добавил он снова вслух.

– Кажется, он хочет побеседовать, – догадался Рем, более других подкованный в языках. Странный гость согласно кивнул и опустил на землю. Остальные последовали его примеру. С выражением некоторого неудовольствия на лице, кеен извлек из-за пазухи какой-то небольшой предмет из желтого металла. Предмет имел форму двояковогнутого диска с ручкой, как у маленькой сковородки, и был весь покрыт письменами, отдаленно напоминавшими рунические знаки. Кеен покрутил его в руках. Авик впервые увидел его кисти. Смуглые, очень крупные ладони, длинные пальцы поглаживали странную штуковину. Пришелец произнес непродолжительную речь, из которой следовало, что он прибыл с Летающих Островов, чтобы помочь им справиться с навис-

шей над ними угрозой и что они не должны более опасаться ни его самого, ни врагов. Мальчики украдкой улыбались, так как говорил он дедовским языком, каким обычно изъяснялись священники в особо торжественных случаях, но при этом вворачивал имперские словечки так, как это делают хоривские щеголи, желающие казаться утонченными, образованными людьми. Вращая в руках странный предмет, он повторял свое сообщение снова и снова, и с каждым разом его речь становилась все чище и понятнее.

– Простите, я слишком давно не говорил по-хоривски, а передача мыслей, во-первых, слишком утомительна, а во-вторых, не слишком подходит для разговора с большим количеством собеседников, – наконец произнес он на чистом и современном хоривском языке, убирая странный прибор за пазуху. У Авика по спине побежали мурашки. Сколько же ему лет, если ему доводилось говорить на таком древнем хоривском?

Из колодца, с концом вервья, обвязанным вокруг пояса, наконец появился посланный вниз Куница. Он осторожно огляделся, удивляясь яркому свету и необычному посетителю.

– Я чертовски извиняюсь, – передразнивая манеру гостя начинать мысль с извинения, сказал Коготь, – но если мы не покинем сего уютного уголка, из нас, скорее всего, сделают фарш еще до наступления темноты. Я предлагаю уносить отсюда ноги, пока не поздно.

– Я же сказал, об этом вам не следует беспокоиться, – отвечал кеен, – жидкий огонь фрегата испепелит всякого, кто подойдет к холму.

«Жидкий огонь» и «фрегат» он произнес по-имперски, но это уже не казалось забавным.

– А это случайно не «Аммистарму»? – спросил Авик.

– Может, и «Аммистарму», – ответил кеен, внимательно посмотрев на него.

– А вы тогда, должно быть, Авихетеку?

– Ты можешь звать меня Посланником, – был ответ.

– Но вы ведь пират, не так ли? – продолжал допытывался мальчик.

Посланник недовольно поерзал.

– Нет, я не пират, я – *аситемари*, то есть мудрец, обучающий варваров премудрости, а еще немного *исатиора*, или волшебник, управляющий подземным огнем и горячими ключами, – этих слов не было ни в хоривском, ни в имперском, поэтому для того, чтобы объяснить их смысл, кеен прибегнул к мыслепередаче, – ну и кроме того, я – штурман летающего корабля. – Добавил он по-хоривски.

– И каких же это варваров вы обучаете? – с подозрением спросил Коготь. Он развязал мешок с припасами и теперь передавал по кругу вяленых рыбешек.

Гость развел руками, как бы говоря: «ну а как вы думаете»? Одна из рыбок попала в руки кеену, тот машинально повертел ее в пальцах и передал дальше, даже не удостоив

ВЗГЛЯДОМ.

– Союз Свободных Кетемов давно прекратил всякие сношения с наземными племенами, прямое обучение ныне строго запрещено, поэтому мне и горстке моих единомышленников приходится делать свое дело втайне ото всех, включая самих... обучаемых. Я многие годы создавал Астральную Карту этой девушки. Мне пришлось прибегнуть к некоторым хитростям. Подменить кое-какие имена второго слоя, наполнить скрытым смыслом обыденные заклинания на ее Карте... Поскольку она *намунa*, (так называют человека, животное или предмет, чары, наложенные на который, передаются всем подобным объектам рядом с ним), – в голове у Авика снова прозвучало значение неведомого кеенского слова: видимо, Посланник имел в виду то, что Рамис назвал «деигмами», – младенцы, родившиеся в это время в окрестностях Хорива были здоровее, спокойнее и сообразительнее...

– А почему ты мне этого не сказал? Ты обманывал меня? Ты никакой не дух? – сердито спросила Мавка.

– Я много раз говорил, что мои чары помогут не только тебе, но и всему твоему племени. И в тот, последний раз, когда злосчастный заколдованный выследил тебя на обратной дороге, я говорил тебе то же самое. Я не мог раскрыть своего происхождения, – виновато развел руками пришелец. – Да и зачем тебе было это знать?

– Я хранила твою тайну под страхом смерти, а оказывает-

ся, что сама не знала правды! – воскликнула девушка.

Посланник на мгновение смутился.

– Теперь ты знаешь, – наконец сказал он.

– Я до конца оставалась в родном доме на краю леса, полного оборотней! Я-то считала, что это мои родные стены защищают меня!

– Твое чувство тебя не обманывало. На хуторе было установлено *меситавети*, – кеен так разнервничался, что забыл сообщить значение этого слова, – я бы сумел защитить тебя, если бы ты не уехала оттуда.

Мавка несколько смягчилась.

– А почему ты не пришел нам на помощь раньше? Столько храбрых людей погибло, защищая меня!

– Я не мог найти тебя, – печально отвечал кеен, – защитные чары, которые я сам установил на твою Астральную Карту, сыграли со мной злую шутку.

– Поисковые фонари Рамиса Ацетуса срабатывали только тогда, когда вы снимали защиту с мавкиной Карты, чтобы что-то на ней изменить? – осенило Авика.

Кеен утвердительно кивнул.

– Лишь благодаря случайности, я подслушал эхо разума этого мальчика, когда он находился в личине другого человека. Я проследил за тем, как его дух возвращается в тело, и сразу примчался сюда.

– Вы читаете мысли? – поинтересовался Хура.

– Изредка удается, особенно если это касается ваших про-

стенских эленхомени фантазма.

– А безымянные – это тоже твоих рук дело? – все еще сердито спросила Мавка.

– Ну что ты! Конечно, нет.

– А откуда же они взялись?

– Это длинная история. Впрочем, мне все равно придется ее рассказать. – сказал кеен, присаживаясь на камень. – Она началась еще задолго до того, как первый кетем оторвался от поверхности океана. Некто Асфоксад, одаренный маг из города, так давно заброшенного, что даже имя его забыто, достиг мудрости, значительно превосходящей вашу – и даже нашу. Он постиг тайну сознания и научился выражать мысли человека на Истинном Языке напрямую, минуя бумагу, чернила, речь и другие подобные вещи. Ему удалось так глубоко проникнуть в тайны Истинного Языка, как не удавалось никому из живущих на Земле. Он выучил его весь до последнего Имени.

– А что же случилось с его знаниями после того, как он отошел в мир иной? – наострил уши Коготь.

– Ему не довелось умереть, по крайней мере, той смертью, с которой приходилось сталкиваться нам, – повернулся к нему Посланник. – Он научился управлять магическими связями, которые скрепляют всё сущее, придавая ему свойства, которые мы видим перед собой. И он использовал открывшуюся ему мудрость для того, чтобы увековечить себя. Как червь, проник он в недра бытия и перестроил часть

магической паутины, вписав в нее свой разум и свое сознание. Конечно, он был каплей в океане мироздания, но не затерялся в нем и не утратил своей силы и остроты. А еще он жаждал власти. Хитростью и коварством, ему удалось подчинить себе половину мира и править ею на протяжении столетий. Разум одних людей он поглощал, завладевая их знаниями и опытом, но уничтожая их волю, других превращал в свои слепые орудия, третьи служили ему по доброй воле, получив за это сомнительную выгоду вечной жизни в слиянии с разумом самого Асфоксада. Его царствование продолжалось вплоть до самых Темных Веков. Что случилось с ним потом, к сожалению, неизвестно, поскольку это смутное время очень скудно отражено в летописях, а большая часть книг была утрачена в урагане бесконечных войн и восстаний. Очевидно, что так или иначе, его империя погибла. Несколько десятилетий назад, мы обнаружили, что кто-то или что-то из глубин мироздания использует *мешикочи*, – Астральное Окно, открываемое магом во время Великой Игры, – для того, чтобы выяснять значения Истинных Имен. Имена были настолько элементарными, что никому и в голову не могло прийти, что это может быть Великий Асфоксад, крупнейший знаток Языка в истории. Видно за те годы, что прошли с его исчезновения, что-то случилось с памятью старика. Сейчас, однако, он набрался сил и знаний, и как будто намерен начать вновь отвоевывать свое царство. Несколько месяцев назад кто-то открыл мешикочи невиданного доселе размера,

и интенсивность контактов Асфоксада с нашим миром возросла в десятки раз.

– Носатый негодяй нашел способ сделать это с помощью таблички, которую он украл у нас! – зарычал Коготь.

– В последние месяцы, Асфоксад с поразительной скоростью наверстывал упущенное...

– Он проник в библиотеку Вечного Города! – воскликнул Авик. – Это он находился в эленхомени фантасма Рамиса Ацетуса, я уверен в этом!

– Да, – подтвердил кеен, – под самым моим носом.

– Летящие Острова помогут нам с ним справиться? – с надеждой спросил Рем.

– Суферы пока не видят прямой угрозы Союзу. Они надеются, что полчища Балклича, как сейчас почему-то именуется себя Асфоксад, схлестнутся с Огненными Парусниками, а кеены в свою очередь, добьют того, кто одержит победу.

– Неужели ваши правители настолько самоуверенны? – спросил Рем.

– Они конечно самоуверенны и недальновидны, как и большинство правителей. Однако и нам не следует преувеличивать мощь Асфоксада. Несмотря всё на свое могущество, ум и целеустремленность, его разум не сильно отличается от человеческого. Он одинок, поскольку его гордыня не позволила ему обзавестись настоящими преданными помощниками, он не слишком изобретателен, поскольку по-настоящему не интересуется ничем, кроме собственной пер-

соны. Долгие годы, проведенные в мире имен, как будто заставили его забыть многое о мире вещей. Но главное, его возможности конечны. Он не доверяет тем, кто прислуживает ему, не отказавшись от собственной воли, а командовать безымянными – тяжелый труд. Он способен управлять армией, наподобие той, которую я залил жидким огнем, но это – предел его возможностей. По крайней мере, пока он не заполучил намуну, – кеен посмотрел на Мавку. – Угроза Островам возникнет, только если Асфоксаду удастся захватить намуну и завладеть воздушными кораблями и тигрогрифами Огненных Парусников. Однако, во-первых, покорить Долину Железных Мельниц пока не удавалось никому, а во-вторых, суферы не видят причин торопиться на защиту наших заклятых врагов.

– И что же ваши суферы посоветуют делать нам? – раздраженно спросил Коготь.

– Не думаю, чтобы вы их сильно интересовали, – печально сказал Посланник, – в любом случае они не могут вам помочь. Единственный доступный им способ справиться с этой чумой – утопить пораженные ею города в пламени. Хотя Асфоксад способен существовать вне человеческого тела, если уничтожить всех его сторонников, ему, скорее всего, будет сложно снова вернуться в мир вещей.

– То есть, у нас нет шансов? – воскликнул Хура.

– Не торопись, – Посланник порылся у себя за пазухой и с благоговением извлек оттуда продолговатый прямоугольный

предмет и снял с него крышку. В двух углублениях гнездились два тонкостенных сосуда яйцеобразной формы, каждый размером с детский кулачок. Один был темно-красным, а другой – малахитово-зеленым. Словно листья растения, они были испещрены ажурными серебристыми прожилками.

– Посмотрите, что за чудо, – прошептал кеен.

– Это кнурф? – предположил Авик.

Посланник вздрогнул.

– Где ты понабрался этих глупостей? – спросил он, поворачиваясь к мальчику всем телом. Авик от неловкости опустил глаза. – Это два сосуда. Вы должны наполнить их преро-тиз-зоиз из крупного источника неподалеку от того места, где Асфоксад-Балклич впервые вышел в мир вещей. Сначала идет красный сосуд, он создаст защитный купол, который защитит внешний мир и не позволит злобному разуму выбраться наружу из замкнутого им пространства. Затем следует наполнить зеленый сосуд. Магия, заключенная в нем, эээ... – кеен взял неловкую паузу, – уничтожит Асфоксада. Природный источник, находящийся в глубинах этих пещер, идеально подходит для этой цели.

– А почему бы вам, кеенам, самим не совершить этого? – недоверчиво спросил Хура.

Посланник грустно рассмеялся.

– Воля тех, кто создал эти сосуды, такова, что пустить их в ход должны люди того племени, которое выпустило Балклича в мир вещей.

– Ваши правители совсем сошли с ума? – изумился Коготь, – вы можете уничтожить врага, но не желаете делать этого своими руками?

– Эти сосуды созданы не кеенами, – ответил гость. – Это подарок вам от народа Шон.

– Шон? – переспросил Рем, – а это еще кто такие?

– Мало что известно об этом народе, мы знаем лишь, что они превосходят нас в своей мудрости в большей степени, чем мы – последних дикарей Южных Архипелагов.

– Они знают больше Имен, чем знал Балклич в старые времена? – спросил Авик.

– Их магия основана на более глубинных явлениях, чем Истинный Язык, а сами они, хотя и намного могущественнее нас, не имеют Тайных Имен и не используют их.

– Где же расположена эта удивительная страна? – поинтересовался Коготь.

– Этого никто не знает. Они поднялись так высоко в горы Знания, что скрылись от нас за перевалами. Хотя наши кетемы и облетели весь мир, нам ни разу не удалось наткнуться на какие-либо следы Шон. Мы изредка получаем от них сообщения, обычно настолько пространные, что нам только в общих чертах удается уловить их смутный смысл. Однако на этот раз, их послание было простым.

– Простым, быть может, но довольно сумасбродным, – проскрипел Коготь.

– Нам трудно объяснить мотивы Шон, так же, как и дика-

рям Южных Архипелагов было бы непросто понять наши, – проговорил Посланник, – однако в этом случае, они скорее всего руководствуются чем-то вроде первой *заповеди асиметрии*: «Ученик не видит руку учителя», – в пещере повисла неловкая тишина. Кеен опустил глаза и медленно продолжил:

– Когда-то, еще до того, как кетемы оторвались от глади океана, один из наших городов, кажется, Емаибегери, спасаясь от шторма, заплыл в устье большой северной реки и оказался заперт там непогодой. Наступила осень, море затянуло льдом, и моим соплеменникам пришлось зазимовать в северных лесах. Там им довелось столкнуться с племенем охотников и рыболовов. Эти люди вели кочевой образ жизни, практически не знали магии, и поэтому сильно страдали от нападений полярных львов и бурых медведей, а также от весенних наводнений. Наши предки, сжалившись над несчастными, изобрели для них способы устройства домов на деревьях, приспособили магию наших корабельных снастей для того, чтобы натягивать веревочные мосты высоко в кронах. Придумали им новое, более совершенное оружие. Ну и конечно научили их нескольким новым Именам для Астральных Карт людей. Насколько я помню, там не было ничего особенного, всего лишь несколько довольно мягких Имен, касавшихся, прежде всего, ловкости и зрения, необходимых для полудревесного образа жизни. Весной, когда моря оттаяли, город снова ушел в открытое море и больше нико-

гда не возвращался на место этой зимовки. Долгие годы никто не интересовался диким племенем охотников, облагодетельствованных жителями Емайбегери. Однако через сто с лишним лет, торговцы пушниной снова заплыли в те края и обнаружили, что тамошние жители изменились до неузнаваемости. Они невероятно усилили Имена, полученные от наших предков, и превратились в существ, больше напоминавших огромных белок-летяг. Довольно простые навыки и инструменты, которыми их одарили кеены, были доведены до потрясающего совершенства, однако во всех остальных областях, они остались первобытным племенем. Они оказались враждебны к любым новшествам, как будто кроме жизни в кронах деревьев, подаренной им божественными духами реки, ничего на свете и не существует. Так велико было их восхищение чудесным подарком, что они и поныне не могут оправиться от его последствий. Мы пытались убедить их, что магию дали им вовсе не духи, а наши соплеменники, они же обвинили нас в кощунстве и прекратили с нами всякое общение. Грандмаг Абишебу дал нам первую заповедь аситемари именно после этого случая с ловушкой отсталости, в которую попали Черные Куницы. Это было во времена, когда мы, аситемари, были еще в почете.

– Когда мы раскопаем Мароджар, мы посмотрим, кто тут отсталый, а кто нет, – пробурчал Коготь.

Посланник грустно улыбнулся.

– Ты можешь добыть мудрость, но сколько времени уйдет

у тебя на то, чтобы твои соплеменники ее приняли? Сотни лет? Тунтематон старше Вечного Города, не говоря уже о Хориве, но до своих последних дней он оставался лишь большой стоянкой охотников, и не более того. Не так страшно попасть в ловушку, как утратить желание выбраться из нее. Заходить в подобные тупики свойственно всем, даже животным. Вам, вероятно, посчастливилось встретить здесь удивительных пещерных выдромедведей?

Куницы не сразу поняли, кого имеет в виду Посланник, и с секунду удивленно смотрели на гостя. Когда они, наконец, сообразили, галерею огласил взрыв хохота. Кеен тоже улыбнулся.

– По всей видимости, посчастливилось, – продолжил он. – Страшно себе представить, что было бы, если бы зверь подобной силы и ловкости вышел на поверхность. Однако, за долгие тысячелетия жизни в пещерах выдромедведи утратили зрение, и путь вверх им теперь навсегда закрыт. Гораздо более слабый и неуклюжий зверь сможет обвести слепого вокруг пальца. Ловушки подстерегают нас всюду, и даже знание не всегда служит защитой. Асфоксад – тоже жертва ловушки, в которую он попал, обладая колоссальными знаниями. Мы не знаем точно, как ему удалось достичь высот мудрости, но согласно одной из версий, он добился этого не сам, а наткнулся на один из архивов Древних...

– Шон? – перебил его Авик.

– Вполне возможно, хотя Шон не единственная страна ве-

ликой мудрости, ныне скрытая от глаз смертных. Как бы то ни было, Асфоксад заполучил огромную силу, оставаясь при этом варваром, недостойным этой силы. Он загнал сам себя в ловушку, и хочет затянуть в нее весь остальной мир. Я полагаю, что если бы ему пришлось самому карабкаться на вершины мудрости, это бы очистило его дух от гордыни и властолюбия, хотя кто знает... – Посланник сделал долгую паузу, задумавшись о чем-то. – Теперь вы, наверное, понимаете, как сложно приходится аситемари. Чем дороже тот дар, который ты преподносишь, тем скорее он принесет зло. Учитель никогда не должен делать работу за своего ученика, иначе тот никогда не приобретет ни навыка, ни достоинства, необходимого мастеру. Более того, если некто получал подарки сегодня, вчера и третьего дня, то завтра он может впасть в ярость, если ему ничего не преподнесут. Он искренне сочтет это величайшей несправедливостью и даже грабежом. Человек должен сам заслужить то, что он имеет, иначе он не сможет понять настоящую цену того, чем он обладает, не сможет почувствовать справедливых границ своих возможностей. Он будет либо ценить прах на вес золота, либо считать золото пылью. И то же касается племен и народов. Настоящий аситемари лишь направляет, тихонько подталкивает ученика в правильном направлении, а когда работа окончена, уходит в тень, оставляя ему наслаждаться одержанной победой, как если бы он одержал ее сам. Так что это дело, – кеен покачал в руке футляр с сосудами, – придется

выполнить вам.

Воцарилось молчание.

– Ну и, кроме того, вам, возможно, удастся выжить, а мне – нет, – снова заговорил гость.

– Возможно?! – подскочил Рем.

– Да. Это предприятие смертельно опасно. Зеленый сосуд уничтожит не только Балклича, но и всё внутри сферы, созданной красным сосудом. Некоторая неясность происходит от того, что на языке народа Шон материальный мир и наша магия, основанная на Истинном Языке, обозначаются одним и тем же словом. Они ушли так глубоко в Астрал, что для них эти две вещи кажутся примерно одним и тем же. Так что не вполне понятно, уничтожит ли сосуд только магию или же и магию, и материю. Если исчезнет только магия...

– ...то мы превратимся в фабагонов! – воскликнул Коготь.

– Да, вы, возможно, снова приобретете человеческий облик, – кивнул кеен, – а вот я умру.

– Вы разве не бессмертны? Вы можете умереть? – спросил Авик.

Посланник вполоборота повернулся к нему.

– Конечно, могу. Я в некотором смысле и так уже мертв. Это, – он пошевелил руками под хламидой, – рукотворное вместилище моего сознания, своего рода эленхомени фантазма, только несколько более искусно сработанная. Мое настоящее, человеческое тело уже давным-давно умерло, а ис-

чезновение магии уничтожит меня окончательно. Впрочем, если бы не запрет со стороны Шон, я бы безо всяких колебаний принес эту жертву. Прибыв сюда, я нарушил закон моей страны, и теперь мне трудно будет туда вернуться.

Мавка подбежала к Посланнику и обхватила руками его шею. Кеен погладил девушку по волосам.

– Что это у тебя? – вдруг спросил он. – Это твоё? Не может быть...

– Каменя? – переспросила Мавка, краснея. – Это мне Авик подарил. Он получил ее от бабушки, а та от своей мамы, а та от своей...

Посланник посмотрел на мальчика совсем по-другому – долго и внимательно.

– Ты подарил эту камю волшебной девушке? – спросил он с той же легкой улыбкой, которая играла на его устах тогда, в Вечном Городе.

Авик подошел и взял Мавку за руку и загородил ее от сущего нос не в свои дела пришельца.

– Да, подарил, – с нажимом сказал мальчик. Выражение его лица было столь решительно, что кеен расхохотался тихим мелодичным смехом, запрокинув назад свою огромную голову.

– Как причудливо тасуется колода, – произнес он полушепотом.

Они снова спускались вниз. Теперь пещеры были освеще-

ны ярким светом магии Летающих Островов. Непривычно и как будто испуганно смотрели на них сталактиты, колонны, натеки, вырванные из тысячелетнего полумрака. Сзади, на многие версты, до самой поверхности протянулись вервия, укрепленные кеенской магией. Теперь ни один рыбоед не смог бы их перекусить. Могущество Посланника поражало воображение. Он замечал потайные ходы и скрытую магию гораздо лучше, чем Куницы, хотя по его словам, ни разу не спускался ни в Мароджар, ни в другие пещеры. При своем огромном росте он легко пролезал в самые узкие щели. Текучий камень, который Куницы так долго не могли преодолеть, расступился, освобождая проход для массивной фигуры Посланника, да так и остался зиять открытыми воротами во внешний мир. Даже рыбоеды, словно учуяв неведомую силу, ни разу не пытались напасть на отряд. Только Катуйс тоскливо завывал где-то в глубине пещеры, не решаясь приблизиться.

Двигались они стремительно. На второй привал остановились уже ниже старого лагеря Черных Куниц, в который заглянули буквально на несколько минут, чтобы забрать оттуда запасы вервия. При таком темпе они достигнут Резервуара меньше, чем за двое суток. Наберут достаточно воды жизни и поднимутся обратно наверх. А потом они кинут жребий. Кто-то один останется, чтобы совершить ритуал, а остальные уйдут вместе с кееном на его фрегате... Этот миг был для Авика самым невыносимым. Смотреть в глаза другу, обре-

ченному на гибель или на прозябание, ведь мир без магии – самое невероятное убожество, которое только можно придумать... Если жребий падет на него, это будет просто, он будет вести себя как герой. Если на Мавку, то тоже просто – он останется с ней и снова окажется героем. А если Хура? Рем? Авик отгонял от себя мрачные мысли. Чтобы как-то развеяться он подошел к неподвижно сидящему на небольшом натечном холмике Посланнику.

– Не поможете мне с рукой? – попросил он. – Сейчас рана вроде затянулась, но все время открывается, и боль, честно говоря, адская.

Кеен хмыкнул и положил больное запястье мальчика в свою огромную ладонь. Покрутив и так и эдак, он прочитал какое-то заклинание, отдаленно напоминающее «Глаз Нимбрана», потом развеял его, прочитал какое-то новое, неизвестное Авику, потом еще одно, потом еще, меняя их с легкостью ребенка, перебирающего разноцветные стеклышки.

– Мда... – пробормотал он, – поражение небольшое, вокруг запястья, края раны неровные, не кровоточит... – Он снова принялся чего-то разглядывать. – Похоже на *яморикари кваниква*... Одна из разновидностей паразитических чар, которые подменяют собой материальную структуру бытия. Как бы тебе объяснить... Знаешь, языковую мокрицу? Это рачок, который съедает язык рыбы, а сам прикрепляется на его место. Рыба может спокойно использовать мокрицу вместо собственного языка.

У Авика по спине поползли мурашки.

– Что-то сожрало часть моего тела?

– Образно выражаясь, да. Я вижу лишь следы чар, но не вижу их самих. Как будто какая-то грубая антимагия вытравила их с твоей руки.

– Я сначала носил на этой руке неизвестно кем зачарованный браслет, а потом сорвал с нее магические кандалы, – вспомнил Авик.

– Это подходящее объяснение, – кеен с любопытством посмотрел на мальчика, – потом расскажешь, как всё это было. Следы могут болеть, когда вступают в близкий контакт с источником яморикари кваниква. Когда ты впервые ощутил боль в этом месте?

– Во время Великой Игры...

– Ага! Тогда это Балклич собственной персоной, как вы его называли... – кеен нахмурил брови, – Таинственный Вопросающий?

– Задающий Вопросы, – ответил мальчик.

– Да, точно. Вероятно, он может делать что-то подобное. В каком-то смысле, он и сам является яморикари кваниква, только обладает разумом.

– Перед тем как умереть, его прислужники сказали нам, что среди нас находится их сторонник. А перед этим они выследили нас. Это может быть из-за моей руки?

– Вряд ли это возможно, – задумчиво сказал кеен, – чары разрушены. Я бы предположил, что ты можешь чувствовать

Балклича, а он тебя – нет. Если хочешь, я мог бы попробовать устранить остатки этих чар.

– Ну, нет уж, – после короткого раздумья, ответил мальчик, пряча руку за спину, – пока мы не разделались с врагом, я хочу почувствовать его приближение.

– Как хочешь, – пожал плечами Посланник, Авик поблагодарил его, и они разошлись.

Время третьего привала застало их уже на галереях, окружавших Главный Зал. Серебристый свет Резервуара не был больше виден, поскольку яркое освещение загоняло это едва видимое сияние обратно в проломы скальных стен, уравнивая его в правах с темнотой. Снова пришло время отправляться в путь. Авик уже взвалил на плечи свою ношу, когда услышал знакомую лающую ругань. Он зашел за натечную перегородку, и его глазам открылось знакомое зрелище: Коготь носился вверх-вниз по стенам пещеры, изрыгая проклятия. Внизу над мотками бледного вервия, виновато опустив уши, стояли трое Куниц.

– Мы не можем идти дальше, кто-то повредил все наши койси, – тяжело дыша, объяснил Коготь, – это наверняка работа рыбоеда. Пока намотки лежали в лагере, прокрался и понадукуывал. Ох, попадись мне этот проклятый зверь!

Авик надел протянутую ему маску и присмотрелся. Намотки, обычно аккуратны свернутые как обычные катушки бечевы, теперь неряшливо ерошились отрезанными концами. Издав долгий печальный вздох, Коготь сгреб намотки и

отправился к журчавшему в соседней зале ручейку. Куницы развели огонь, вскипятили котел с водой и закинули туда негодные куски вервья. Прошло около получаса и веревки совершенно разварились, превратившись в прозрачную, густую массу. Около часа, пока зелье бурлило на огне, Куницы раскладывали вдоль ручья какие-то загадочные приспособления. Работников было слишком мало, поэтому Куницам пришлось приспособить к процедуре и остальных, нарядив их в маски. Ворча что-то лающее, в чем Авик смог различить только частое упоминание фабагонов, Коготь закрепил кожаный мешок на высокой станине. Двое Куниц лили в него кипящее зелье, которое вытекало прямо в ручей через шестнадцать аккуратных отверстий. Застывая, зелье снова становилось бледным вервием, прочным, но недостаточно упругим. Ниже по течению Мавка, стоя по колено в воде, вылавливала нити из ручья, подавала их Когтю, который при помощи специального крючка ловко сплетал из шестнадцати прядей толстый, неопрятный канат. Рем должен были затянуть стежки, разогреть над магическим огнем, чтобы пряди припеклись друг к другу, а затем снова охладить его в ручье. Авик вылавливал вервие, сматывал бухты и относил в соседнюю залу, где кеен укреплял койси своей могучей магией. Хура разматывал и сматывал перед ним бухты и складывал готовое. Плетение требовало сноровки, поэтому крючок доверяли только Куницам. Посланник тоже был незаметным. Остальные условились меняться, поскольку вода была

холодной, а однообразие действий утомляло. Вскоре и Авику пришлось затягивать стежки, Хуре таскать бухты, а Рему разматывать и сматывать.

Хура вдруг показался в ярко освещенном проходе, когда Авик, случайно взглянув в его сторону, сперва не узнал своего товарища. В его силуэте, вычертившемся на ярком фоне, снова была заметна какая-то едва уловимая странность, как тогда, в лесу близ хутора.

– Коготь, это опять ты прикидываешься? – крикнул ему Авик.

– Тяни концы, не болтай, – из-за спины огрызнулся Коготь.

Спотыкаясь о камни, Хура быстро приближался к ним. Тут Авик заметил, что его лицо перекосилось от ужаса.

– Там... там... этот разбойник убил Посланника, – прохрипел он. Авик только услышал, как моток вервья шлепнулся в ручей, и увидел, как мохнатая тень метнулась в сторону зала, пронзительно щебеча. Он бросился вслед за Когтем, Хура поспевал следом. Незаконченные койси валялись посреди залы, яркий свет постепенно угасал. Огромная фигура кеена была неподвижна. Посланник сидел, боком привалившись к стене и опустив на грудь голову с неподвижными, открытыми глазами. Руки безжизненно висели по бокам, повернутые ладонями вверх, словно вопрошая незримого собеседника. По его груди и бедрам струилась зеленоватая жидкость с ртутным отливом. Из груди торчал тонкий

осколок сталактита. Для того чтобы понять, что орудие убийства зачаровано неизвестной, враждебной магией, не нужно было читать «Глаз Нимбрана»: Авик чувствовал это так же сильно, как холод пещеры. Рем стоял над телом, вытаращив глаза, отвесив челюсть и растерянно расставив руки перед собой. Вдруг, словно черная молния ударила в него, сшибла с ног, и он покатился по полу, пытаясь разжать две зубастые челюсти, сомкнувшиеся на его горле. Клубок из ярких лохмотьев Рема и черной лоснящейся шерсти Когтя, покатился по каменному полу.

– Мы должны спасти сосуды! – закричал Хура, бросаясь к телу поверженного кеена. – Это наш единственный шанс!

Он засунул руку за пазуху мертвеца и в его руке блеснул измазанный зелено-ртутной кровью футляр. Вдруг уши заложило от истошного крика, Хура выронил футляр и закрыл голову руками: невесть откуда взявшийся попугай кружил вокруг мальчика, пытаясь выклевать ему глаза своим острым изогнутым клювом.

– Авик, помоги мне, – заорал Хура. Закрывая лицо ладонью одной руки, он беспорядочно водил другой в воздухе. Авик подался вперед и тоже замахал руками, пытаясь отогнать птицу. Тут Хура ловким движением схватил попугая за хвост и мгновенно свернул ему шею.

– ...Дыхание времени, – как будто договаривая начатую кем-то другим фразу, прошептал он, отбрасывая бездыханную тушку с бессильно обвисшими крыльями.

Авик как будто примерз к земле.

– Коготь, назад! – выкрикнул он так, что в горле засолонился кровавый привкус, – это не Рем!

Руку пронзила такая острая боль, что Авик закричал в полный голос и рухнул на пол. Борьба в углу тут же прекратилась, комок шерсти выпрыгнул вверх, зацепился за стену и два злобных зеленых глаза уставились на Хуру.

– Хорошо, – произнес Хура, оглядываясь вокруг, – я полагаю, нам следует поговорить.

– Убийца, – прохрипел Рем.

– Забавно слышать это от тебя, – ответил ему Хура. – Этот кеен хотел уничтожить *нас*, а *мы* уничтожили его. Он поставил свою жизнь на кон и проиграл. Разве это нечестно?

– А те несчастные, которых вы лишили Имен?! – воскликнул Авик.

– Да, для человека это выглядит чудовищным преступлением, – согласился Хура, – но если посмотреть на это с точки зрения вечности, то не все ли равно, умрет человек сегодня или через тридцать лет? Жизнь человека – мгновение для тех, кого ждет бессмертие. Этим людям выпала честь послужить орудием величайшей силы, какую когда-либо знала Вселенная. Разве этого мало?

– Зачем вам все это? – спросил Коготь. Он медленно слезал со стены, не сводя с Хуры пристального взгляда горящих зеленым огнем глаз. Он двигался так плавно, словно был ранен и боялся причинить себе боль слишком резким движе-

нием.

– Гармония, – мечтательно сказал Хура. – Когда весь мир подчинится Величайшему Существу, которое является теперь неотделимой частью бытия, мы наведем самый совершенный порядок, мир достигнет невиданного процветания...

– А что будет с нами? – хрипло спросил Рем.

– Покоритесь воле Сущего, и вам будет позволено обрести бессмертие в Астрале. Я смиренно просил Его о вашем спасении, и Он милостиво согласился ввести вас в число Избранных, тех кому сохранена будет их собственная воля.

– А Мавка? – воскликнул Авик.

– Она присоединится к нам, когда... когда больше не будет нужна Ему.

– Предатель! – крикнул Авик.

– Не будь дураком, – бросил ему Хура. – Я никого не предавал. Я помогу вам получить такое, о чем никто даже мечтать не осмеливается. Просто перестань мыслить жалкими мерками своей жизни и подумай о вечности и могуществе, которые ждут тебя.

Авик застыл с раскрытым ртом.

– И что же нам нужно сделать, чтобы присоединиться к Сущему? – спросил Коготь, осторожно опускаясь на пол и чуть наклоняясь вперед, словно чтобы лучше слышать.

– Вы должны будете погрузиться в сон и Он сам посетит вас. Он спросит у вас ваши Имена, и вы скажете их ему, и

откроется перед вами вся глубина Вселенной, и познаете вы тайное, и... – Хура в исступлении и восторге поднял глаза к потолку пещеры. Он набрал в легкие побольше воздуха, подбирая слова. В полумраке блеснула оскаленная в бесшумном броске пасть, челюсти с лязгом сомкнулись. В этот раз Коготь промахнулся мимо шеи – Хура все же успел закрыться рукой, и теперь пасть куницы терзала предплечье распростертой на полу жертвы. Пальцы с черными ногтями уперлись в лицо мальчика, другая рука вытягивала край его робы, так что ворот врезался в шею и поднимал подбородок. Задышающийся Хура пытался сопротивляться, но с каждым мгновением его движения становились все слабее. Вдруг, словно судорога прошла по его телу, одним, невероятно сильным ударом он отбросил Когтя к стене. Раскинув руки, тот медленно ополз на пол. Его покрытое темным мехом тело, оказавшееся вдруг маленьким и беспомощным, дернулось, словно в конвульсиях.

Хура на глазах переставал быть собой. Никаких видимых глазу изменений с ним не происходило, но было件нятно, что это уже не он и с каждым мгновением все меньше и меньше остается в нем от прежнего Хуры.

– Нет, нет, не сейчас, потом, – слабым голосом проговорил он, но последние слова потонули в рыкающих, клокочущих звуках.

Резко поднявшись, Некто, кто был раньше Хурой, схватил с пола футляр и, вытащив двумя пальцами красный сосуд,

с размаху швырнул его оземь и втоптал пяткой в каменный пол. Сосуд распался на множество мелких осколков, словно был сделан из стекла. Рык приобрел странный похихатывающий ритм, сквозь который слышались едва различимые слова «... который защитит внешний мир, и не позволит злобному разуму выбраться наружу из замкнутого им пространства». Какой-то камешек вдруг ударился о стену пещеры за его спиной. На какую-то секунду Некто замешкался, чуть повернул голову, и в этот момент поджарый человек в ярких лохмотьях, выскочив из-за груды камней, выхватил оставшийся сосуд из футляра и унесся куда-то в темноту. За ним тянулась алая дорожка из кровавых капель. Некто, кто был когда-то Хурой, сперва взревел от бешенства, но потом издал кашляющий смешок и неторопливо отправился за скрывшимся в темноте Ремом. Авик остался один. В сгущающейся темноте он слышал торопливые шаги спотыкающегося беглеца и неумолимую, тяжелую поступь преследователя.

Превозмогая боль в руке, Авик поднялся и заковылял по кровавому следу. Сзади доносились возбужденные крики Куниц, он махнул им рукой, судорожно припоминая все боевые заклинания, которые он учил в Школе и после нее. Боль в руке не позволяла ему приблизиться к тому, кто завладел телом Хуры, но тот освещал себе дорогу маленьким холодным огнем, и Авик не терял его из виду. Иногда до него долетали обрывки рыкающих рулад, иногда – отдельные слова.

Они быстро двигались вперед. Прошел час, затем – другой. Суетливые шаги становились все слабее, кашляющий смех звучал все чаще.

Холодный огонь впереди остановился. Отставив руку назад, подальше от источника боли, и что есть силы сжав зубы, Авик подался вперед. Зала, в которую он попал, показалась ему чем-то знакомой. Рем сидел, привалившись спиной к каменной плите, зажимал руками окровавленное горло, и судорожно двигал ногами, разгребая мелкие камешки на полу. Некто остановился прямо над ним, торжествующе скрестив руки на груди.

– Щенок, – пророкотал он, – ты хотел в одиночку добраться до Резервуара? Дай мне эту дрянь и я, возможно, пощажу тебя. Ты еще можешь мне послужить.

Тот, кто когда-то был Хурой, протянул вперед правую руку ладонью вверх. Рем никак не отреагировал и не прекратил сучить ногами.

– Ах ты, паяц, – пророкотал Некто, и с размаху наступил на ноги сидящего так, что у того хрустнули кости. Крик боли огласил пещеру. Но этот крик не мог заглушить того, что только что скрывал звонкий стук камешков. Откуда-то издалека доносился еле слышный перебор, как будто бы яйцо неторопливо катилось по железному листу. Некто вскинул голову и издал такой рев, что казалось, дрогнули стены. Одним легким движением он отбросил окровавленного Рема, словно соломенное чучело. Тот отлетел шагов на десять. За

его спиной открылось отверстие обрубленной нитки, питавшей когда-то Резервуар Хоривской Школы Магии. По ней, то ускоряясь, то замедляясь, катился вниз, прямо в сердце Мароджара, смертоносный дар народа Шон. Некто, не переставая рокотать, резко повернул голову и уставился на Рема, а потом так же резко – на Авика. В глазах его, прежде непроницаемых, сквозил ужас.

– Глупцы, без купола это колдовство распространится на всю Вселенную! Вы разрушили весь мир, – неслось сквозь рокот и кашель. Авик видел, что он пытается использовать телекинез, но у него не выходит. То ли сосуд уже слишком далеко, то ли нитка слишком извилистая. Некто упал на колени и, засунув в отверстие руку по самое плечо, забил ногами по полу так, что камешки полетели во все стороны. – Я уничтожу вас сразу, как только сосуд будет разбит... Вы и память о вас да будет стерта во веки... Ваши души не будут жить во мне... Вы недостойны этого... – бормотал он, когда далекий сосуд замедлял свое движение, когда же он ускорялся, все тонуло в грубом клочкотании.

Еле слышно стал пробиваться сквозь рев, звонкий, мальчишеский голос:

– Абсолютное знание... само совершенство... бессмертие... бесконечное могущество... единение... гармония...

Истинные Имена вдруг поплыли и заплясали перед глазами. Весь мир погрузился в яркую, ослепительную темноту. Тьма стала светом, а свет – тьмой.

Авик открыл глаза. С потолка темной пещеры ему за шиворот капала вода. Рука больше не болела. Он ощупал запястье – все прошло, кажется, даже шрама не осталось. Он попытался зажечь холодный огонь и не смог. Магии не было. Глаза привыкли к темноте, и он понял, что она не абсолютна. Резервуар Мароджара все еще мерцал где-то внизу, на почти недосыгаемой глубине. Из глубины пещеры раздался протяжный стон. Он с трудом поднялся и, ощупывая дорогу руками, на четвереньках пополз на звук. Рем лежал в какой-то липкой луже и хрипел. Авик сорвал с себя нижнюю рубашку, порвал ее на полосы. С трудом он нащупал шею раненного и наложил повязку.

– Нога, – раздался хриплый голос. Так и есть, нога была сломана. Авик поднялся, соображая, где бы в пещере найти пару крепких палок, чтобы сделать шину, когда из прохода в зал всплыло яркое пятно факела. Двое Куниц шли впереди, за ними попевала Мавка.

– Сюда, – крикнул Авик. Те приблизились. Девушка обвила его шею руками и поцеловала в губы.

– Я свободна, – шепнула она ему на ухо, – свободна!

Она повернулась к сидящему на полу Рему и чмокнула его в щеку. Он застонал.

– Нужно сделать... – начал Авик, но его прервал возбужденный лающий гомон. Куницы указывали в сторону обрубленной нитки. На земле, все так же раздвинув ноги, лежало

тело Хуры. Его глаза были открыты, но смерть еще не свила в них своего гнезда. Один из Куниц перепрыгнул на камень рядом с ним и щелкнул когтистыми пальцами перед самым его носом. Хура моргнул. Другой Куница оскалился, зарычал и двинулся по направлению к неподвижно распростертому телу.

– Оставь его, – раздался глухой усталый голос. Коготь, поникший и постаревший, выступил вперед из темноты. Из пасти капала кровь, половины зубов не хватало, нижняя часть лица была помята, как будто ему долго и не слишком умело вправляли выбитую челюсть. Окровавленную правую руку он прижимал к животу, а левой опирался на здоровое плечо другого Куницы, того, который был ранен стрелой на галерее. Заклятие, наложенное кееном на его рану, теперь испарилось, как и все заклятия на свете, и он снова не владел пробитой конечностью. Маленькими аккуратными шажками Коготь приблизился и осмотрел тело. Правая рука Хуры все еще была вложена в отверстие нитки. Куница попытался оттащить мальчика, но не тут-то было.

– Глянь-ка сюда, кажется, в нашем отряде одноруких прибавление, – проворчал Коготь. – Это придется отнять.

Авик похолодел. Стремясь поймать катящийся вниз сосуд, Некто так сильно вытянул хурину руку, что у плеча она стала толщиной в мизинец. На сколько локтей вытянулась она в безнадежной попытке спасти мир, а точнее – погубить его? Ее теперь не достать, нитка слишком извилиста. Да и

что делать с рукой, превратившейся в шест?

– Магия погибла, но материя устояла, – сказал Авик и через секунду пожалел об этом. Слова прозвучали так же неуместно, как здравица на похоронах.

– Да, не погибла она, – сказал Коготь, – прислушайся к себе. Истинные Имена звучат, только по-другому.

Авик прислушался, и точно – Имена были здесь. Но привычная магия не действовала.

Рем снова застонал. Из двух черенков, на которые намазывали бухты бледного вервья, ему сделали шину. Черенки закрепили койси, они еще держали в себе какую-то память о прежней магии. Алебарду раскалили на огне и отняли хурину истончившуюся руку. Он не издал ни звука, ни когда хрустнула кость, ни когда рука отделилась от плеча, ни когда Куницы прижигали факелом странную маленькую культу. Мальчика поставили на ноги, он сделал несколько шагов и свалился, зацепившись ногой за каменный выступ в два пальца высотой.

Когда они выбрались на поверхность, был теплый августовский полдень. Легкий ветерок ворошил тонкие листики золы, кружившейся в воздухе словно снежинки. С ног до головы перемазанный в глине, Авик вышел на полянку перед входом в пещеру, расправил плечи и огляделся. У подножия холма темнел безжизненный силуэт выгоревшего кеенского фрегата. Корабль рухнул на бок с такой силой, что

наполовину ушел под землю. Вдруг под камнем Авик приметил открытую котомку. Каким-то чудом ее не тронуло огнем. Рядом лежал средних размеров топорик и моток веревки. Мальчик бросился к своей находке и извлек увесистый кувшин холодного кефира, три яблока и солидный каравай хлеба. Хорошо откусив от ароматной мягкой сдобы, он принялся вливать в себя кефир, и тут заметил, что из-за камня на него смотрят два больших удивленных глаза. Авик помахал глазам рукой, не отрываясь, впрочем, от своего занятия. Глина смазывалась с его губ, и по кефиру тонкими спиральными нитями поплыли коричневые разводы. Из пещеры, опираясь на три конечности, как хромая собака, выполз Коготь. Покрытого толстым слоем грязи, его и впрямь можно было принять за животное. Он отряхнулся совсем по-собачьи, но потом протянул руку к кувшину:

– Дай-ка сюда.

Глаза за камнем в ужасе спрятались, но через мгновение появились снова.

– К-кто это? – спросил мужичок в крестьянской одежде, указывая пальцем на поглощающее кефир мохнатое существо.

– Скажи-ка, – ответил ему Коготь после паузы, вытирая глинистой рукой белые от кефира усы, – у тебя хозяйка, когда кефир делает, сливки, разве не отбрасывает?

– Отбрасывает, чего уж, сливки-то, – отвечал мужичок, – знамо дело, из сливок масло бьет.

Он нехотя вышел из-за камня, сделал шаг и вдруг бросился во весь дух вниз с холма.

– Топорик бы захватил, – укоризненно бросил ему вслед Коготь, – вещь-то, чай, на дороге не валяется.

Мужичок остановился, потом осторожно вернулся на вершину, подобрал топорик, веревку и снова пустился вниз в два раза быстрее прежнего.

– Искал чем поживиться на поле брани, храбрец, – хмыкнул Коготь. – Но кефир знатный.

И они пошли вслед за ним, вниз. Дорогу искать не приходилось: армия безымянных позаботилась о просеках. Тропы были протоптаны тысячами ног.

Теперь Мавка шла впереди с духовой трубкой в руке. За ней, опираясь на два костыля, прыгал на одной ноге забинтованный и бледный как смерть Рем, Авик вел так и не пришедшего в себя Хуру: время от времени его приходилось нести на себе. Замыкали шествие Куницы. На одной из полянок Коготь свистом приказал всем остановиться.

– Здесь мы должны расстаться, – сказал он, – чары иллюзии больше не смогут нас защитить. Наши тела, пертушки и койси, похоже, пока еще хранят следы прежних заклятий, но неизвестно, как долго это продержится и что случится с нами самими. Мы уходим в Северные Леса, туда, где нас не смогут достать, даже если мы потеряем всю нашу силу. Прощайте.

– Навсегда? – спросил Авик оборвавшимся голосом.

– Кто же в этом мире может знать, что поджидает его за поворотом? – Коготь ослабилась изуродованной пастью. – Я тоже привязался к вам, хоть вы и фабагоны.

Он сделал мимолетный взмах ладонью с загнутым безымянным пальцем, развернулся и вошел под сень леса. Авик смотрел, как удаляются сутулые черные фигурки, пока заросли кочедыжника не скрыли их. Широкие перистые листья продолжали колебаться, но скоро затихли и они.

– Пойдем, – тихо сказала Мавка.

И они побрели по освещенному солнцем сосновому лесу. Авик смотрел кругом и ничего не узнавал. Деревья, мхи, кустарники, жуки, мошки, букашки, все были на своих местах, но они уже не были прежними. Он больше не знал их Имен, он и своего-то Имени теперь не знал. Что будет теперь с ним, с его Астральной Картой, с его судьбой? Ледяным осенним ливнем за шиворот хлынул страх. Он чувствовал, словно его дыхание уносится куда-то вместе с холодным потоком, которому он не в силах противостоять. Пока он не видел впереди омута, но знал, что он обязательно попадет.

«Дун бы на моем месте не растерялся», – подумал Авик и живо представил себе, будто степняк косолапит рядом с ним на своих кривых ногах.

– Как видно, ни одна из предположения не оказалась верная, – сообщил ему воображаемый Дунже, увлекаясь и, как всегда, быстро теряя свой акцент, – ни идея, ни материя не являются первичная. Это как два конца одна палка. Нельзя

сломать ее так, чтобы получилась палка с одним концом. Их все равно будет два. Астральный мир Истинного Языка был уничтожен и возник вновь, правда, в совершенно неузнаваемом виде. Если же мы уничтожим мир материи, то возникнет ли он рано или поздно снова из мира идей? Хмм... Скорее всего, хотя для этого могут потребоваться тысячи тысячелетий...

Несколько успокоенный этим соображениями, и даже не столько ими самими, а скорее фактом их существования, Авик побрел туда, где окруженный каменными стенами и деревянными частоколами, стоит на крутом берегу славный город Хорив.

ЭПИЛОГ

– Нет, я больше не волшебник, – место тюрбана, некогда скрывавшего татуированную голову, теперь занимала меховая шапка с двумя лисьими хвостами, какие носят богатые степняки. Окладистая русая борода прикрывала шрамы на бычьей шее. Еще один свежий шрам тянулся через всю щеку, мочка уха была отрублена, но оставшаяся часть несла изящную серьгу с крупной голубой жемчужиной. Рем заматерел, раздался в плечах, под халатом степняцкого покроя играли могучие мускулы, – какой смысл быть волшебником, если магии больше нет?

Грубыми мозолистыми пальцами Авик потушил фитиль светильника, и сад погрузился в темноту. До них доносились только трели цикад, перестук короедов, подьедающих старые бревна. Прорезал ночное небо и сразу же смолк тревожный свист козодоя.

– Разве ты не чувствуешь? – нарушил Авик молчание, – магия здесь. Она существует, нужно всего лишь достать ее со дна того колодца, куда мы ее уронили.

– Стать книжным червем? Состариться ради того, чтобы добыть крупинку знания? Чтобы ученики наших учеников чего-то там такое совершили? Нет, это не для меня.

– А что вместо этого? Безлунная ночь, плащ и окровавленный кинжал?

– Нет, – по голосу было слышно, что Рем поморщился. – По прошествии лет понимаешь, что грубые методы слишком утомительны, и вообще эта работа быстро перестает приносить удовольствие. Торговля, мой дорогой, торговля – вот идеальный способ извлечения награбленного из крючкова-тых пальцев выдающихся деятелей нашего времени. Могу предложить самый широкий выбор товаров. Лекарства от воображаемых болезней, черепа кадавров, амулеты на все случаи жизни, подлинные мощи святых, которые, будь все их останки подлинными, должны были быть десятиговыми и тысячерукими чудовищами. Также в продаже имеются чучела несуществующих животных, свадебные портреты давно умерших девиц, карты исчезнувших стран, трактаты на никому не известных языках, и другие предметы первой необходимости. Любому скучающему вельможе достаточно просто отдать мне мешок золота, и он получит взамен прекрасную возможность пускать пыль в глаза таким же недалеким и тупоумным хвастунам, как он сам. Должен тебе по секрету сказать, я далеко не бедствую и тебе того же желаю.

– Рад за тебя, – улыбнулся Авик, – но у меня свое ремесло.

– Колдуешь? Получается?

– Да, – скромно кивнул Авик, – совершить восхождение на уже покоренную вершину намного проще, даже если прежняя тропа разрушена сходом лавины. Я уже подтвердил Шесть Опорных Правил Шогеста Брандото – они соблюдаются и теперь. Алфавит нынешнего Истинного Языка

несколько отличается, но я уже установил две руны...

– Не тяжело учиться ползать тому, кто раньше умел летать? – осторожно перебил его Рем.

– Мне – не тяжело, наверное, потому, что я никогда и не летал особенно высоко. И еще, я словно слышу голос, который диктует мне, что нужно делать. Словно это не я пишу, а кто-то другой водит моей рукой.

– Многие поэты говорят что-то подобное, – хмыкнул Рем. – Ты один это делаешь?

– Нет, мне Мавка помогает, а еще я взял двух воспитанников из числа хоривских сирот.

– Ты работаешь прямо здесь? – темнота скрадывала движения, но Авик почувствовал ток воздуха. Должно быть, перст указывал в сторону избы старого Нотии, где они с Мавкой жили уже пятый год.

– Да, здесь. Огорода нам вполне хватает. А еще у меня козы есть.

– Да уж, это я почувствовал, – хмыкнул Рем, и вдруг расхохотался собственной выдумке, – да ведь ты теперь – Его Высокомогущество грандмаг Хоривский! И козопас!

– Выходит, что так, – рассмеялся в ответ Авик, – кроме меня из волшебников здесь осталась только пара немощных стариков, но они уже ничего не делают, только жалуются.

– А как звучит твое полное церемониальное имя? Авехалия? Авессикар?

– Не поверишь, я и сам не знаю.

– А что же записано в книге в твоей деревне?

– Ты снова не поверишь, но кто-то вымарал мое имя так, что теперь и не разобрать.

– Его Высокомогущество Авик! – провозгласил Рем.

– Просто Авик, я не хочу этой всей пышности.

– Слушай, Авик, а я вот что подумал, развалины Школы стоят нетронутые, а ведь там есть добротные каменные постройки. Не хочешь взять их себе?

– Не думаю, что наш бей согласится отдать их мне. Да и зачем?

– Ваш бей? – удивился Рем, – а разве Брунигас больше не князь Хорива? Я не далее как вчера имел честь принять участие в торжественном пиршестве, посвященном пятилетней годовщине его последнего победоносного похода.

– После смерти Дунже наш доблестный князь так испугался войны со Степью, что сразу же отослал свою корону и скипетр Западному Хану в знак вассальной преданности. Жаралгаал принял его присягу, так что мы теперь подданные Западного Ханства, хотя ни один всадник за пять лет так и не появился в окрестностях Хорива. Я уверен, что тот пир, на котором ты «имел честь», в официальном послании нашему милостивому владыке будет обозначен как празднование воссоединения Хоривского княжества и Западной Орды. Во веки веков, Урагша!

– Ах, вот оно что, а я-то все думал, откуда взялся такой странный, сумбурный церемониал, – расхохотался Рем. –

Кстати, ты знаешь, что Жаралгаал отправился?

– В поход?

– Само собой, в поход он тоже не раз отправлялся, но несколько более существенно то, что он отчалил в мир иной.

– А что с ним случилось? Я считал, что это Великий Хан при смерти.

– Э, нет. Великий Хан выздоровел и даже взял в свой гарем новую жену, а вот в Западном Ханстве происходит некоторая неразбериха. Я, если хочешь знать, гонец. Я только что вернулся с юга, моя татуировка больше не помеха в странствиях, поскольку Вечный Город захвачен, а Империи больше нет.

– То есть как нет?

– После Великого Крушения, как окрестили произошедшее летописцы, Империя лишилась большей части своей мощи, основанной на магии. Вдобавок она была ослаблена борьбой с безымянными и, в еще большей степени, параноидальными маниями, которые обычно завладевают умами бездарных властителей, когда те сталкиваются с трудностями. Множество достойных людей, магов, военачальников, отправились в изгнание или были казнены из-за мнительности Императора и интриг дворцовых приживальщиков, которые только и умеют, что сплетничать, завидовать и ненавидеть. Армия Западного Ханства стремительно подошла к городу с севера и уткнулась в закрытые ворота. Степняки сделали вид, что готовятся к длительной осаде, на первый

взгляд, совершенно безнадежной, поскольку с моря город не был блокирован, а следовательно, мог бы держаться бесконечно. Однако в первую же ночь три отряда всадников прорвались внутрь городских стен по руслам подземных акведуков, обмелевших из-за исчезновения магии. Про эти акведуки императорские сановники попросту забыли, занятые своими распрями. В результате город разграблен, Император укрылся в катакомбах, Империя пала...

– А библиотека Вечного Города? – Авик весь подался вперед.

– Ну, по крайней мере, ее не сожгли. Но теперь ведь это просто куча пыльного пергамента: заклинания-то не действуют.

– Не говори так, – рассердился Авик, – в этих книгах – полет мысли тех, кто их писал. Да, эти знания устарели, но они могут научить тебя искать верные пути...

– Извините, что ниц не падаю, Ваше Высокомогущество, – поддразнил его Рем. – В Вечном Городе бывших магов, таких ярких как ты, осталось всего-то несколько десятков. Они ходят в лохмотьях и питаются объедками. Остальные выжившие теперь занимаются более респектабельными занятиями: они теперь знахари, гадатели, лозоходцы. В общем, жулики мелкого пошиба, сами верящие в свое жульничество... В лучшем случае там наберется с полдюжины шарлатанов высшего класса типа меня. Но Сейра Анафиосис, Орден Возрождения, как себя называют нынешние настоящие маги, со-

хранившие верность библиотеке, взирают на нас с таким потрясающим высокомерием... Видел бы ты эти немые лица, – Рем засмеялся. – Я, кстати, встретил своего бывшего хозяина. После Великого Крушения его протезы перестали действовать, и он снова стал калекой. Просил милостыню у городских ворот. Я отвел его на постоялый двор, отмыл, накормил, приодел. Так он, на беду, тоже оказался из этих возрожденцев. Когда я ему рассказал о своих приключениях, он швырнул мне мои деньги в лицо, так как я изменник и вероломный преступник, предавший Истину.

– И что же ты сделал?

– Я нашел немолодую вдову, порядочную женщину из недавно обедневших, дал ей денег, которых хватит и ей, и бедняге Изиодриусу до конца их жизни. Она поклялась заботиться о нем, не упоминая моего имени.

– Очень благородно с твоей стороны. А что же случилось с Жаралгаалом?

– Бедняга пал в неравном бою, как и полагается герою. Дело было так: степняки из личного ханского отряда разграбили императорский дворец, особенно налегая на винные погреба. Запах перегара, говорят, доходил до подножия Царского холма, на котором он стоит. Так вот, одним прекрасным утром воинам, тяготившимся тем, что внезапно закончилась выпивка, и тяжело страдавшим от головной боли, по чистой случайности удалось найти в императорских покоях потайную комнатку, доверху заставленную бочонками. По-

пойка возобновилась с новой силой, однако продлилась не слишком долго. К вечеру того же дня сам хан, его старшие сыновья и главные военачальники были мертвы. Одно слово – дикари.

– Яд?! – воскликнул Авик.

– Разумеется, что же еще, – пожал плечами Рем. – Теперь в Орде идет междоусобная война второстепенных сыновей Жаралгаала за ханский бунчук и секиру. Спорю на золотой слиток, что ваш Брунигас теперь отложится от Западного Ханства. А я-то, дурак, всё не мог понять, отчего он так обрадовался моему рассказу. Да, кстати, вчера он мне по-крупному проигрался в «шарик и хапок». И другие вельможи тоже. У меня теперь пол Хорива в залоге, – Рем алчно хихикнул. – А ты не хочешь получить Школу? Я выкуплю холм, развалины и восстановлю пару небольших палат. Тебе ведь много и не надо? Класс, рабочий кабинет и библиотека?

– А не боишься, что Брунигас найдет более дешевый способ погасить долг?

– О, нет, у меня хорошая охрана. – Он выкрикнул пару слов по-степняцки, тут же звякнуло огниво и из-за кустов смородины, держа в руках разгорающийся факел, вышла знакомая фигура в кожаной куртке мехом наружу и с белым плюмажем из конского волоса на островерхом шлеме. Степняк воткнул факел в землю и слегка поклонился, сжав перед собой ладони. За его спиной качнулся арбалет. Второй степняк возник, словно из ниоткуда, по другую сто-

рону кресла. В полутьме, в окружении своих телохранителей Рем теперь походил не на имперского франта, а на кочевого вождя. Он как будто еще и щурил глаза, чтобы усилить это сходство.

Авик встал и пробормотал какие-то слова приветствия. Кочевники снова учтиво поклонились и скрылись в темноте.

– Так как на счет Школы? – переспросил Рем, наслаждаясь произведенным впечатлением.

– Да мне и здесь неплохо, – отозвался Авик. – Хотя знаешь, что... давай, – добавил он после краткого раздумья.

– Верно мыслите, Ваше Высокомогущество.

– Да брось ты уже. Невелика честь быть Грандмагом Хорива и не иметь резервуара.

– Ну, нитку, можно и починить, помпы поправить...

– Ты что, разве, не слышал? Резервуар Мароджара перестал существовать, а подземелья снова обитаемы.

– То есть как?!

– А так – вода жизни ушла вскоре после Крушения, а под ее толщей обнажились новые, более глубокие ярусы. Жители Мароджара никуда не уходили, а просто зарылись еще глубже в землю. Они наполняли Резервуар на заброшенных верхних этажах. Зачем – не ясно. Возможно, на такой глубине уже довольно жарко, и нужно отводить лишнюю энергию. Теперь, когда их магия перестала действовать, они сами поднялись наверх. Впрочем, часть их волшебства по какой-то причине все еще работает. Они не одичали так, как одичал

Хорив.

– Может, они научат и нас... – Рем весь подобрался в своем кресле.

– Ага, после того, как мы бросили сосуд народа Шон в то место, которое они считали своей выгребной ямой, чуть не уничтожили их самих и заставили вернуться в пещеры, заброшенные ими тысячелетия назад – конечно, они так и кинутся тебя учить.

– А ты пробовал, говорил с ними?

– Я – нет. Мне довелось побывать там еще один раз, ведь я обещал поднять наверх тело учителя. Мы спустились в колодец по веревочной лестнице, нас было восемь человек – четверо дружинников, я, да трое случайных людей, но... Когда я обнаружил, что галереи, колонны и все эти статуи очищены от натеков... честно сказать, я изрядно перетрусил... Я и еще двое немедленно поднялись наверх, а остальные пятеро пошли дальше, и больше их никто никогда не видел.

– Неужели и наш мохнатый друг не пробовал навести мосты? – спросил Рем, и Авик услышал, как он теревит волосы, покрывающие следы от зубов на шее.

– Коготь, конечно, примчался сразу же, как только узнал эти новости про Мароджар. Я говорил с ним всего один раз, и он был очень разочарован. Настолько, что даже не сообщил мне никаких подробностей. Без сомнения, он остался жив, но что-то отвадило его от подземелий.

– Он теперь, небось, весь облез?

– Не знаю, он разговаривал со мной из кроны дерева, так что я не видел, на что он теперь стал похож. И еще знаешь что... он сказал, что тоже видел сны тогда в пещере. Тоже слышал этот голос.

На несколько минут воцарилось молчание.

– Послушай, Рем, – нарушил его Авик, – у тебя ведь тоже они были, правда же? Только не отпирайся.

– Ну, были, и что? – нехотя потянул Рем.

– Когда я думал о том, кто может быть...

– ...предателем, то прежде всего тебе на ум приходила моя скромная персона, – бархатным голосом продолжил его мысль Рем. – Не сомневаюсь. Ведь это я спас тебя и твоих друзей, когда вы попали в лапы к начетчикам, залез ради общего дела в самое неудобное место на свете, и конечно же, только я мог быть способен на измену. Это, наверное, второй закон аситемари: чем больше добра ты делаешь для людей, тем больше они тебя подозревают в подлости и предательстве. Небось, тебе не очень-то нравится представлять, как твой щегол губошлепил своему демону о том, где мы ползем, как опрокинул склянку с водой жизни в пещере, как покромсал веревки на привале, как засадил штырь под ребро долговязому, – Рем говорил все громче и громче, последние слова он выкрикнул во все горло. В курятнике завохтала проснувшаяся несущка.

– И все-таки, почему? – выдавил из себя Авик, скорчившийся в своем кресле и втянувший голову в плечи.

– Почему-почему. Потому, что я слишком дорого заплатил за свою свободу, чтобы отдать ее вот так, за бесценок, – рывкнул Рем. – Свобода либо есть, либо ее нет. Тот, кто соглашается отдать хоть на волос своей воли, рано или поздно непременно попадает под ярмо. Хура твой пришел в себя?

Авик отрицательно покачал головой.

– Нет, как и все выжившие безымянные, он способен только на самые простые действия: сон, ходьбу, жевание, глотание...

Рем замычал в знак того, что его суждение о свободе нашло в этом факте очевидное и немедленное подтверждение. Снова повисло молчание, и Авик услышал, что его гость зарезал в кресле, словно собираясь уходить. Чтобы несколько сгладить обстановку он спросил:

– А что случилось с Летающими Островами?

– Связь с ними потеряна, вероятно, они тоже погибли. Кетем Цорус, столица Союза и самый крупный из всех Островов, рухнул в океан где-то у западных границ того, что раньше было Империей. Про остальные я не знаю.

Рем зажег светильник.

– Кстати, хочу показать тебе еще кое-что, возможно, имеющее некоторое отношение к нашему будущему, – он порылся за пазухой и извлек оттуда небольшой фолиант. Поверх роскошного, инкрустированного драгоценными камнями кожаного переплета на фолиант была наклеена грубая металлическая пряжка в форме руки с отрубленным безы-

мянным пальцем.

– Из запретных подвалов библиотеки! – вскочил Авик.

– Да, их разграбили, как только была снята стража, – спокойно сообщил Рем. – Слишком много таинственности было вокруг этих подвалов. А эта книжка – еще и из личного собрания Иона Тревиана. Но в ней нет ничего запретного, это всего лишь «История Темных Веков» Йонтина Ашапу. Просто очень старое издание, возможно, прижизненное. Тут есть эпитафия, который в последующих списках был утрачен, видимо, в силу своей бессмысленности. Смотри.

Авик прочитал вслух по-имперски:

«В чем от учености польза в несчастные месяцы эти? Свет был белым вчера, и чернее древесного угля, тьма ползла по земле, сея ужас во имя порядка. Серой мглою туманной затмилось светило познания. Ночь развеялась утренней дымкой морозной, и с нею – злая тьма словно капля цикуты в колодец упала».

– Автор не указан. Хмм... – потянул Авик.

– Вряд ли это сам Йонтин, в его время в моде были менее тяжеловесные формы.

– Думаешь, это кто-то из древних, не дошедших до нас? – спросил Авик.

Рем пожал плечами.

– Серой мглою туманной покрыт сей вопрос, – ответил он. – Только если это и впрямь кто-то из древних, то понимаешь, что это значит? Уже не в первый раз свет становится

тьмой, а тьма светом, и, скорее всего, – не в последний. Стоит ли приближать следующую развязку?

Они снова замолчали. Молчали так долго, что светильник успел погаснуть. Они не тяготились этим молчанием. Рем уже поднимался, когда Авик задал свой последний вопрос:

– Ты нашел брата?

– Нет, – одними губами ответил Рем, – но я знаю, что он жив.

Этой ночью Авик не спал до самого утра, слушал цикад и глядел на звезды. Рассвет уже занимался, когда он вошел в избу и по деревенской привычке забрался на печь. Зарывшись лицом в благоухающую копну мавкиных волос, он немедленно погрузился в сон.

Ему снова снилось море и ступени, но теперь он удалялся от берега, поднимаясь все выше и выше на крутой, обрывистый холм. Спускались сумерки. Ступая по высушенной траве, он вошел в рощу невысоких деревьев со скудной листвой и короткими толстыми колючками, покрывавшими ветви и стволы. Здесь, прямо на траве сидело несколько человек, он не мог сказать точно, сколько их было. Мелькали знакомые лица.

Дунже кивнул ему с улыбкой, обнажив крепкие белые зубы. Оноди Нотия почесал бороду, едва-едва тронутую сединой. Из-за его плеча Авику улыбнулась незнакомая женщина с густыми черными волосами, заплетенными в две густые косы, смуглой кожей и разлетающимися крыльями густых бро-

вей. Еще одна черноглазая женщина смотрела прямо на него с тонкой, едва заметной улыбкой на полных красных губах и глазами, полными внимательного счастья. Неподалеку от нее, вполоборота к Авику, громоздились две фигуры очень высоких людей, с двух сторон подпиравших своими спинами ствол колючего дерева. Правильные подвижные лица, живые черные глаза.

– Мы победили? – обратился Авик к тому, чье лицо обрамляла завитая в правильные колечки черная борода, скрывавшая скошенный назад подбородок.

– Выиграли время, – едва слышно отвечал кеен, – он снова загнан в глубины мироздания, как и тогда, в начале Темных Веков, но он не *меризи етербори*. – Каким-то образом Авик знал, что это значит «заперт в пространстве, откуда нельзя выбраться».

– Он снова выйдет наружу? – спросил он.

– Непременно.

– Сколько времени у нас есть?

– Может быть, десять лет, а может быть, десять столетий, этого никто не может сказать.

– Что же нам делать?

– Начинать всё сначала. С нуля. Бежать наперегонки со временем.

При последних словах кеена, высокий и задумчивый молодой человек с аккуратно подстриженными усиками под орлиным носом встрепенулся и посмотрел на Авика, но тут же

отвел глаза и снова погрузился в свои размышления. Авик почему-то им вдруг заинтересовался. Не обращая ни на кого внимания и глядя только на горбоносого, он сделал несколько шагов вперед. Разглядывая собственные пальцы, тот монотонно, словно по написанному, бормотал слова, показавшиеся Авику знакомыми: «Я всегда считал, что сомнения в правильности выбранного пути – удел людей слабовольных. Тем удивительнее, что сейчас, когда один мой триумф следует за другим, меня снова и снова посещают трусливые мысли. Я свято верю тому, что говорит Дитя. Прочь глупые ограничения, прочь разглагольствования неучей. Я вижу будущее во всем его сверкающем великолепии. Что значит в сравнении с этим та жалкая цена, которую я обязан платить? Правила, сочиненные людьми, ничтожны в сравнении с законами Вселенной. Должен ли служитель Разума соблюдать их? Конечно, нет. Мир жесток и страшен. В этом океане скорби, моя доля – лишь несколько капель воды, солоноватой от слез. Но эта крохотная жертва позволит нашему кораблю преодолеть все опасности морского путешествия и войти в райскую гавань невероятного будущего. Когда я перечитываю работы Учителя, мне становится легче. Он был непоколебим как скала, и принял свою страшную смерть, ни разу не усомнившись. Еще я видел во сне лицо матери. Она смотрела на меня с гневом и испугом, как будто я и не был ей сыном. В такие минуты мне тоже становится страшно. Я возвращаюсь к своему труду, к этим чудным явлениям и чи-

стым истинам, снова слышу голос Дитя, и страх отступает, словно предрассветная мгла тает перед восходящим солнцем. Я рожден созидать, и моя счастливая звезда, всю жизнь безошибочно ведшая меня к вершинам знания, не позволит мне оступиться. Дитя – плоть от плоти моего разума, и оно не может заблуждаться, как и мой разум, породивший его. Я укрепился лишь в том, что человек может стать хозяином мира, но не хозяином собственного сердца. Сердце слепо к свету Истины. Страх и сомнение иссушают его. Лекарь подвергает больного мучительным операциям, которые спасают жизнь. Мой разум – мудрый лекарь, а сердце – больной, капризный, мнительный и суеверный. Я должен мужественно пройти путь излечения. Однажды боль уйдет и забудется так, как будто ее никогда и не было. И всё же, и всё же...»

Горбоносый сделал паузу и снова поднял глаза на Авика. Они узнали друг друга. Горбоносый вскрикнул, как от боли, и снова уставившись на свои пальцы, начал повторять те же самые слова дневниковой записи. Авик повернулся и пошел обратно к морю. Он остановился над обрывом, слушая прибой и глядя на погружающуюся во мрак водную гладь. На западе, в самом конце солнечной дорожки, на огромной глубине, укрытый магическим куполом, сверкал огнями далекий и таинственный кетем Цорус. А может быть, это всего лишь последние лучи заката так причудливо преломлялись где-то в зеленых безднах океана.